

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Институт истории и международных отношений
НОЦ «Региональное культурно-историческое наследие
и кросс-культурные связи»

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Под редакцией А.В. Гладышева

ВЫПУСК 1

Саратов
Издательство Саратовского университета
2010

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43
И90

История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред.
И90 А.В. Гладышева. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2010. – Вып. 1. – 280 с.: ил.
ISBN 978-5-292-03996-9

Первый выпуск межвузовского сборника научных трудов посвящен актуальным вопросам отечественной и зарубежной истории Нового времени, связанным с проблематикой исторической памяти. В тематических разделах рассматриваются модели исторической памяти, взаимодействие политики и истории, власти и общества, механизмы формирования массового сознания, возможности биографической реконструкции. В специальном разделе впервые публикуются документы личного характера известных отечественных историков.

Для специалистов-историков, политологов, философов, социологов, студентов и аспирантов, всех интересующихся актуальными проблемами исторической памяти.

Редакционная коллегия:

Д-р ист. наук, проф. *Т.А. Булыгина*, д-р ист. наук,
проф. *Е.А. Вишленкова*, д-р ист. наук, проф. *А.В. Гладышев* (отв. редактор),
канд. ист. наук, доц. *Д.Е. Луконин* (зам. отв. редактора), канд. ист. наук,
доц. *В.А. Соломонов*, д-р полит. наук, проф. *Н.И. Шестов*, канд. ист. наук,
доц. *А.В. Баранов* (отв. секретарь)

Рецензент

Доктор исторических наук, профессор *В.Н. Данилов*

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43

ISBN 978-5-292-03996-9

© Саратовский государственный
университет, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы теории и вопросы практики	
<i>Булыгина Т.А.</i> Модели исторической памяти в воспоминаниях о войне	5
<i>Шестов Н.И.</i> Память историческая и память политическая: структура политико-мифологической связи.....	20
История, власть и массовое сознание	
<i>Донин А.Н.</i> Учебники истории: прошлое и настоящее.....	31
<i>Мионов С.П.</i> Идеологические аспекты коммерческой теории «систематической колонизации» (на примере деятельности Новозеландской компании в 40-е гг. XIX века)	40
<i>Баранов А.В.</i> Влияние исторической памяти на формирование внешней политики Исламской Республики Иран.....	51
<i>Майорова А.С.</i> Социальная память и ее составные элементы (по материалам письменных источников Саратовской губернии конца XVIII–XIX веков).....	64
От политики забвения к политике памяти	
<i>Хасин В.В.</i> Интеграция «ритуальных» мифологем в общественную ментальность и историческую память российского социума в XIX–XX веках	75
<i>Галямичев А.Н., Касович А.А.</i> Гуситское движение в почтовых миниатюрах	92
Биографика	
<i>Гладышев А.В.</i> Юность дипломата: Ш.Э. Жене	97
<i>Луконин Д.Е.</i> Проблемы биографической реконструкции (на примере биографии мецената М.П. Беляева)	133
<i>Малов Н.М., Павлова Л.С.</i> Профессор Павел Сергеевич Рыков – первый декан исторического факультета Саратовского университета (к 125-летию со дня рождения)	153

Степанов Ю.Г. Фольклорный злодей и Рождество Христово
(несколько слов о нашей исторической памяти) 178

Публикации

<i>Синицын А.А.</i> Доцент Саратовского университета Иван Иванович Вейцковский	192
<i>Синицын А.А.</i> Автобиография И.И. Вейцковского (Публ., вступ. статья А.А. Синицына; коммент. А.А. Синицына и В.А. Соломонова)	231
<i>Соломонов В.А.</i> «Истфак уверенно набирал силы» (воспоминания Р.А. Таубина о довоенной жизни исторического факультета Саратовского университета).....	239
<i>Таубин Р.А.</i> К истории истфака Саратовского университета имени Н.Г. Чернышевского (Публ. и коммент. В.А. Соломонова)	244
<i>Быкова В.А.</i> О времени и о себе	261
Сведения об авторах	274
Список аббревиатур и сокращений	276

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ

УДК 930.1

МОДЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ВОСПОМИНАНИЯХ О ВОЙНЕ

Т.А. Булыгина

Ставропольский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: tambul1@mail.ru

В статье анализируется механизм формирования образов Великой Отечественной войны в коллективной памяти, заложенных в индивидуальном сознании представителей различных социальных групп и поколений под воздействием государственной модели истории войны. Предпринята попытка определить ключевые особенности, маркеры личной и официальной памяти о войне. Сравниваются плакатные образы Великой Отечественной войны, характерные для советской эпохи, и современные индивидуализированные образы войны, детерминированные личным или семейным опытом.

Ключевые слова: историческая память, историческое сознание, социальная память, конструирование памяти, национальная идентичность, интеллектуальная и культурная история, маркеры коллективной памяти, образы прошлого в массовом сознании.

HISTORICAL MEMORY MODELS IN WARTIME EYEWITNESSES TESTIMONIES

T.A. Bulygina

In article the mechanism of formation of images of the Great Patriotic War in the collective memory, the representatives of various social groups put in individual consciousness and generations under the influence of the state model of history of war is analyzed. Attempt to define key features, markers of personal and official memory of war is undertaken. Poster images of the Great Patriotic War, characteristics of the Soviet epoch, and the modern individual images of war determined personal or family by experience are compared.

Key words: historical memory, historical consciousness, social memory, memory designing, national identity, intellectual and cultural history, markers of collective memory, images of the past in mass consciousness.

Некоторые исследователи-гуманитарии не приемлют понятие «историческая память»¹, и уже это отрицание феномена исторической памяти само по себе является следствием актуализации данной проблемы. Более того, как свидетельствует современная социально-гуманитарная литература, к изучению памяти в последние десятилетия проявляется повышенный интерес, как в науке, так и в социуме². На наш взгляд, это связано с новым этапом в осмыслении современного состояния человеческого сообщества, когда многие традиционные представления не в состоянии объяснить глобальные перемены в мировом, национальном и локальном развитии, когда игры постмодернизма оказались бессильными оправдать целесообразность существования земной цивилизации. Потребность в новых смысловых конструктах звучит в современных вызовах на всех уровнях социума, и в первую очередь это касается такого символического построения, как память о прошлом.

Истолкование исторической памяти многообразно в силу разных контекстов, в которые авторы погружают этот термин. Помещенный во властный контекст, этот термин в описании Д. Андреева и Г. Бордюгова приобретает контуры пространства, которое власть конструирует в зависимости от своих интересов и потребностей исторического момента³. К ним приближается толкование «социальной памяти» Дж. Тошем. Правда, при этом он оговаривает, что историческая наука в отличие от власти и общества «стремится поддержать максимально широкое определение памяти и придать

¹ Так, авторы учебного пособия по социологии считают, например, понятие «историческая память» избыточным, как продукт идеологизации общества (см.: Савельева И.М., Полетаев А.В. Социология знания о прошлом. М., 2005. С. 269).

² См.: Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003; Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом в высоких культурах древности. М., 2004; Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа. М., 2005; Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени. М., 2003.

³ См.: Андреев Д., Бордюгов Г. Пространство памяти: Великая Победа и власть. М., 2005. С. 7-10.

ему максимальную точность, чтобы наши знания о прошлом не ограничивались тем, что является актуальным в данный момент»⁴.

Несмотря на разнообразие мнений, очевидна прямая зависимость исторической памяти от социальных потребностей современности и ее инструментальный характер в процессе интерпретации исторической судьбы и перспектив того или иного социума. Это касается и науки, так как, несмотря на стремление к историзму, к самоценности прошлого как объекту научного анализа, профессиональная историография также не свободна от политических и социальных пристрастий современного ей мира. Не свободны от вызовов своей эпохи и творцы историографии, поскольку даже те из них, кто полностью погружен в чистую науку, остаются детьми своего времени. Отмежевываясь от социальной памяти, как историк-профессионал, Дж. Тош признает объединяющую функцию исторической памяти. Он считает, что любое общество обладает коллективной памятью, которая сосредоточивает в себе социальный опыт поколений и служит опорой идентичности этого социума⁵. По всей вероятности, в последнее время в мировом сообществе появилась потребность в уточнении национальных и других групповых идентичностей перед лицом всё поглощающей глобализации.

Проблемы изучения коллективной и индивидуальной памяти в историческом контексте востребованы и в связи с новыми исследовательскими подходами к изучению исторического прошлого. В частности, одним из востребованных направлений в исторической науке стала интеллектуальная история, в русле которой объектом изучения становится процесс осмысления тех или иных исторических событий индивидуумом, группой или социумом в целом, механизм создания образов прошлого в общественном, массовом или индивидуальном сознании. Память о прошлом, или историческая память, в этом случае рассматривается как конструкт, рожденный сознанием, который принципиально отличается от самого прошлого, ибо потомки наполняют прошлые события новым смыслом. Именно это имел в виду А.Ф. Лосев, когда считал, что поскольку «история есть становление фактов *понимаемых*, фактов *понимания*, она всегда есть еще тот или иной модус *сознания*». Факты, приобретаемая в слове смысл, становятся фактами сознания и самопознания⁶.

⁴ Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000. С. 12.

⁵ См.: Там же. С. 11.

⁶ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 2008. С. 192, 197.

Авторы одного из современных учебных пособий по методологии истории, раскрывая процесс формирования исторической памяти и механизмы ее функционирования, обращают внимание на неоднородность исторической (коллективной или социальной памяти), обращают внимание на то, что она не является суммой личных опытов, но проистекает из опыта, пережитого и прочувствованного индивидуумами, составляющими общество⁷. Вместе с тем многослойность феномена исторической памяти определяется не только разнообразными целями, преследуемыми властью в манипулировании ею в разные исторические периоды, но и намерениями тех, кто создает и отражает образы прошлого. Такое многообразие исторической памяти отчетливо проявляется при сравнении картины прошлого, сложившейся у профессионального историка и любителя истории, у очевидца событий и слушателя или читателя воспоминаний.

Одна из форм корректировки исторической памяти – юбилей событий, которые в зависимости от потребностей власти и интереса социума могут замалчиваться или оживляться для придания нужных акцентов тому или иному событию прошлого на потребу настоящему. В истории каждого народа есть историческое событие, которое концентрирует в себе возможности, с одной стороны, консолидации общества, а с другой – манипуляции массовым сознанием. Для России это Великая Отечественная война. Поэтому и сегодня память о Великой Отечественной войне остается наиболее востребованной как российским социумом, так и отечественными историками. Попробуем проследить разнообразие слоев индивидуальной и коллективной памяти о войне в интерпретации разных поколений, в разных репрезентациях свидетельств прошлого и о прошлом, в разных видах источников, разном темпоральном приближении (или отдалении) к событиям войны. С этой целью обратимся к двум изданиям. Одно из них представляет сборник интервью, взятых у представителей различных поколений начала XXI века⁸. Другая книга включает собрание источников устной истории, которые раскрывают природу современной памяти социума о войне⁹.

⁷ См.: Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004. С. 11.

⁸ См.: Никто из нас войны забыть не сможет. Студенты и преподаватели Ставропольского государственного университета: В 3 кн. Ставрополь, 2005.

⁹ См.: Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. СПб., 2008.

В первом случае перед нами предстает типичный продукт юбилейной памяти – публицистичность изложения, акцентуация на героизме, мужестве и отваге героев интервью. В самом названии – «Никто из нас войны забыть не сможет» – содержится элемент общенациональной идентичности россиян – бессмертие героического образа войны как символа нации. Первая книга этого трехтомного издания, состоящая из портретов ветеранов, написанных в основном студентами-журналистами и историками, наиболее ярко отражает стереотипы коллективной памяти о войне. Эти нарративы подчеркивают отважность их героев, описывают их подвиги в стиле официальной идеологии советского времени. Именно по принципу «поучительной» истории формировался «юбилейный» образ войны и в позднесоветский период. Ветераны боевых действий становились живым примером для воспитания советского патриотизма, а их жизнеописание – методом формирования такой модели исторической памяти о Великой Отечественной войне у населения, особенно у молодежной его части, которая соответствовала бы текущим задачам власти в области социального контроля.

Официальные маркеры исторической памяти накладываются в текстах воспоминаний на представления, которые сохранились в индивидуальной памяти, и оказывается, что характер воспоминаний конкретного индивидуума зависит не столько от общепринятого в данном социуме образа прошлого, сколько от социального статуса вспоминающего, его образования, его психологического склада. Так, потомственный председатель колхоза, депутат Ставропольской краевой думы, руководитель одного из ее комитетов А. Богачев вспоминает как самое страшное не тяжелый труд 12-летних мальчишек военного лихолетья, даже не пребывание отца на фронте, а время оккупации, когда семья председателя местного колхоза была «записана на уничтожение»¹⁰. В воспоминаниях о войне явно прослеживаются современные политические предпочтения этой социально активной личности. Вспоминая письмо отца из Будапешта, где наша часть столкнулась в бою с войсками РОА, он восклицает: «И разве могу я признать трехцветный флаг своим, если отца моего убивали под этим флагом?»¹¹. Такая актуализация образов прошлого связана не только с прошлым социальным статусом автора воспоминаний, но и с его современным общественным положением, которое заостряет внимание А. Богачева на современных

¹⁰ Никто из нас войны забыть не сможет... Кн. 2. С. 6.

¹¹ Там же. С. 5.

символах власти России. В то же время прослеживается, как вписываются в историческую память о войне современные представления о нравственных ценностях. Автор считает, что «все зависит не от нации, а от самого человека. Война показала, кто какой есть на самом деле»¹².

В памяти другого политика ставропольского масштаба А. Яшкунова образ войны связан с иным социальным статусом его семьи, а также с отсутствием собственного, пусть даже детского опыта военных лет. Отношение к событиям войны сформировалось в простой крестьянской семье, чей уклад мало изменился и в советские годы. Типичным образом десятков тысяч крестьянских семей была молитва, которую матери писали своим сыновьям, ушедшим на войну. Этот образ присутствует в тексте А. Яшкунова. Его дед по дороге на фронт выучил материнскую молитву, которая, по словам самого деда, спасла его от смерти¹³. Существенным фактором формирования индивидуальной модели исторической памяти у автора этого рассказа стало пребывание другого деда в плену. А. Яшкунов гордится смелостью своего предка, который трижды бежал из плена, что не помешало советским военным властям отправить его в штрафбат. Штрафбаты стали важным сюжетом в современной памяти о войне, демонстрируя равнодушное отношение советской государственной машины к своим гражданам. Именно это семейное обстоятельство актуализирует личную память в контексте сегодняшней официальной модели коллективной памяти, которая противопоставляет партийно-государственную власть и народный патриотизм. Дед, по мнению автора, не хотел умирать. «Он воевал за свободу своих родных, за право жить на своей земле, растить хлеб, воспитывать детей, а вовсе не за партию»¹⁴.

В обоих текстах присутствуют следы коллективной памяти о войне, сформированной в послевоенные десятилетия. Очерк А. Богачева открывается фразой, которая является типичной для образа народной памяти о том периоде: «Почти каждая семья кого-то потеряла в войну»¹⁵. Несколько ниже автор использует плакатный образ времен Великой Отечественной, ставший в исторической памяти символом единения власти и общества: «Все тогда: дети, старики и женщины – работали от темна до темна: *все для фронта*,

¹² Никто из нас войны забыть не сможет... Кн. 2. С. 7.

¹³ Там же. Кн. 3. С. 6.

¹⁴ Там же. С. 9.

¹⁵ Там же. Кн. 2. С. 5.

все для победы» (курсив мой. – Т.Б.)¹⁶. Следовательно, в исторической памяти советского периода выкристаллизовались маркеры устойчивых коллективных представлений о единении социума, которые модифицировали архетипические символы. В частности, это касается и образа Победы, которая в восприятии каждого и всех и в Кремле, и в каждой деревне была всенародной целью, и это представление прочно запечатлелось в исторической памяти: «Мы ждали Победу каждый день, и вот мечта целого народа сбылась!»¹⁷.

В рассказе А. Яшкунова также присутствуют клише прошлой модели памяти о войне. Он начинает повествование о долге перед «рядовыми Победы», которые «приближали ее на фронте и в тылу самоотверженным ратным и трудовым подвигом»¹⁸. Он употребляет понятие «трудовой фронт», когда рассказывает о военном детстве и юности своего отца.

Однако, в отличие от А. Богачева, А. Яшкунов порой использует эти шаблоны иронически. Так, рассказывая о том, как воевал его дед в штрафбате, он с горькой иронией заметил: «Искупил, как говорится, кровью»¹⁹. Одновременно вполне в духе современного типа исторической памяти, где великая Россия является носителем православной веры, автор счастливое избавление от смерти и деда, и своего отца связывает с божественным чудом: «Чудо только спасло, дар Божий»²⁰. Кроме того, не без влияния новой модели исторической памяти о советском прошлом А. Яшкунов связывает тяготы оставшихся в тылу сельских женщин с политикой сталинизма. Он вспоминает о том, что под страхом репрессий в семье не говорили о плене деда, о том, что бабушка боялась «тех “десяти колосков”, за которые и десять лет давали, и расстрел», а ведь надо было поднимать детей практически без государственной поддержки, потому что все шло на обеспечение фронта²¹.

Сквозь социальную ангажированность и стереотипы коллективной памяти просматриваются также признаки локальной памяти. Официальный образ врага в коллективной памяти существенно отличался от локального образа. Все зависело от конкретного опыта локального сообщества. Как показывает анализ воспоминаний жителей Ставрополя об оккупации этого края, образ оккупантов,

¹⁶ Никто из нас войны забыть не сможет... Кн. 2. С. 6.

¹⁷ Там же. С. 8.

¹⁸ Там же. Кн. 3. С. 5.

¹⁹ Там же. С. 9.

²⁰ Там же. С. 11.

²¹ Там же. С. 11–12.

предлагаемый официальной пропагандой, распадается на противоречивые представления, персонифицируется. Не стал исключением и рассказ А. Богачева. С неприязнью говорит он о полицаих и своей учительнице, которая предала старого партизана Гражданской войны и впоследствии ушла с немцами. Одновременно он описывает одного немецкого офицера, проявившего гуманность по отношению к местным жителям, предваряя это описание многозначительным и типичным для людей, побывавших в оккупации на территории Ставропольского края, замечанием: «И среди немцев всякие были»²². Аналогичный образ оккупации представлен и в тексте А. Яшкунова. Это – страх, разруха, голод. С одной стороны, «прятали девчат от немцев: было страшно, и ходили разные слухи. Война она и есть война...». Вместе с тем бабушка вспоминала, как однажды, когда семья была на грани голодной смерти, помог немец, живший у них в доме: «дал продуктов»²³.

Этот мотив «разных немцев» звучит во многих устных воспоминаниях очевидцев войны на Кубани и Ставрополье. Один немец кормил деревенскую девочку пышками и вылечил ей нарывы на ногах, в другой кубанской семье денщик расквартированного немецкого офицера подбрасывал им тайком тушенку в кипяток. Надо обратить внимание, что часто в устных воспоминаниях немцам противопоставляются «приспешники немцев». В условиях фронта – это «власовцы», в оккупации – «украинцы», «румыны», но не местные жители, пошедшие служить к немцам в полицейские роты.

Неизменным в коллективной памяти о войне на протяжении 65 лет осталось ощущение оптимизма и веры в победу. А. Богачев говорит, что, несмотря на трудные времена, «никто не отчаивался, победу ждал каждый. Верили все, поэтому люди и песни пели, и шутили»²⁴. А. Яшкунов вторит ему: «Мы и сейчас в семье вспоминаем, как они любили людей, любили жизнь, верили во все хорошее. Молодым стоит многому поучиться у этого поколения, особенно оптимизму»²⁵. Безусловно, что это ощущение оптимизма в исторической памяти порождено и тем, что военное время совпало с молодостью военного поколения. Однако очевидно и то, что социальный оптимизм – в особенностях формирования этого поколения. Недаром выдающийся русский философ и социолог А.А. Зиновьев, ко-

²² Никто из нас войны забыть не сможет... Кн. 2. С. 7.

²³ Там же. Кн. 3. С. 11.

²⁴ Там же. Кн. 2. С. 8.

²⁵ Там же. Кн. 3. С. 12.

торый был сам представителем этой генерации людей, писал, что эти люди умели действовать и не были равнодушны к окружающему миру²⁶.

Важной составляющей индивидуальной памяти о войне являются психологические ощущения, полученные на основе личного опыта, связанного не только с местом действия исторического события, но и с возрастными и индивидуальными особенностями. Нельзя считать, что в официальной модели эти ощущения отбрасываются. Часть их, как, впрочем, и часть образов локальной памяти, используется как сырье для акцентуации тех или иных моментов, важных при конструировании коллективной памяти, а часть неудобных образов просто игнорируется. Детские страхи и чаяния буквально наплывают на образы локальной и коллективной памяти. В истории А. Богачева – это ужас от наставленных на тебя немецких автоматов, «который потом еще долго преследовал в кошмарах». Это память о голоде и картофельных лепешках, которые крошились в кармане, о кружке молока, поданной незнакомой женщиной, вкуснее которого никогда после ничего не было. Это воспоминания о лошадях, которых пас в ночном, о молодом раненом лейтенанте, ставшем кумиром сельской детворы²⁷. В памяти 15-летней Р. Дворцовой сохранился образ немца, который все время играл на губной гармошке: «В Ставрополе немцы не воевали, они в гармошки играли»²⁸. У одной девочки-подростка самое страшное воспоминание связано было с тем, что не в чем было на танцы идти, когда немцы из села ушли, а другая вспоминала, как носила мешки груш-дичков из леса²⁹.

Однако даже индивидуальные воспоминания людей трансформировались в представления коллективной памяти. Не случайно во многих рассказах авторы ссылаются на фильмы или книги, увиденные и прочитанные ими после войны. Например, В. Подунов, служивший в морском десанте в годы Великой Отечественной войны, с улыбкой замечает, как их часть встречали в одном из сел Молдавии хлебом-солью: «Как показывают в фильмах»³⁰. В. Бурьянов, передавая ощущения молодых парней после объявления войны, явно использовал разные тексты – как песни предвоенных лет, так и книги периода «оттепели». Он говорил: «Потому что тогда было убежде-

²⁶ См.: *Зиновьев А.А.* Желтый дом. Б.м., 1980. С. 160.

²⁷ См.: *Никто из нас войны забыть не сможет...* Кн. 2. С. 7–8.

²⁸ *Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России...* С. 141.

²⁹ Там же. С. 169, 177.

³⁰ Там же. С. 35.

ние, что разобьем врага на его территории. Если завтра война – будь сегодня готов. <...> Поэтому мы думали, что война 2–3 месяца, и нам не хватит этой войны»³¹.

Наиболее характерные маркеры исторической памяти о войне – это образы начала и окончания войны, это оккупация и фронт, это история семьи в военное время. Свидетели и участники Великой Отечественной войны именно в рассказах о начале и об окончании войны наиболее единодушны. Что же касается общей тональности этих рассказов, то она также разнообразна и зависит от многих факторов. Вместе с тем из воспоминаний складываются некоторые коллективные образы. Для воспоминаний о начале войны характерно ощущение тревоги, печали, слезы женщин, а для воспоминаний о Дне Победы – радость, стрельба, гулянье, слезы радости. В. Подунов помнит, как объявление войны рассеяло очереди в магазины и воскресную толпу на бульваре Ставрополя: «Все рассыпались, все. Все по домам»³². А. Толстикова, как и многие другие, запомнил плачущих женщин после известия о войне: «женщины не своим духом плачут. Вот так и началась война»³³. Многие школьники встретили войну на выпускных вечерах. Так, В. Бурьянов играл в духовом оркестре на выпускном вечере десятиклассников: «пошли на берег, к морю, встречать рассвет, как сейчас. А встретили войну 22 июня»³⁴.

Когда же объявили Победу, то на фронте «стреляли и из пушек, и из автоматов, и из пистолетов»³⁵. Как выразился один информант, «естественно Победа – это всегда радость». Сообщение о ней сопровождалось шумом и гамом, а на следующий день в части был организован парад³⁶. Девятилетняя девочка ассоциирует День Победы с Пасхой. Ее мать готовилась к Пасхе, белила потолки и стены, когда вбежала плачущая соседка с криком «Война кончилась!», и на улице началось ликованье³⁷.

Чаще всего для образа оккупации характерен страх, порой уже внушенный пропагандой и слухами о поведении немцев в западных и центральных областях Российской земли. Распространенной была история, когда юных девочек родители заставляли сказатьсь больными, чтоб немцы не становились у них в домах. Об этом вспоминает и кол-

³¹ Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России... С. 90.

³² Там же. С. 41.

³³ Там же. С. 69.

³⁴ Там же. С. 91.

³⁵ Там же. С. 93.

³⁶ Там же. С. 121.

³⁷ Никто из нас войны забыть не сможет... Кн. 2. С. 44.

хозяйка, и профессор. Сельская жительница Н. Апалькова так рассказывает об этом: «Отец по слухам узнал, что если в доме больной человек, то они не становятся на квартиру. Я легла на кровать и охаю. Немцы: “Ком, ком, больной, больной!”. Поворачиваются и уходят». В городе Л. Егорова вспоминает, как бабушка и тетка «иногда показывали на меня, лежащую, и говорили – больная»³⁸.

Типичным в устных воспоминаниях являются рассказы о расстрелах евреев. Один очевидец рассказывает, как немцы собирали евреев по всему району, на колхозных дворах, как гнали босыми пешком в одно место, где и проводили массовые расстрелы³⁹. Л. Егорова в качестве приметы «нового порядка» вспоминает не только знакомого парня, который с гордостью начал носить белую повязку полицаю, но и то, как исчезали люди, «жившие на нашей улице евреи, как выяснилось потом, расстрелянные»⁴⁰. Среди общих рассказов о массовых убийствах евреев есть немало историй о конкретных знакомых – соседях, квартирантах, односельчанах, зверски расстрелянных оккупантами.

Одновременно в воспоминаниях побывавших в оккупации на Северном Кавказе немцы предстают не очень активной силой, скорее мародерами, а не жестокими убийцами. Один вспоминает, как отступающие немцы вместе с калмыками сняли с него, мальчика, валенки, другой – как требовали у матери «яйки» и «яйкину маму», как забирали колхозных свиней и коров⁴¹. Дело в том, что в ряде сел и хуторов Ставрополья немцы даже транзитом не проходили. Так, в селе Малая Джалга немцев было совсем мало: «Один или два их было, в сельском совете сидели»⁴². А. Толстиков тоже вспоминает, что в их селе Найденовке на Ставрополье «фактически немцы <...> не стояли»⁴³. Супруги Гончаровы вспоминают, что в их селе, чтобы немцы «издевались или что-то, такого не было», что жестокости по отношению к местным детям не было⁴⁴.

Таким образом, историческая память, как коллективная конструкция, отбирает из индивидуальной памяти о прошлых событиях

³⁸ Никто из нас войны забыть не сможет... Кн. 2. С. 50.

³⁹ См.: Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России... С. 103, 105.

⁴⁰ Никто из нас войны забыть не сможет... Кн. 2. С. 51.

⁴¹ См.: Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России... С. 73.

⁴² Там же. С. 50.

⁴³ Там же. С. 73.

⁴⁴ Там же. С. 103, 104.

в основном то, что больше соответствует государственной исторической модели, служащей злободневным политическим и социальным интересам. В то же время, как ни парадоксально, но «вторичные» воспоминания, т. е. повествования о войне на основе рассказов близких людей в меньшей степени загнаны в рамки привычных клише, содержат больше личностных восприятий. На наш взгляд, это обстоятельство связано не в последнюю очередь с изменившейся социально-политической атмосферой в стране в последние двадцать лет, когда сформировалось поколение идеологически индифферентных людей, для которых личная история важнее государственной. У современной молодежи отсутствует четкая картина прошлого, сложившаяся на основе схемы, созданной системой образования. Стремление же человека к цельности восприятия мира, в том числе и прошлого, приводит к тому, что частные образы войны воспринимаются как модель общего прошлого на основе ментальных установок о «наших» и «врагах», о жертвенности, терпении и мужестве народа.

Перед нами несколько рассказов внуков и правнуков об историях, переданных им бабушками и дедушками. В них много частных подробностей, которые запомнили их родные с юных лет, и эти детали ярче, чем типичные образы коллективной памяти, фиксирует молодое восприятие их потомков. Например, в воспоминаниях о братьях-двойняшках, которых мать собирала на войну, упомянута привычка одного из братьев есть картошку в мундире с кожурой, поэтому мать очистила ему не только картошку, но и яйца⁴⁵. Автор другого очерка о своем деде отметила эпизод, как он впервые на фронте попробовал пиво и оно ему не понравилось: «Что за гадость? Налей-ка мне лучше водки!». Запомнился ей и эпизод из дедушкиного рассказа, как после службы в армии он раздарил часть своих боевых медалей сельской детворе на игрушки⁴⁶. Другому внуку врезался в память эпизод, как обучали детей в школе при немцах – учителя под присмотром представителей оккупационной власти рассказывали о Гитлере-освободителе, в хрестоматиях были тексты, направленные на восхваление «доблестной немецкой армии»⁴⁷. Н. Дайгородова описывает, по рассказам своей бабушки, как мать последней в Казахстане на полустанке обменяла «два своих лучших <...> шелковых платья кофейного и розового цвета (!) и красивые

⁴⁵ См.: Никто из нас войны забыть не сможет... Кн. 3. С. 23.

⁴⁶ Там же. С. 36.

⁴⁷ Там же. С. 95.

модельные туфли» на жареное пшено⁴⁸. Запах и цвет в воспоминаниях – наиболее сильные и характерные признаки индивидуальной памяти о войне. Бабушка другого автора тоже запомнила цвета детских шапок-кубанок, которые немецкий офицер привез из казачьей станицы в виде добычи. Эти каракулевы шапочки были разного цвета: одна – «серая с голубым», другая – «белая с красным». Постоялец примерял их ребенку хозяйки⁴⁹. Такая детализация не только закрепляет личную память о войне в сознании потомков, но и обогащает представления о местной истории. Чего стоит, например, такая деталь, как официальные проводы молодых ставропольчан в действующую армию в центральном парке в день немецкой оккупации города⁵⁰.

Важным отличием личностной памяти от официальной памяти о войне, судя по текстам воспоминаний, являются сны и приметы, как архетипические образы, врезавшиеся в память авторов воспоминаний. В одном рассказе матери сон о яблоках на ветках дерева, когда одно яблочко упало, символизировал гибель отца семьи на фронте⁵¹. В другом очерке вдове шестьдесят лет снился убитый муж, то в гостях, то дома, то на прогулке⁵². По рассказам внучки, ее бабушке перед отправкой мужа на фронт приснился сон, что пришел солдат и забрал ее длинные косы, а перед возвращением мужа к ней во сне пришел все тот же солдат и вернул ее волосы⁵³.

Потомки современников и участников Великой Отечественной войны без оглядки и страха, совершенно свободно касаются рискованных еще даже для их родителей тем – плен, репрессии, депортация народов, жестокость государственной машины по отношению к отдельному человеку. Еще два десятка лет назад эти сюжеты так и остались бы устными преданиями, рассказанными украдкой, но изменение модели исторической памяти в контексте политических и социокультурных изменений в российском обществе создало условия для появления таких печатных текстов.

В одном рассказе заключенные казахи упоминаются только как источник сыпного тифа, а переезд в Назрань, откуда выселили ингушей – спасением для целой семьи: «Несчастье целого народа, выселенного по указанию товарища Сталина, помогло сотням тысяч

⁴⁸ См.: Никто из нас войны забыть не сможет... Кн. 2. С. 18.

⁴⁹ Там же. С. 21.

⁵⁰ Там же. С. 72.

⁵¹ Там же. Кн. 3. С. 46.

⁵² Там же. С. 73.

⁵³ Там же. С. 74–75.

других несчастных, но кто тогда знал об этом? Дело потомков – искать и находить виновных, а в 44-м хотелось только одного – жить»⁵⁴. Об отце своей бабушки, арестованном как «враг народа», подробно пишет молодая девушка, рассказывая, как мать бабушки заставляли написать обвинительную статью о своем муже в газету, и как за отказ сделать это была выслана. До сего дня в официальной местной историографии стыдливо обходится вопрос о казачьих подразделениях, действовавших на стороне немцев на Юге страны. В этом же очерке молодой автор спокойно пересказывает эпизод о «предателях из кубанских казаков, от 17 лет и старше»⁵⁵. Представительница абазинской семьи подробно, со слов деда повествует о мало известном в исторической литературе факте – депортации черкесских и абазинских семей, в которых жены глав этих семей были карачаевками⁵⁶. Одна из авторов очерка о своих родных во время войны совершенно спокойно описывает, как молодой паренек после оккупации страшно боялся идти на фронт и неделю прятался в подвале, пока мать, боявшаяся, что работники НКВД расстреляют всю семью как предателей, не уговорила его идти в военкомат⁵⁷. В другом очерке, между прочим, спокойно упоминается эпизод, когда призванных на фронт юношей на распределительном пункте продержали 10 дней практически без еды⁵⁸. Есть во «вторичных» воспоминаниях и сюжет о том, как некоторые местные жители приходили к месту расстрела евреев и снимали с убитых одежду и украшения⁵⁹.

Вместе с тем, с некоторыми вариациями, в этих рассказах потомков проглядывают ментальные установки и идеологические клише коллективной памяти. Одному деду «непоколебимый дух русского солдата» помог выжить на страшной войне, другой дедушка «отдавал долг Родине», третий, «проявив героизм и мужество, погиб при освобождении Латвии». Советские войска «вынуждены были отступить», а «иностранцы солдаты всегда удивлялись крепости русских мужчин». Советские солдаты вели «неравный бой», а неутешная солдатская вдова должна была «растить детей и работать для фронта, для победы». В письмах сыновья-фронтовики писали матери, как «воля к победе, любовь к родной русской земле придают силы и Со-

⁵⁴ Никто из нас войны забыть не сможет... Кн. 2. С. 19.

⁵⁵ Там же. С. 20, 23.

⁵⁶ Там же. С. 37–41.

⁵⁷ Там же. Кн. 3. С. 27.

⁵⁸ Там же. С. 73.

⁵⁹ Там же. С. 95.

ветская армия одержит победу»⁶⁰. В последнем случае очевидна современная модификация прежних представлений. Солдаты обязательно «свято верили в победу», хотя и не раз «смотрели смерти в лицо». В этом случае очевидно литературное влияние, о котором уже говорилось выше.

Характер таких «вторичных» текстов отражает многослойность семейной памяти, в которой отражаются, в том числе, и различия моделей исторической памяти нескольких поколений. Сюжеты индивидуальных воспоминаний актуализируются вызовами сегодняшнего времени и одновременно имеют следы застывших образов вчерашнего.

⁶⁰ Никто из нас войны забыть не сможет... Кн. 3. С. 114.

ПАМЯТЬ ИСТОРИЧЕСКАЯ И ПАМЯТЬ ПОЛИТИЧЕСКАЯ: СТРУКТУРА ПОЛИТИКО-МИФОЛОГИЧЕСКОЙ СВЯЗИ

Н.И. Шестов

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: nikshestov@mail.ru

В статье рассматривается механизм выделения в структуре исторической памяти общества функционально самостоятельного политического знания, обозначенного понятием «политическая память». Доказывается, что «политическая память» выполняет роль матрицы, на основе которой осуществляется поколенческое воспроизводство структур и качественных характеристик памяти исторической. Социально-политическое мифотворчество представлено в статье в качестве основного элемента в механизме становления политической памяти.

Ключевые слова: историческая память; политическая память; социально-политическое мифотворчество.

THE HISTORICAL MEMORY AND POLITICAL MEMORY: STRUCTURE OF THE POLITICAL-MYTHOLOGICAL CONNECTION

N.I. Shestov

In the article is examined the mechanism of search in the structure of the social historical memory of the functionally independent political knowledge, designated by concept of "political memory". It proves, that "political memory" performs the role of the matrix, on the basis of which is achieved the generation's production of structures and qualitative characteristics of the historical memory. The creation of the sociopolitical myth is represented in the article as the basic element in mechanism of the formation of political memory.

Key words: historical memory; political memory; sociopolitical myth creation.

Исторически образованному человеку хорошо знаком парадокс, в разное время по-разному формулировавшийся в трудах

профессиональных историков, а также в исторической публицистике: история учит тому, что она никого и ничему еще не научила. Политическая история и политическая современность со всей очевидностью подтверждают справедливость такого суждения. Действительно, еще ни одну социально-политическую систему богатство ее исторического опыта не избавило от множества больших и мелких проблем, решать которые приходится, не столько оглядываясь на историю, сколько сообразуясь с возможностями момента и надеждами на будущее. Почему тогда память о прошлом мы числим в ряду тех атрибутов, которые определяют здоровье социально-политической системы и ее способность к развитию, если (так выходит) социумы на историческом опыте не обучаемы? Конечно, не окончательное, но одно из возможных объяснений этого парадокса можно дать, если провести теоретическое разграничение двух понятий, характеризующих то, что в данном случае было названо «обучаемостью» социума: «историческая память» и «политическая память».

Введение в научный оборот новых понятий всегда должно быть аргументировано. Ведь есть понятия «исторический опыт» и «историческая память», уже апробированные в научной теории и практике, доказавшие свою функциональность и совместимость с понятийными комплексами разных гуманитарных наук. Имеет ли смысл дополнять этот понятийный ряд и говорить о какой-то особой «политической памяти», как транслируемом в настоящее и будущее особом «политическом опыте» какого-то современного социума?

Вопрос, безусловно, спорный. Но в оправдание такой теоретической инициативы можно привести как минимум три соображения. Обращает на себя внимание тот факт, что о своем прошлом современные социумы помнят преимущественно то, что связано с обстоятельствами их политического развития. Для них это некая самостоятельная сфера знания о прошлом. Настолько самостоятельная, что история большинства народов представляет собой преимущественно историю политических институтов и процессов, тогда как периодические попытки создать столь же масштабную социокультурную историю народа воспринимаются как чуть ли не этнографические опыты, интересные лишь узкому кругу специалистов. Конечно, интерпретируя этот факт, можно отталкиваться от тезиса, что политика является наиболее важной для социума сферой жизнедеятельности. Поэтому люди о ней больше всего и помнят. Только вот материалы современных социологических исследований наглядно демонстрируют, что для большинства нормальных людей повышенная озабоченность политикой не характерна и со-

ответственно у них не так уж много поводов для воспоминаний именно о политическом прошлом¹. Заикленность на переживани-ях политических событий прошлого свойственна определенному слою элит и политически активных граждан, использующих прошлые проблемы политических отношений в качестве «политического капитала», инвестируемого в реализацию их настоящих намерений и интересов.

Для массы рядовых граждан политика, безусловно, важна, но важна по-другому. Она важна в качестве того, что создает конкретные и болезненные проблемы сегодня и будет, что нетрудно предположить, создавать их завтра. Поэтому и большинство политических сил, включая те, что сознательно ориентированы на эксплуатацию прошлого в качестве «политического капитала», дружно призывают граждан жить интересами сегодняшнего дня и смотреть в будущее.

Получается, что такого рода общими суждениями об априорной значимости политики от проблемы особого отношения людей к ее прошлому отделаться невозможно. Тем более что эта избирательность отношения людей к политической составляющей их знания о прошлом фиксируется в культурных текстах (в широком понимании этого термина) и таким образом формируется особая область знания о прошлом и специфические (в сравнении с представлениями о функциональности, правовых, бытовых, экономических традиций) представления о практической применимости знания о политическом прошлом на практике. Эти представления настолько специфичны, что уже с середины прошлого века теоретики говорят о «политической культуре» как самостоятельной реальности, особой области человеческих отношений и представлений. Эти представления настолько специфичны, что ими занимаются особые, то есть политические психология и антропология. Они настолько специфичны в сравнении с другими знаниями о прошлом, что на их использование ориентированы современные

¹ «Сегодняшняя Россия – утверждают авторитетные специалисты – еще недавно чрезвычайно политизированная страна, по уровню интереса к политике ее граждан уступает жителям Европейского Союза. Одновременно из вышеприведенных данных отчетливо видно, что приоритеты везде примерно одни и те же: работа, семья, близкие. Затем – общественная и политическая жизнь» (Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. Рабочая группа Института социологии РАН. Ч. 1 (Предисловие. Политическая активность и гражданское участие в контексте российской идентичности. Внешнеполитические аспекты российской идентичности) // Политические исследования [Полис]. 2008. № 1. С. 77).

политические технологии. В качестве особого технологического направления, например, рассматривается «политика памяти». При этом подчеркивается, что «...именно политика определяет практические функции коллективной памяти – такие, как формирование идентичностей. На мой взгляд, “политику памяти” можно определить как совокупность мероприятий, направленных на формирование и/или воспроизведение идентичностей, в первую очередь – национальных и этнических. Ни одно общество в мире не может обойтись без своей “политики памяти”»². Эту специфику качества собственно человеческих воспоминаний о прошлом, независимо от того, как ими пытаются манипулировать политики и политтехнологии, наиболее точно, как представляется, отражает определение «политическая память».

С другой стороны, в рамках наших современных представлений об «исторической памяти» социума, как фундаментальной основе его цивилизационного прогресса, не находит корректного объяснения феномен социального «беспамятства» в отношении того, что (особенно в условиях нынешней глобализации) играет ключевую роль в судьбах современных народов – их «политического опыта». Сегодня можно отчетливо наблюдать, в том числе и в российской действительности, пренебрежение к политической части своего исторического опыта со стороны социально-политических систем, обладающих значимым опытом государственного и общественного развития.

Само по себе то, что в массовом и научном сознании отношение к опыту «политическому», как части «исторического опыта», выстраивается несколько иначе, чем к культурным и бытовым, например, составляющим последнего, оправдывает предположение, что и трансляция этого опыта в настоящее и будущее в формате «памяти» обладает своеобразием. И своеобразие это имеет смысл зафиксировать в соответствующем самостоятельном понятии.

Третье соображение состоит в том, что категория «политической памяти» позволяет выделить в самостоятельный предмет исследования одно важное обстоятельство: интерес одних народов, сталкивающихся с более или менее масштабными политическими проблемами, к максимально широкому воспроизводству опыта не своего, а своих «визави» по историческому процессу, других стран и народов. Развитие этих стран и народов, совершенно вопреки есте-

² Дюков А. Ни одно общество в мире не может обойтись без своей «политики памяти» // [http://www.liberty.ru/ Themes/ Aleksandr-Dyukov-Ni-odno-obschestvo-v-mire-ne-mozhet-obojtis-bez-svoej-politiki-pamyati](http://www.liberty.ru/Themes/Aleksandr-Dyukov-Ni-odno-obschestvo-v-mire-ne-mozhet-obojtis-bez-svoej-politiki-pamyati). – 03.03.2009

ственной логике «исторической памяти», воспринимается сознанием общества и его элит (включая интеллектуальную элиту) как что-то более совершенное и прогрессивное, нежели свое родное, часто как эталон развития, на который следует ориентироваться в будущем, невзирая на все противопоказания собственного богатого исторического опыта.

Исследователю, поставившему перед собой такие вопросы, надо выбирать. Или ему идти путем теоретических спекуляций и утверждать, что причина готовности современных народов абсолютизировать значимость своей истории вообще, но при этом не всегда адекватно оценивать значимость своей политической истории и своего политического наследства, учиться у истории вообще, но не желать учиться у политической истории, заключена в особом состоянии «духа народа», в особых свойствах его «ментальности». Или же, что более соответствует требованиям научности, он должен искать причину избирательности индивидуальных и коллективных воспоминаний о прошлом в самой механике таких воспоминаний, в порядке взаимодействия обыденного и научного знания истории, в свойствах современных политических практик, по-разному актуализирующих различные уровни и комплексы знания о прошлом вообще и политическом прошлом в частности. Об этой механике далее и пойдет речь.

Когда специалисты говорят об «исторической памяти» (многообразии определений, порожденных публицистическим употреблением этого словосочетания, представляет отдельный предмет для исследования), то этим определением обнимают несколько уровней знания о прошлом: достаточно самостоятельными уровнями являются знания, которыми обладают индивиды и группы индивидов, память индивидуальная и коллективная. В индивидуальной и коллективной памяти, в свою очередь, выделяют области информации, почерпнутой из собственного опыта и опыта ближайшего социального окружения (семейная и корпоративная память), из сферы внутрисоциальных, межличностных и межгрупповых коммуникаций, из различных источников массовой информации, из знакомства (в разных форматах) с научными исследованиями.

Собственно, в данном случае интересна не сама по себе та или иная систематизация уровней и форм проявления исторической памяти общества. По каким бы уровням, или формам, мы ее не распределили, каждый уровень, или форма, будет непременно включать в себя, условно говоря, неполитический и политический компоненты с соответствующей спецификой отношения к тому и другому. Важнее другое: что представляет собой тот фактор, кото-

рый содействует на разных уровнях и в разных формах существования исторической памяти ее дроблению на неполитическую и политическую составляющие, дифференцирует субъективное отношение людей к этим двум элементам и в итоге дает людям возможность очень избирательно помнить прошлое. Речь надо вести об определенном механизме, поскольку эта дифференцированность в структуре воспоминаний социума о своем прошлом воспроизводится из поколения в поколение в ходе взаимодействия различных индивидуальных и групповых стратегий действия, апеллирующих к различным форматам исторического опыта и имеющих разную конфигурацию «памяти».

Устойчивость воспроизводства указывает на то, что механизм этот имеет культурный характер, что он не функционирует за пределами процесса осмысления людьми своего прошлого, а является естественной частью самой процедуры этого осмысления. На культурный характер этого механизма указывает также то, что он обеспечивает переход знаний о прошлом в современное состояние восприимчивости и актуализирует их в качестве структурного элемента современных культурных практик. Этот культурный характер механизма довольно часто позволяет публицистам не вдаваться в детали и обобщенно рассуждать о том, что способность индивида и социума помнить о своем прошлом определяется свойствами культуры как таковой, ее универсальным качеством, отличающим ее от других культур. Например, довольно распространены (в разных контекстах и вариациях от либеральных до консервативных) суждения о невнимании к урокам истории именно русского народа. На проверку оказывается, что другие народы, например на бывшем советском пространстве, относятся к своему прошлому так же или даже еще менее бережно. Такой подход дает возможность понять, что есть специфичного в отношениях социумов и людей к своему прошлому, но он мало проясняет вопрос о том, что побуждает их, вне зависимости от того, в чем проявляется общая специфичность их культуры, отдавать приоритет в воспоминаниях о прошлом именно политическим сюжетам. Следовательно, имеет смысл обратить внимание именно на детали механизма диверсификации воспоминаний о прошлом.

Одной из важных, а возможно, и главной такой «деталью» является социально-политическое мифотворчество. У исследователя, воспитанного в лучших традициях позитивной европейской науки, само понятие «социально-политический миф» ассоциируется с чем-то таким, чем «серьезной» науке интересоваться не имеет смысла. Потому как не имеет смысла ученому тратить силы на изу-

чение «лжи», «измышления», «недостовверного знания». С этими понятиями обычно ассоциируется формула «социально-политический миф». Заметим, что в современной науке исключение делается лишь для мифологии древней. Не в силу, как представляется, какого-то особого ее качества. В древности была своя социально-политическая мифология. Причина, вероятно, в том, что древняя мифология по большей части утратила свою политическую актуальность. Эстетической стороной древней мифологии, в целом и в деталях, ученому можно восхищаться без опасений, что эта древность вдруг станет мотивом поведения твоих современников и ты сам в какой-то момент можешь стать участником или жертвой политического действия, замешанного на мифе. Современный социально-политический миф вызывает естественные опасения в силу своей актуальности и функциональности, большого мотивационного и консолидирующего потенциала. Потенциала, производного, с одной стороны, от прошлого социального опыта, убеждающего в важности социальной консолидации, а с другой – производного от масштаба надежд общества на светлое будущее «для всех и каждого».

В этом смысле для текущей современной политики, основанной на сложных комбинациях частных и групповых интересов и конфликтов, на идеологических, научных и экономических расчетах, доказывающих, что «светлое будущее» ждет далеко не всех участников политического процесса, социально-политический миф действительно представляет объективную опасность. А опасность можно и нужно контролировать. В свете этой потребности в контроле, осознаваемой политическими субъектами, социально-политический миф выглядит эффективным инструментом манипулирования «исторической памятью социума» и его надеждами на будущее и потому обвинение в «мифотворчестве» является, как правило, одним из наиболее распространенных обвинений в адрес политического противника. Поэтому и у политтехнологов постоянно возникает соблазн заняться мифотворчеством, как выделкой «инструментов» для политического манипулирования.

Тот же научный опыт изучения древней мифологии подсказывает, что миф современный, как и древний, в сущности, стереотипное представление человека об окружающей реальности. Только стереотип этот имеет сильную эмоциональную нагруженность ввиду того, что социальность человека, или его асоциальность, прямо зависит от того, в какой мере он разделяет или не разделяет мифологические представления своей социальной среды. Адекватность такого мифологического представления научно выверенным пред-

ставлениям об окружающем мире (мире политики, в частности) принципиального значения не имеет, она может вовсе отсутствовать или присутствовать в полной мере. Главное – чтобы информация, заключенная в мифологическом суждении, могла послужить предметом переживаний настолько глубоких, чтобы побудить человека к политическому, экономическому, правовому взаимодействию с другими людьми, к сотрудничеству либо к конфронтации с ними. В мифе, как явлении социокультурном, важна не столько содержательная сторона, сколько функциональная.

Суть дела можно пояснить на примерах. В жизни любого современного социума большую роль играют представления о справедливости и несправедливости. Эти представления часто не согласуются с представлениями о законности, побуждая аналитиков сетовать на неразвитость правосознания российских граждан, например. Что понимать под «справедливостью» – вопрос отдельный. Есть обыденные представления о ней, есть научные, в частности, изложенные в известной книге президента Американской ассоциации политических и социальных философов Джона Роулза «Теория справедливости» (1971 г.) и в книгах его современных критиков. Но культурная значимость и политическая функциональность этого понятия проистекают не из адекватности или неадекватности обыденных трактовок научным трактовкам. Для общества не важно, в принципе, есть ли научно обоснованное определение «справедливости» или его нет. Важно, что есть формула, есть понятие, наделенное статусом социально значимого, актуализация которого во взаимодействии политических субъектов способна создать эмоциональную подпитку их сотрудничества или конфронтации, стимулировать развитие одних социальных практик и тормозить развитие других. Трудно в современном российском обществе реализуются правовые практики, не «болеют душой» российские граждане за правопорядок. И вот накануне Дня юриста, в интервью первого заместителя председателя правительства Саратовской области и заслуженного юриста РФ А.Г. Бабичева, озвучивается интересная идея: «Основная цель профессии юриста – установление законной справедливости»³.

В качестве другого примера преобладания функции над содержанием мифа можно привести устойчивое убеждение граждан разных государств в том, что государство обязано соотносить каждый свой шаг с интересами «социально незащищенных» слоев насе-

³ Бабичев А. «Правовое государство без юристов невозможно» // Комсомольская правда. 2009. 2 дек. С. 21.

ления, то есть должно брать на себя ту функцию социальной защиты, которую не способно выполнить само общество (хотя в такой способности, а не в количестве сетевых структур, созданных для обсуждения инициатив государства, как представляется, проявляется гражданское качество любого общества) в отношении своих членов. Эту убежденность разделяют и представители политической элиты, хотя трактуют понятие «социальное государство» по-своему, соотносясь со своими корпоративными интересами. Можно привести много научных аргументов против такой версии «общественного договора». Можно найти множество фактических доказательств неадекватности таких представлений исторической и современной реальностям. Но такое мифологическое представление, тем не менее, функционально. Не случайно накануне каждой избирательной кампании государственные институты активизируют свое участие в решении социальных проблем, проявляют особую заботу о «социально незащищенных» слоях электората.

Из приведенных примеров видно, в каком направлении и каким образом социальное мифотворчество трансформирует социальный опыт в целом и память социума о своем прошлом в частности. Социально-политический миф (как определенная процедура приведения социально значимой информации в формат стереотипа, включающая в себя многократные «прокрутки» этой информации в мотивациях различных социальных практик) выступает инструментом отбора из всего, что знает общество о своем прошлом, того, что функционально на текущий момент. На первом месте, как наиболее функциональное из прошлого опыта, оказывается все то, что связано с историей взаимодействия социума и государства, особенно верховной государственной власти. «Мифологический отбор» формирует «политическую память» как область знания о прошлом, обладающую вполне самостоятельной и важной функциональностью. При этом, естественно, возникает разрушение целостности ткани «исторической памяти», в ней происходит дифференциация структурных элементов на первостепенные и второстепенные (что отражает, в частности, структура учебных курсов по истории той или иной страны). Но, с другой стороны, вся масса исторического опыта перестает быть тем культурным грузом, который неизбежно отягощает решение текущих политических задач, усложняет процедуры поиска приемлемых стратегий и тактик развития. Принятие политического решения – это обычно тонкий баланс исторических и технологических аргументов. «Политическая память» социума избавляет его политическую практику от избыточного и, главное, недостаточно контролируемого давления бо-

гатства его собственного исторического опыта. И в этой практической функции, вероятно, кроется еще одно объяснение того, почему сообщество специалистов-историков постоянно сталкивается с более или менее внимательным отношением социума к своей политической истории и с его индифферентностью ко всему остальному богатству собственной истории.

Если уместно будет в данном случае прибегнуть к экономической терминологии, то богатство может быть разнообразным и его может быть много в сундуках и закромах, но дальнейшую жизнь и приращение получает только то богатство, которое осмысливается в качестве ресурса, который может быть инвестирован в расширенное воспроизводство, стать основой для появления нового богатства, то есть осмысливается и используется в качестве капитала, инвестируемого в развитие. Социально-политическое мифотворчество выступает как раз таким постоянно действующим механизмом инвестирования наиболее годных для этого элементов «исторической памяти» в политическую повседневность, в результате которого на каждом следующем витке (этапе) социально-политического процесса формируется историческая память уже несколько иной конфигурации. Она воспроизводится уже без многих элементов, которые были исключительно важны на предшествующем этапе воспоминаний социума о своем прошлом. Проявляется то самое «поколенческое» свойство исторической памяти, которое может быть, таким образом, объяснено чем-то более рациональным, более вписывающимся в рамки, скажем, структурно-функционального и исторического подходов, чем объяснение, апеллирующее к «природному конфликту отцов и детей».

Можно понять отчаяние профессионального историка от осознания того, что общество завтра будет помнить о прошлом не то, что ему расскажет, например, наука, а то, что «придется ко двору» текущей политике или в лучшем случае не будет выглядеть прямым вызовом современным условиям политического взаимодействия. С другой стороны (и это снимает вопрос о том, нужно ли профессиональным историкам изучать в истории своего общества то, что лежит сегодня за пределами его «политической памяти»), никому не дано знать, какого рода информацию о прошлом предъявит общественно-политическая практика завтра. Кто мог предположить, что модернизационные процессы в России, проходившие в рамках либеральной стратегии демократизации, актуализируют в массовом и научном сознаниях проблематику авторитарных начал «Русской власти» и эти авторитарные начала будут интерпретироваться в качестве условий успешного движения модернизационного процесса?

Еще пару десятилетий назад кто мог предположить, что в межгосударственных отношениях России и Украины особую значимость приобретет воспоминание о «голодоморе» 30-х гг. прошлого века, а тем более воспоминание о «подвигах» гетмана Ивана Мазепы и Степана Бандеры? Представляется, что само по себе введение в оборот понятия «политическая память» создает почву для обоснования того, что в истории общества нет не важных для изучения деталей, в истории надо изучать все.

ИСТОРИЯ, ВЛАСТЬ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

УДК 94

УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

А.Н. Донин

Саратовский государственный социально-экономический университет,
кафедра экономической и политической истории России
E-mail: donin@ssea.runnet.ru

Статья посвящена сравнительному анализу подготовки учебников истории в дореволюционной и современной России, проблеме интерпретации в них событий новейшей истории страны, оценке вузовского учебника истории и его специфике.

Ключевые слова: история, учебник истории, историческое образование, новейшая история, авторский подход.

THE TEXTBOOKS OF HISTORY: THE PAST AND PRESENT

A.N. Donin

The article "The textbooks of history: the past and present" is dedicated to the comparative analysis of the preparation of the textbooks of history in pre-revolutionary and modern Russia, to the problem of their interpretation of the events of the newest history of the country, to the estimation of the higher educational textbook of history and its specific character.

Key words: history, the textbook of history, historical formation, the newest history, author's approach.

История – наука фундаментальная. Однако следует признать, что у нее есть одна сторона, которую можно считать прикладной в самом позитивном значении этого слова. Речь идет об использовании в школьном и вузовском образовании знаний, полученных в ходе исторических изысканий. Эта область их применения не может не интересовать профессионального историка независимо от сферы его научных интересов. Социальное значение преподавания истории огромно. Велика роль исторического образования в фор-

мировании личности, в сохранении и передаче социального и духовного опыта предшествующих поколений. В нынешних российских условиях эта роль особенно велика. И многое здесь, конечно, зависит от качества школьных учебников истории, которые, по сути, отражают состояние не только исторической науки, но и общества в целом. Но это отражение часто неадекватно реальной действительности минувшего XX в. отечественной истории. Наше нестабильное время ознаменовалось выходом в свет сразу многих учебников, каждый из которых имеет и свои неоспоримые достоинства, и существенные недостатки.

Крайне противоречивая ситуация в современном российском обществе, конечно, не способствует беспроблемному развитию культурной сферы, частью которой и является историческое образование. В самом начале 90-х гг. XX в. была разрушена государственная конфигурация СССР: суверенными государствами стали его бывшие республики и в их числе Российская Федерация, становление и развитие которой происходит на базе коренных изменений социально-политического строя, его экономических основ, всего спектра общественных отношений. Переход к «неолиберальным» ценностям и моделям жизнеустройства – к рынку, психологии индивидуализма, политическому плюрализму, с одной стороны, породили глубокий социальный и ценностный раскол в обществе, а с другой – вызвали безразличие власти к сфере культуры вообще и к образованию в частности. В результате в историческом образовании все более утверждается плюралистическая модель, ушли в прошлое старые идеологические каноны, по которым строилось образование и воспитание в советское время, учителя обрели некоторую свободу в выборе подхода к преподаванию, появились десятки учебников и пособий. Однако в сложившейся ситуации есть не только плюсы, но и явные минусы – невозможность для основной массы учителей разобраться в потоке противоречивой информации, которую предлагают им прежде всего средства массовой информации. При этом наличие множества учебников лишь запутывает ситуацию, ибо значительная их часть несет на себе печать торопливости, не отличается высоким качеством и ориентируется не на научные разработки, а на легковесную литературу, эмоциональные журнальные статьи. К тому же, когда за написание учебников берутся некомпетентные люди, не имеющие необходимых профессиональных знаний, на их страницы проникают новейшие политические ярлыки, подменяющие необходимые разъяснения сути исторических событий, относящихся к другим временам. Школьникам навязываются сомнительного характера дискуссии.

Подобные явления с учебниками по истории и ее преподаванием характерны для переломных моментов в истории нашей страны. На этот факт обратил внимание великий русский историк С.М. Соловьев. «Учебную книгу русской истории» он писал не на досуге, отдыхая от трудов над «Историей России с древнейших времен», а будучи встревоженным «оттепелью», когда после смерти Николая I не только повеяло свободой, но и «замерзшие нечистоты начали оттаивать и понеслись миазмы». В «Записках» С.М. Соловьев вспоминает «о возбужденных головах» гимназистов: в обществе говорят по невежеству страшный сумбур, ругаются друг с другом – и в результате, «прочтя урывком какую-нибудь журнальную статью, учитель с важным видом возвещает о новом взгляде на предмет, тогда как этот новый взгляд – сущий вздор»¹.

Актуальна и другая мысль ученого. «Всякий поймет, – писал С.М. Соловьев, – что я говорю преимущественно о преподавании истории, но история есть единственная политическая наука в среднем образовании, и потому ее преподавание – чрезвычайной важности: от направления ее преподавания зависит политический склад будущих граждан»².

Конечно, в идеале образование должно быть вне политики и идеологии: с точки зрения абстрактной свободы личности никто не вправе навязывать ей мировоззрение, особенно если речь идет о личности формирующейся. Однако ни одна страна, тем более претендующая на статус великой, не может позволить пустить историческое образование на самотек. Ни общество, ни государство не могут быть безразличны к тому, каким будет мировоззрение его граждан. Но как соединить декларируемую свободу слова с едиными образовательными стандартами, едиными базовыми учебниками?

Противоречия эти объективны, и сложность заключается в том, чтобы, уходя от одной крайности – безбрежной свободы выбора, граничащей с анархией, не скатиться в другую – новый бюрократический и идеологический диктат. История, как и другие гуманитарные науки, не является нейтральной областью знаний: многие внутренние и внешние социально-политические силы заинтересованы в том, чтобы ее преподавание соответствовало их интересам и идеологии. Однако школа не может быть ареной для политических митингов. В ней подрастающее поколение должно учиться, а не

¹ Соловьев С.М. Записки для детей моих, а если можно, и для других. [Пг., 1915]. С. 12.

² Там же. С. 15.

рассуждать о том, куда ведет нас очередной курс очередного руководителя.

Преподавание истории играет важную роль в формировании исторической памяти подрастающего поколения – основы национального самосознания, которое имеет решающее влияние на развитие страны и ее жизнеспособность, особенно в переходные периоды. Поэтому подготовка хорошего школьного учебника – задача чрезвычайно сложная и ответственная, поскольку о самых сложных вопросах учащимся нужно рассказывать не только правдиво и интересно, но и предельно ясно и четко, ибо думающая их часть категорически отказывается принимать туманные, противоречивые формулировки, постоянно сравнивает текст учебника с тем, что слышит по радио и видит по телевизору, не терпит общих фраз и пустословия.

Особое внимание авторов учебников для школьников и студентов должно быть обращено на изложение постсоветского прошлого, деятельности действующей власти. Здесь требуется только честный и откровенный разговор со вступающими в жизнь старшеклассниками. Сложность анализа событий этого времени состоит в том, что оно было подлинно революционным по истинному характеру происходящих перемен и методам достижения поставленных властью целей, но крайне противоречивым по своим результатам и богатым не только на достижения, но и на серьезные ошибки и просчеты руководства. В связи с этим надо крепко подумать над вопросом: а можно ли на страницах учебника добиться объективного изложения материала о наших днях? Да все ли известно Истории о них?

Выдающийся русский мыслитель П.А. Флоренский в размышлениях о будущем государственном устройстве России ключевое место отводил школе и особенно учебникам: «учебник ответственен более, чем ученое сочинение», в учебник следует включать только «отстоявшиеся выводы, преимущественно фактического характера»³. Надо признать, что еще не полностью осмыслено историческое значение неудачного социалистического эксперимента в нашей стране. Это определяет отношение авторов учебника к истории современной России. Нужна историческая дистанция, чтобы полностью ее понять и осознать, дабы уйти от неизбежно поспешной и конъюнктурной версии изложения истории современной России.

Вероятно, этими соображениями руководствовался С.М. Соловьев, создавая учебник для гимназистов: заглянул в нем почти на

³ Флоренский П.А. Предполагаемое государственное устройство в будущем // Литературная учеба. 1991. № 3. С. 112.

столетие дальше, чем в «Истории России», однако остановился на событиях 1848–1849 гг. Он не стал касаться предреформенного времени – хотя учебник выходил пятью выпусками в 1859–1860 гг. – и не дополнял впоследствии свою «Учебную книгу русской истории», которая переиздавалась много раз, и по прошествии двух десятков лет можно было бы судить о первых результатах Великой реформы. В учебнике известного русского историка Д.И. Иловайского «Краткие очерки русской истории», вышедшем в свет в 1860 г., также не делалось попыток освещения преобразовательной деятельности правительства Александра II, хотя он выдержал впоследствии 36 изданий.

В учебниках новейшей истории, по которым сейчас занимаются школьники, общим остается стремление авторов продвинуть курс истории как можно ближе к сегодняшним событиям. Это вряд ли оправданно, ибо вместо анализа получается оперативный репортаж с места событий, в трактовке которых преобладает либеральный оттенок, тогда как консервативно-националистический проявляет себя в школьной и педагогической литературе в гораздо менее выраженном виде.

Вместе с тем он находит себе место в массовой литературе непедагогического свойства, которая также становится доступной школьникам и вызывает у них интерес. Либеральная концепция этого периода истории положительно оценивает «возврат страны в русло мировой цивилизации», а трудности на этом пути трактуются как результат тяжелого советского наследия. В перспективе видится нарастающая открытость общества, идейный плюрализм, торжество либерально-демократических ценностей. Для консерваторов этот период прежде всего очень драматичен: слом государственности, прежней социальной структуры, навязывание стране западной модели развития. Итог же реформ видится в разрушении системы социального обеспечения, кризисе нравственности, падении морали. Однозначно положительно, пожалуй, оценивается рост влияния Православной церкви. Как известно, «история должна быть правдива и нелицеприятна». В то же время учебник истории призван объединять, а не разъединять общество. Поэтому пока существует в обществе такая полярность оценок происходящих сегодня неоднозначных событий и явлений в различных сферах жизни, то, наверно, будет справедливо отказаться от односторонних объяснений текущей истории в учебниках для школьников и ограничиться лишь изложением конкретных фактов, предоставив учителю право их трактовки с позиций гражданственности и патриотизма.

В 1990-е гг. и в последующее время вышло немало учебников по новейшей отечественной истории. Федеральный комплект сегодня включает в себя десяток названий учебников по истории. В школе появились учебники государственно-патриотической, либеральной и социалистической направленности. На наш взгляд, современной средней школе много альтернативных учебников по истории не нужно. Это признает и большинство учителей, не говоря уже об учащих и их родителях. Сегодня в распоряжении учителей и учащихся имеется столько самых разнообразных источников информации, что они с лихвой заменят десяток альтернативных учебников, учебных пособий и хрестоматий вместе взятых. Поэтому дело не в количестве, а в качестве предлагаемых школе учебников, которые, по нашему мнению, слишком легко, без серьезного обсуждения специалистами и представителями общественности получают ныне одобрение Министерства образования. Представляется совершенно правильным и своевременным решение правительства о проведении открытого конкурса на лучший учебник по истории XX в. для средней школы.

Разумеется, конкурс должен определить и количество призовых мест (не более 3-х), дающих право получить гриф Министерства образования РФ. Здесь уместно заметить, что конкурсный отбор учебной литературы для учебных заведений всех уровней весьма успешно применялся в нашей стране в ходе реформирования системы образования еще в 60-е гг. XIX в., при министре народного просвещения А.В. Головнине, что позволило значительно поднять качество образования. В пореформенной России формирование исторического сознания стояло в центре внимания научных кругов и передовой общественности. Тогда каждый историк, каждая историографическая школа старались реализовать свои идеи не только в узкоспециальных работах, но и в школьных учебниках, стремясь сделать их достоянием широких масс. У дореволюционного педагога-историка был широкий выбор учебников и учебных руководств по истории. За период со второй половины XIX в. вышло в свет около ста учебников и учебных книг по отечественной истории (без учета переизданных). Среди авторов мы видим представителей всех трех направлений русской историографии – официально-охранительного, либерально-буржуазного и демократического. Авторами учебников являлись как известные историки – С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов и др., так и педагоги-практики, и среди них И.И. Беллярминов. Выбор учителем старой школы того или иного учебника определялся, как правило, следующими факторами: соответствие программным требованиям; принадлежно-

стью учебного заведения (государственное, ведомственное или частное); популярностью и научно-методическим уровнем; собственными симпатиями и общественно-политическими взглядами педагога. В государственных школах были более жесткие программные требования. В них рекомендовалось использовать учебники с грифом Министерства народного просвещения «Допущено» и «Одобрено». Отметим, в программах по истории 1890, 1902 и 1913 гг. неизменно подчеркивалось, что главной целью изучения истории в школе должно быть «укоренение у учащихся любви и преданности престолу и отечеству». Важно также отметить, что в решении конкретных проблем истории авторы учебников из числа педагогов-практиков во многом полагались на авторитет крупнейших ученых-историков. Учебники этого времени отличали искусная группировка фактического материала, ясность и лаконичность изложения, яркие характеристики исторических деятелей. Не случайно некоторые из них переиздавались и пользовались определенным успехом даже в начале 1990-х годов.

Опоры на академическую историческую науку как раз и недоставало многим учебным изданиям, появившимся на закате перестроечных лет XX столетия. Сегодня отрадно, что отечественные ученые активно вмешиваются в процесс подготовки школьных учебников истории.

Педагогическая наука уже давно выработала дидактические принципы построения школьного учебника, в том числе истории (доступность, ориентация на возрастные особенности и т. п.). Их соблюдение, конечно, необходимое условие подготовки учебной литературы. Не меньшее значение при создании учебника отечественной истории имеет и учет тех задач, которые он должен решать: во-первых, давать определенные знания, представления о важнейших периодах в истории нашей страны, о роли в ней выдающихся личностей, об основных исторических категориях; во-вторых, развивать познавательный интерес школьников; в-третьих, формировать у учеников определенные умения и навыки. Наконец, учебник истории Отечества, несомненно, должен воспитывать патриотов своей страны. Несмотря на многочисленные недостатки и просчеты при написании учебников по новейшей истории России, следует признать появление в последнее время их талантливых образцов. Талантливость – главная мера достоинства школьного учебника, в нем должна быть выражена личность автора-учителя. Мы видим это в учебнике, часть которого написана А.А. Левандовским. Прошлое Отечества трактуется им как ценность, а не предмет критики или слепого подражания. История страны из-под пера этого эрудиро-

ванного профессионала предстает перед молодым читателем как цельная картина, рождающая гордость и уважение к людям ее населяющим.

Пользуются успехом у учителей истории и учащихся учебники, где одними из авторов выступают А.Н. Сахаров и А.А. Данилов.

Не менее остро, чем в средней школе, стоит проблема преподавания отечественной истории XX в. в высших учебных заведениях. Для начала отметим, что в одних учебниках изложение ведется от начала XX в., в других – от 1917 г. В имеющихся учебниках дается и разная периодизация исторических событий. Вероятно, настало время историкам обсудить эту тему на страницах солидных специальных журналов и попытаться аргументированно прийти к унификации исторического времени. Кроме того, необходимо привести в соответствие изучение отечественной истории в школе, высших учебных заведениях и в академической науке.

Вполне оправданно, на наш взгляд, наличие в вузе нескольких альтернативных учебников по отечественной истории XX в. Чем больше их появляется, тем выше поднимается планка наших требований к ним. Преподавателям и студентам хочется найти в них рационально отобранные факты, четкий концептуальный стержень, логичную структуру, хороший литературный язык. Учебникам по общественным наукам противопоказаны политическая ангажированность и ложный авангардизм, претензии на развлекательность или, наоборот, голый схематизм. Поэтому подготовка современного учебника по истории требует от авторов не только широкой историографической и источниковедческой эрудиции, методического мастерства, гражданской ответственности и научной честности, но и хорошего знания студенческой аудитории, ее возможностей и запросов. Многообразие учебной исторической литературы в вузе вполне обосновано. Студент не школьник, он должен и уже в состоянии сопоставлять фактический материал и самостоятельно анализировать разные точки зрения. Представляется, что в этом смысле все учебники должны быть «авторскими», в виде «Курса лекций», какими были некогда учебники С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, М.К. Любавского, С.Ф. Платонова, А.А. Корнилова и др., для которых был характерен плюрализм методологических подходов. Их работы стали шедеврами русской историографии. Такой подход позволит создавать различные по тематике учебники для студентов, с учетом специфики их профессиональной подготовки. Например, студентам, обучающимся по экономическим специальностям (а их немало), будет весьма полезно изучать отечественную историю XX в., опираясь на курс лекций, в которых

сделан упор на ее экономическую составляющую; студентам-юристам – на правовую составляющую и т. п. Не лишним будет заметить, что в последние годы наблюдается спад активности отечественных исследователей в области экономической истории России. Желательно, чтобы это направление в учебной литературе было представлено как можно глубже и шире. Современный студент гораздо лучше разбирается в политической истории своего Отечества, чем состоянии ее промышленности, сельского хозяйства, торговли (то же можно сказать о демографической и этноконфессиональной ситуации, правовых институтах, административно-территориальном делении империи, СССР, современной России и т. д.).

В целом, учитывая, сколько раз после 1917 г. переписывалась наша новейшая история, хочется еще раз повторить: необходимо более широкое и гласное обсуждение всех учебников на стадии подготовки их макетов и максимально внимательное отношение авторов к мнению специалистов, а также самих школьников и студентов, для которых учебники создаются.

УДК 33 (931)

**ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОММЕРЧЕСКОЙ ТЕОРИИ
«СИСТЕМАТИЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ»
(на примере деятельности Новозеландской компании
в 40-е годы XIX века)**

С.П. Миронов

Педагогический институт
Саратовского государственного университета,
кафедра теории и истории литературы
E-mail: mironov_serg@rambler.ru

Статья посвящена истории поиска новозеландцами принципов национальной идентичности после распада Британской империи. Проводится анализ теории «систематической колонизации», так как она легла в основу формирования новой национальности. Анализируется, как коммерческая теория со временем приобрела идеологическое звучание и стала значимым элементом национальной идентичности.

Ключевые слова: Новая Зеландия, маори, Уикфилд, Новозеландская компания, колониальная политика Великобритании, новозеландец.

**THE IDEOLOGICAL ASPECTS OF THE COMMERCIAL THEORY
“SYSTEMATIC COLONIZATION”
(based on the example to the activity of New Zealand company in the
40's xix of the century)**

S.P. Mironov

The article is dedicated to the history of search by New Zealanders of the principles of national identity after the disintegration of the Britain Empire. In the article is carried out the analysis of the “systematic colonization” theory, as it became the basis of the formation of new nationality. Its analyzed how the commercial theory in the course of times it acquired ideological sounding and became the significant element of national identity.

Key words: New Zealand, Maori, Wakefield, New Zealand Company, colonial policy, New Zealander.

Современное изучение процесса колонизации мира затрагивает важнейшие вопросы, связанные с «последствиями взаимодействия культур в условиях колониализма, которые стали важной составляющей современных культур европейских и неевропейских народов. Это приводит к тому, что в изучении колониализма приобретает большое значение поиск ответов на современные вопросы и проблемы в постколониальных обществах в мощном пласте колониального прошлого»¹. Новая Зеландия не стала исключением, центральной проблемой в общественной мысли этой страны стал вопрос о поиске национальной идентичности.

В 60-е гг. XX в. в Новой Зеландии назрела необходимость заключить пестрое по своему национальному составу общество в одни исторические рамки, чтобы выделить его членов как единое сообщество, при этом уделить внимание всем – и потомкам англичан, и маори. Появилось националистическое движение, в котором развивалась мысль о превосходстве новозеландцев над всеми остальными народами Полинезии. Авторы этих идей ввели термин «новозеландец», пытаясь его представить в виде обобщающего, символизирующего, прежде всего, национальную принадлежность. В поиске национальной идентичности они обратились к колониальному прошлому страны, особенно к начальному периоду колонизации. В историографических работах сместился акцент на рассмотрение особенностей процесса колонизации Новой Зеландии, речь уже ведется о формировании национального сознания и активно пропагандируется термин «новозеландец», в попытке найти истоки формирования нации – «новозеландцев»².

В процессе сформировались два утверждения, которые были восприняты и исследователями и общественностью как основа нации. Первое – благодаря «систематической колонизации» в колонию переселились добропорядочные люди, лучшие представители своих классов, а не преступники, как в колонии Новый Южный Уэльс. Второе – маори являются самыми развитыми из неевропейских народов, которые были в этом Тихоокеанском регионе. Смешение колонистов и маори привело, по мнению представителей

¹ Никитин М.Д. Черная Африка и британские колонизаторы: столкновение цивилизаций. Саратов, 2005. С. 12.

² Olssen E. Lands of Sheep and Gold The Australian Dimension to the New Zealand Past, 1840-1900 // Keiht Sinclair Tasman relations: New Zealand and Australia 1788-1988. Auckland, 1987. P. 34-35.

националистической школы, к формированию новозеландской нации.

В этой статье внимание концентрируется на первом утверждении. Отметим, что «теория систематической колонизации» носила чисто коммерческий характер и только по прошествии нескольких десятков лет наполнилась совершенно другим, идеологизированным смыслом.

Для этого не только обратимся к содержанию теории систематической колонизации, но и разберем, в каком историческом контексте нашла она свое применение.

К середине XIX в. положение рабочего класса и в Лондоне, и по стране представляло мрачную картину. Ощущался избыток рабочей силы, нехватка рабочих мест приводила к массовой безработице. Вдобавок ко всему в начале века страна пережила кризис переизводства, что напугало правительство еще больше, чем безработица³. Волнения в среде рабочих, избыточное население, преступность – все эти факты привели к тому, что идеи конца XVIII в., такие как либерализм, рационализм, натурализм, эмпиризм и материализм, получили реальное воплощение в создании теорий о развитии общества. «Просвещение дало автономию и суверенитет знания. Автономия и суверенитет знания – которое могло быть накоплено только через организованные и систематические процедуры – привели к познавательному росту и созданию теорий общественного развития и организации»⁴. Общественные идеи конца XVIII в. сильно повлияли на процесс колонизации. С того момента, как общество стали представлять системой, появились люди, которые, используя свои знания, решили взять на себя решение социальных проблем. В Англии возникли теории, которые за счет колоний пытались решить проблему переизбытка рабочих рук и преступности.

При королеве Елизавете I и позже большое количество преступлений наказывалось смертью, но, в конце концов, стало принято даровать приговоренным к смерти людям жизнь, при условии их транспортировки за море на указанное число лет, обычно семь или четырнадцать. Идея заключалась в том, что преступники будут отрабатывать свое преступление. Ссылая неугодных из Англии, правительство решало несколько проблем: исчезновение преступного элемента из Англии, приток необходимого населения в колонии,

³ *Marais J.S.* The colonization of New Zealand. L., 1968. P. 1-2.

⁴ *Olssen E.* Mr Wakefield and New Zealand as an Experiment in Post-Enlightenment Experimental Practice // *New Zealand Journal of History.* 1987. Vol. 31, № 2. P. 198.

где ссыльные трудились не на своих землях, а на землях Компании или Короны.

Развивая эту идею, виконт Хортон предлагал увезти из Англии избыточное население, в котором так нуждались колонии и которое было проблемой для Англии. Социальные волнения заставили парламент одобрить это предложение, чтобы разрядить обстановку и предоставить деньги на эмиграцию. По плану виконта Хортона парламент выделил в 1819 г. 50 000 £ на эмиграцию, в 1821 г. эта сумма уже возросла на треть. В 1823 г. и 1825 г. дополнительно были выделены суммы 15 000 £ и 30 000 £⁵.

Однако ситуация в Англии значительно не улучшилась, расходы на содержание колоний, помимо вышеназванных, существенно возросли. Люди предпочитали эмигрировать в Америку, а не в Африку и Австралию, в которых ощущалась нехватка рабочей силы. Парламент признал эксперимент неудавшимся и решил его прекратить.

В этот момент как нельзя кстати пришла теория Э. Уикфилда, который не только решал вопрос об избыточном населении, но и предлагал заработать на этом, а не тратиться. Э. Уикфилд опирался на тот факт, что в колониях был очевидный дефицит рабочей силы, но простое переселение туда людей, как показала практика виконта Хортона, не могло принести выгоды, необходима была система, которая позволила бы использовать поселенцев для получения прибыли. Эта задача и легла в основу теории систематической колонизации⁶.

«Э.Г. Уикфилд родился в Лондоне 20-го марта 1796 г. и был назван в честь историка Эдварда Гиббона (1737–94 гг.), с кем он находился в отдаленном родстве»⁷. Э. Уикфилд получил образование в Вестминстерской начальной и Эдинбургской средней школах. В семнадцать лет стал помощником Британского посланника в суде Турина. В течение следующих двенадцати лет он занимал различные посты в Министерстве иностранных дел в Париже, британской Дипломатической миссии в Турине и британском посольстве в Париже. В 1826 г. Э. Уикфилду было тридцать лет. За шесть лет до этого он стал вдовцом с двумя детьми⁸. Из-за не слишком удачных приключений на любовном фронте оказался в тюрьме (с 1827 г. до 1830 г.), где и увлекся социальными проблемами.

⁵ *Marais J.S.* Op. cit. P. 2.

⁶ *Oliver W.H.* The story of New Zealand. L., 1963. P. 52–56.

⁷ *Appleton M.* They came of New Zealand. L., 1958. P. 225.

⁸ *Ibid.* P. 226.

В своей теории Э. Уикфилд выделил три составляющих ее части: экономическую, социальную и политическую. В экономической части Э. Уикфилд развивал идею «достаточной цены». Проблема колоний заключалась в том, что колонист сразу становился землевладельцем, причем зачастую колонисты брали огромные наделы земли, расположенные далеко друг от друга. Фермеры не могли обеспечить правильное функционирование и развитие колонии. Для этого колонии необходимы были люди, занятые в других сферах деятельности, помимо фермерства, люди, которые купят у фермера излишек, создадут производство, инфраструктуру и т. д. С одной стороны, это требовало вложения капитала, с другой – были необходимы рабочие руки. Главное условие для развития колонии – это капитал, который будет вкладываться в новую колонию, в ее производство и развитие. Однако «капиталисты никогда не эмигрировали бы в колонию, если бы они не были уверены в достаточном для их потребностей количестве чернорабочих. По Э. Уикфилду, в идеальном колониальном обществе чернорабочие и “капиталисты” должны существовать в правильной пропорции»⁹. Достичь правильной пропорции Э. Уикфилд рассчитывал путем установления фиксированной цены на землю (цена должна быть определена опытным путём в каждой колонии).

Установление «достаточной цены» позволит предотвратить превращение колониста в землевладельца, и это даст необходимую рабочую силу для привлечения ее в другие сферы деятельности. Однако чтобы привлечь поселенцев в колонию, заработная плата и цена на землю должны находиться в соответствующей пропорции. Такой, которая позволит рабочему через четыре года преобразовать себя в мелкого землевладельца с перспективой увеличения своей собственности. Когда этот человек создаст свое хозяйство, он будет нуждаться в помощниках и сможет предоставлять рабочие места. Таким образом, возможно поддерживать поток колонистов, которые также желали бы работать какое-то время за высокую заработную плату с перспективой аналогичного достижения собственности¹⁰. В результате переселенец создает фонд иммиграции, вкладывая в него свой труд, а затем капитал. Такие поселенцы готовы тратиться на создание общественных зданий и организаций, на развитие колонии в целом. Поэтому «достаточная цена» является важной экономической составляющей «искусства колонизации».

⁹ *Marais J.S. Op. cit. P. 5.*

¹⁰ *Appleton M. Op. cit. P. 234.*

Однако установление «достаточной цены» было связано с рядом проблем. Слишком высокие цены на землю могли помешать популярности колоний и предоставить капиталистам возможность препятствовать приобретению земли рабочими путем понижения заработной платы. При низких ценах на землю рабочий слишком быстро превратится в землевладельца, и тогда опять возникнет проблема дефицита рабочих рук. Пропорцию чернорабочих и капиталистов определить достаточно сложно, она зависит от производства в колонии¹¹. Установить твердую цену на землю возможно только на короткий срок, пока не появятся мелкие собственники земли, которые смогут ее перепродавать или, наоборот, скупать, чем будут влиять на колебание не только достаточной цены, но и заработка в колонии. Э. Уикфилд считал, что эти проблемы можно решить, если соблюдение принципа «достаточной цены» будет гарантировано парламентским актом, который предоставлял бы все сделки с землей в руки одной организации (компании)¹².

Вторым аспектом в теории систематической колонизации, как отмечал Э. Уикфилд, является социальный состав поселенцев. Личные наблюдения убедили его, что люди, обвиненные в преступлениях, не подходят для того, чтобы строить новые колонии¹³. Поэтому практика организации ссыльных колоний должна быть прекращена. При выборе иммигрантов Э. Уикфилд выдвинул ряд требований, которым те должны соответствовать: «Эмигрант не должен быть из нищих, нищие не способны поверить в себя и устроить хозяйство; он должен быть молодым; желательно женатым, что приведет к занятию хозяйством, а не к поиску клада и приключений. Далее надо учесть, что партия эмигрантов должна основать колонию в греческом понимании, т. е. колония должна отражать страты всего общества метрополии. Поэтому эмигрантов надо набирать из всех слоев общества, и из джентльменов в том числе»¹⁴. Требования к эмигрантам легли в основу социальной составляющей теории Э. Уикфилда. Высокие требования к социальному составу объяснялись тем, что поселенцы должны выполнить работу, которая в другом месте заняла бы усилия многих поколений. «Они должны очистить землю, сделать дороги, построить здания и создать целую материальную среду цивилизованного сообщества»¹⁵.

¹¹ *Marais J.S. Op. cit. P. 5.*

¹² *Question // Parliament Paper Reports. 1836. Vol. 11. P. 784.*

¹³ *Appleton M. Op. cit. P. 227.*

¹⁴ *Marais J.S. Op. cit. P. 4.*

¹⁵ *Appleton M. Op. cit. P. 232.*

Третьей составляющей теории была политическая сторона. Э. Уикфилд непрерывно критикует колониальную администрацию, которую считает неэффективной. «Администрация не должна принадлежать колониальному офису, отделенному такими большими расстояниями от стран, которыми он должен управлять. Единственное средство создать эффективную администрацию – дать возможность самоуправления сообществам, уже приспособленным к тому, чтобы осуществить организацию самоуправления. Администрация самоуправления должна состоять из четырех отделов: армия и флот, иностранные дела, почтовая служба для связи между Англией и колониями и другими странами»¹⁶. Протекторат Англии и самоуправление в колонии – это залог быстрого развития последней.

Таким образом, теория Э. Уикфилда была предназначена для переселения избыточного населения из Англии в колонии. Но в отличие от предыдущих теорий предусматривалось целенаправленное развитие колонии и создание условий притока капитала. Контингент колонии должен состоять из «вполне добропорядочных людей» и копировать социальную стратификацию общества Англии. Преступники и люди, сосланные за бродяжничество, по мнению Э. Уикфилда, просто не могли создать полноценную колонию, поэтому практику организации ссыльных поселений необходимо прекратить. Преступность исчезнет сама, когда социальный вопрос нехватки рабочих мест будет решен, поэтому не имеет смысла создавать ссыльные колонии. Организация новой колонии должна подчиняться определенным правилам, которые составляют основу успешного функционирования колонии в дальнейшем. Эти правила Э. Уикфилд выделил в сфере экономической, социальной и политической. Его теория была первой, предусматривавшей научный подход к созданию колонии. Схема Э. Уикфилда создавалась поначалу без ссылки на определенную страну, но именно Новая Зеландия стала полем испытаний его теории. Э. Уикфилд призывал осуществить колонизацию на основе его теории, а не с помощью этих авантюристов. «Собираясь колонизировать Новую Зеландию, мы, как я думаю, не хотим сделать это в самой неряшливой и позорной манере»¹⁷.

¹⁶ *Marais J.S.* Op. cit. P. 6.

¹⁷ The above passage is in Wakefield's answer to Question // Parliament Paper Reports. 1836. Vol. 11. P. 499.

Э. Уикфилд сумел сделать проблемы колонии вопросом общественной важности: «Благодаря этой теории, впервые во внутренних делах Англии вопрос о колониях приобрел решающее значение в плане урегулирования социальных проблем»¹⁸. Интерес к его теории был достаточно высок, Новая Зеландия стала объектом пристального внимания общества Англии¹⁹.

Идеи Э. Уикфилда заинтересовали общественную организацию «Общество колонизации» при парламенте Англии – группу людей, члены которой ратовали за дальнейшее расширение колониальных захватов. В 1833 г. в обществе было сорок два члена, среди них были «Ч. Баллер, сэр Ф. Бердетт, сэр Д.К. Хобхаус, сэр В. Молесуорт и полковник Торренс, Д. Стюарт и лорд Дарем»²⁰. Все они были членами парламента и отстаивали свои взгляды на заседаниях. К 1837 г. количество членов общества возросло до 300 человек. В рамках этого общества под воздействием идей Э. Уикфилда 12 мая 1837 г. была создана Новозеландская ассоциация²¹.

Ассоциация сама по себе не стремилась получить выгоду от колонизации Новой Зеландии. Главной ее целью было заинтересовать парламент идеями систематической колонизации. Для фактической же колонизации предполагалось создание Новозеландской компании. Само собой разумеется, что Э. Уикфилд был доминировавшей силой, хотя его имя и не встречается среди членов компании, что объясняется его темным прошлым²². Многие представители «Общества колонизации» вошли в состав новой организации. Наиболее значимыми членами этой ассоциации были лорд Дарем, Ф. Баринг, Ч. Баллер, В. Хатт, В. Молесуорт и лорд Питер²³. Э. Уикфилд нашел также поддержку в лице Х.Г. Варда, который возглавлял Колониальный комитет в Палате общин²⁴.

Используя теорию Э. Уикфилда как готовый план колонизации, 2 мая 1839 г. было установлено частное товарищество. «Граф Дарем и лорд Питер, члены парламента, Ф. Баринг, Ч. Баллер и сэр

¹⁸ *Oliver W.H.* Op. cit. P. 52–56.

¹⁹ Теория Э. Уикфилда долгое время была представлена только теоретическими выкладками, представленными на обсуждение в парламент. Отдельно издана она была впервые в 1843 г., затем неоднократно переиздавалась. См.: *Wakefield E.G.* Art of Colonisation. L., 1849.

²⁰ *Appleton M.* Op. cit. P. 229.

²¹ *Ibid.* P. 235.

²² *Marais J.S.* Op. cit. P. 26.

²³ *Cambridge History of the British empire.* Cambridge, 1933. P. 67.

²⁴ *Marais J.S.* Op. cit. P. 26.

В. Молесуорт, и богатые торговцы, подобно Д. Соумсу»²⁵. Э. Уикфилд по-прежнему оставался главным теоретиком компании, официально в ряды руководителей он был включен в начале 1840 г. Капитал Компании складывался за счет продажи акций компании. 4 000 акций по цене в 100£²⁶.

Лорд Дарем, которого справедливо считают одним из самых выдающихся творцов Великобританской колониальной империи, создал себе бессмертный памятник знаменитыми докладами в парламенте в 1839 г.²⁷, но уговорить признать компанию и предоставить ей привилегии ему не удалось. Члены компании обратились к лорду Норманби (приемнику Гленелга) с просьбой признать за ними право на колонизацию, но тот отказал. После этого стало ясно, что правительство Англии не желает сотрудничать с компанией. Чтобы оправдать вложенный капитал, члены комитета компании принимают решение начать колонизацию Новой Зеландии, не получив разрешения правительства. Чтобы сделать работу компании эффективнее, руководители сформировали постоянные комиссии: «Финансов, Эмиграции, Земли и Комитет Корреспонденции». Они действовали как министерства в правительстве, управляли делами, порученными им, и сообщали совету директоров о выполнении²⁸.

В 1839 г. компания отправила в Новую Зеландию первое судно «Тори» с поселенцами на борту.

Стоит признать, что колонизация под руководством компании оказала огромное влияние на историю Новой Зеландии. Колонистами были созданы поселения Веллингтон, Новый Плимут, Нельсон, Вангануи²⁹. В год зенита компании – 1841 г. с 1 мая по 16 ноября она послала 17 судов, полностью укомплектованных эмигрантами³⁰. К 1896 г. Веллингтон станет столицей Новой Зеландии. Другие поселения компании также играли важную роль как центры торговли и производства. Надо признать, что компания многое сделала для того, чтобы Новая Зеландия избежала затруднений, связанных с организацией новой колонии (нехватка колонистов и капитала). Компания обеспечила приток поселенцев и капитала в новую страну.

По проекту компании в новых поселениях были созданы «газеты, музеи, больницы, и не только для пакеха. Для этого привлека-

²⁵ *Marais J.S. Op. cit. P. 41.*

²⁶ *Ibid. P. 41.*

²⁷ *Корф С.А. Автономные колонии Великобритании. СПб., 1914. С. 290.*

²⁸ *Marais J.S. Op. cit. P. 44–45.*

²⁹ *Morrell W.P., Hall D.V.W. A History of New Zealand life. Christchurch, 1962. P. 12.*

³⁰ *Marais J.S. Op. cit. P. 78.*

лись специалисты»³¹. Компания организовала своего рода биржу труда, которая занималась подбором колонистов. Особое внимание уделялось семейным парам, а холостым мужчинам, наоборот, чаще отказывали. Х.Ф. Олстон, руководитель отдела эмиграции, следил за исполнением социальной стороны плана систематической колонизации. Строгая социальная подборка эмигрантов позволила колонии быстро развиваться и стать полноценной экономической и политической структурой.

Таким образом, теория систематической колонизации была первой теорией, призванной решить социальные вопросы метрополии за счет колоний, созданной на основе новых представлений об обществе. Научный подход отразился в структуре теории и вылился в формирование конкретных аспектов экономических, социальных и политических, что и определило системность новой теории колонизации. Теория прошла успешное испытание в Новой Зеландии, что говорит о ее живучести, однако, несмотря на это, практика использования ее коснулась только Новой Зеландии, поэтому внутренние социальные проблемы в Англии не могли решиться за счет систематической колонизации. Теория, создаваемая для широкого использования, получила узкое применение в конкретной колонии.

Теория «систематической колонизации» в формировании социальной и экономической сферы колонии сыграла значительную роль, но была забыта: когда в Новую Зеландию хлынул поток переселенцев, контролировать его было невозможно. Рост популярности новой колонии среди колонистов объяснялся во многом тем, что благодаря особым условиям колонизации в Новой Зеландии сложились все возможности для успешной адаптации поселенцев, установились порядок и власть, которые обеспечивали исполнение законов ничуть не хуже, чем в Англии. Колония успешно развивалась.

Как уже говорилось, к 60-м гг. XX в. в Новой Зеландии назрела необходимость заключить пестрое по своему национальному составу общество в одни исторические рамки, чтобы выделить его членов как единое сообщество. После распада Британской империи перед Новой Зеландией встал вопрос определения не только национального, но и политического, экономического – вопрос идентичности стал вопросом внутренней и внешней политики государства. Будет ли Новая Зеландия частью Австралии или так и останется осколком Британской империи, будет ли позиционировать себя как часть западноевропейского мира или предпочтет азиатский, а может, вообще представит себя как лидера Полинезии? Все зависело от ответа

³¹ *Marais J.S.* Op. cit. P. 57–65.

на вопрос: кто такие новозеландцы, откуда идут их культурно-исторические корни? Поиск ответов на вопросы решили начать в мощном пласте колониального прошлого.

Очень быстро внимание исследователей сконцентрировалось на теории «систематической колонизации», ее принципы как нельзя лучше подчеркивали английские традиции, с одной стороны, и выделяли особенности колонии – с другой. Коммерческое использование теории «систематической колонизации» Новозеландской компанией сменилось ее идеологическим применением общественностью Новой Зеландии. Она стала основой концепции о формировании нации. Исследователи обращают внимание на «теорию», чтобы подчеркнуть английские традиции, морально-этический облик переселенцев, культурно-историческую взаимосвязь и т. д. А то, что, создаваемая для широкого использования, она получила узкое применение в конкретной колонии, придало только уверенности, что именно теория «систематической колонизации» легла в основу нации «новозеландцев». С 60-х гг. XX в. это утверждение укрепилось в сознании общественности.

ВЛИЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН

А.В. Баранов

Саратовский государственный университет,
кафедра истории нового, новейшего времени и международных
отношений

E-mail: baranovav@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы отражения и воздействия религиозной памяти в форме мифологем на формирование внешнеполитической доктрины Исламской Республики Иран. Анализируются взгляды аятоллы Хомейни и их интерпретация современными государственными деятелями Ирана (М. Ахмадинежад, А. Хаменеи, М. Моттаки) в проведении внешней политики страны на современном этапе.

Ключевые слова: Иран, ислам, Хомейни, внешняя политика Ирана в XX в., Израиль, региональные конфликты, Палестина, палестинский конфликт, арабо-израильские войны.

INFLUENCE OF HISTORICAL MEMORY ON MOLDING OF FOREIGN POLICY OF THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN

A.V. Baranov

In the article are examined questions of reflection and action of religious memory, in the form mythologemas, on molding of the conception of foreign affairs of the Islamic republic of Iranian. Are analyzed the views of ayatollah Khomeini and their interpretation by the contemporary statesmen of Iran (M. Ahmadinejad, A. Khamenei, M. Mottaki) in conducting of foreign policy of the country in the present stage.

Key words: Iran, Islam, [Khomeini], foreign policy of Iran in XX century, Israel, regional conflicts, Palestine, Palestinian conflict, Arab-Israeli wars.

Мировые средства массовой информации с повышенным вниманием отслеживают ситуацию вокруг Исламской Республики Иран. Особенно в этом преуспели американская и израильская прессы. Именно благодаря США и Израилю в мире поддерживается напряженное и настороженное отношение к «ядерному досье» Те-

герана. Один из мировых таблоидов, издающихся в США, – *The Washington Times* опубликовал статью Джеффри Т. Кунера «Будущая война с Ираном». В ней Кунер прямо заявляет, что война с Ираном стала неизбежной. «Без ответа остался только один вопрос – начнется ли она раньше или позже. Последние ракетные испытания Тегерана говорят о том, что апокалипсические муллы пришли к такому же выводу. Иран добился успехов. Его ракеты среднего радиуса действия «Шахаб-3» (Shahab-3), а также «Саджил» (Sajjil) способны достичь Израиля»¹. У Вашингтона, по мнению Кунера, есть два пути: либо санкционировать американскую или израильскую военную операцию для уничтожения иранских ядерных установок, либо позволить Тегерану завладеть ядерным оружием. Любой из двух вариантов означает начало войны, которая неизбежно затронет весь регион Ближнего Востока, что приведет к еще большему углублению мирового экономического кризиса и росту стоимости нефти до 300 долларов за баррель.

Столь апокалиптические картины ближайшего будущего вполне вписываются в американскую внешнеполитическую стратегию по противодействию «мировому терроризму» и установлению американской гегемонии. Эта концепция была изложена еще в 1997 г. и подтверждена в 2004 г. Речь идет об уже эпохальном документе – «Проект Нового Американского Века. Заявление о принципах», под которым подписались такие именитые авторы, как Пол Вулфовиц, Норман Подгорец, Дональд Рамсфельд, Стив Форбс и другие.

В «Заявлении» констатируется факт неоспоримого мирового лидерства Америки, которая теперь одна в ответе за все происходящее. «Мы не можем уклоняться от ответственности и издержек, связанных с глобальным лидерством. Америка играет ключевую роль в обеспечении мира и безопасности в Европе, Азии и на Ближнем Востоке. Увиливание от этой ответственности поставит под угрозу наши фундаментальные ценности. Мы должны бросить вызов тем режимам, которые не принимают наших интересов и ценностей»². Отсюда в 2002 г. была заимствована идея и введена в обращение знаменитая фраза Джорджа Буша-младшего об «Оси зла», впервые упомянутая им в своем ежегодном обращении к Конгрессу США,

¹ *Kuhner J.T.* The coming war with Iran // <http://washingtontimes.com/news/2009/oct/04/the-coming-war-with-iran/>. – 04.10.2009.

² Цит. по: *Баталов Э.Я.* Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М., 2005. С. 67.

куда попали главные «спонсоры мирового терроризма» – Ирак, КНДР и Исламская Республика Иран³.

В стремлении реализовать на практике эти принципы администрация уже бывшего президента США Джорджа Буша-младшего выступила с инициативой по созданию Большого Ближнего Востока, единого демократического и гражданского пространства. Идеалом должны были выступить именно Соединенные Штаты, а главным «помощником» в регионе становился старый стратегический партнер – Израиль. Однако спорные и неоднозначные итоги двух военных кампаний (2006 и 2009 гг.) поставили под сомнение способность Израиля выполнять «возложенные» на него со стороны США функции по «демократизации» региона и противостоянию «мировому терроризму» в лице «Хизбалла» в Ливане и ХАМАС в Палестине.

Попытки достичь заявленных целей военным, силовым путем перманентно наталкиваются на растущее сопротивление местного арабского населения. Вашингтон и Тель-Авив возлагают всю ответственность за свои неудачи на политику, проводимую Ираном в регионе, обвиняя Тегеран в оказании военной и финансовой помощи тем силам, которые оказывают сопротивление американским и израильским войскам.

Однако столь упрощенная и понятная обывателям картина не отражает всю сложность и многогранность происходящих событий, получивших название «палестинского» или «арабо-израильского» конфликта. Помимо геополитического, политического и военного противостояния существует и еще одно, не менее, а скорее, и более важное для понимания сути проблемы. Речь идет о ментальном, мировоззренческом несовпадении взглядов между евреями и арабами в вопросе о принадлежности и причастности земель Палестины к истории двух народов. В этом отношении, а именно игнорирования ментальной стороны конфликта, интересен и пример самого автора этой статьи. Принимая участие в дискуссии по проблемам ближневосточного конфликта и политики Ирана со своими иранскими коллегами, автор высказался о том, что Тегеран выступает с позиции прагматизма, исходя из своих национальных интересов. Однако в ответ от иранских коллег получил замечание касаясь того, что Тегеран придерживается не прагматизма в данном вопросе, а несет моральную ответственность за то, что происходит в регионе.

³ Baker P., Linzer D. U.S. Policy on 'Axis of Evil' Suffers Spate Of Setbacks // <http://www.inosmi.ru/translation/221587.html>. – 04.04.2005.

Таким образом, иранцы воспринимают и стремятся решать проблему не в политическом, а в ментальном плане.

Действительно, если взглянуть на проблему под данным углом зрения, то перед нами предстанет совершенно другая картина, фоном которой будут не современные политические события, а историческая память народов, воспринимающая землю Палестины как колыбель своей культуры и религии. Широко известно, что именно Палестина стала родиной трех мировых религий – иудаизма, христианства и ислама. А это значит, что они рассматривают Палестину не просто как географическое место на карте мира, она является символом их самобытности, уникальности, что их связывает и объединяет в рамках единого целого. И сложно не согласиться с высказыванием израильского исследователя Р. Дж. Цви Вербловски, специально изучавшего данную проблему: «Символы живучи и вряд ли удастся отбросить их небрежным мановением руки, назвав всего лишь выдумкой или мифологическими анахронизмами. Зачастую символы представляют собой хранилище как осознанных, так и подсознательно оберегаемых истин, разделяемых всей общиной и обуславливающих ее существование. На международном и политическом уровне Иерусалим, к сожалению, символ не столько святости и мира, сколько раздоров и конфликтов»⁴.

В связи с тем, что именно Иран сегодня воспринимается как страна, успешнодвигающаяся к статусу региональной державы, стремящейся олицетворять собой весь мусульманский мир, исследования идеологических основ внешнеполитической стратегии этого государства неизменно вызывают повышенный интерес. Апелляция к сознанию мусульман как к единому целому, принадлежащих одной *умме* (общине), связанной общей историей, памятью и религией, стала основной идеей внешнеполитической доктрины Ирана, провозглашенной «духовным отцом» исламской революции Имам Хомейни. Ему принадлежат слова, обращенные ко всем мусульманам мира: «Мусульманские народы должны считать строй Исламской Республики и борющийся иранский народ образцом для себя. Ставьте на место свои правительства, когда они не принимают требования народа, являющиеся требованиями и иранского народа»⁵.

Возможность возрождения мощи и влияния иранского народа Хомейни видел в обращении к богатому историческими событиями

⁴ Вербловски Р.Дж.Цви. Значение Иерусалима для евреев, христиан и мусульман. Иерусалим, 2001. С. 28.

⁵ Имам Хомейни. Религиозное и политическое завещание. М., 1999. С. 37.

прошлому мусульманской уммы времен пророка Мухаммеда. Все преобразования, совершаемые в Иране после Исламской революции 1979 г., освящаются ссылками на деяния Праведных халифов. «Когда по Божьей милости, мощной рукой правоверного народа основана Исламская Республика и все, что осуществляется в этом исламском государстве, связано с исламом и его прогрессивными положениями и заповедями, великий народ Ирана должен стремиться к тому, чтобы их содержание раскрылось и осуществилось во всех своих аспектах, а также сохранить их»⁶.

Хомейни провозгласил мессианскую роль, которую должен сыграть иранский народ в возрождении мусульманской уммы, возвращении ее к временам славного и победоносного прошлого, временам деятельности пророка Мухаммеда и первых халифов. «Я решительно заявляю, что в настоящее время народ Ирана, его многомиллионные массы более праведны и решительны, чем народ Хиджаза во времена Мухаммеда и народ Куфы и Ирака времен Али и Хусейна»⁷. Сама судьба предназначала иранскому народу первым встать под знамена пророка и сокрушить врагов Ислама, превратившись в солдат. «Если победы мусульман, запечатленные в истории, не заметны большинству мусульман, то для воинственного народа Ирана, вооруженного верой и движимого теми же мотивами, что и солдаты раннего Ислама, они до сих пор стоят перед глазами»⁸. Иранцы поднялись на защиту угнетенных масс и на поддержку арабов Кудса и Ливана и будут бороться до тех пор, пока «Эль-Кудс и Палестина не вернутся под знамена Ислама»⁹.

Главной причиной, мешающей объединению и возрождению уммы, по мнению Хомейни, является факт оккупации исконных территорий исламских земель, входящих в так называемый *дар аль-Ислам* (Дом Ислама). И в первую очередь Хомейни говорит об оккупации территории Палестины, где находится один из священных городов ислама – Эль-Кудс, или Бейт-уль-Моккадас, он же Иерусалим. Об Эль-Кудсе следует рассказать более подробно, так как он играет важную роль в обосновании необходимости вмешательства Ирана в ближневосточный конфликт.

⁶ Имам Хомейни. Указ. соч. С. 21.

⁷ Там же. С. 33–34.

⁸ Выступление Имама Хомейни по случаю Дня Иерусалима, 1981 // Аллах не любит Америку / Под ред. А. Парфрея. М., 2003. С. 267.

⁹ Там же. С. 269.

Несмотря на тот факт, что нигде в Коране¹⁰ мы не найдем прямого упоминания Иерусалима, с ним связано несколько эпизодов из мифологической жизни пророка Мухаммеда. Сегодня уже не подвергается сомнению, что Мухаммед действительно мог посещать территорию Палестины благодаря своему роду деятельности. Не подлежит также сомнению, что и сам Пророк, и его учение испытали серьезнейшее влияние христианства и иудаизма.

Согласно коранической традиции именно в Эль-Кудсе Мухаммед совершил свое знаменитое восхождение на небо, где был принят самим Аллахом. В Коране он упомянут следующим образом: «Хвала тому, кто перенес ночью Своего раба из мечети неприкосновенной в мечеть отдаленнейшую, вокруг которой Мы благословили, чтобы показать ему из Наших знамений. Поистине, Он – всеслышащий, всевидящий»¹¹.

Нас интересует не столько толкование исходного значения этого отрывка из Корана, сколько его интерпретация, предложенная в эпоху раннего ислама. Согласно этой интерпретации пророк Мухаммед был чудесным образом перенесен из Мекки в Иерусалим (*isra*) и оттуда совершил свое восхождение на небо (*mi'radj*). (Сейчас этот праздник в Иране отмечается под названием *Лайлати-и-Кадр*, или *Ночь волшебного путешествия*). Место, откуда он был вознесен, называется *ал-Масджид ал-Акса* (Отдаленная мечеть). Но во времена Пророка эта территория не входила в состав Халифата, и по сути это миф, символизирующий причастность Иерусалима к истории деяний и чудес, приписываемых Мухаммеду. Событие огромной важности, коренным образом изменившее статус Иерусалима, превратившее его в центр исламского благочестия и почитания в качестве святыни, произошло после завоевания Иерусалима халифом Омаром в 638 году. Им был построен молельный дом рядом со священной *sakhra* (Скалой), на месте разрушенного еврейского Храма, а почти 50 лет спустя, в 691 г., халиф Абд аль-Малик ибн-Марван воздвиг здесь *Купол над Скалой* (традиционно, хотя и неверно, именуемый мечетью Омара)¹².

Именно факт строительства данных мечетей, по мнению Р.Дж. Цви Вербловски, позволяет нам говорить о том, что некогда ассоциативные связи между *ал-Масджид ал-Акса* и Отдаленной мече-

¹⁰ Сноски на Коран приводятся по изданию: Коран / Пер. И.Ю. Крачковского. М., 1990.

¹¹ Коран, 17:1.

¹² См.: Сурдель Д., Сурдель Ж. Цивилизация классического ислама. Екатеринбург, 2006. С. 478.

тью, упоминаемой в Коране в эпизоде с вознесением пророка на небо, обретают конкретные географические, то есть исторические, очертания. «Для исламского мира, не проводящего различий между религиозной и светской сферами, – замечает Вербловски, – религиозная реальность имеет безусловный смысл, который вполне допустимым и оправданным образом распространяется на политическую сферу. Это происходит даже в тех случаях, когда религиозная сфера становится объектом злоупотреблений и манипуляций, преследующих исключительно политические интересы»¹³. После этого Иерусалим – Эль-Кудс становится священным городом мусульман наравне с Меккой и Мединой.

По мнению Имама Хомейни, недопустимо, чтобы священное место осквернялось иноверцами. «Наш народ, исламские народы и обездоленные мира горды тем, что их враги, являвшиеся врагами господними, священного Корана и дорогого ислама, это хищники, не брезгающие никакими преступлениями и предательствами ради достижения своих зловещих замыслов. И во главе них стоит Америка, террористическая по своей сути страна, которая разожгла огонь по всему миру. И это ее союзник – международный сионизм, который ради достижения своих умыслов совершает преступления, описать которые не способно перо и стыдится выразить язык, и дурацкая идея “Великого Израиля” побуждает их к любым преступлениям»¹⁴.

Долг всех мусульман подняться на борьбу против оккупантов, захвативших святые места, против тех, кто узурпировал власть и угнетает невинных. «Вы же знаете, что выступления протеста против бесчинств Омейядов (да проклянет их Господь!), хотя никого из них уже нет в живых и все они отправились прямо в ад, есть протест против всех угнетателей в мире. Сохранение преемственности таких выступлений сокрушает угнетение, жестокость и несправедливость»¹⁵.

Борьба с несправедливостью и угнетением становится, таким образом, основным содержанием внешней политики Ирана после Исламской революции. Символом этой непрекращающейся борьбы является Эль-Кудс, который необходимо освободить любой ценой. По инициативе Имама Хомейни в Иране стали отмечать в качестве памятной национальной даты День солидарности и борьбы за освобождение Эль-Кудса – День Эль-Кудса. Хомейни приурочил празд-

¹³ Вербловски Р.Дж.Цви. Указ. соч. С. 9.

¹⁴ Имам Хомейни. Указ. соч. С. 13–14.

¹⁵ Там же. С. 17.

нование этой даты к другому религиозному событию, отмечаемому ежегодно в последнюю пятницу священного месяца *шахру-и-лах* (рамадана) – *Лайлати-и-Кадр* (Ночь волшебного путешествия Мухаммеда на небо). По настоянию Хомейни мусульмане «должны укреплять свою бдительность и боеготовность в этот день, чтобы вызволить себя из западни длительного пренебрежения этим святым долгом, куда они угодили в последние века»¹⁶.

В результате этого движения «иранцы поднялись на защиту угнетенных масс и на поддержку арабов Кудса и Ливана, и они будут бороться до тех пор, пока Эль-Кудс и Палестина не вернутся под знамена Ислама»¹⁷.

Таким образом, основатель и «духовный руководитель» (Рахбар) Исламской Республики Иран (ИРИ) аятолла Сейид Рухолла Мусави аль-Хомейни сформулировал основные идеологические постулаты, легшие в основу внешнеполитической доктрины ИРИ. Связав в единое целое настоящее и прошлое мусульманской уммы, он тем самым обосновал историческую преемственность претензий Ирана на лидерство в исламском мире и, проведя аналогию с временами пророка, нещадно боровшегося с противниками новой веры, Хомейни невольно сравнил иранцев с солдатами Салах-ад-Дина – легендарного Саладина, сражавшегося с крестоносцами во времена крестовых походов.

В феврале 2009 г. Исламская Республика торжественно отметила свое тридцатилетие. Уже двадцать лет как нет Имама Хомейни, но наследие его до сих пор составляет основу всей внутренней и внешней политики страны. Благодаря реформам, начатым в 1990-е гг. и росту цен на энергоресурсы в начале 2000-х гг. сегодняшний Иран демонстрирует стабильные показатели роста экономики, а нефтедоллары дали возможность приступить к осуществлению геополитических проектов, среди которых в особенности выделяются ядерная и космическая программы.

С приходом к власти М. Ахмадинежада в 2005 г. внешнеполитическая концепция Исламской Республики приобрела ряд новых черт, придав ей динамичность и амбициозность. В заявлении Ахмадинежада, сделанном им еще в период избирательной кампании, утверждалось: «Внешняя политика Исламской Республики Иран, в принципе, должна основываться на установлении мира и справедливости во всем мире. По этой причине расширение отношений со всеми странами является главной задачей Исламской Республики.

¹⁶ Выступление Имама Хомейни по случаю Дня Иерусалима, 1981... С. 265.

¹⁷ Там же. С. 269.

Под этим я подразумеваю сбалансированность отношений, основанных на взаимном уважении и соблюдении прав друг друга»¹⁸.

В данном ракурсе даже допускается принципиальная возможность восстановления отношений с США, если при этом «не будет нанесен вред независимости, чести и благородству иранской нации»¹⁹.

Куда сложнее обстоят дела в отношениях с Израилем. Здесь Иран занимает непримиримую позицию. Несмотря на именование этой страны марионеткой США, фактически именно Израиль превратился в главного внешнеполитического противника Исламской Республики. И в отношении еврейского государства политики из Тегерана не стесняются в выражениях. Пожалуй, самое жесткое заявление, многими расцененное как концептуальный подход, было озвучено М. Ахмадинежадом на конференции Исламской студенческой ассоциации «Мир без сионизма», состоявшейся в Тегеране 26 октября 2005 г. К сожалению, в мировую прессу просочилось только одно выражение, вырванное из контекста – «Израиль должен быть стерт с политической карты».

Обращаясь к аудитории, М. Ахмадинежад выступил с развернутым выступлением, в котором попробовал проанализировать и дать свою оценку «палестинской проблеме», составляющей основу ближневосточного кризиса. «Нам необходимо выяснить истинные причины возникновения палестинского вопроса: является ли это борьбой между мусульманами и не евреями? Является ли это борьбой между иудаизмом и другими религиями? Является ли это борьбой между отдельными странами? Является ли это борьбой между одной страной и арабским миром? Является ли это борьбой за обладание землей Палестины? Я думаю, что на все вопросы необходимо ответить – "нет". Основание оккупационного режима Кудса (Иерусалима) было целенаправленным действием мирового угнетателя (Соединенных Штатов. – А. Б.) против исламского мира».

Далее М. Ахмадинежад говорил о многовековом противостоянии исламского мира внешнему угнетению. «К сожалению, в последние триста лет исламский мир постоянно сдавал свои позиции». И самое тяжелое поражение он понес в XX в., когда был основан «оккупационный режим». «Следовательно, – делает заключение президент ИРИ, – борьба в Палестине сегодня – это главный

¹⁸ Interview with Ahmadinejad, 8 June 2005 // [http:// www.globalsecurity.org/library/news/iran/2005/iran-050608-irna.html](http://www.globalsecurity.org/library/news/iran/2005/iran-050608-irna.html). – 08.06.2005.

¹⁹ Взгляды шестого президента ИРИ: внешняя политика // http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=31071. – 08.06.2005.

фронт борьбы исламского мира с мировым угнетателем и его судьба будет решать судьбу противостояния последних столетий». Исход этой борьбы, по мнению М. Ахмадинежада, предсказал еще Имам Хомейни, заявивший, что «оккупационный режим должен быть стерт с политической карты». И в данном случае «мы не должны идти на компромиссы в вопросе о Палестине. Это будет означать поражение, если кто-либо пойдет на признание легитимности этого режима, причем это будет поражение всего исламского мира»²⁰.

Сделав столь «сенсационное» заявление, президент ИРИ попал под шквал обвинений в западных СМИ, усмотревших в этом агрессивный характер внешней политики Тегерана. Практически до сегодняшнего дня Махмуд Ахмадинежад вынужден в своих выступлениях объяснять и пояснять подход Ирана к Израилю и «палестинской проблеме».

Уже в декабре 2005 г. в речи перед лидерами организации «Исламская конференция» президент Ирана призвал участников объединить свои усилия в разрешении «палестинского вопроса». Он назвал «режим Израиля на оккупированных палестинских территориях главным препятствием» на пути урегулирования. Признавая правительство-узурпатора и далее, мировое сообщество будет разочаровано неудачными попытками установить длительный и прочный мир в регионе. «Единственным мудрым выходом из сложившейся ситуации, – по мнению М. Ахмадинежада, – будет основанное на международных договоренностях возвращение всех палестинских беженцев, проведение всенародного референдума по определению будущего типа правления на палестинских территориях с Кудсом в качестве столицы государства»²¹.

В Нью-Йорке после речи в ГА ООН, 22 сентября 2006 г., Ахмадинежад был вынужден также отвечать на критику его спорной трактовки «стереть с карты мира Израиль». «Мы любим каждого человека на этой земле. Евреи, христиане, мусульмане, не мусульмане, не евреи, не христиане – у нас нет проблем в общении с людьми <...>. Однако сионисты – это сионисты; это период истории. Они – не евреи, не христиане и не мусульмане. Они последователи политического учения, они – партия, а мы выступаем против угнетения и агрессии со стороны любой партии, которая стремится

²⁰ Text of Mahmoud Ahmadinejad's Speech // [http:// www.nytimes.com/2005/10/30/weekinreview/30iran.html](http://www.nytimes.com/2005/10/30/weekinreview/30iran.html). – 30.10.2005.

²¹ President urges Muslim heads of states to solve Muslim's problems // <http://www.president.ir/ahmadinejad/cronicnews/1384/09/16/index-e.html#b2>. – 30.10.2005.

использовать грубую силу для достижения своих целей»²². Таким образом, сионизм – это политическое движение за основание еврейского государства, которое и привело к созданию Государства Израиль 60 лет назад.

Он вновь повторил, что сионисты – агрессоры и убийцы, которые изгнали палестинцев из их домов, чтобы построить свое государство, а затем оккупировали и палестинские территории. Ахмадинежад высказался в поддержку возвращения палестинцев на земли, которые сегодня составляют Государство Израиль, и за проведение референдума «с участием каждого» для определения его судьбы.

В Куала-Лумпуре 8 июля 2008 г. на саммите D8 (Развивающихся стран) на вопрос о намерении «стереть Израиль с карты мира» Ахмадинежад ответил: «Израиль – это нелегитимный режим... и он распадется сам собой». Иран не будет предпринимать никаких агрессивных действий против него. Ахмадинежад отметил, что Исламская Республика никогда не начинала войн против какого-либо народа и не намерена этого делать в будущем, добавив, что Израиль не является исключением из правил. Президент заявил, что евреи мирно живут в Иране, свободно отправляют свой религиозный культ и, несмотря на свою малочисленность, имеют представительство в Маджлисе. А Израиль является главной дестабилизирующей силой в регионе, угрожающей безопасности соседних арабских стран²³.

Подход, отстаиваемый М. Ахмадинежадом на мировой арене, идет в фарватере внешнеполитического курса Ирана. Не секрет, что идеологическим обоснованием внешней политики Ирана являются взгляды и идеи основателя ИРИ аятоллы Хомейни, и это неоднократно подчеркивается в выступлениях на самом высоком правительственном уровне. Так, в Тегеране в июне 2008 г. прошла 2-я международная конференция, посвященная памяти основателя ИРИ, на которой выступил МИД ИРИ М. Моттаки. В своей речи он подчеркнул, что оппозиция Имама Хомейни сионистскому режиму не ограничивалась каким-либо отдельным периодом его жизни. «Имам постоянно подчеркивал с самых первых дней Исламской революции, что одной из целей революции является противостояние сионистскому режиму и помощь палестинскому народу». Моттаки отметил, что Хомейни был убежден в том, что сионизм является угрозой всем мусульманским странам и народам. Имам Хомейни все-

²² President: Quarrel with Zionists, not jews // Iran Daily. 2006. Sept. 23. № 2667.

²³ Iran does not intend to wipe out Israel // Tehran Times. 2008. July 2. № 10361.

гда говорил, что Израиль – экспансионистский режим, и всегда предостерегал арабские и исламские страны об агрессивной природе узурпаторского режима²⁴.

Нынешний лидер Исламской революции аятолла Сейид Али Хаменеи, выступая на церемонии поминовения Имама Хомейни 3 июня 2008 г., заявил, что Имам предсказал: Исламская революция распространится за пределы Ирана, и это является одним из важнейших пунктов его взглядов. «Экспансия революции не означает посылку войск и поощрение терроризма. Она означает поощрение распространения учения об Исламской революции, в особенности идеи защиты угнетенных»²⁵.

Реализация данной идеи идет не только на официальном, правительственном уровне, в рамках МИД страны, но и через неофициальные каналы. В Иране, в частности, действует влиятельная неправительственная организация, созданная на базе иранской «Хизбалла», – Международная Антисионистская Ассамблея. Ее секретарь Хуссейн Канани-Моккадам о политике своей страны и организации, им возглавляемой, заявил следующее: «Ливан, Палестина и некоторые другие страны являются сферой влияния Ирана, и поэтому мы считаем, что национальная безопасность Ирана зависит от сопротивления Ливана и «Хизбалла». Кое-кто критикует Иран за помощь Ливану и Палестине. Мы действительно помогаем тем, кто находится на передовой борьбы с сионизмом, и если этого фронта не будет, мы станем следующей мишенью. Поэтому мы должны усиливать наше присутствие в этих районах, чтобы не дать противнику приблизиться к нашей территории очень близко»²⁶. К этому необходимо добавить, что в Тегеране действуют и представляют палестинских организаций – ХАМАС и «Исламского Джихада», через которые осуществляется связь и оказывается всевозможная помощь.

Из вышесказанного раскрывается суть внешнеполитической концепции ИРИ в отношении Израиля и «палестинской проблемы». Тегеран выступает против трактовки Израиля как исключительно еврейского государства. Нынешний Израиль – это результат деятельности сионистской организации – создан решением ООН, т. е. мировое сообщество несет ответственность за судьбу своего

²⁴ Imam Khomeini's opposition to Israel was unconditional // Tehran Times. 2008. June 2. № 10333.

²⁵ Imam Khomeini's testament provides guidelines for revolution // Tehran Times. 2008. June 10. № 10334.

²⁶ Israel is the problem // Iran Daily. 2007. July 7. № 2885.

проекта. Израиль как еврейское государство – это режим апартеида по отношению к палестинцам-арабам. Палестинцы – угнетаемое и притесняемое население, лишенное права на самоопределение. Иран, как исламская страна, несет моральное обязательство по отношению к угнетаемым исламским народам, и судьба палестинцев – один из центральных факторов внешнеполитического курса Ирана. Основные задачи – это помощь палестинцам, поддержка движения сопротивления, а также консолидация общественного мнения в мире и регионе через международные и региональные организации. Цель – реализация в полной мере всех принятых ООН резолюций по Палестине и пересмотр существующего в мире подхода к разрешению «палестинской проблемы» в частности и ближневосточного кризиса в целом.

Таким образом, подводя краткий итог, можно с уверенностью утверждать, что сегодняшняя внешняя политика Ирана отошла от радикальной риторики времен Хомейни, от призывов к джихаду против неверных, но основные исходные принципы остались теми же самыми. Все решения, принимаемые на внешнеполитической арене Ираном, освящаются ссылками на высказывания Имама Хомейни.

**СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ И ЕЕ СОСТАВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ
(по материалам письменных источников Саратовской губернии
конца XVIII–XIX веков)**

А.С. Майорова

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: Majorova-as@mail.ru

В статье рассматривается проблематика социальной памяти как специфической формы хранения общественно значимой информации, механизма и способов ее переработки. Из коллективной памяти социальные группы используют то, что им необходимо для осуществления их идеологических, политических и социальных целей. На уровне региона социальная память фиксирует и хранит информацию о событиях, которые представляют исключительную важность для местного населения. В статье анализируются мифологические сюжеты – наиболее древний и самый живучий пласт социальной памяти – в фольклоре Саратовского Поволжья. Интерпретация этих сюжетов в устной традиции позволила включить их в природно-социальный и историко-культурный континуум Саратовского Поволжья.

Ключевые слова: социальная память, мифологические сюжеты, фольклор, Саратовская губерния.

**SOCIAL MEMORY AND ITS COMPONENTS
(on the materials of written sources of Saratov province
of end XVIII–XIX centuries)**

A.S. Maiorova

In the article the problems of social memory as the specific form of storage of the publicly significant information, mechanism and methods of its processing is considered. From the collective memory of man social groups use that necessary for them for the realization of their ideological, political, social purposes. At the level of region social memory preserves the events, which present exceptional importance for the local population. The article analyze the mythological subjects the folklore of Saratov Volga Region – most ancient and most tenacious layer of social memory. The interpretation of these subjects in the oral tradition

made it possible to include them into the natural social and the historical continuum of Saratov Volga Region.

Key words: social memory, mythological subjects, folklore, the Saratov province.

Понятие «социальная память» представляется как нечто более сложное, нежели историческая память. Социальная память мыслится как определенная сторона общественного сознания, как специфическая система хранения социально значимой информации, как механизмы и способы переработки информации, обусловленные мировоззренческими установками¹. Существует и другое определение этого феномена. Социальная память – накопленная в ходе культурно-исторического развития внегенетическая информация, представляющая собой результаты познавательной-практической деятельности человека, передаваемая из поколения в поколение с помощью различных социокультурных средств². В этих определениях, замечала И.М. Гуткина, подчеркивается обобщающий характер социальной памяти, интегрирующей в себе свойственные большой массе или всему человеческому сообществу черты, концентрирующиеся в понятии «знание», хранящемся вне индивида³.

В отличие от индивидуальной памяти, социальная память несет в себе, прежде всего, рациональное начало, в то время как индивидуальная память характеризует рационально-эмоциональную наполненность, в которой порой трудно определить, что важнее. Наряду с ярко выраженной функцией накопления память динамична, способна к восприятию нового. Одним из механизмов памяти является динамика памяти и забвения. Не всегда можно объяснить, почему одни события запоминаются надолго, на века, а другие исчезают из памяти. Видимо, суть надо искать в том, что память избирательна. На этом свойстве памяти и основана ее способность к трансформации⁴. Эта способность довольно часто обуславливает идеологию того или иного общества, его культурное наполнение, создание символики, соответствующих произведений искусства и т. п.⁵. Саратовский философ И.М. Гуткина обращала внимание на то, что из коллективной памяти человечества социальные группы

¹ См.: Гуткина И.М. Память в культурном пространстве // Социальная память российской цивилизации. Саратов, 2001. С. 56.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 61.

⁵ Там же. С. 62.

используют необходимое им для осуществления их идеологических, политических, социальных целей⁶. Если же обратиться к уровню региона, то здесь следует отметить важную особенность общественного сознания, которое стремится выделить характерные черты своего региона, показать его самоценность.

В связи с этим и социальная память на уровне региона может иметь свои особые черты, сохраняя именно те события, которые представляли или представляют исключительную важность для местного населения. С другой стороны, это не исключает и наличия в ней сюжетов, характерных для всего этноса в целом, и даже шире – для всего человечества. Для изучения особенностей социальной памяти в Саратовском Поволжье в конце XVIII–XIX вв. необходимо обратиться к трудам саратовских историков и этнографов.

Фиксирование социальной памяти для изучаемого периода осуществлялось главным образом в письменной форме – в виде литературных произведений, мемуаров, сочинений историков. Существует также устная традиция – мифы, предания, эпические сказания. Устная традиция достойна особого внимания в связи с тем, что она при отсутствии документов является единственным источником информации. В любом регионе и в любую эпоху историки и писатели в той или иной форме фиксировали следы преданий, легенд, эпических сказаний и мифов. В принципе изучение произведений фольклора невозможно без фиксирования их в письменной форме. Поэтому мы знакомимся с ними благодаря трудам фольклористов, историков и этнографов. Следует отметить, что историки не всегда отдавали себе отчет в том, насколько значительна специфика памятников устной традиции, которые они использовали в своих сочинениях.

Объектом настоящего исследования является устная традиция Саратовского Поволжья, зафиксированная в трудах местных историков, этнографов и фольклористов XIX в. Следует уточнить, что мы знакомы в основном с памятниками фольклора русского населения. Это вполне объяснимо – преобладающее большинство трудового населения Саратовской губернии к середине XIX в. составляли русские крестьяне. Это было результатом процесса хозяйственного освоения и заселения территории Саратовского Поволжья в XVII–XVIII вв. и позднее. Современный саратовский историк М.В. Булычев приводит статистические сведения, относящиеся к 1846 г., о количественном соотношении податного крестьянского населения разных национальностей на территории Сара-

⁶ Гуткина И.М. Указ. соч. С. 57.

товской губернии⁷. Эти сведения показывают, что основную массу населения всех уездов губернии к тому времени составляли русские, их было 74,7% всего учтенного населения. Второй по величине этнической группой являлись поволжские немцы – 8,5%, на третьем месте находились украинцы – 6,6%. Несколько меньшую долю составляла мордва – 5,9%, татар было 3,5% податного населения, чувашей еще меньше – 0,5%. Были и другие, очень немногочисленные этнические группы⁸.

Эти сведения позволяют говорить о том, что народная культура Саратовской губернии изучаемого периода была неоднородной, при этом наиболее значительное распространение получила культура русского народа. Именно она играла роль системообразующего элемента в общем процессе культурного развития в Саратовском Поволжье в изучаемый период. И все же следует учитывать взаимодействие элементов культуры разных народов, представители которых проживали на этой территории. Саратовские историки и этнографы XIX в. проявляли интерес к народным обычаям и фольклору мордвы, украинцев, немцев. При изучении устной традиции как одного из элементов социальной памяти в Саратовском Поволжье необходимо учитывать предания не только русского населения, но и представителей других народов, в том случае, если до нас дошло содержание их устной традиции.

При изучении истории познания прошлого в регионе современными исследователями устная традиция обычно не принимается во внимание. В начале XX в. проблемы местной историографии впервые получили освещение в трудах краеведов. Но ни В.П. Соколов⁹, ни А.А. Гераклитов¹⁰, обращаясь к ее истокам, совершенно не упоминают о существовании устной традиции. Это вполне объяснимо – ведь их интересовала исключительно письменная история. Взгляды названных авторов предопределили позицию историков XX в., В.Г. Миронова и В.М. Захарова, которые сосредоточили свое внимание на развитии местной историографии в трудах членов ученой архивной комиссии¹¹. Хронологические рамки изу-

⁷ См.: Булычев М.В. Крестьянская колонизация Саратовского края в конце XVIII – первой половине XIX века и ее последствия. Саратов, 2004. С. 27–28.

⁸ Там же. С. 28.

⁹ См.: Соколов В.П. Саратовская ученая архивная комиссия за 25 лет ее существования. Саратов, 1911.

¹⁰ См.: Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVII–XVIII вв. Саратов; М., 1923. С. 7–32.

¹¹ См.: Миронов В.Г. К истории саратовского краеведения // Четыре века: Сб. стат., посвящ. 400-летию Саратова. Саратов, 1991; Захаров В.М. Саратовская

чения исторической традиции в Саратовской губернии смог расширить А.А. Демченко. Он обратил внимание на саратовских историков и любителей древностей из среды духовенства, деятельность которых относится к периоду еще до создания ученой архивной комиссии – епископа Иакова (Вечеркова), Г.С. Саблукова, Г.И. Чернышевского. Однако и А.А. Демченко не принимает во внимание устную традицию¹².

Тем не менее существует достаточное количество источников, в которых зафиксирована эта традиция. Прежде всего следует назвать весьма удачную книгу А.Н. Минха «Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии» (СПб., 1890). Сборник Саратовского статистического комитета, изданный к столетнему юбилею губернии, содержит значительное количество материалов фольклорного характера¹³. После создания Саратовской ученой архивной комиссии в 1886 г. ее члены продолжили собирание этнографических материалов и памятников фольклора, начатое еще в предшествующее время, поэтому в ее Трудах постоянно публиковались как сами источники, так и посвященные им статьи. Исследователи, которые создавали специальные труды по истории Саратовского Поволжья, начиная с А.Ф. Леопольдова, использовали легенды и предания. Яркий пример в этом плане показал Н.И. Костомаров. Находясь в Саратове в ссылке в 1848–1856 гг., он написал монографию «Бунт Стеньки Разина» (опубликована в 1858 г.), используя при этом песни и предания Саратовского края. Многие монографии и очерки Д.Л. Мордовцева, посвященные народным движениям, содержат материалы устной традиции¹⁴.

Памятники фольклора, в которых содержатся сведения о прошлом племен, народов, всего человечества, в описании древнейших событий опираются на мифы. Миф представляет собой синкретическое знание, в нем присутствует и исторический компонент. Исследователями неоднократно отмечена устойчивость мифологии, позволяющая ей сосуществовать наряду с письменной традицией, а

ученая архивная комиссия и ее преемники. Ч. 1. Саратовская ученая архивная комиссия в 80-е – 90-е гг. XIX века. Балашов, 2002.

¹² См.: Демченко А.А. У истоков саратовского краеведения // Годы и люди: Сб. Саратов, 1990. Вып. 5. С. 168–183.

¹³ См.: Саратовский сборник: Материалы для изучения Саратовской губернии. Саратов, 1881–1882. Т. 1–2.

¹⁴ См.: Мордовцев Д.Л. Политические движения русского народа: В 2 т. СПб., 1891. Т. 1.

также ее способность к возрождению, вплоть до настоящего времени¹⁵. Мотивы мифов встречаются и в устной традиции населения Саратовского Поволжья, зафиксированной в XIX в. Один из таких мотивов – предания (а в недавнем прошлом и в настоящем – рассказы) о змеях. А.Н. Минх зафиксировал несколько вариантов подобных рассказов в 1887 г., а также использовал встреченные им публикации таких сюжетов, бытовавших и ранее¹⁶.

Он сообщает, что летом 1887 г. был очень распространен слух о появлении громадного змея в лесах близ села Ягодная Поляна Саратовского уезда. Рассказы и «басни» о нем ходили в Озерской, Полчаниновской и Ягодно-Полянской волостях. Его описывали как черное чудище «толщиною с ведро», при этом голова у него была не то лошадиная, не то человеческая. В двух вариантах рассказов говорилось, что змей может «дать клад», и это вполне согласуется с традиционным мотивом легенд, так как одна из функций змея в мифологии связана с охраной сокровищ. Обретение клада, по рассказам саратовских крестьян, было связано с определенными условиями. По одному сюжету, змея видел только пастух, и никто другой не мог его видеть – значит, заключали повествователи, пастуху «дается клад». Второй рассказ еще ближе к волшебной сказке: змей встречал людей на дороге, говорил человеческим голосом и просил его поцеловать, «а если противно, то прикрыть». При этом рассказчики поясняли, что змей – «это нечистый или проклятый», но наградой за исполнение предложенного условия опять-таки выступал клад. Еще один вариант рассказа из того же цикла носит как бы бытовой характер, но с оттенком чудесного. Однажды змея увидели немцы, которые косили траву в лесу (Ягодная Поляна – это немецкая колония), они побросали косы и разбежались, при этом от страха потеряли на некоторое время дар речи¹⁷.

В своей монографии А.Н. Минх приводит также и названия урочищ, которые носили «змеиные» имена, и содержание связанных с ними легенд. Одна из них была связана со Змеевыми горами, которые начинаются ниже Вольска и тянутся по правому берегу Волги. Эту легенду еще в XVII в. зафиксировал Адам Олеарий. Она повествует об огромном змее, который долго жил на горах, принося бедствия местным жителям, но, в конце концов, был разрублен каким-то богаты-

¹⁵ См.: Культурология. Энциклопедия: В 2 т. М., 2007. Т. 1. С. 1330–1331.

¹⁶ См.: Минх А.Н. Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии. СПб., 1890. С. 43.

¹⁷ Там же.

рем, и куски его тела превратились в камни¹⁸. Вторая легенда похожего содержания была записана уже в первой половине XIX в. Повествование это интересно тем, что в нем названо время происшествия; избавитель от змея представлен как вполне реальное лицо, имеющее имя и фамилию, и даже его социальный статус обозначен в рассказе. Легенда была услышана от местных стариков, которые говорили, что недалеко от Вольска «еще до нашествия Пугачева» жил огромный змей-полоз, который пожирал коров, лошадей и овец. Страшный змей был убит волостным сотником Василием Куликовым, на которого он напал¹⁹. Возможно, здесь присутствует снижение сюжета, прежде носившего черты глобального события, до описания подвига из местной истории.

Третья легенда, приведенная А.Н. Минхом, связана со Змеевыми горами, примыкающими к селу Воскресенскому с северо-восточной стороны. На горах водятся змеи, и когда-то там обитал многоглавый змей, который брал дань с местных жителей – заставлял отдавать девиц и поедал их²⁰. Здесь снова мы видим древний мифологический сюжет во всей его загадочности и возможной сакральности содержания. Таким образом, комплекс мифологических сюжетов о змеях в Саратовской губернии был представлен различными вариантами, соотносящимися с разными стадиями развития мифов – от архаических сакральных, затем эпических преданий о змееборцах до сказочных сюжетов и рассказов «исторического» характера.

Еще один мифологический сюжет – сказания о Золотом веке. Он неожиданно появляется в устных преданиях об основании села Голицыно Аткарского уезда. При этом многие подробности истории села, почерпнутые из устной традиции, представляются отнюдь не мифологически. Повествователи определенно указывают эпоху его основания, называют первых владельцев и т. п. Предания были использованы священником Георгием Надеждинским в его историко-этнографическом очерке «Село Голицыно»²¹. Сведения об основании села и о его истории автор узнал из рассказов местных стариков и священника Луки Воробьева. По этим рассказам, село было основано во времена царствования Петра I. Поселенцы были выведены из

¹⁸ См.: Минх А.Н. Указ. соч. С. 44.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 45.

²¹ Надеждинский Г. Село Голицыно: Историко-этнографический очерк // Саратовский сборник: Материалы для изучения Саратовской губернии. Саратов, 1881. Т. 1. Отдел первый. С. 249–284.

сердобских имений Нарышкиных в качестве приданого их дочерям, выданным замуж за Голицыных и Кушниковых. Предание с той же определенностью указывает, к каким владельцам перешли впоследствии крестьяне этого села²². Описание природных условий, которые окружали первых поселенцев, – наличие мощных лесов из разнообразных пород деревьев, обилия лесных ягод и плодов, грибов и т. д. – тоже можно посчитать соответствующим действительности, но здесь уже чувствуются черты преувеличений. Об этом изобилии старики-рассказчики говорили: «уму непостижимо»²³.

Далее следовал рассказ о льготах, которые даны были поселенцам (освобождение от барщины и других повинностей и даже от рекрутчины), и о том, что поселенцы должны были очистить от леса землю, предназначенную для пашни. Здесь, как видно из текста, рассказчики не останавливались на воспоминаниях о тяжком труде, а повествовали о том, как замечательно выглядело село, в котором все постройки были из «цельного дуба, из березы или осокоря»²⁴. Старики-сельчане говорили о необычайной урожайности пашни, о богатейших пастбищах, которые давали возможность выращивать всевозможный скот, о разнообразии лесных даров. В народной памяти не было места для воспоминаний о неурожайных годах, которые, конечно, случались. Ведь поселенцы устраивались на новых местах, все особенности местного климата и почв не были им хорошо знакомы, риск и неудачи в ходе приспособления к местным условиям были неизбежны.

Уже давно замечена особенность человеческой памяти фиксировать положительные черты прошедшего. Это касается и памяти отдельного человека, и коллективной памяти. Нет ничего удивительного в том, что жители Голицына, описывая начальный период существования своего села, вложили в свои рассказы заветные представления о счастливой жизни. Отсутствие барщины и оброка, государственных повинностей и страшной рекрутчины – все это само по себе было несомненным благом. Богатейшие урожаи, табуны лошадей, стада свиней, изобилие лесных ягод, грибов и диких яблок создают картину крестьянского рая. Не только чувство защищенности от невзгод, сытое довольство являлись приметами счастливой жизни. Она была наделена также красотой – рассказчики повествовали о красивых и прочных домах на фоне роскошного леса.

²² Надеждинский Г. Указ. соч. С. 250.

²³ Там же. С. 251.

²⁴ Там же.

Несмотря на черты сказочности в этих описаниях, они близки к миру реальных забот и крестьянского труда. В принципе, все это могло существовать при счастливом стечении обстоятельств. Но только одна подробность кажется нереальной – у жителей села в старину водилось золото и серебро. Причем от «старых запасов» кое-что якобы досталось и потомкам. Надеждинский сообщает о том, что у местных жителей осталась поговорка: «у меня де ведется помаленьку прадедное серебрецо и золотцо». И если женщина наряжается в праздничный волосник, пишет автор статьи, то она «не свободна бывает от оговора, что де тяжел, молодица, твой волосник, поди чай весь золотом набит»²⁵. Если учитывать сведения о довольно низком уровне благосостояния жителей села на момент составления очерка Надеждинского, то приведенные поговорки можно расценивать только как память о Золотом веке, который был и миновал.

Еще один мифологический сюжет, который был зафиксирован историками в XIX в., относится к кругу библейских мифов. Он связан с одним из археологических памятников Саратовской губернии. Следует подчеркнуть, что наличие подобных памятников придавало особую глубину исторической традиции Саратовского Поволжья. Об их происхождении строили догадки местные историки, их изучали археологи в XIX в. Но еще ранее местные крестьяне стремились «включить» эти памятники в собственное представление о прошлом, соотнося их происхождение с жизнью людей, когда-то населявших территорию Саратовской губернии. Таким образом, интерпретация археологических памятников имела двойкий характер. Одна сторона интерпретации – бытование их в легендах. Вторая сторона – начало их исследования, вовлечение их материалов в научный оборот.

Первые шаги в направлении научного изучения археологических памятников на территории Саратовской губернии были сделаны во второй половине 30-х гг. XIX в. По инициативе Саратовского епископа Иакова (Вечеркова) были начаты раскопки развалин золотоордынского города, которые располагались в Царевском уезде на р. Ахтубе²⁶. Развалины были идентифицированы как одна из столиц Золотой Орды и вошли в историю науки под названием Новый Сарай, или Сарай-ал-Джедид, исследования которого продол-

²⁵ Надеждинский Г. Указ. соч. С. 251.

²⁶ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1 Д. 506а. Л. 44–49.

жаются и в наши дни. В 40–50-е гг. XIX в. там производились раскопки под руководством знаменитого археолога А.В. Терещенко²⁷.

Легендарная интерпретация событий или памятников, как известно, не фиксирует хронологию. Для нее не характерно представление о последовательности эпох. Вероятно, поэтому были возможны такие ассоциации, как отождествление местных памятников с теми, о которых рассказывает Библия. Развалины Увека, одного из интереснейших памятников Золотой Орды, народная традиция вовлекла в круг библейской мифологии. Среди материалов, собранных А.Н. Минхом для его описания, встречаем изложение легенды, которое он позаимствовал у И.Е. Забелина: «...На том месте, на высоком холму был некогда очень красивый замок Увек и подле него город, называемый русскими Содом: этот горд и часть замка провалились, по правосудию божию, за грехи народа, здесь обитавшего. Теперь видны только развалины и некоторые гробницы»²⁸. Следует отметить: А.Н. Минх не говорит о том, что сам слышал подобные предания от местных жителей. Можно предположить, что предание о Содоме было зафиксировано в научной литературе намного ранее, чем саратовский краевед А.Н. Минх начал интересоваться историей Увека (его поездка на развалины татарского города относится к 1789 г.).

Вопрос о том, кем и когда было записано это предание, заслуживает специального изучения. Это поможет выяснить, почему во второй половине XIX в. легенда о гибели Увека, соотносящая его с библейским Содомом, не имела распространения среди населения, обитавшего на развалинах города и вблизи него. Весьма возможно, что сама по себе интерпретация гибели города от какого-то бедствия, подобного землетрясению, все-таки существовала. А.Н. Минх пишет, что на территории развалин помимо остатков каких-то сооружений встречаются довольно глубокие ямы²⁹. Наличие этих ям могло послужить основой для легенды о городе, провалившемся под землю. (В настоящее время жители, чьи дома находятся вблизи станции Увек, рассказывают о глубоких ямах, которые не всегда видны на поверхности и в которые проваливаются лопаты и ломы при проведении земляных работ).

²⁷ Гордеев В.И., Павленко Ю.А. Малый город Поволжья в позднем средневековье // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 2004. Вып. 2. С. 20.

²⁸ Минх А.Н. Набережный Увек // Саратовский сборник... С. 222.

²⁹ Там же. С. 223–224.

Если же отождествление Увека с Содомом все-таки имело место в народной традиции, то интересно, что могло послужить основой для такой интерпретации библейского сказания. Ведь Содом, как сказано в Библии, погиб от дождя из огня и серы, который пролился на этот город и на Гоморру. Бедствие пришло с неба, а не из глубины земли. «Преобразование» библейского сюжета кажется, на первый взгляд, странным. Но следует выяснить, существовал ли на самом деле этот вариант мифа в Саратовской губернии.

Мифологические сюжеты в фольклоре Саратовского Поволжья свидетельствуют о том, что наиболее древний и в то же время наиболее живучий пласт социальной памяти существовал в регионе. Очень важное качество народной традиции – локальная интерпретация мифологических сюжетов, позволяющая включить их в природно-социальный континуум Саратовского Поволжья.

ОТ ПОЛИТИКИ ЗАБВЕНИЯ К ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ

УДК 930.1

ИНТЕГРАЦИЯ «РИТУАЛЬНЫХ» МИФОЛОГЕМ В ОБЩЕСТВЕННУЮ МЕНТАЛЬНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКУЮ ПАМЯТЬ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА В XIX–XX веках

В.В. Хасин

Саратовский государственный университет,
кафедра отечественной истории в новейшее время
E-mail: hasin1@rambler.ru

В статье демонстрируются основные механизмы формирования ритуальных процессов. Исследуются причины возникновения ритуальных мифологем в России в XIX – начале XX в. и их распространение на официальном, интеллектуальном, религиозном и бытовом уровнях. Анализируется ряд проблем государственной религиозной и национальной политики. В исследовании определяется степень адаптации различных ритуальных мифологем в официальных религиозных институтах. В работе показан уровень интеграции ритуальных образов в историческую память российского социума.

Ключевые слова: религиозные отношения, национальная политика, девиации, ритуальные процессы, секты, государственная идеология, историческая память, кровавый навет, институты власти, религиозная система.

THE INTEGRATION OF “RITUAL” MYTHOLOGY IN THE PUBLIC MENTALITY AND THE HISTORICAL MEMORY OF RUSSIAN SOCIETY IN THE XIX–XX CENTURY

V.V. Khasin

The article demonstrates the principal mechanisms of the genesis of ritual processes. It examines the causes of appearance and spreading of ritual mythology on the official, intellectual, religious and domestic level in Russia at XIX–XX centuries. We are analyzing some problems of state religious and ethnic policy. It determines the degree of adaptation of various «ritual» myths in official religious institutions. The work shows the level of integration of «ritual» images in the historical memory of Russian society.

Key words: religious relations, ethnic policy, deviation, ritual processes, sects, state ideology, historical memory, the blood libel, the institutions of power, religious system.

При всем богатстве популярных литературных творений различных временных периодов четко определенной категориальной наполненности понятия «ритуальный процесс» не существует. Осложняет ситуацию невероятная путаница из поливариантно трактуемых определений «навет», «ритуал», «религиозный опыт и практики», беспорядочно структурируемых под личиной термина «ритуальный процесс».

Статья представляет собой попытку разобраться с термином «ритуальные процессы», способами конструирования и интеграции его мифологем в общественную ментальность и историческую память в различных социальных лакунах и стратах в контексте Российской империи в XIX– начале XX в.

В связи с тем, что ритуальные процессы в любом случае являются частью религиозных отношений, следует определить те или иные законы их формирования. Вся религиозная система состоит из константных и консервативных социальных институтов, с одной стороны, и индивидуального религиозного опыта – с другой. Сам по себе религиозный опыт деструктивен по отношению к жизнедеятельности человеческого коллектива. Для его адаптации необходимы специальные культурные механизмы. На уровне религиозных институций этот опыт зачастую принимает репрессивный характер: религиозные девиации последовательно и жестоко караются. На уровне религиозных практик проблема решается более толерантно: адаптация и социальное конструирование религиозного опыта осуществляется при помощи традиционных ритуальных и фольклорных форм в принятых социумом формах наррации. Таким образом, в идеале религиозные практики, включающие ритуализированные типы поведения, корпус фольклорных мотивов и сюжетов, готовых текстуальных форм, а также норм и правил построения текстов, служат устойчивым и социально необходимым медиатором между максимальной стабильностью институций и абсолютной нестабильностью религиозного опыта. Одна из главных функций религиозных практик состоит в поддержании равновесного соотношения между религиозными институциями и религиозным опытом. Религиозные практики служат базовым фондом для пополнения институциональных форм и одновременно подвергаются интенсивному давлению со стороны последних. С другой стороны,

практики стимулируются религиозным опытом и вместе с тем адаптируют его и символизируют.

По сути своей идеологема ритуального процесса – это форма и формула наведенной религиозной практики для защиты институций от возможных девиаций. Предположим, существует некий религиозный опыт с крайне негативной коннотацией. Возможность такого религиозного опыта проецируется на все девиантные, непонятные или потенциально опасные для официальных институций группы. Формируется мифологема, которая экстраполируется при помощи сконструированных религиозных практик на объект, создавая у него мифический религиозный опыт. Эти сконструированные религиозные практики очень схожи, даже если они направлены на абсолютно разные объекты. Существуют лишь очень специфические внешние различия. Ритуальный процесс не может быть просто реакцией на какое-либо религиозное преступление. Как правило, это способ решения некоей серьезной проблемы. Таким образом, описывая его в рамках вышеизложенной формулы, можно определить следующий вектор: религиозные (официальные) институты – религиозные практики – религиозный опыт, т. е. однонаправленный процесс. Так формируется сценарий, вернее, лекало ритуального процесса. Он направлен не на конкретный объект, а на некую проблему. В российском варианте XVIII–XX вв. это кризис официальной идеологии и, как следствие, рост сектантства.

При формировании сценария ритуального процесса необходим либо реальный исторический опыт, либо переложение собственного, либо инверсия третьего опыта. Однако реальная ли, инверсивная форма опыта в любом случае инкорпорируется в историческую память зачастую как фантомный конструкт. Происходит это в первую очередь, когда рецепция официальными институтами фольклорной мифологемы, рожденной в народном сознании, практически не подвергаясь трансформации, транслируется социуму. Возможно это, на наш взгляд, только в случае общего или максимально близкого мировоззрения институциональных элит и основной массы населения. Яркими примерами могут служить средневековые процессы над ведьмами, колдунами, кровавые наветы и т. д.

При отсутствии трансляционных каналов, при разнице мировоззрения институциональной элиты и общества складывается обратная ситуация. Восприятие мифологемы искажается, ее ретрансляция в народный фольклор затрудняется, и в конечном итоге в новой вариативной композиции она не адаптируется. Придуманные религиозные практики не адаптируются в массовом сознании, а значит не создают нужный конструкт религиозного опыта. Возмож-

ны лишь смутные его силуэты в массовом сознании, интерпретируемые в рамках сложившихся фольклорных традиций. Именно такие преломления первоначальных посылов характерны для российских ритуальных процессов.

Мифологема может формироваться и в среде институциональной элиты (государственной, религиозной, интеллектуальной и т. д.), постепенно распространяясь внутри нее, трансформируясь в некий идеологический феномен. В данном случае элита выступает как реципиент, адаптор и трансформатор мифологемы. Ритуальный процесс является способом трансляции мифологемы посредством правовых и религиозных каналов обществу для защиты официальных институтов от возможных девиаций. Письменная традиция, выражающаяся в различных протоколах, постановлениях, памфлетах и т. д., имеет превалирующее значение. Во многом здесь кроется сложность комплексного исследования феномена ритуального процесса. Сложно достоверно определить, насколько тот или иной процесс является идеологическим конструктом или историческим событием, трансформацией той или иной мифологемы (экстраполяцией тех или иных сюжетов на непрямой к процессу объект) или же просто фальсификацией.

Важно отметить, что ритуальные процессы могут быть инициированы лишь официальными институтами, которые, по сути, являются социальными регуляторами официальных религиозных (политических, идеологических и т. д.) отношений. Именно они должны реагировать на любую девиацию от канонических норм.

Российская идеология традиционно носила религиозный поликонфессиональный характер. В праве была отражена религиозная иерархия: в Российской империи все население делилось на православное, инославное, иноверческое и инородное. К последней группе первоначально принадлежали коренные народы восточных и северных регионов страны, которые находились на низком уровне развития, а также евреи. Коммуникативную идеологическую функцию выполняли церковные институты. В XVIII – начале XX в. религиозные учреждения, в первую очередь православные, приобрели характер государственных органов. Являясь частью общеимперского аппарата, они в большей степени выполняли формальные обязанности, нежели духовные. Восприятие населением священников как духовных пастырей снижалось. В среднем восемь из десяти пословиц и поговорок, касающихся священников, носили негативный характер. Следует отметить и снижение их общего нравственного и образовательного уровня. Не было единства в среде высшей церковной иерархии. Среди населения возрастало отрицательное от-

ношение к официальным церковным институтам. Церковь становилась частью замкнутой государственной страты, теряя функцию проводника государственной идеологии в различные общественные лакуны. Следствием этого стал быстрый рост сект в первую очередь среди православного населения империи. Появился такой феномен, как российский «протестантизм» (в основном в низовых стратах общества). По объему и степени погружения в ментальность населения он значительно превосходил такое обсуждаемое явление, как национализм. Уходя корнями в раскол и в XVIII в., в XIX – начале XX в. он приобретает законченное, иногда институциональное оформление. «Сектантство» охватывает практически весь «сакральный» спектр: от мистического и экстатического (например, хлысты или скопцы) до рационалистического (молокане-воскресники или молокане-субботники)¹. В некоторых губерниях их количество доходило до 15% населения (не считая старообрядцев)². Их отношение к официальной религии и государству было явно отрицательным

¹ Подробнее см.: *Маргаритов С.* История русских рационалистических и мистических сект. Изд. 2-е, перераб. Кишинев, 1902; *Собрание постановлений по части раскола.* СПб., 1885; *Никитина С.Е.* Библейские сюжеты у духоборцев // *Живая старина.* 2002. № 3. С. 12–14; *Берман А.Г.* Алатырская ересь. Из истории скопчества в Среднем Поволжье // *Сны Богородицы: исследования по антропологии религий.* СПб., 2006. С. 86–101; *Мальцев А.И.* Источники по истории страннического согласия второй половины XIX века в собрании рукописей Института истории СО РАН (соборные постановления и послания руководителей согласия) // *Гуманитарные науки в Сибири.* 2004. № 3. С. 29–36; *Мягких Ф.Н.* Мой разрыв с сектантами-трясунами. Рассказ бывшего проповедника. Владивосток, 1958; *Сребренитский Д.К.* Дубово-уметское царство: потайное учение хлыстовского направления в Самарской области // *Этнос и культура Самары.* 1997. № 1. С. 23–26; *Андреев В.В.* Раскол и его значение в народной русской культуре. Исторический очерк. С приложением статьи «Раскол с естественно-исторической точки зрения». Библиографический указатель. СПб., 1870; *Клибанов А.И.* История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX века – 1917 г.). М., 1965; *Любопытный П.* Исторический словарь староверческой церкви, описывающий по алфавиту имена ученых, основателей согласий, пастырей с показанием их церкви, отличиями звания, жизни, лет, кончины и др. Петрополь, 1828; *Ильинский Н.П.* Религиозное сектантство и его идеология. Алма-Ата, 1958; *Ливанов Ф.Н.* Раскольники и острожники. Очерки и рассказы. СПб., 1868. Т. 1; *Павел, архимандрит.* Краткие известия о существующих в расколе сектах, об их происхождении, учениях, обрядах, с краткими о каждой замечаниями. М., 1885; *Левенстим А.А.* Фанатизм и преступления // *Журнал Министерства юстиции.* 1898. № 7. С. 37–78; *Новицкий А.* Духоборы: их история и вероучения. СПб., 1882; *Кони А.Ф.* Речь по делу Гаврилова // *Судебные речи.* СПб., 1888 и др.

² ОР РНБ. Ф. 37. Д. 40. Артемьев. Докладная записка (МВД) о результатах работы по изучению истории и догматов различных раскольничьих сект в России. 15 марта 1864 г.

(именно в таких деревнях народники вели активную агитацию)³. Проблемы этнической идентификации практически не играли роли. Более того, например, часть молокан-субботников в конечном итоге приняла иудаизм и активно участвовала в сионистском движении⁴. Таким образом, институты православной церкви переживали в XIX – начале XX в. кризисные явления. Кризис официальных церковных институций означал и кризис государственной идеологии в целом.

Российская империя, как многонациональное и многоконфессиональное государство, признавало ряд религиозных направлений, давая им официальный статус. Иудаизм, ислам, католицизм, лютеранство пользовались в разных объемах правами официальных институтов, выполняли государственные функции и находились в системе МВД. Так, процессы против русских сектантов проходили через и при непосредственном участии Святейшего Синода, против иудеев или, скажем, мултанских вотяков – через систему МВД. Церковь в империи не была отделена от государства, а все признанные конфессии играли, в той или иной степени, роль идеологических регуляторов, формировавших общую систему. Синод и МВД, как государственные институты, имели схожие компетенции: первый регулировал и отслеживал девиации в православии, второе – в остальных конфессиях. В течение XIX в. институциональный кризис коснулся и многих из них. Появились или продолжали существовать экстатические секты среди лютеран (наиболее известной из них была группа «Танцующие братья» в Поволжье), католиков, среди волжских татар (кроме экстатических сект среди крещеных татар был распространен и «народный» ислам), в какой-то степени хасидизм в иудаизме и т. д. Все это наводило правительство на мысль о системном кризисе идеологии.

Для Синода и государственной власти в целом борьба с любыми сектами стала не только религиозной проблемой. В историогра-

³ См.: *Никандрова М.* Революционное народничество и сектантство. (О попытках народников 70-х годов XIX века привлечь сектантов к борьбе против самодержавия). М., 1974; Программа для собирания сведений по русскому сектантству, изданная В.Д. Бонч-Бруевичем // *Этнографическое обозрение.* 1908. Кн. LXXVII. С. 198–200; Хлыст, секта, литература и революция. М., 1998; *Путинцев Ф.М.* Политическая роль и тактика сект / Под ред. Краськова (с приложением кратких сведений о наиболее распространенных сектах). М., 1935 и др.

⁴ См.: *Львов А.Л.* Простонародное движение иудействующих в России XVIII–XX века (методологические аспекты этнографического изучения): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007; *Семченко Н.А.* «Потерянные русские». О судьбе русских в Палестине и Израиле в XX веке // *Диаспора.* 2005. № 11 и др.

фии ритуальные процессы и кровавые наветы прочно ассоциируются с делами против евреев. Это не совсем так. В течение XIX – начале XX в. сформировался некий собирательный универсальный сценарий ритуального процесса. Он вобрал в себя элементы процессов против русских сектантов XVIII в., европейских кровавых наветов против евреев, псевдоэтнографических изысканий ряда отечественных исследователей, региональной фольклорной традиции. В 1844 г. была издана в МВД очень небольшим тиражом книга В.И. Даля «Розыскания об убиении евреями христианских младенцев»⁵. Это достаточно небрежная компиляция известных в западных губерниях польских работ XVII–XVIII вв., отличавшихся обилием средневековых предрассудков. Работа стала официальным взглядом на проблему. С позиции государственно-религиозной фамилия Далья (даже если это был не он) более интересна. В.И. Даль, который считался в МВД специалистом по российским ритуальным процессам и сектам, написав за несколько лет до этого «Исследование о скопческой ереси»⁶, теоретически обосновал возможность существования некоей «изуверской» экстатической секты и у евреев. Работа подтвердила в глазах государственной власти то, к чему она сама уже давно пришла и во что верила. Во время ритуальных процессов отношение к классическому иудаизму было достаточно спокойное. Одновременно с этим шел активный поиск загадочных сект, не прекращалась попытка связать кровавый ритуал с хасидизмом. Формула кровавого навета и его ритуал стали инструментами борьбы с любым сектантством, даже придуманным. Причудливым образом схема, столь привычная для «еврейских» и сектантских дел, всплывает в «мултанском деле» – судебном процессе против вотяков, проблема религиозной принадлежности которых сильно волновала российскую власть и окружавшее их местное население⁷. Вотяки были крещены за полвека до описываемых событий. Так, из нескольких по большей части выдуманных событий появился миф, ставший универсальным лекалом, при помощи которого определялись категории «свой» или «чужой».

⁵ См.: Далья В.И. Розыскание об убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их. Напечатано по приказанию министра внутренних дел. СПб., 1844.

⁶ См.: Далья В.И. Исследование о скопческой ереси. СПб., 1841.

⁷ См.: Баранов А.Н. Воспоминания о мултанском деле // Вестник Европы. 1913. № 3; Джераси Р. Этнические меньшинства, этнография и русская национальная идентичность перед лицом суда: «мултанское дело» 1892–1896 годов // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005.

В Российской империи религиозные институты были не просто частью государственной системы, но и рычагом проведения идеологической политики. Поэтому мы можем условно объединить их (в плане ритуальных процессов) под общим термином «официальные институты».

Как мы уже отмечали, религиозный опыт не формирует ритуальный процесс, однако сам по себе может стать ярким сигналом существования крайних форм девиации. Обилие в Российской империи в XIX в. различных крайних проявлений религиозного деструктивизма и фанатизма поражает. Но большинство из них, не приняв форму ритуального процесса, не отразилось ни в исторических исследованиях, ни в фольклоре, ни в памяти. В период широко известного Велижского дела (где безуспешно пытались доказать убийство евреями христианского мальчика), к примеру, в Саратовской губернии случилось массовое самоубийство. 1 марта 1827 г. несколько семей крестьян села Копены Аткарского уезда (всего тридцать пять человек в возрасте от полугода до семидесяти) были найдены зарезанными. Выяснилось, что все они, движимые эсхатологическими и очистительными чувствами, зарубили друг друга топором (судя по ранам, крайне жестоко). Главы семейств сначала убили своих домочадцев, потом друг друга⁸. К сожалению, объем данной статьи не позволяет детально остановиться на мотивации, описать ритуал, воззрения этих людей. Но это в данном контексте и не совсем важно. Следует отметить, что особого резонанса дело и не вызвало, хотя после проверки выяснились печальные для власти подробности: практически все леса вокруг города Саратова были наводнены раскольничьими скитами, которые существовали не одно десятилетие. Для официальных институтов такого рода крайние формы религиозного опыта были знаком возможного существования аналогичного у других «девиантных» групп. Именно это и становилось толчком к конструированию у некоторых из них мифического религиозного опыта при помощи различного набора придуманных религиозных (ритуальных) практик, то есть к формированию ритуальных процессов. Активизация Велижского дела произошла после 1827 г., не без влияния саратовских событий.

Из всего вышесказанного достаточно просто определить и основную направленность ритуальных процессов – борьба с гипотетическими крайними девиациями, в которые четко вписывалась мифологема существования у иудеев кровавых ритуалов. Существование любого мифа лишено глубокого внедрения в общественное

⁸ ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 589. Л. 14–22.

сознание и соответственно жизнеспособности без четко прописанного механизма его осуществления. С другой стороны, формирование адаптированного мифа невозможно без атрибутов и ритуалов принимающей его среды. Иными словами, конструирование фантастических религиозных практик невозможно без элементов местного религиозного опыта. В российских ритуальных процессах лжесвидетельские показания играли ключевую роль при структурировании кровавого навета и вектора его направленности. Таким адаптированным религиозным опытом могли быть только мифы о русских экстатических сектантах.

До конца XVIII в. Российская империя не имела подданных-евреев и мифов о них. Однако наветы, в том числе и кровавые, существовали. Как правило, это были наветы против сектантов. Объем работы не позволяет детально остановиться на их описании. Вопрос достаточно полно разработан А. Панченко в его работе «Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект»⁹. В ней подробно описан ритуал действий сектантов по материалам судебных процессов над ними середины XVIII в. Можно определить основные элементы наветной формулы по отношению к русским сектантам и евреям. Так, Л. Кацис, основываясь на описанных А. Панченко процессах 1733–1739 и 1745–1756 гг., выделяет ряд элементов. Нам интересны некоторые из них.

1. По окончании сборищ сектанты расходятся парами по разным помещениям и совершают любовь.

2. Младенцев, предназначенных для жертвоприношения, сектанты крестят.

3. Окрещенного младенца закалывают, вырезают его сердце и собирают его кровь.

4. Хлеб и воду с частями сердца и кровью младенца раздают во время собраний вместо причастий¹⁰.

Первые два процесса – Велижский и Саратовский – во многом повторяют этот нарратив, именно в рамках свидетельских показаний, в конструировании религиозных практик. Эти процессы можно отнести к классическим ритуальным. Так, некая идея, заимствованная официальными институтами из чужой (в данном случае польской) мифологии, трансформируется в религиозных практи-

⁹ См.: Панченко А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002.

¹⁰ См.: Кацис Л. Церковно-общественный контекст «ритуального» дела Бейлиса в Российской империи 1900–1910-х годов // Праздник – обряд – ритуал в славянской и еврейской традиции. М., 2004. С. 304.

ках при помощи элементов местного религиозного опыта. Сценарий, по которому развивались процессы, был в некотором роде новшеством, впоследствии часто применявшимся в дореформенном российском судопроизводстве. Основной идеей было то, что основные свидетельские показания давались якобы соучастниками преступления из христиан, раскаявшимися после «священнического увещевания». Все они были людьми опустившимися, с явными психическими отклонениями. Их истории наполнены такими фантастическими подробностями грехопадения, что у любого здравого человека вызывают лишь недоумение. Однако при тщательном анализе видна очевидная схожесть их с процессами против хлыстов.

Одна из основных свидетельниц по Велижскому делу Мария Терентьева на восьмой или девятый раз, после «священнического увещевания», так описала ритуальное убийство мальчика. К сожалению, полностью привести его не позволяет объем статьи, но есть очень интересные особенности, абсолютно не известные в западных аналогах. Так, мальчику сделали обрезание (с точки зрения классического варианта навета очень странно, так как мальчик и его кровь уже были бы не христианскими, но очень похоже на ритуальные обвинения хлыстов). Часть крови смешали с водой и вином, покрошили мацы и стали есть. После всего этого захватывающего действия Мария Терентьева была обращена в иудаизм, а после церемонии ей дали мужа (в некоторых показаниях двух), с которыми она и провела брачную ночь прямо в синагоге. В показаниях присутствуют и специфические элементы кровавого навета из европейской практики. Такая комбинация давала возможность объединить классический сценарий российских процессов против сектантов со спецификой кровавого навета против евреев. Так появилась идея о возможности существования некоей неизвестной секты, которая вполне могла проводить кровавые литургии¹¹. Она получила право на жизнь в середине XIX в., практически сразу после событий Велижского дела, вернее, сразу после его окончания в 1834 г. Удобство такого подхода очевидно. Во-первых, нет необходимости искать ритуальные аномалии в иудаизме в целом. Безуспешность этой попытки была доказана восемью веками. Во-вторых, несмотря на молчаливое отрицание кровавого культа, официальное объяснение навета все-таки было религиозное. С точки зрения формальной логики вполне оправдано. Такой гипотетической «кровавой сектой» стали хасиды. Внешнее сходство с сектантами бескрайних россий-

¹¹ См.: Гессен Ю.И. Из истории ритуальных убийств. Велижская драма. СПб., 1904.

ских просторов очевидно. Замкнутость, абсолютное почитание общинного лидера (в данном случае цадика), эмоциональные экстатические богослужения, настороженное, а иногда и просто враждебное отношение официального иудаизма.

Следующее – Саратовское дело – возникло в 1853 г. в совершенно неожиданном месте. Губерния находилась за тысячи километров от черты оседлости, евреев там практически не было, а те, кто находился, были либо солдаты гарнизона, либо очень редкие (не более десяти человек) гражданские, проживавшие на свой страх и риск без официального разрешения, платя взятки чиновникам. Важен один своеобразный нюанс. Саратовская губерния была одним из лидеров по количеству проживавших в ней сектантов.

Основой для следствия стали показания рядового Богданова, губернского секретаря Крюгера и крестьянина Локоткова. Все они признались, что не только были свидетелями преступления, но и принимали активное участие в его осуществлении. Каждое из своих показаний они меняли под давлением следствия несколько десятков раз. Среди большого количества специфических нюансов можно отметить и общие ритуальные черты придуманных религиозных практик: обрезание мальчиков, вкушение крови и, в некоторых показаниях (Марии Слюняевой), массовые оргии и пьянки. Особенностью Саратовского дела было и то, что оно единственное закончилось обвинительным приговором евреев, но не с точки зрения ритуального убийства, а просто как криминальное преступление, правда, без выясненного мотива. Оно началось в период николаевского царствования, а закончилось в александровское в 1860 г. и рассматривалось в конце как некая обуза. Поэтому особенно оговаривалось в приговоре, что никакого кровавого ритуала у евреев нет. Все это всплывет уже позже, во время дела Бейлиса. Для прецедентного русского права было важно, что обвинены были евреи в жестоким убийстве христиан, пусть и без ритуальной мотивации. Для создания полного юридического прецедента оставалось доказать ритуал¹².

Два следующих процесса – Кутаисское дело 1878 г. и Люцинское дело 1882 г. – отнести к ритуальным можно с большой долей условности. Инспирированы они были официальными институтами власти, богатство местного фольклорно-суеверного опыта поражает.

¹² См.: Левинсон П. «Саратовское дело» об убийстве двух мальчиков с религиозной целью // Журнал гражданского и уголовного права. 1880. № 2, 3, 5; Тривус М. Ритуальные процессы дореформенного русского суда // Еврейская старина. 1912. № 5. С. 260 и др.

Однако никаких религиозных практик и мотиваций найти там невозможно. Отсутствие основной части ритуального процесса полностью дезавуирует два этих дела. Так, выступая на Кутаисском процессе, прокурор Малафеев объяснил мотивации следующим образом: «...Настоящему делу придали особый характер, особое значение, вследствие чего оно получило громкую известность; но те, которые ожидают разъяснения религиозного характера, не найдут его, и обвинение не может касаться этого вопроса, так как отношение его к делу следствием не разъяснено. Можно, пожалуй, допустить различные предположения; если бы Сара была похищена в Гуррии, то виновников искали бы между пограничными турками и другими лицами, известными в крае передачею детей в Азиатскую Турцию. В более близких к Тифлису местностях нередко бывают примеры продажи девушки известным промышленникам, которые терпят, но не поощряются законом. Конечно, очень жаль, что нам не удалось разъяснить вопрос о цели похищения, но мы можем обойтись и без этого»¹³.

В Люцинском же деле вообще бытовала фольклорно-романтическая мифологема. Так, по показаниям мачехи покойной и ее соседки, жертва якобы говорила им, что состоит в любовной связи со старшим сыном убийцы-еврея и тот собирается принять православие (хотя жертва была католичкой) и жениться на ней. На этом улики и заканчивались. Следствие, а затем и обвинение на процессе практически сразу определило основную версию событий. Воры, которые могли убить ненужную свидетельницу, исчезли из материалов дела. Возникла комбинированная схема преступления. Отец не мог позволить сыну принять христианство (а это был единственный способ вступить в брак, т. к. переход в иудаизм был запрещен законом). Убивать сына (чтобы избежать позора) ему, по мнению следствия, не хотелось. Таким образом, единственным способом справиться со сложившейся ситуацией было убийство служанки. Вот на этом этапе и появилась «ритуальная» подоплека событий. Она заключалась в том, что если уж необходимо было убивать, то сделать это следовало с наибольшей пользой, т. е. совместить убийство с неким ритуальным действием¹⁴. Важно отметить, что эти два процесса дают четкое понимание того, насколько на институциональном, бытовом и фольклорном уровнях, а значит и в плане ин-

¹³ Кутаисский процесс. Дело о похищении и умерщвлении евреями крестьянской девочки Сары Модебадзе. Стенографический отчет. СПб., 1879. С. 68.

¹⁴ См.: Люцинское дело по обвинению Лоцовых, Гуревича и Маих в убийстве Марии Дрич. Стенографический отчет. СПб., 1885.

дивидуального религиозного опыта укрепились мифологема «кровавого навета». И это в разных частях империи и относится не к сектантам, а непосредственно к евреям.

Существование ритуальной мифологемы нашло свое отражение не только в институциональных и фольклорно-низовых стражах, но и в научных и интеллектуальных. Конец 70-х гг. XIX в. стал пиком литературно-научного творчества по интересующей нас теме. Это время выхода в свет работ Лютостанского, Хвольсона, Костомарова, Голицына. Именно эти авторы стали центральными фигурами в развернувшейся дискуссии¹⁵. Подогревал научные страсти и возникший Кутаисский процесс. К сожалению, объем работы не позволяет проследить все направления и нюансы этой крайне интересной полемики. На наш взгляд, следует отметить мнение известного историка и участника Саратовского дела Н.И. Костомарова. В сущности, он наиболее четко определил позицию нерелигиозных сторонников мифологемы. В своей полемике с Д.А. Хвольсоном он попытался привнести возможность существования неких кровавых ритуалов в научный оборот, именно в виде существования неких сект и суеверий (примерно то же самое делал Смирнов в ходе Мултанского дела). «Мы безусловно доверяем Хвольсону, что у евреев не существует кровавого обряда, но вполне вероятно можно предположить, что между евреями возникали такие суеверия. Нет и быть не может такого вероисповедания, что все наружно принадлежавшие к нему не способны были б к суеверию <...> И из Моисеева и из христианского вероучения этого не возникает. Однако мы признаем за нашими единоверцами такие суеверия, почему же мы не можем признать такого за евреями? В чем же исключительность чистоты евреев, что у них не может быть такого суеверия?»¹⁶.

¹⁵ См.: *Голицын Н.Н.* История русского законодательства о евреях (1649–1825). СПб., 1876. Т. 1; *Он же.* Материалы для изучения еврейского вопроса в России. Каменец-Подольск, 1873; *Он же.* Употребляют ли евреи христианскую кровь? Варшава, 1879; *Лютостанский И.* Современный взгляд на еврейство. СПб., 1882; *Он же.* Талмуд и евреи. СПб., 1905; *Он же.* Вопрос об употреблении евреями-сектаторами христианской крови для религиозных целей, в связи с вопросами об отношениях еврейства к христианству вообще. М., 1876; *Хвольсон Д.А.* Употребляют ли евреи христианскую кровь? СПб., 1879; *Он же.* О некоторых средневековых обвинениях против евреев. Историческое исследование по источникам. СПб., 1861; *Он же.* Ответ на замечание Н.И. Костомарова «по поводу брошюры, изданной Д. Хвольсоном: употребляют ли евреи христианскую кровь?» // Новое время. 1879. № 1192 и др.

¹⁶ *Костомаров Н.И.* Замечание по поводу книги г. Хвольсона: употребляют ли евреи христианскую кровь? // Новое время. 1879. № 1172.

Всплеск ритуальных процессов (не менее пяти) пришелся на начало XX в. Усиливавшийся практически во всех сферах кризис внутри институтов власти и поляризация отношений в обществе привели к активизации различных групп, в том числе и в рамках ритуальных процессов. «Вершиной» подобных конструкторов по праву считается дело Бейлиса. Здесь можно отметить и небывалое участие официальных институтов, и общественный резонанс, и невероятную компиляцию сконструированных религиозных практик, и участие интеллектуальных элит (от представителей «молодой адвокатуры» до Розанова и Флоренского). Весь комплекс проблем сложно проанализировать не только в статье, но и в отдельной монографии. Целью процесса, скорее всего, было юридическое закрепление существования кровавого ритуала у евреев (вместе с конструированными религиозными практиками) в русском праве. В связи с прецедентностью российского права достаточно было одного удачного процесса. И, в общем, этого удалось добиться. Несмотря на то, что удалось добиться оправдания обвиняемого (и потому дело до сих пор считается выигранным), на вопрос о ритуальном убийстве присяжные ответили положительно. Скорее всего, силы, которые инспирировали процесс, в последнюю очередь думали о М. Бейлисе. Важен был положительный ответ на второй вопрос. Прецедент с осужденными за убийство христианских мальчиков (кстати, того же возраста, что и Андрей Ющинский) уже был – Саратовское дело. Объединив два приговора, получили весь ритуальный комплекс: и убийцы, и ритуальные практики. Именно поэтому в разгар дела Бейлиса его активный участник и обвинитель, правый депутат Государственной думы Замысловский опубликовал известную работу – «Умученные от жидов. Саратовское дело»¹⁷. Таким образом, уже к началу Первой мировой войны «кровавый навет» был инкорпорирован в институционально-правовую, интеллектуально-научную и фольклорно-бытовую страты империи. Остается проанализировать и главную – религиозную.

Понятие «кровавый навет» существует сегодня как системное религиозное явление в полном объеме в пространстве российского православия (как в его институциональной форме, так и в религиозных практиках и в индивидуальном религиозном опыте). Исходя из нашей формулы религиозной системы, он охватывает весь спектр отношений. Даже если предположить невероятное, и евреи действительно совершают кровавые преступления, то существова-

¹⁷ См.: Замысловский Г.Г. «Умученные от жидов». Саратовское дело по актам Государственного Совета. СПб., 1914.

ние такого парадокса не отражено ни в их религиозных институтах, ни в религиозных практиках. Что же касается такого гипотетического религиозного опыта, то в современной науке, праве и теологии это опровергнуто, и в лучшем случае остается эфемерной гипотезой. Также и в западном христианстве (как в католицизме, так и в протестантизме), кроме папских булл о запрете «кровавых» обвинений и деканонизированных мучеников от иудеев (например, Андреас Юденштайнский и др.), других официальных нарративов не существует. Нет, естественно, таких практик и в официальном исламе, и в других мировых религиях. Таким образом, с точки зрения религиозной системы в целом такой феномен, как кровавый навет, существует только в российском православии. И формирование его произошло в интересующий нас период. Русской православной церковью были официально канонизированы лишь два святых мученика, якобы погибшие за веру от рук евреев. Это Евстратий Печерский и Гавриил Белостокский (Заблудовский). Наибольшую известность уже в XIX–XX вв. получил последний. Так, согласно легенде 11 апреля 1690 г., когда мать шестилетнего Гавриила понесла мужу обед в поле, в дом забрался иудей-арендатор по прозвищу Шутко. Он приласкал дитя и тайно увез его в Белый Сток, где младенца предали мучению. Иудеи посадили младенца Гавриила в подвал, где при помощи острых орудий проткнули ему бок для выпуска крови. После чего младенец-мученик был распят на кресте, установленном в корыте, и исколот острыми орудиями для выпуска остатков крови. Младенец Гавриил относился к разряду так называемых местночтимых святых. Без сомнения, Русская православная церковь не проводила никаких ритуальных процессов, не обвиняла евреев в употреблении христианской крови самостоятельно. Проникновение «кровавого навета» в религиозные институты и практики происходило по принципу «третьего лица», известному у юристов как «добросовестный приобретатель». Следствие и суд велись польской магдебургией в рамках полномочий белостокского магистрата (такие обвинения были традиционны для Польши, о чем свидетельствует большое количество распоряжений Ватикана с призывами к светским и духовным властям воздержаться от кровавых наветов). Далее Гавриил стал местночтимым святым примерно в 1720 г., после мора в этом регионе. В 1752–55 гг. архимандрит Слуцкого монастыря Досифей (Голяховский), наместник киевского митрополита, составил до наших дней используемые тропарь и кондак, и появилась стихотворная повесть о младенце-мученике Гаврииле, в которой были слова, «которые как бы вложенные в уста самого младенца-мученика, посмертно извещающего людей о своих

мучениях»: «Когда из других мест жида прибежали /То бесчеловечно меня там мучить стали /Внесли меня в темный подвал на страдание /И распяв на кресте, кровь из бока выпускали /Потом кололи все мое тело /Пока хоть каплю крови оно имело». В 1820 г. в период массовой канонизации святых западных губерний после присоединения Царства Польского, он был канонизирован Русской православной церковью. Войдя в официальные религиозные институты, образ святого мученика не был отражен в официальных религиозных практиках еще более тридцати лет. Лишь в 1855 г., в разгар Саратовского дела, была составлена молитва Св. Гавриилу игуменом Модестом, ректором Слуцкой семинарии. В 1893 г. властями Литовской епархии было отдано распоряжение, чтобы во всех церквях губернии находились иконы мученика Гавриила. В 1895 г. была построена церковь Св. Гавриила в Друскениках, а в 1908 г. небезызвестным консервативным деятелем Русской православной церкви архиепископом Волынским Антонием (Храповицким) был написан акафист. В этот же период у мощей святого начались массовые исцеления и чудеса, массовые паломничества. Его имя использовалось во время ритуальных процессов в XX в. В годы Первой мировой войны его мощи были перенесены в собор Василия Блаженного, где и велась литургия настоятелем собора, известным правым деятелем отцом Иоанном Восторговым, вплоть до его ареста и казни большевиками летом 1918 г. Часть мощей была экспроприрована и находилась сначала в запасниках Музея советской милиции, потом в Музее религии. Другая часть мощей осталась в западных районах. В период немецкой оккупации проходили службы, посвященные Святому Гавриилу, в Минске. В сентябре 1992 г. состоялся крестный ход. Мощи были перенесены из Гродно в Белосток. Ежегодно 2–3 мая (20 апреля по старому стилю) совершается крестный ход с мощами из Белостока в Заблудов. В деревне Зверки построен женский монастырь¹⁸. Таким образом, можно отметить, что культ Святого

¹⁸ Подробнее см.: Святой мученик младенец Гавриил Белостокский (Заблудовский). Подвижники благочестия / Сост. А.В. Катрич // Русское Воскресение. 2003 // <http://www.voskres.ru>. – 12.10.2009; Архиепископ Филарет (Гумилевский) // Жизнеописания Святых чтимых Российской Православной Церковью. 1885. № 4; Служба Святому мученику младенцу Гавриилу, в лето Господне 1690-ое от иудей умученному в Белостоке граде, его же нетленные мощи во граде Слуцке доднесь почивают. Белосток, 1908; Чудесные исцеления по молитвам Святому младенцу Гавриилу // Гроднецкие Епархиальные Ведомости. 1909. № 31; Православный календарь для семейного чтения на 1995 год. СПб., 1994; Святая юность. Рассказы о святых детях, детстве и отрочестве святых. М., 1994; Полное собрание сочинений протоиерея Иоанна Восторгова: В 5 т. СПб., 1998. Т. 5; Православные русские обители. СПб., 1910; *Архиепископ*

Гавриила, а значит и кровавый навет, инкорпорирован во все сферы религиозной системы.

Итак, мифологема кровавого ритуала уже к началу XX в. была инкорпорирована практически во все страты, как светские, так и религиозные и фольклорно-бытовые. Однако сконструировать четкие ритуальные религиозные практики оказалось сложно. Связано это было с постоянным изменением целей ритуальных процессов: от борьбы с религиозными девиациями до этноконфессиональной коннотации. Именно поэтому в исторической памяти социума данный феномен отразился лишь в общих силуэтных очертаниях, без четкой системы мотиваций.

Антоний (Храповицкий). Беседа Архипастыря с г. А. Чижевским // Мирный труд. 1913. № 9; Святой отрок Гавриил. (Дело об антисемитской агитации в московском соборе Василия Блаженного, в связи с обнаружением в нем усыпальницы мученика Гавриила. Отзвуки дела Бейлиса) // Революция и Церковь. 1919. № 6–8 и др.

УДК 94 (437.1): 769.5

ГУСИТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПОЧТОВЫХ МИНИАТЮРАХ

А.Н. Галямичев, А.А. Касович

Саратовский государственный университет,
кафедра истории Средних веков
E-mail: Galyaman@rambler.ru

Статья показывает, каким образом почтовые марки Чехословакии и СССР, посвящённые истории гуситского движения, отражали особенности государственной идеологии и служили средством военно-патриотического воспитания молодёжи в 50–80-х гг. XX в.

Ключевые слова: гуситское движение, историческая память, филателия.

THE HUSSITE MOVEMENT AS REFLECTED IN POST MINIATURES

A.N. Galyamichev, A.A. Kasovich

Article shows, how stamps of Czechoslovakia and the USSR devoted to history the Hussite movement, reflected features of the state ideology and served as means of military-patriotic education of youth in 50-80th years of 20 centuries.

Key words: The Hussite movement, historical memory, philately.

Почтовые миниатюры представляют собой важный источник для изучения государственной идеологии, поскольку как тематика выпускаемых марок и художественных конвертов, так и их содержание неизменно находились и находятся под непосредственным контролем государства.

Почтовая марка – это предмет повседневной жизни, таящий в себе огромную силу воздействия на внутренний мир человека уже на подсознательном уровне. Её значение как фактора, формирующего мировоззренческие установки подрастающего поколения, резко возросло во второй половине XX в., когда филателия превратилась в увлечение миллионов. В филателистической продукции всех стран мира широко представлены исторические события, что

совершенно закономерно в силу огромного воспитательного потенциала истории.

У каждого значимого исторического события своя филателистическая судьба. Её подчас замысловатые повороты проливают яркий свет на развитие государственной идеологии стран мира и исторической составляющей. В рамках данной работы мы попытаемся обратить внимание на особенности отражения в почтовых миниатюрах такого грандиозного явления истории эпохи Средневековья, каким было гуситское движение, потрясшее в XV в. не только Чехию, где оно родилось и окрепло, но и всю Европу.

Особое место гуситская тема заняла в почтовых миниатюрах социалистической Чехословакии первых десятилетий её существования, поскольку гуситская традиция являлась одним из краеугольных камней идеологии этого государства, выражая идеи борьбы за национальную независимость и социальную справедливость.

Первые известные нам чехословацкие марки по гуситской тематике были выпущены в 1952 г., в связи с отмечавшимся тогда 550-летием начала проповедей Яна Гуса в Вифлеемской часовне в Праге, с которыми принято связывать истоки великого освободительного движения чешского народа. Для этих марок характерен неповторимый художественный стиль, свойственный почтовым миниатюрам Чехословакии и отражающий особенности художественного вкуса чешского и словацкого народов.

Рис. 1

Две марки были посвящены непосредственно этому событию, юбилей которого широко отмечался в ЧССР. На одной из них было изображено здание знаменитой Вифлеемской часовни в Праге, с кафедры которой Ян Гус в начале XV в. обращался к пражанам со страстными проповедями, обличавшими лицемерие и корыстолюбие высшего духовенства и светской знати¹ (рис. 1). Здание часовни, ставшей своеобразным культурно-историческим памятником, приобрело после Второй мировой войны новые грани в качестве символа национального возрождения и негибаемого духа чешского народа: в годы фашистской оккупации оно было осквернено и раз-

¹ Информация об упоминаемых в статье почтовых марках обнаружена на сайтах <http://www.husitstvi.cz> и <http://www.philatelie.ru/beer/stamps/?id=15692>. - 04.04.2009.

рушено, а после восстановления независимости Чехословакии возрождено к новой жизни.

Рис. 2

На другой марке был помещён портрет мятежного магистра Яна Гуса, передающий основополагающие особенности его личности – глубину и искренность религиозных переживаний, неустранимость в борьбе за торжество справедливости (рис. 2).

В том же 1952 г. почта ЧССР выпустила ещё одну марку на гуситскую тему, на которой была воспроизведена графическая работа выдающегося чешского художника Миклоша Алеша (1852–1913) «Гуситский полководец Матвей Лоуда из Хлум на пи-сецком мосту» (рис. 3). Изображение побед-

Рис. 3

ной поступи гуситских воинов на фоне мощной средневековой крепости было призвано вызвать ассоциации с уверенным движением Чехословакии по пути строительства нового, справедливого и гуманного общества, а обращение к наследию корифея чешского искусства XIX в. – показать неразрывную связь времён.

В следующем, 1953-м, году была выпущена марка, посвящённая Дню рождения чехословацкой армии (рис. 4). На ней был изображён гуситский воин не вполне верно с точки зрения истории военного искусства: вооружённый мечом пехотинец, защищённый кольчугой. Однако главной задачей художника было выразить стойкость, мужество и отвагу чехословацких воинов, прошедшие сквозь века, а также готовность чехословацкой армии отразить новую агрессию с Запада – и эта воспитательная задача была решена в полной мере.

Рис. 4

К 550-летию со дня трагической гибели Яна Гуса, отмечавшемуся в 1965 г., была выпущена марка (рис. 5), отразившая изменения в государственной идеологии Чехословакии, шедшей навстречу

Пражской весне. Портрет Яна Гуса, при создании которого художники использовали детали средневековых миниатюр (самая узнаваемая – бумажный колпак с изображением чертей на голове вступившего на костёр инквизиции мыслителя), отражал общечеловеческое содержание жизненного подвига славного сына чешского народа – его протест против лжи, клеветы, подлости и деспотизма. Художники сочли необходимым зафиксировать знаменательный для чешского народа факт: 1965 г. был объявлен ЮНЕСКО годом памяти Яна Гуса.

В последующее время гуситская тема не занимала столь видного места в филателистической продукции Чехословакии, поскольку революционный дух гуситов, являвшийся предметом национальной гордости и образцом для подражания молодёжи в 1950-е и отчасти в 1960-е гг., всё менее органично вписывался в укоренявшийся в государственной идеологии дух консерватизма. Единственным образцом почтовых миниатюр на гуситскую тему стала марка выпуска 1982 г., которая была посвящена даже не собственно событиям гуситской эпопеи, а 50-летию сооружения Мемориала чехословацким воинам на Жижковой горе (рис. 6). В 1950 г. здесь по проекту скульптора Богумила Кафки (1878–1942) был воздвигнут памятник непобедимому гуситскому полководцу Яну Жижке, остающийся до наших дней крупнейшей конной скульптурной композицией в мире.

Этот уникальный монумент и был воспроизведён на почтовой миниатюре, причём окружающий его пейзаж с преобладающими современными многоэтажными зданиями подчёркивал историческую отдалённость, легендарность гуситских событий.

Рис. 5

Рис. 6

В почтовых миниатюрах Чешской Республики гуситская тема пока не нашла отражения, по-видимому, в связи с тем, что гуситские события воспринимаются как дерзкий вызов небольшого народа феодально-католическому Западу, сумевшего одержать победу в неравной схватке по той причине, что он защищал свою свободу и высшую справедливость. Хотя вполне возможно, что в ближайшую годовщину гибели Яна Гуса в 2015 г. будет выпущена серия почтовых марок, посвящённых этой знаменательной дате².

Рис. 7

Единственной страной кроме Чехословакии, отметившей в своих почтовых миниатюрах историю гуситского движения, была великая филателистическая держава – СССР. На советской марке выпуска 1951 г. был изображён воздвигнутый годом раньше памятник Яну Жишке (рис. 7). Изображение сопровождалось текстом: «Чехословацкая республика. Памятник вождю крестьянского восстания Яну Жишке в городе Праге». Выпуск этой марки был призван служить делу воспитания братской интернациональной солидарности трудящихся стран социалистического содружества. Неслучайно Ян Жишка был назван вождём крестьянского восстания, что подчеркивало, прежде всего, одну из составляющих многомерного содержания драматических событий гуситской эпохи³.

Памятник на марке изображён на фоне взволнованно-облачного неба, что символизировало переключку революционных эпох в судьбах славянских народов.

Таким образом, отражение истории гуситского движения в почтовых миниатюрах даёт возможность выявить особенности государственной идеологии Чехословакии и Советского Союза, а отчасти – и её эволюцию в 50–80-е гг. XX века.

² Так, например, власти Польши, Белоруссии и Литвы уже заявили о намерении выпустить юбилейные марки к 600-летней годовщине Грюнвальдской битвы.

³ Справедливости ради следует отметить, что термин «крестьянская война» утвердился и в советской исследовательской литературе о гуситском движении 1950-х гг., тем более, что для утверждения такого истолкования сущности гуситских событий имелась столь мощная по представлениям того времени опора, как определение Ф. Энгельса: «...национально-чешская война против немецкого дворянства и верховной власти германского императора, носившая религиозную окраску» (Энгельс Ф. Борьба в Венгрии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 50 т. 2-е изд. М., 1957. Т. 6. С. 180).

БИОГРАФИКА

УДК 341.71 (44)+ 929 Жене

ЮНОСТЬ ДИПЛОМАТА: Э.Ш. ЖЕНЕ

А.В. Гладышев

Саратовский государственный университет,
кафедра истории нового, новейшего времени и международных
отношений.

E-mail: Gladav2002@mail.ru

В статье рассматривается ранний период жизни и деятельности Э.Ш. Жене – поверенного в делах Франции в России, а затем и в США. Предпринимается попытка свести воедино все имеющиеся на сегодняшний день в нашем распоряжении сведения о его детстве, отрочестве и молодых годах, выяснить, чего он достиг в своем образовании, воспитании, каков был его дипломатический опыт на тот момент, когда он отправился с дипломатической миссией в Россию. Психологический портрет юного Э.Ш. Жене поможет нам объяснить многие из его позднейших поступков, казавшихся некоторым современникам полусумасшедшими.

Ключевые слова: Э.Ш. Жене, международные отношения конца XVIII в., история дипломатии, семейная переписка.

THE YOUNG YEARS OF DIPLOMAT: E.CH. JENET

A.V. Gladishev

In the article is examined the early life and activity E.Ch. Jenet – the charge d'affaires of France in Russia, and in the USA. It's undertaken the attempt to bring together all existing today facts about his childhood, adolescence and young years, to explain the achievements in his formation, training, his diplomatic experience at the moment, when he left with the diplomatic mission in Russia. Psychological portrait of young E.Ch. Jenet will help us to explain his subsequent behavior, which were being seemed some contemporaries by half-crazy.

Key words: E.Ch. Jenet, international relations at XVIII century, the history of diplomacy, family correspondence.

Капризной фортуне было угодно, чтобы Эдмонд Шарль Жене (1763–1834), полномочный представитель революционной Франции сначала в России, затем в США, каждый раз становился знаменит не только своей энергией, своими патриотизмом, бескорыстием, многочисленными знаниями, но и своими доходящими до эксцентричности политическими проектами, ошибками, которые были столь оглушительны и живописны, что каждый историк непременно подмечал их, если брался за биографию Жене.

О том, что представлял собой этот человек до того, как стать известным в России и знаменитым в Америке, специальных исследований не проводилось. Между тем ряд документов относительно юных лет Жене мы встречаем в монографиях М. Минниджероуд¹ и К. Муази², а также в статьях Ж. Жюссерана³ и А. Роана-Шабо⁴. Большой же интерес для исследования юности

¹ *Minnigerode M. Jefferson, friend of France, 1793. The career of Edmond Charles Genet, 1763–1834. N.Y., 1928.* Это было, пожалуй, первое исследование, в котором автор попытался не просто высмеивать горячность молодого дипломата, а установить некий баланс между заслугами и ошибками Эдмонда Жене. Минниджероуд задалась целью реабилитировать действия Жене в США, но при этом, изучая личные бумаги Жене, собрала целый ряд любопытных и до того неизвестных сведений о его юности.

² *Moisy Cl. Le citoyen Genet: la Révolution française à l'assaut de l'Amérique. Toulouse, 2007.* Автор в описании юных лет Э. Жене во многом следует за книгой Минниджероуд, местами ее дополняя и интерпретируя события (например, переговоры о мире между Францией, Англией и США) на профранцузский, а не англосаксонский лад.

³ В его статье широко цитируются ранее не публиковавшиеся письма, отправленные Эдмонду Жене из Версаля его отцом, матерью, сестрами в период его обучения в Париже в 1776–77 гг. и в Германии в 1780–81 гг. (см.: *Jusserand J.J. La jeunesse du Citoyen Genet d'après des documents inédits // Revue historiques. 1930*). В основу статьи Жюссерана положена книга Минниджероуд и документы, предоставленные ему послом Франции в Бразилии г-ном Жо. Граф Жо (Jean) был не только послом Франции в Бразилии, но и одно время (с 1928 по 1931 гг.) владел семейным архивом Э.Ш. Жене, известным теперь как «Бумаги Жене» и хранящимся в Библиотеке Конгресса, которая приобретала его по частям с 1918 по 1939 гг. Таким образом, Жюссеран использовал те материалы, которые были для Минниджероуд еще недоступны.

⁴ Роан-Шабо пользовался помимо прочих источников двумя частными коллекциями документов, часть которых была им опубликована в качестве приложений к статье. *Rohan-Chabot A. Le «Citoyen» Genet et la neutralité américaine // Revue d'histoire diplomatique. 1985. An. 99. № 1–2.*

Жене представляют «Мемуары» мадам Кампан, ее черновики и корреспонденция⁵, а также личные бумаги Э.Ш. Жене⁶.

В настоящем очерке предпринимается попытка свести воедино все имеющиеся на сегодняшний день в нашем распоряжении сведения о детстве, отрочестве и молодых годах Э. Жене и постараться выяснить, с каким жизненным багажом он вступил на тернистый путь дипломатической карьеры, постараться показать, кем был Эдмонд Шарль Жене на тот момент, когда судьба забросила его в далекий от родного Версаля Петербург. Чего он достиг в своем образовании, воспитании, дипломатическом опыте?

Эмоциональная сторона жизни человека под пером историка не должна полностью заслоняться интеллектуальной стороной его жизни. Изучение, пусть даже относительно поверхностное из-за ограниченности доступных источников, юности Жене поможет представить его психологический портрет, который объяснит нам позднее многие из его поступков, казавшихся полусумасшедшими.

Фамилия Жене происходит из землевладельцев Бургундии и известна с начала XVI в. С Парижем и судьбами Франции жизнь их связала, когда (по семейному преданию) в 1702 г. двенадцатилетний Жан Жене (дедушка нашего героя), спасаясь от голода, пешком пришел в столицу в поисках удачи. Ему довелось устроиться в качестве секретаря на службу к кардиналу Альберони (Alberoni), с которым он отправился в Испанию. Вернувшись из Мадрида, Жан Жене по протекции кардинала устроился в королевскую магистратуру.

⁵ Мадам Кампан – сестра Эдмонда Шарля Жене. Жанна-Луиза-Генриетта Жене (Genet ou Genest) родилась 6 октября 1752 г. в Париже, а умерла 16 марта 1822 г. в Mantes-la-Jolie. Была первой *femme de chambre* Марии-Антуанетты. В 1774 г. вышла замуж за Пьера-Доминика-Франсуа Бертолле (Berthollet), именуемого по его пиренейским землевладениям Кампан (Campan). *Campan J.-L.-H. Mémoires de Madame Campan, première femme de chambre de Marie-Antoinette [Texte imprimé] / Ed. présentée par Jean Chalon; notes établies par Carlos de Angulo. P., 1999.* О ней самой см.: *Kertanguy I. Secrets de cour: Madame Campan au service de Marie-Antoinette et de Napoléon., P., 1999.* Из документов мадам Кампан относительно ее семьи и, в частности, об Э. Жене см.: *Harlé E. Livre de famille. Notices de madam Campan pour ses neveux américains. P., 1914; Notices de M-me Campan sur sa famille // Revue. 1923. P. 263–264.*

⁶ В Библиотеке Конгресса США в отделе манускриптов хранятся «Бумаги Жене». Эта коллекция в 10 000 документов (1735–1835 гг.), относящихся не только к Эдмонду Шарлю Жене, но и к другим членам его семьи, описана в статье Булуазо (см.: *Bouloisaeau M. Edmond C. Genet à Saint-Petersbourg (1789–1792) // Bulletin d'histoire économique et sociale de la Révolution fr. Anne 1968. P., 1969.* Бумаги, касающиеся шестнадцатилетней службы Жене, хранятся в Архиве Министерства иностранных дел Франции (см.: *Archive de Ministre des affaires étrangères (далее – АМАЕ). V. 34. Dossiers. Genet.*

Затем он женится на бедной, но знатной даме, от которой у него рождаются два сына – Эдм Жак и Пьер Мишель. Последний не был выдающимся человеком, блестящей карьеры на государственной службе он не сделал и, выйдя в отставку, поселился в поместье Шармонто (Charmontot). Другое дело – Эдм Жак. Его юность была бурной и авантюрной. Он не желал следовать наставлениям отца, который был человеком весьма религиозным, предпочитающим жить строго по правилам и немного занудным. Эдм Жак любил заниматься историей, изучал языки и достиг в этом деле блестящих результатов. Он надеялся сделать дипломатическую карьеру, отец же видел в нем государственного служащего магистрата. Семейный конфликт дошел до того, что отец был вынужден прибегнуть к *Lettre de Cachet*⁷ и на время изолировать сына от внешнего мира. Но тот не одумался, Эдм Жак влюбился... Его сердце принадлежало Мари-Анне-Луизе Кардон (Cardon). Девушка была, как говорится, «из уважаемой, но простой семьи», не слишком грамотна (писала с чудовищными даже для XVIII в. орфографическими ошибками) и не чужда романтическим увлечениям, но зато очень красива. Отец же и слышать ничего не хотел, он нашел сыну богатую и, главное, знатную невесту: никакой Луизы и дипломатии, только магистратура и луидоры!⁸

Эдму Жаку было тогда еще только 20 лет, и по французским законам он считался несовершеннолетним. С отцом был найден компромисс: юный Жене отправился путешествовать по Германии, Голландии и Англии (отец надеялся, что там он про свою любовь и позабудет). Он изучает языки и историю этих стран. Через четыре года мы уже находим его в Дувре. Он пишет политические обзоры, которые пользуются признанием публики. Благо, что Дувр не слишком далеко от Парижа. Семейные предания уверяют, что он тайком навещался в Париж: встреча с матерью, переодевание священником и свидание с Луизой... Затем опять в Дувр. Достигнув совершеннолетия, он возвращается во Францию и пытается примириться с отцом, который не хотел ничего слышать о свадьбе. Однако

⁷ «Леттр де каше» (дословно – письмо с печатью). Во Франции старого порядка это – нормативный акт прямого действия, принятый королем в обход судебной магистратуры. Широкую известность получили называвшиеся подобным образом приказы о взятии под стражу, подписанные монархом и скрепленные королевской печатью, которые часто выдавались с пробелом в том месте, где должна была стоять фамилия обвиняемого. Подобные «леттр де каше» нередко предоставлялись по просьбе главы семьи, желавшего наказать кого-либо из родственников, например, за безнравственное поведение.

⁸ *Minnigerode M. Op. cit. P. 5.*

в конечном итоге все устроилось: ведь сама Англия признала таланты его сына. В 1752 г. Эдм Жак Жене женится на Луизе Кардон. Отец даже не пришел на свадьбу, не приедет он и в Версаль посмотреть на своих внушек. Через восемь лет, так и не примирившись со своим сыном, он умрет⁹.

Жак Эдм после разрыва с отцом перебирается из Парижа в Версаль, чтобы устроиться на государственную службу. Теперь это примерный семьянин, человек аккуратный, педантичный, доброжелательный, весьма образованный, сведущий касательно античных греков и римлян, говорящий на английском, немецком, шведском и других языках. Первые годы работы были нелегкими, секретарь Министерства иностранных дел, как и все правительство, как и весь двор, оказался в водовороте интриг и маневров. При этом он долгое время оставался без какой-либо протекции. В материальном отношении на первых порах было непросто, но положение улучшилось, когда на него обратил внимание Шуазель (Choiseul)¹⁰. Известность на государственном уровне принес Эдму отчет 1759 г. о состоянии британского военно-морского флота, сделанный им на основе материалов, собранных во время пребывания в Дувре¹¹. Он становится главой версальского Бюро переводов при Министерстве иностранных дел Э.-Ф. Шуазеля. Бюро это играло весьма важную роль, оно занималось не только переводами, но и тем, что позднее будет названо пропагандой. Эдм Жене пользовался доверием и считался весьма уважаемым работником¹². Он слыл специалистом в области англо-американских отношений, интересовался прогрессом американских колоний, что импонировало и Ц.-Г. Шуазелю¹³. Не случайно Эдма в 1763 г. назначили секретарем посла Франции в Лондоне. Умный, эрудированный и трудолюбивый, он добился успеха.

Старался он и на семейном поприще. За 9 лет у них с Луизой появилось 8 детей. К сожалению, два сына умерли еще в младенчестве, из шести дочерей известно о четырех: Жанне-Луизе-Генриетте,

⁹ Эдмонд Жене никогда не знал своего деда (он умер еще до его рождения), да и в семье о нем было не принято вспоминать.

¹⁰ Шуазель, Этьен-Франсуа, граф де Стенвиль, герцог де (1719–1785), французский государственный деятель. Посол в Риме (1754–1757) и Вене (1757–1758). В 1758–1761 и 1766–1787 гг. – министр иностранных дел. В 1758–1770 гг. фактически руководил всей политикой Франции.

¹¹ *Minnigerode M. Op. cit. P. 24.*

¹² *Jusserand J.J. Op. cit. P. 243.*

¹³ В октябре 1761 г. Э.-Ф. Шуазеля на посту министра иностранных дел Франции сменил его кузен Цезарь-Габриэль Прален граф де Шуазель, который проработал в этой должности до 8 апреля 1766 г.

Жюли-Франсуазе, Аделаиде-Генриетте и Анне-Глафире-Софии. В конце 1762 г. родители ждали рождения еще одного ребенка и много молились: очень хотелось мальчика... 6 января 1763 г. родился мальчик, которого назвали Эдмонд Шарль.

Накануне рождения Эдмонда Луизе приснилась Богоматерь, которая пообещала ей сына, только чтобы до 5 лет его одевали во все белое. Еще до появления ребенка мать начала шить белые одежды... Как вспоминает его старшая сестра, было довольно забавно наблюдать этого уже умеющего довольно сносно читать по-французски и по-английски мальчишку пяти лет, одетого в белый костюмчик, белую шапочку, белые башмачки и т. п.¹⁴ Наверное, это была действительно необычная картина даже для обывателей Версаля: одетый во все белое (королевский цвет) и окруженный сестрами рыжеволосый и голубоглазый ангелок, декламирующий стихи на языке Гомера. Мальчик любил цветы, много времени проводил в саду, где выращивал разнообразные американские растения и кустарники¹⁵.

«Рассматриваемый матерью как дар солнца, Эдмонд был в течение первых лет своей жизни объектом непрестанного внимания своих старших сестер и всех домашних. Ему прощали все его капризы. Он был бы непоправимо избалован, если бы его отец лично не взялся формировать его характер и ум»¹⁶. На первое место было поставлено изучение языков.

Что касается греческого, то Жене начал его учить с шести лет и прошел курс обучения у большого друга семьи Виллуазона¹⁷, который уже был достаточно известен, а затем станет и знаменит, когда откроет и опубликует старинный манускрипт с произведениями Гомера, найденный им в библиотеке Св. Марка в Венеции¹⁸. В 1773 г. Эдмонд Шарль послал этому знатоку классических языков несколько писем на греческом. Виллуазон был поражен блестящими и глубокими познаниями юноши и даже заподозрил было, что письма эти писал не сын, а отец. Этот наставник Жене был абсолютно убежден в литературном будущем своего ученика и, когда в

¹⁴ Notices de M-me Campan sur sa famille... P. 263-264.

¹⁵ Minnigerode M. Op. cit. P. 7. Последний раз он надел свой белый костюмчик одним днем 1770 г., когда сестра Генриетта взяла его с собой, чтобы представить Марии-Антуанетте (см.: Moisy Cl. Op. cit. P. 30-31).

¹⁶ Moisy Cl. Op. cit. P. 31.

¹⁷ Jean-Baptiste d'Ansse de Villoison (1750-1805), один из самых известных в Европе комментаторов античных авторов.

¹⁸ Jusserand J.J. Op. cit. P. 251.

1776 г. юноша ненадолго отправится на обучение в Страсбург¹⁹, он будет умолять его не бросать занятия греческим²⁰.

Эдм Жак, вспомнив свои штудии, сам давал сыну уроки по истории, публичному праву и по всем тем предметам, что преподают в начальных классах. Когда Эдмонду пошел седьмой год, отец подобрал ему двух учителей: одного шведа, одного тосканца. Первого звали Линдблом²¹. Это был и ментор, и компаньон, большой друг и доверенное лицо отца²². Линдблом учил Эдмонда английскому, шведскому и немецкому. Вторым был аббат Гатески (Gateschi)²³, который учил Эдмонда латыни и классической литературе. Возможно, и прав Роан-Шабо, предположивший, что отец давно планировал долгожданному сыну карьеру при одном из северных Дворов²⁴.

После непродолжительного обучения в Страсбурге в 1776 г. Эдмонд Шарль со своим компаньоном и наставником Линдбломом едет учиться в Париж. За годы обучения найдут своё место в образовании юного Эдмонда и химия с физикой. Физике его учил Бриссон²⁵, один из весьма почитаемых в то время учителей, а химии – Саж²⁶, вечно преследуемый толпой не только обожающих его учеников, но и любопытствующих²⁷. Но «еще усердней, чем химией»

¹⁹ В университете Страсбурга в 1752 г. благодаря усилиям немецкого историка Шёфлина создается настоящая школа дипломатов. Прекрасная библиотека, профессиональные учителя. В 1765–1766 гг. здесь обучалось 50 человек, а в 1769–1770 – уже 60, при этом среди них было много детей министров, графов и даже принцев (см.: *Histoire de la diplomatie française*. P., 2003. P. 395).

²⁰ *Minnigerode M.* Op. cit. P. 7.

²¹ Jacob-Axel Lindblom (1747–1819). После того как он закончит образование юного Эдмонда, Эдм Жак поможет ему устроиться на работу в Бюро иностранных дел. По возвращении на родину Линдблом будет назначен кабинетным секретарем короля Густава. Он работает профессором в Упсальском университете, затем станет архиепископом Упсалы. Линдблом, по свидетельству Генриетты Кампан, останется искренним другом своему бывшему ученику и его семье (см.: *Notices de M-me Campan sur sa famille...* P. 263–264).

²² Эдм Жене как-то напишет им в письме: «Я вас обнимаю, того и другого, как двух моих детей» (*Jusserand J.J.* Op. cit. P. 251).

²³ Этот наставник был приглашен, чтобы обучать своего питомца различным диалектам, но, как пишет мадам Кампан, «за всю доброту моего отца оплатил неблагодарностью, которая не заслуживает того, чтобы ее детализировали» (*Notices de M-me Campan sur sa famille...* P. 263–264).

²⁴ *Rohan-Chabot A.* Op. cit. P. 21.

²⁵ Brisson M.-J. (1723–1806), физик, член секции экспериментальной физики Института (1795), один из создателей метрической системы.

²⁶ Sage B. (1740–1823), химик и минеролог, основатель Рудной школы (1783).

²⁷ Как-то после окончания уроков ученики решили подарить мэтру свой коллективный портрет, Жене также принял участие в этой затее.

Эдмонд занимается музыкой – вокалом и игрой на «инструменте», в чем он, обладая чувством ритма и прекрасным голосом, весьма преуспел. Искусства, которые, по уверению мадам Кампан, в окрестностях Версаля «были неотделимы от жизни общества и занимали весь досуг», не были забыты в образовании Эдмонда. С ним занимался преподаватель фортепиано, и, хотя времени на упражнения оставалось не много, благодаря той особой легкости, с которой Эдмонд все усваивал, и этого оказалось достаточно, чтобы он мог музицировать в салонной компании. Верховая езда, фехтование, танцы также нашли отражение в плане образования, составленном отцом.

Эдмонд вырвался из семейного кокона, но полученная свобода была весьма относительна: отец постоянно писал письма, в которых подробнейшим образом инструктировал, что надо делать, а что не надо²⁸. Вниманием мальчик явно обделен не был. Младшенький любимчик сконцентрировал на себе нежность всей семьи. Это был центр их семейной галактики. Внутрисемейную атмосферу, некоторые черты характера юного Жене можно проследить по семейной переписке, в отрывках опубликованной Жюссераном.

Юному Жене шел четырнадцатый год. Он уже обладает кое-какими знаниями, хотя в орфографии немного слаб (отец возвращает ему его письма с исправленными ошибками)²⁹. И отец, и мать эмоционально реагируют на послания сына, если верить их письмам буквально, они, получив весточку от Жене, то вместе плачут, то «мать падает больной».

Отец пишет сыну чуть ли не каждый день, он стремится дать нужное интеллектуальное и моральное направление его развитию. Он хотел бы, чтобы сын увидел как можно больше людей и вещей,

²⁸ Его отец в это время в качестве секретаря и тайного агента Вержена вместе с Бомарше (Beaumarchais), Жераром (Gérard), Анненом (Hennin) и Гарнье (Garnier) выполняет миссию в Лондоне (подробнее см.: *Minnigerode M. Op. cit. P. 25–47*). Жак Эдм становится одним из главных проводников антианглийской кампании Вержена. Он переводит на французский памфлет Т. Пейна, содержащий прямые призывы к вооруженному восстанию в колониях. Вержен доверил Жене редактировать двухнедельную газету «Дела английские и американские» (см.: *Moisy Cl. Op. cit. P. 32*). С 8 апреля 1766 г. по 24 декабря 1770 г. министром иностранных дел Франции был герцог Шаузель-Стенвиль. После его опалы функцию министра выполняет Луи Фелипо Сен-Флорентин герцог де Лаврильер (La Vrillière), с 6 июня 1771 г. по 10 мая 1774 г. – герцог д'Эгийон (Aiguillon), с 10 мая 1774 г. по 21 июля 1774 г. – Бертен (Bertin), а затем – Вержен (Vergennes). Граф Шарль Гравье Вержен, бывший ранее послом в Турции и Швеции, принес присягу королю 21 июля 1774 г. и оставался на посту министра до самой своей смерти 13 февраля 1787 г.

²⁹ *Jusserand J.J. Op. cit. P. 245.*

он просит описать ему аудиторию, которая посещает парижские курсы: есть ли среди них «gens de qualité»? Что касается ответов молодого человека, то они не отличаются той же пунктуальностью, что родительская корреспонденция. Зато они зачитывались на общем собрании семьи и (по просьбе матушки) зачитывались не один раз.

Судя по письмам Эдмонду, семейство Жене любит посещать театры, иногда приглашать на ужины интересных людей (упоминаются химик Фуркруа, аббат Рейналь, эллинист Уильям Митфорд и многие другие). В семье много читают и находятся в курсе интеллектуальных и философских течений времени. Труды Вольтера были известны в семье Жене так же, как труды врага Вольтера Фрерона, который был личным другом Эдма Жене и проводил у них вечера. Здесь увлекались чтением «*Anneé littéraire*» и подписывались на «Энциклопедию». Жене-отец делится в письме сыну впечатлениями о прочитанной комедии «Бюро ума», где среди действующих лиц читатель без труда узнает Кондорсе, Даламбера, Мармонтеля, Лагарпа, мадам Жоффрэн... Отец пишет: «Я принялся читать твоей матери и твоим сестрам Мармонтеля – прекрасные образы и в целом отличный стиль, но очень мало вещей действительно возвышенных и новых»³⁰. В письмах часто повторяется, что семья Жене принесла себя в жертву королевской семье и особенно «нашей прелестной защитнице» королеве.

По мнению отца, для молодого человека необычайно важны знания и манеры. Отец настраивает сына на упорный труд, 6 декабря 1776 г. Эдм Жак написал сыну: «В этом мире привилегии рождения и заслуги идут одним путем <...> *Vale mi suavissime et optime fili*»³¹. Вот еще одно из его наставлений тринадцатилетнему парнишке: «Ты уже видел роскошь, мой дорогой друг, и она тебя сразила. Она поразила твои молодые глаза и это нормально. Но то тебе будет сюрпризом: я не хочу того же. Быть богатым и действительно счастливым – это две весьма разные вещи. Люди ума обладают даже тем, что им не принадлежит <...> Состояние – это кокетка, которая довольна собою только с теми, кто впрягся в ее колесницу. Никогда не пользуйся часто ее услугами, чтобы не попасть в зависимости от нее, тогда она сама отдаст тебе все свои нежность и страсть»³².

³⁰ *Jusserand J.J.* Op. cit. P. 248.

³¹ «Служи мне в поте лица своего и возблагодарен будешь» (лат) (*Ibid.* P. 247. Эдм довольно часто вставляет в письма фразы на английском, немецком, шведском, греческом, латинском. Некоторые его письма полностью написаны по-английски.

³² *Ibid.* P. 248.

Встречающиеся в письмах родителей похвалы молодому человеку за его умеренность вовсе не означают, что та действительно была одной из его доминирующих добродетелей. Наоборот, подобные похвалы – способ показать то значение, которая она имеет, указать, как важно ее приобрести. Отец, кажется, видит опасную тенденцию, черту характера сына, которая, развиваясь, приведет к краху его карьеры: чрезмерность. Семья Жене была (при всей относительности этого определения) семьей «среднего достатка», ни очень богатой, ни очень бедной. Другой добродетелью (помимо умеренности), которую постоянно внушают Жене, была экономность. Умеренность и экономность должны идти рука об руку.

Помимо образования сына, письма отца были полны и иных мелких рекомендаций, заставляющих нас вспомнить о занудстве дедушки. Наставления касались здоровья, проживания, визитов (когда, к кому и в котором часу), опасностей, которые могут подстергать юного Эдмонда, когда он садится на взятую напрокат лошадь или совершает прогулку на лодке. Выбор костюма – один из самых частых сюжетов корреспонденции, здесь советы давала вся семья («Твоя мать советует тебе предпочесть мелкую полоску <...> Что касается пуговиц, то мы совершенно уверены, что они должны быть заодно с самой тканью. Кроме соображений экономии, это еще и модно <...> Мать советует тебе, возвращаясь от портного, взять фиакр, чтобы не уронить пакет с одеждой нечаянно на землю, я же рекомендую дилижанс <...> Твоя сестра советует тебе красно-бурый цвет...» и т. д.)³³.

В феврале 1777 г. в Парижской опере был организован бал-маскарад, на котором присутствовала королева. Ее сопровождали в том числе и сестры Жене. Отец и мать, учитывая положительные отзывы Линдблома об успехах Шарля Эдмонда, пожелали доставить сыну удовольствие попасть на это мероприятие, но только при условии, что тот будет во всем слушаться своего наставника и не отходить от него ни на шаг. Эдмонду и Линдблому были отправлены два билета, костюмы домино, соответствующие маски и длинный перечень инструкций.

Этот бал – важное событие для семьи, отсюда и куча наставлений четырнадцатилетнему мальчику. Ему напоминают, чтобы он не забыл надеть перчатки и шляпу с перьями, чтобы не выбежал не одетый на улицу («В Опере будет жарко, а на выходе холодно <...> Можно очень тяжело заболеть»³⁴) и т. д. Особенно родители волну-

³³ *Jusserand J.J.* Op. cit. P. 251.

³⁴ *Ibid.* Вообще вопросы здоровья очень беспокоили родителей Жене. Советы на случай болезни соответствовали уровню медицинских знаний того

ются относительно его поведения. Юноше велят не предаваться с пылом наслаждениям, не терять головы, не говорить своего имени неизвестным маскам, никого не сердить и не сердиться самому в случае, если какая-нибудь маска проявит бестактность, уехать с бала, как только уедут сестры, и скорее идти спать, чтобы в 10 утра уже быть на уроке и т. д. Сестры, несмотря на весь маскарад, конечно, узнали своего брата, ибо были опытны в балах, а он нет: Шарль просто не знал (а в инструкциях матушки и батюшки об этом ничего не было сказано), что когда на бале-маскараде к тебе обращаются «Маска, я вас знаю!», верить этому нельзя и, отвечая, следует менять голос, а не то действительно разоблачат³⁵.

Иногда Эдмонд совершал небольшие экскурсии вне Парижа: в Шантийи с химиком Сажем или в Мэнвилль (Mainville) к родному дяде, офицеру инженерного корпуса в отставке³⁶. Эти мини-путешествия также заняли достойное место в семейной переписке.

Родители советуют ему купить для писем дорогую голландскую бумагу: отец надеется, что на такой бумаге грамматические ошибки будут меньше бросаться в глаза. Он также просит сына не забывать датировать свои послания³⁷. Помимо многочисленных советов относительно образования, манер и здоровья молодого человека родители делятся некоторыми светскими новостями. То описывается прием в Версале, устроенный Марией-Антуанеттой в мае 1777 г. австрийскому императору Иосифу II, пожелавшему навестить свою сестру, королеву Франции³⁸. То предлагается разделить удивление по поводу сюрприза, устроенного маркизом Лафайетом, отправив-

времени. Когда началась очередная эпидемия, их семью, как и многих других придворных (Лафайета, д'Артуа и др.), привили от оспы (что считалось в то время передовым). К счастью, королева вывезла всю семью в Марли, где 40 дней они пережидали эпидемию (см.: *Minnigerode M. Op. cit. P. 50*).

³⁵ *Minnigerode M. Op. cit. P. 47–49*.

³⁶ Пасторальные картины сельского Мэнвиля оттеняли огни Версаля. Вечерами дядюшка, который был в полном восторге от своего племянника, упражнялся в игре на флейте. Вообще «дядюшка Тото» был в семье Жене персонажем немного странным, отрешенным от мирских дел, в 1793 г. он будет вопрошать в письме свою знакомую: «Что же такое на самом деле Революция? Зачем все эти люди убивают друг друга?» (*Minnigerode M. Op. cit. P. 13*).

³⁷ *Minnigerode M. Op. cit. P. 50*.

³⁸ *Jusserand J.J. Op. cit. P. 254–255*. «Этим вечером был праздник в Трианоне, который давала королева императору Австрии <...> здесь была ваша мать и ваши сестры <...> Я не ожидал их возвращения раньше трех часов ночи и ушел спать», – пишет отец (*Minnigerode M. Op. cit. P. 50*).

шимся воевать на стороне инсургентов в Америку³⁹. Из писем до Эдмонда доходят некоторые нюансы переговоров между французами, американцами и англичанами⁴⁰.

Молодой человек, постоянно экономя, понимал, что с образованием затягивать нельзя, и торопится развить свои таланты. Совместно с Линдбломом он переводит со шведского на французский, но вовсе не детские книжки, а вполне серьезные «Историю царствования шведского Эрика XIV»⁴¹ и «Исследования по древней истории финского народа», отправляя их на рецензию отцу. Эти переводы были опубликованы в 1777 и 1778 гг. Нельзя сказать, что эти сочинения рвали из рук на улицах Парижа. Но особый восторг перевод вызвал у уже известного нам академика Виллуазона, который в связи с изданием переводов Эдмонда отправил своему ученику восторженное и полное похвал послание. Здесь были «гигантские шаги», «блестящая карьера», «преодоленные горы льда и снега», «поля славы»: юный Жене начал с того, чем многие уже заканчивают⁴². Виллуазон (которому, между прочим, протезировал Густав III) передал несколько экземпляров «Истории...» своим друзьям из Академии писем и литературы, сделав имя Жене известным в этих кругах. Со своей стороны, Вержен (по-видимому, из дипломатических соображений) взял на себя труд отправить эту книгу шведскому королю. Так получилось, что экземпляр «Истории царствования

³⁹ «Что скажет маркиз де Ноай, его дядя, служащий послом в Лондоне?» (см.: *Jusserand J.J.* Op. cit. P. 254). Пикантность ситуации, по мнению Жене, как это следует из его письма от 2 апреля 1777 г., здесь заключается в том, что Лафайет был из очень известной и близкой ко двору семьи: его дядя маркиз де Ноай был послом в Лондоне, где по поручению Вержена уверял, что французы не собираются воевать на стороне инсургентов! (см.: *Moisy Cl.* Op. cit. P. 33–34).

⁴⁰ По словам мадам Кампан, королева была против какой-либо поддержки инсургентов и рекомендовала королю всячески дистанцироваться от всяких лафайетов и сегуров. Но в данном случае линия семейства Жене разошлась с настроениями «заступницы». Жак Эдм Жене стал посредником в переговорах между Франклином и Верженом, которому король приказал не брать на себя слишком явно никаких обязательств. (Эдмонд много слышит о Франклине от своего отца, но окончательно он был покорен им, когда отец в начале 1777 г. взял его с собой в замок Valentinois на горах Passy, куда был приглашен и знаменитый американец. «Почтенный доктор обошелся со мной с большой теплотой», – вспоминал позднее с умилением Эдмонд) (*Moisy Cl.* Op. cit. P. 33–34).

⁴¹ Эрик XIV (1553–1577), король Швеции. Был свергнут, заточен в тюрьму и отравлен.

⁴² *Minnigerode M.* Op. cit. P. 9; *Moisy Cl.* Op. cit. P. 35. После смерти Жене сохранилась его переписка с Виллуазоном начала 1780-х гг. (см.: *Minnigerode M.* Op. cit. P. 13–18).

шведского Эрика XIV» в переводе Э. Жене был презентован Густаву III.

Что касается шведского короля, то он, как засвидетельствует мадам Кампан, передал автору перевода через Вержена золотую медаль и весьма уважительное сопроводительное письмо, отмечающее заслуги юного переводчика⁴³. Юный Эдмонд (в 1777 г. ему было 14 лет!) избирается членом литературного общества *Utile Dulci* в Стокгольме и *Apollini Sacra* в Упсале⁴⁴.

Несомненно, большое удовлетворение должно было принести автору перевода «Истории царствования шведского Эрика XIV» представление Вольтеру. В 1778 г. Вольтер вернулся после долгого изгнания в Париж 84-летним старцем. Как писал Фонвизин Панину, «прибытие Вольтера в Париж произвело точно такое в народе здешнем действии, как бы сошествие какого-нибудь божества на землю». В эти дни с утра до ночи Вольтер принимал череду бесконечных визитеров: философы, литераторы, актеры, один за другим являлись к нему – отдавать свое почтение. Франклин привел благословить своего внука...⁴⁵ Растроганный философ тогда возложил руки на голову малышу и произнес: «Бог и свобода». Эта сцена была интерпретирована как освящение Вольтером американской независимости⁴⁶. Среди прочих нанес визит и пятнадцатилетний Эдмонд Жене. Встреча состоялась в салоне отеля маркиза де Вилета⁴⁷, где Вольтер принимал весь просвещенный Париж. Эдмонд не утверждает, что он получил в ходе этого визита благословение Вольтера, что считалось тогда последним парижским шиком. Но все же потом напишет в своих воспоминаниях, что когда он передал Вольтеру экземпляр своего перевода «Истории...», больной Вольтер, который уже не мог говорить (он умрет 30 мая 1778 г.), знаками все же дал

⁴³ *Notices de M-me Campan sur sa famille...* P. 263–264.

⁴⁴ Позже, как мы увидим, он станет еще членом Королевского медицинского общества в Париже и Королевского общества антикваров в Лондоне.

⁴⁵ *Шахов А.* Вольтер и его время. СПб., 1907. С. 228–229.

⁴⁶ За несколько дней до этого Жене-отец сопровождал Дж. Адамса в Академию наук на заседание, на котором Франклин и Вольтер встретились впервые. Газетчики расценили эту встречу как братский союз философов Старого и Нового света. Но ревниво относившийся к Франклину Адамс якобы тогда бросил: «Два старых актера на сцене театра философии и фривольности» (см.: *Moisy Cl.* Op. cit. P. 41).

⁴⁷ Charles de Villette (1736–1793), литератор. По рекомендации своей матери, близкой знакомой Вольтера, был представлен философу в 1765 г. и стал его верным и восторженным почитателем.

понять, что он рассматривает эту работу как «интересный исторический документ»⁴⁸.

Понятно, что этот успех отнюдь не способствовал развитию у Эдмонда Шарля таких качеств, как скромность или умеренность. Тем более что экземпляры вышеуказанных сочинений были поднесены «прелестной заступнице» королеве⁴⁹ и графине д'Артуа (ныне эти экземпляры хранятся в Национальной библиотеке Франции).

Уже с этого времени он постепенно приобщается к работе в Министерстве иностранных дел⁵⁰. Конечно, это стало возможным благодаря покровительству Вержена, Эдмонд получил пост устного переводчика при графе Прованском, младшем брате короля. Была ли вообще необходимость в переводчике у графа Прованского? Людовик XVI предпочитал, чтобы его братья не вмешивались в политику, но если юный граф Прованский рассчитывает сыграть и свою партию, то пусть получает четырнадцатилетнего переводчика. Эдмонд практически никогда и ничего не переведет для графа... Единственное преимущество от этой виртуальной службы – свободный доступ в апартаменты принцев, где (не исключено) мог бы встретиться со своими сестрами⁵¹.

Эдмонд не был единственным «сыночком» в Министерстве иностранных дел, где мы встречаем также юных Жирара (Girard) и Бурнонвиля (Bournonville), чьи отцы работали здесь же. Эти молодые люди останутся друзьями Эдмонда на протяжении всей его карьеры.

Спустя несколько недель после устройства Жене на службу «американские дела» приняли решительный поворот. В декабре 1777 г. в Париж прибыл один из самых знаменитых корсаров Америки командор Дж.П. Джон (Jones), которому Вашингтон поручил

⁴⁸ См.: *Minnigerode M. Op. cit. P. 41.*

⁴⁹ Милость королевы, в частности, проявилась в том, что, когда Версалио угрожала эпидемия оспы, Мария-Антуанетта настояла на вакцинации и своей семьи (церковь одно время рассматривала вакцинацию как сопротивление воле Бога) и семейства Жене, забрав последних с собой в один из замков переждать опасность.

⁵⁰ «В 14 лет назначен устным переводчиком к брату короля графу Прованскому, добивается отпуска с сохранением содержания, что посетить Берлин и Вену, куда он регулярно путешествует со своим отцом для переговоров» (*Rohan-Chabot A. Op.cit. P. 22*). «Известно, – напишет позднее М. Булуазо, – что Эдмонд Шарль Жене, который с 1777 г. служил секретарем у своего отца, перед Революцией занимал различные дипломатические посты...» (*Bouloisaeau M. Op. cit. P. 17*).

⁵¹ *Moisy Cl. Op. cit. P. 37.*

добиться от Франции более активной поддержки инсургентов. Джон привез известие о победе над англичанами под Саратогой, что воодушевило сторонников активного вмешательства Франции в американские дела и заставило примолкнуть скептиков. Когда встал вопрос о заключении франко-американских договоров, Жене добился, чтобы Эдмонд помогал ему в качестве секретаря. 6 февраля 1778 г. они вместе прибыли в Париж⁵².

Примерно к этому времени относится и знакомство юного Жене с одним из самых загадочных персонажей эпохи – девицей-кавалером Шарль-Женевьевой д'Эоном (Chevalier d'Eon), шпионом Людовика XV, о котором тот же Вольтер, если верить Э.Жене, как-то заметил, что история «Секрета короля»⁵³ и сама личная история д'Эона могли бы быть интересней его (вольтеровской) истории Жанны д'Арк⁵⁴.

По специальному разрешению Министерства иностранных дел д'Эон проживал у семьи Жене в Монтрёй (Montreuil), где Эдмонд и услышал из первых уст историю якобы превращения девушки в кавалера (потом уже историки докажут, что было все наоборот)⁵⁵. Эдмонд обещал хранить эту историю в тайне и до конца своих дней так и не дал никаких комментариев, выражаясь в том смысле, что пол д'Эона «нейтральный»⁵⁶.

⁵² *Moisy Cl.* Op. cit. P. 37. 1778 год – это первая дата официальной службы, значащаяся в послужном списке Жене МИДа Франции (см.: АМАЕ. V. 34. Dossiers. Genet. P. 346).

⁵³ При Людовике XV была создана специальная (параллельная официальной) тайная дипломатическая служба «Секрет короля».

⁵⁴ *Minnigerode M.* Op. cit. P. 10. См.: *Вольтер.* Орлеанская девственница. М.; Л., 1935.

⁵⁵ «В 1778 г. д'Эон добился разрешения вернуться во Францию при условии, что будет здесь представляться только женщиной. Вержен поручил моему отцу, который давно знал шевалье д'Эона <...> принять у себя этот причудливый персонаж, чтобы направлять и удерживать насколько это возможно его горячую голову» (*Campan J.-L.-H. Mémoires de Madame Campan... P. 161*).

⁵⁶ *Moisy Cl.* Op. cit. P. 41. «Вся Европа задавалась вопросом, какого пола кавалер д'Эон. Урожденный Тоннерец, изображающий из себя женщину в Москве, капитан драгун во время Семилетней войны, секретный агент в Лондоне, неутомимый бретер, параноик, состоящий на службе у Людовика XV, заключенный под стражу и переодетый в юбку по приказу Людовика XVI, приветствующий новые идеи и ненавидящий Робеспьера, умерший в тот год, когда Император женился на Марии-Луизе (1810), он был погребен как существо среднего пола! Жизнь его – больше, чем роман» (*Decker M. Madame le chevalier d'Eon. P., 1987. P. 244*).

В 1778 г., когда Жене исполнилось 16 лет, он стал лейтенантом драгунского полка под командованием герцога де Люинья⁵⁷. В 1779 г. этот полк направлен в Брест, откуда его предполагалось переправить в Америку в составе экспедиции Рошамбо. Виллуазон уже поспешил поздравить своего ученика с возможностью отличиться на поле брани, но в последний момент выяснилось, что места на фрегатах недостаточно, да и кавалерия в Америке не так уж необходима: первый драгунский полк, в котором служил Жене, остался во Франции⁵⁸.

Но первое официальное самостоятельное поручение, данное Эдмонду, все же было связано с Америкой. Морской министр Сартен (Sartine), чтобы облегчить взаимодействие между французами и многочисленными американскими корсарами, задумал составить франко-английский морской словарь, для чего Жене и его друг Жерар были оставлены в Бресте⁵⁹.

Прогуливаясь по набережным и улочкам Бреста и пополняя свой словарный запас, Жене ассистировал подготовке крайне секретной операции по высадке десанта: ожидалось прибытие двух испанских эскадр и разворачивание боевых действий на южных берегах Англии. Это должно было положить конец английскому превосходству на морях и океанах. Но Жене покинул Брест прежде, чем здесь появился французский флот⁶⁰.

Жене, занятый то ли словарем, то ли гарнизонной жизнью, домой пишет мало, родители тоскуют, жалуются на его молчание, выражают надежду на Провидение и умоляют писать пусть и немного, но регулярно: «три небольших письма в неделю сделают нас счастливыми»⁶¹. В бретонских портах тогда скопилось множество регулярных войск и немало авантюристов-добровольцев, желающих сражаться против англичан в Америке. Нередки были разного рода

⁵⁷ В своих воспоминаниях мадам Кампан указывает, что здесь не обошлось без покровительства королевы: это по ходатайству «прелестной заступницы» в 1779 г. Эдмонд назначен младшим лейтенантом в полк драгун под командованием герцога Линьоля (Lynnol) (см.: *Notices de M-me Campan sur sa famille...* P. 263–264). При этом мемуаристка путает дату, звание и командира полка. Луенес L.-J.-Ch.-A. (1748–1807), герцог Алберт де Люинь, пэр Франции, генерал-полковник драгун станет депутатом Генеральных штатов, бурные годы Революции проведет в своем поместье. Бонапарт призовет его на службу в генеральный совет Сены, назначит мэром IX округа столицы, затем сенатором. В 1803 г. станет кавалером ордена Почетного легиона.

⁵⁸ *Minnigerode M. Op. cit. P. 51.*

⁵⁹ *Moisy Cl. Op. cit. P. 42.*

⁶⁰ *Ibid. P. 43.*

⁶¹ *Minnigerode M. Op. cit. P. 52.*

стычки и драки. Отец пишет Жене: «твое пребывание в Бресте предмет нашего постоянного беспокойства из-за твоего юного возраста»⁶².

Отец также пишет, что многие его знакомые интересуются положением Эдмонда Шарля в Бресте, якобы даже королева вчера сказала Аделаиде, что беспокоится о ее младшем брате, поскольку «молодые люди, служащие на флоте, в сто раз более бесстыжи и задиристы, чем даже придворные пажи». Она рекомендовала сестре посоветовать брату не оставаться в Бресте слишком долго. И вообще ей кажется, что Нант более интересен, чем Брест...⁶³ Понятно, что королеве видней; Эдмонд Шарль собирается в дорогу...

Жене купил довольно большую и вовсе не дешевую модель фрегата, водрузил ее на карету и отправился в путешествие по побережью. Узнав о таком самостоятельном шаге сына, папа был в шоке: модель за 4 луидора – совершенно бесполезные и огромные траты! Жене-старший удивляется, кто бы мог дать такой глупый совет его сыну? Чего доброго эта модель либо сломается сама, либо сломает карету! Да, видимо, без мудрых отцовских советов Эдмонду еще никак не обойтись... Хорошо, что, в конце концов, эту модель перекупит у Жене г-н Сартен⁶⁴.

И вот Жене прибывает в Нант. Этот город – центр торговли с Америкой. Здесь много американцев и английских пленников. Эдмонд вместе со своим приятелем Жераром продолжают знакомиться с тонкостями торговли и морского права. Восторженный Виллуазон опять поздравляет отца с новым назначением сына и новыми открывающимися в этой связи возможностями по усовершенствованию английского языка. В своих воспоминаниях мадам Кампан указывает, что где бы ни был Эдмонд, в соответствии с указаниями, данными ему отцом, он изучает торговлю, морское дело, тактику. Это способствовало пополнению его словарного запаса в знании иностранных языков. Этим он занимался в Бресте и в Нанте⁶⁵.

⁶² *Moisy Cl.* Op. cit. P. 42.

⁶³ *Minnigerode M.* Op. cit. P. 52–53. Уже в Нанте в июле 1779 г. он узнает, что франко-испанская армада еще только соединилась, а половина экипажей уже была поражена оспой. Вернувшись в Версаль в конце года, он узнает, что вся эта затея потерпела фиаско: Англия отразила атаку, не вступая в бой!

⁶⁴ *Minnigerode M.* Op. cit. P. 53.

⁶⁵ *Notices de M-me Campan sur sa famille...* P. 263–264. Сестра немного путается в воспоминаниях, указывая, что именно *в этих целях он посетил* Брест и Нант. «Прилежный, жадный до знаний, часть своего отрочества он провел в Бресте, где изучал франко-английский словарь мореходных терминов, а затем в Нанте, где познакомился с практикой заключения торговых соглашений» (*Rohan-Chabot A.* Op. cit. P. 21–22).

По совету Франклина Жене встречается здесь с внучатым племянником этого американского посланника Джонатаном Вильямсом (Williams), который пытался составить себе состояние торговлей оружием и всяческими военными припасами, предназначенными для инсургентов⁶⁶. Отец не давал Эдмонду покоя, настаивая, чтобы тот как можно чаще беседовал с этим бизнесменом, равно как и с английскими пленными офицерами. «Это прекрасно, что, не покидая Франции, ты познаешь одновременно и Англию, и Америку», – писал он сыну⁶⁷. У американских капитанов Жене рекомендуется учиться техническим терминам. Особенно отец советует заняться переводом книги «Кораблестроение», что будет полезнее, нежели устроиться в торговый дом клерком (как это предлагал сам Эдмонд Шарль)⁶⁸. Жене-старший надеется, что, когда сын вернется из Нанта, изучив все тонкости военной, финансовой, правовой терминологии, его знание английского будет даже лучше, чем у отца. Это даст Жене-младшему дополнительные шансы возглавить Бюро переводчиков, т. е. продолжить дело отца. Для реализации же этой мечты – еще один совет: «проводи юность не только с удовольствием, но и с пользой»⁶⁹!

Эдмонд встретил в Нанте уже упоминаемого нами командора Джона, который прибыл сюда, чтобы проследить за работами по перестройке старого корабля «Герцог Дюра», который ему подарил король вместо маленького «Рейнджера», на котором тот прибыл из Америки. Богатый предприниматель Лерей де Шомон (Chaumont) решил модернизировать этот корабль в 40-пушечный. Командор Джон переименовал его в «Гражданина Ричарда» в знак уважения к своему старому другу Франклину, чей «Альманах бедняка Ричарда» на протяжении четверти века был одним из самых популярных в колониях. Но даже здесь, с точки зрения семьи Жене, юный Эдмонд мог попасть под дурное влияние. Весь Париж знал, что бедная г-жа Шомон не долго сопротивлялась пылу командора Джона. С точки зрения отца Эдмонда, Франклин погорячился, когда заявил своему другу корсару, что лучшее средство понять французов это – «постельный словарь»⁷⁰.

В июле 1779 г. отец пишет: «мы перегружены переводами», он предлагает сыну вернуться в Версаль, чтобы как можно быстрее

⁶⁶ *Moisy Cl.* Op. cit. P. 44.

⁶⁷ *Ibid.*

⁶⁸ *Minnigerode M.* Op. cit. P. 54–55.

⁶⁹ *Ibid.* P. 55.

⁷⁰ *Moisy Cl.* Op. cit. P. 44.

воспользоваться плодами его учебы: «война близко, а у меня нет никого, кто бы разобрался в морской тематике». Далее следуют неизменные советы: «избегать по возможности расходов», путешествовать не днем, а ночью (не так жарко), не питаться на постоянных дворах (чтобы не отравиться). И вообще: «Старайся приезжать без шума, что бы люди не спрашивали: "Кто это?! Кто это?!" а, главное, чаще пиши домой!» Сынок же со своей стороны всячески уверяет отца в серьезности своих намерений и отсутствии всякого легкомыслия: если чем он и увлечен в Нанте, то это исключительно «кораблестроением» и даже «самая прекрасная женщина города» (живущая в том же доме: ему хорошо видны ее окна) не может их с Жераром отвлечь от этого занятия⁷¹!

Когда Жене вернулся в Версаль, Мария-Антуанетта попросила Генриетту украдкой привести его в свои апартаменты. Она хотела знать, нет ли налажен ли он в Бресте или Нанте каких-нибудь связей, посредством которых можно было бы добиться освобождения одного интересующего ее капитана, плененного американцами⁷². Королева доверялась юноше, который конфузился и бормотал банальности, уверяя, что не может оказать никакой помощи в вызволении англичанина... «Она мне показалась богиней», – скажет он потом своей семье⁷³. Даже через сорок лет, уже проживая в Америке, он будет отзываться о Марии-Антуанетте весьма и весьма деликатно и уважительно.

В 1780 г. Жене исполнилось 17 лет. Самое время подумать о карьере. Он накопил множество разнообразных знаний, но образование никогда не будет считаться оконченным, пока не объездишь другие страны. Некоторое время колебались перед выбором страны, но остановились на Германии. Отец полагал, что здесь будет меньше опасных наслаждений (чем, например, в Италии), но больше возможностей для образования. К тому же изучить еще и немецкий было бы весьма полезно. Размышляли, Геттинген или Гессен и остановились на последнем. Виллуазон, как всегда, выражал в своих письмах по этому поводу большую радость⁷⁴.

Отец высказывает свои соображения относительно заграничного турне Эдмонда Вержену, сестры о том же просят королеву, и дело решается довольно быстро. Решено, что Эдмонду будет оказана поддержка во французских посольствах тех стран, которые он ре-

⁷¹ *Minnigerode M. Op. cit. P. 56.*

⁷² *Moisy Cl. Op. cit. P. 44.*

⁷³ *Ibid. P. 45.*

⁷⁴ *Minnigerode M. Op. cit. P. 56.*

шит посетить, и он может быть даже принят здесь в случае необходимости на службу⁷⁵.

Отец рекомендовал для путешествия военную форму⁷⁶. Эдмонду были выданы паспорт и рекомендательные письма на имя шеваляе Эдмонда Шарля Жене *de Шармонто* (по имени приобретенного семьей землевладения в Бургундии)⁷⁷. Титул был необходим, чтобы быть принятым в заграничном аристократическом обществе. И вот юный драгун в марте 1780 г. заколесил по дорогам Европы.

Это путешествие – сплошной праздник: представьте себе хорошенького молодого драгуна с рекомендательными письмами из МИДа Франции, неплохо танцующего, едущего верхом, галантно изъясняющегося на нескольких языках да еще и прелестно исполняющего баритоном итальянские арии! Везде его принимают на ура, писать домой просто некогда: «с сожалением должен отложить перо, за мной пришли, чтобы ехать в театр, там будут дамы...»⁷⁸.

За неделю Эдмонд доехал из Версаля до Страсбурга, останавливаясь в Вердене и Меце. «Экипажи отвратительны, – жалуется он родителям, – да еще 12 попутчиков ничего более не делают, как только пьют и жрут на протяжении всего долгого пути»⁷⁹. Но рекомендательные письма оказывают свое действие, Жене охотно то там то сям задерживается погостить, особенно, если его здесь ждут юные дамы, балы и театры. Для Страсбурга королева дала специальные письма, благодаря которым он остановился в великолепном дворце архиепископа Роана (*Rohan*)⁸⁰.

После Страсбурга последовал Франкфурт, где отец рекомендовал Эдмонду семью очень влиятельного банкира, которого знал в годы своей молодости. Жене старается пополнить свой багаж знаний: он изучает торговлю, пользуясь консультациями Бентама, члена известной фамилии банкиров. Эдмонд должен был здесь от-

⁷⁵ *Moisy Cl. Op. cit. P. 45.*

⁷⁶ По воспоминаниям сестры, Эдмонд, достигнув шестнадцатилетия, захотел совершить путешествие по Европе, и отец решил, что униформа французского драгуна будет костюмом и благородным, и не очень разорительным (см.: *Notices de M-me Campan sur sa famille...* P. 263–264. Ср.: *Moisy Cl. Op. cit. P. 45*). Напомню, что в 16 лет Жене поступил на службу в драгунский полк. Путешествовать же по заграницам он отправился в 17 лет. Военная форма, действительно, была для путешествия по Европе более практична, чем гражданское платье: ее хоть и покупали за свой счет, но ее не надо было столь часто менять.

⁷⁷ *Minnigerode M. Op. cit. P. 56.* Шармонто – семейное поместье, приобретенное дядей Жене. Эдмонда так иногда называли дома, чтобы отличать от отца.

⁷⁸ *Ibid. Op. cit. P. 57.*

⁷⁹ *Moisy Cl. Op. cit. P. 46.*

⁸⁰ *Ibid. P. 47.*

крыть для себя нюансы экономики и немецких финансов. Но наступил весенний карнавал, и город погрузился в безумие... Город и его обитатели ему очень понравились. Охота, балы, оперы, званые обеды, концерты... Он был представлен принцессе Нассау, которую «очаровал». Жене старается успокоить родителей: «Приглашение за приглашением <...> однако не беспокойтесь, вы знаете мою умеренность». Как раз относительно «умеренности» родные больше всего и тревожились... Драгун приобрел себе «великолепную пару шпор» и «за два дня перезнакомился почти со всеми хорошенькими женщинами города». «Поскольку вы ожидаете от меня искренности, – пишет он домой, забыв, чему учил его отец, – замечу, что никто не привлек в городе больше внимания, чем я <...> В городе не было ни одного праздника, где бы не присутствовал французский драгун <...> В два дня я свел знакомство со всеми хорошенькими женщинами города...»⁸¹.

Между тем его близкие страшно переживают. Это видно из опубликованной Жюссераном семейной переписки, относящейся к весне 1780 г. Многие письма написаны младшей сестрой Эдмонда – Софией⁸². По-прежнему многочисленные советы и инструкции, но не меньше тревог и слез в связи с отъездом горячо любимого «мальша» в столь отдаленные страны, где, наверное, встречаются разбойники, норовистые лошади, плохой климат и ужасная пища. Но что ж! Его близкие готовы помучиться, лишь бы Эдмонд стал необыкновенным человеком, главное, чтобы он не забывал о них: «Ес-

⁸¹ См.: *Minnigerode M. Op. cit. P. 58; Moisy Cl. Op. cit. P. 48.*

⁸² Три сестры Эдмонда к этому времени уже были замужем. Все они вышли замуж за людей своей среды и стали: мадам Кампан, мадам Огюйе, мадам Руссо и мадам ПANNELЬЕ. Генриетта Кампан (1752–1822) была наиболее одаренной и известной. Она была чтицей при дочерях короля Людовика XV, а потом состояла при Марии-Антуанетте. Три ее сестры также с детства вертелись при дворе, были в ближайшем окружении королевских особ. Они были бы счастливы отдать свою жизнь за королеву и останутся верными королевской семье до конца.

Генриетта Кампан станет в дальнейшем основательницей известного женского пансиона в Сен-Жермене, суперинтендантом Воспитательного дома ордена Почетного легиона и будет пользоваться большим вниманием со стороны Наполеона. Жозефина отдала учиться в ее пансион свою дочь, будущую королеву Гортензию, а Бонапарт – свою сестру Каролину, будущую неаполитанскую королеву. Став королевой, та как-то заметила своей бывшей хозяйке: «Я действительно удивлена, что вы не испытываете робости перед нами, вы говорите с нами как со своими учениками». Генриетта ответила: «Лучшее, что вы могли сделать тогда – забыть ваши титулы». Бонапарт ей как-то заметил: «Если я когда-нибудь создам республику женщин, вы будете – Первым Консулом». Дочь мадам Огюйе Аглая вышла замуж за военного, который станет позднее маршалом Неем.

ли мы не получим от тебя двух писем за неделю, – пишет сестра, – можешь считать, что мать заболела и проведет ночь в слезах»⁸³.

Но помимо разбойников и норовистых лошадей молодого путешественника поджидают опасности и иного рода. Сердце Эдмонда воспаляется... Свел он знакомство с довольно известной в городе 23-летней мадмуазелью д'Е... Отцу Эдмонд, хоть как-то объясняя свое увлечение, сообщает: «Она очень хорошо говорит по-немецки!». Но ему-то 17 лет... Благо, что представитель Франции в Кельне и друг семьи Жене г-н Мустье (Moustier)⁸⁴, который в это время так же был во Франкфурте, счел необходимым лично предупредить Эдмонда об «опасностях юности», открыть истинный характер «этой Цирцеи» и, в частности, рассказал о том, что мадмуазель Е... имеет плохую репутацию, ибо она была причиной нескольких дуэлей, а лорд Фортескью в свое время пострадал от ее чар, застрявши во Франкфурте почти на 5 лет⁸⁵. Мустье также счел необходимым сообщить старшему Жене, что его сын в опасности... Покидая Франкфурт, Эдмонд уже читает наставления отца относительно женщин: «они часто легкомысленны, если не сказать хуже, они часто достаточно коварны...» и т. д. Возможно, из-за этой отповеди мы и не встречаем больше в письмах Эдмонда отцу никаких следов женщины...

После Франкфурта все лето Эдмонд провел в университете Гессена. Сам Гессен показался ему «убогой дырой, наполненной профессорами»: город ужасен, есть лишь одно место, где можно увидеть дам...⁸⁶ Его письма наполняют жалобы и раздражение: «Все здесь гораздо более печально, чем я могу описать, а вы предположить <...> студенты по своему происхождению – деревенщина, а профессора – бедолаги <...> Они обучают скотов, которыми переполнены университеты Германии и которых во Франции считали бы ничем. Эти господа после 20 выкуренных трубок принимаются пить, и это все их изящные удовольствия...»⁸⁷. Эдмонд пишет, что он очень старается, чтобы его стол был «лучший в городе», но вынужден при этом питаться в основном солониной, лишь иногда пробуя блюда из свежего мяса. Поскольку же он за обедом пьет не пиво, а вино, то выглядит на фоне окружающих, как выглядел бы во

⁸³ *Jusserand J.J.* Op. cit. P. 257.

⁸⁴ Мустье (Moustier), французский посол в Пруссии до 1814 г.

⁸⁵ *Minnigerode M.* Op. cit. P. 58–59.

⁸⁶ См.: *Ibid.* P. 59; *Moisy Cl.* Op. cit. P. 49.

⁸⁷ *Minnigerode M.* Op. cit. P. 60. Тут выясняется, что и на Виллуазона в свое время Германия так же не произвела впечатления: в Лейпциге и Геттингене студенты, по его уверениям, так же были грубы, а еда ужасна.

Франции богатый дворянин. Жене нашел поблизости одинокую баронессу, музицирующую и говорящую по-английски, но единственным его настоящим собеседником (по переписке) был отец. «Это было ужасное существование для всякого, кто рожден во Франции и предрасположен к веселью»⁸⁸.

Но ведь, в конце концов, он сюда приехал не есть, а учиться. И вовсе не плохо, что кроме как заниматься образованием делать здесь было в общем-то нечего. Поэтому, встав в полшестого утра и позавтракав холодным молоком, Жене целый день усердно занимался. Когда в июле отец предложил ему поехать в Спа, чтобы увидеть там шведского кроля, Эдмонд воспротивился и довольно саркастически ответил в том смысле, что ехать в Спа ради тщеславия – значит оставить занятия и потратить деньги... Так и не поехал, сославшись на плохое здоровье.

Другое дело – Берлин. Жене не терпелось увидеть столицу Фридриха II, которого его отец рассматривал как образчик просвещенного монарха. Здесь Жене рассчитывал встретить кружок подлинных (в отличие от Гессена) интеллектуалов. И, несмотря на все предостережения Виллуазона, именующего этот город «убогой копией Парижа», в сентябре 1780 г. Жене в Берлине. Он имеет счастье лицезреть Фридриха на военном параде. Радость от этого зрелища омрачена тем, что его не приняли во французском посольстве, ибо не было соответствующего письма от Вержена, да к тому же какой-то солдат его ограбил⁸⁹.

Но рекомендательные письма в конце концов пришли, и Эдмонд был прикомандирован в качестве секретаря к французскому посланнику в Берлине маркизу де Понсу (Pons) с тайной инструкцией собирать и переводить прусские военные приказы⁹⁰. Четыре месяца Жене провел в Берлине в качестве «свободного секретаря, приписанного посольству»⁹¹. Помимо этого Жене изучает здесь хи-

⁸⁸ *Minnigerode M.* Op. cit. P. 60.

⁸⁹ *Ibid.* P. 62.

⁹⁰ Минниджероуд называет это его первой дипломатической миссией (см.: *Ibid.* P. 63). Но есть и другая точка зрения: Эдмонд Жене сначала был привлечен на дипломатическую службу в 1775 г. в качестве устного переводчика. В 1779 г. он, будучи драгунским офицером, приписан к посольству Франции в Берлине (см.: *Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu' à la Revolution française.* P., 1890. P. 479). Год прибытия Жене в Берлин не 1779, а 1780 г. Та же дата – 1779 г., с той же формулировкой («в качестве драгунского офицера») и с тем же обоснованием («для обзора и перевода военных ордонансов») значится в его послужном списке (см.: *АМАЕ. V. 34. Dossiers. Genet.* P. 346).

⁹¹ *Moisy Cl.* Op. cit. P. 49.

мию и горное дело (потом он предоставит в Академию наук Франции доклад по устройству горной школы). Это его первый дипломатический пост, сопряженный к тому же с конфиденциальной миссией! Де Понс восхищался службой Эдмонда не меньше, чем его пением или театральным мастерством. Верный Виллуазон в своих письмах Эдму приписывал успех Шарля в Берлине не рекомендательным письмам, а талантам своего бывшего ученика. «Если бы он не был столь симпатичен, я посоветовал бы ему совершить путешествие по Италии». Но это было опасно, с одной стороны, из-за риска разбить в массовом количестве сердца итальянок, с другой стороны, и итальянки могли бы сбить начинающего дипломата с толку. А, впрочем, в какой стране можно избежать опасности увлечься женскими прелестями?

Родные внимательно следят за его карьерой, постоянно наставляя и подсказывая. С одной стороны, в письмах из Версаля после начала войны в Америке все большее внимание уделяется делам общественным: родные сообщают Жене новости об отплытии флотилии Рошамбо, о пасквилях против Неккера, которого София, напротив, с энтузиазмом цитирует, отец сообщает о новом эдикте, в котором отдается должное талантам и заслугам в достижении богатств и т. д.⁹². С другой стороны, по-прежнему в письмах встречаются рекомендации морального характера. Недостатки импульсивного Эдмонда, который часто действует как «молодая необъезженная лошадь», не исцеляются, напротив, они возрастают по мере того, как растет его успех в свете. Он пылок, он восторжен. Повидимому, это очевидно по его письмам. Поэтому в ответах из дома ему часто проповедуют все ту же умеренность: «Запомни, что к самым редким талантам причисляют тех, кто отполирован радующей глаз умеренностью»⁹³. Его родителей больше всего волнует отсутствие в сыне выдержки... Но разве это не черта французского характера: «Постарайся избежать упрека, который обычно делают французским путешественникам за то, что они ко всему относятся свысока». И не надо высмеивать союзников Франции испанцев за то, что они все время отстают и опаздывают: «Когда критикуют ту или страну или нравы того или иного народа, ты должен ответить, что хотел бы лучше увидеть это сам и что ты не хотел бы обороты речи, пригодные разве что для постоянного двора, использовать, что-

⁹² *Jusserand J.J.* Op. cit. P. 258–259, 263.

⁹³ *Ibid.* P. 259.

бы судить о характере и чувствах другой нации <...>. Относится это к португальцам или даже к нашим врагам англичанам»⁹⁴.

Но есть вещь не менее опасная, чем оскорбление другого народа – шутки с женщиной: «Никогда не смейся с женщинами над другими, это самая опасная и рискованная игра; женщина может быть слишком легкомысленной, если не хуже, чтобы постоянно жертвовать ради отсутствующего мужчины тем, который сейчас перед ней на коленях; скандалы и пролитая кровь часто составляют славу некоторых из них»⁹⁵.

Отец настоятельно советует юному драгуну следить за собой во время визита в Берлин, «чтобы чем-нибудь не досадить прусскому королю, который замечает каждую мелочь, особенно в военной области»⁹⁶.

В начале 1780 г. Эдмонд был представлен императору. Прусский король принял его очень тепло⁹⁷. «Я увидел много вещей, которые прославили бы мою жизнь»⁹⁸, – скажет он замороженный, отправляясь вскоре после этого в Вену.

В Вене он находится на службе при французском посланце бароне Бетейле (Breteuil)⁹⁹. Виллуазон в письме поздравляет Жене с началом дипломатической карьеры, уверяет, что «много слышал» об успехе своего юного друга в Берлине, клянется, что Вена – прекрасное место для дальнейшего развития способностей Эдмонда и, не будь он учителем, умоляет: учите греческий и латынь!¹⁰⁰ Мадам Кампан вспоминает: «В 18 лет Эдмонд Жене стал служащим в секретариате барона Бретейля в Вене и внушил тому искренний интерес не только своими знаниями, которые уже были замечены, но также размеренностью своего поведения и блестящей манерой держаться»¹⁰¹. Это уже не тот человек, что покинул Версаль. В функциях военного атташе в Берлине ему сопутствовал успех. Он больше не носит униформу, он забыл о приставке «су» (младший) в своем чине. Он

⁹⁴ *Jusserand J.J.* Op. cit. P. 259.

⁹⁵ *Ibid.* P. 259.

⁹⁶ *Ibid.* P. 260.

⁹⁷ Как вспоминает Генриетта, Фридрих «предоставил ему некоторые свидетельства своего расположения» (см.: *Notices de M-me Campan sur sa famille...* P. 86).

⁹⁸ *Moisy Cl.* Op. cit. P. 50.

⁹⁹ АМАЕ. V. 34. Dossiers. Genet. P. 346; *Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu' à la Revolution française.* P. 479.

¹⁰⁰ *Minnigerode M.* Op. cit. P. 63.

¹⁰¹ *Notices de M-me Campan sur sa famille...* P. 263–264.

поселился во французском доме, завел собаку, разъезжает в собственном экипаже.

И маркиз де Понс, и барон Бретеиль, который знал Жене-старшего еще со времен Шуазеля, не преминули написать соответствующие письма, в которых отметили заслуги молодого человека. Растроганные родные Жене показали эти письма королеве и графу Вержену. В глазах родителей становилось все более и более очевидным, что образование открывает перед их сыном необычайную карьеру. В то же время в письмах из Версаля все чаще мелькают новые имена, и это имена американцев. Жене-отец обедает с Франклином, Адамсом¹⁰², знаменитым моряком Полем Джонсом, который, между прочим, очень приглянулся Софии¹⁰³. Королева по-прежнему весьма благосклонна к этой семье, она добилась для мадам Кампан пенсии в 4 000 ливров¹⁰⁴. В мае 1781 г. София выходит замуж. Но не за бравого Поля Джонса, а за простого месье Паннелле из не слишком богатой, но почтенной семьи. Об этом замужестве брату сообщили лишь наиболее значительные детали¹⁰⁵. На этом переписка обрывается...

В сентябре 1781 г. Жене сопровождает барона Бретеиля в его поездке в Версаль¹⁰⁶... Он прибывает как раз вовремя, чтобы принять последний вздох своего отца. Конечно, Жене испытывал чрезмерное внимание к себе со стороны отца, который постоянно давал подробнейшие инструкции и советы, и не исключено, что давно мечтал освободиться от этой опеки. Но теперь в свои 18 лет он становится главой семьи. В день кончины отца он пишет Вержену, которого еще не успел навестить после своего возвращения во Францию: «Месье, будучи не в состоянии лично появиться перед вами, я ограничусь тем, что проинформирую вас о самом большом несчастье, которое только могло меня обременить. <...> Переполюемый самой глубокой и самой искренней скорбью, позвольте мне, месье, обрисовать вам жестокую ситуацию матери, которая со смертью мужа потеряла источ-

¹⁰² Историки (и Жюссеран, и Роан-Шабо) стараются подчеркнуть, насколько Жене проникся тем либеральным духом, который якобы преобладал в окружении его семьи: «Молодой человек воспринял все те либеральные идеи, которые были в моде в окружении его отца, в котором появлялись и американские эмиссары» (См.: *Rohan-Chabot A.* Op. cit. P. 22). Но тогда первой либералкой мы должны будем назвать королеву...

¹⁰³ Ее письмо Жене с описанием командора см.: *Moisy Cl.* Op. cit. P. 51.

¹⁰⁴ *Jusserand J.J.* Op. cit. P. 263.

¹⁰⁵ *Ibid.* P. 265.

¹⁰⁶ *Moisy Cl.* Op. cit. P. 52.

ники к существованию¹⁰⁷, и несчастное положение сына, который не может больше ожидать иной участи, чем та, о которой он взывает к вашей доброте»¹⁰⁸.

Муази назвал это письмо Жене «попрошайничеством»¹⁰⁹: уже в день кончины отца он взывает к благосклонности властей. Действительно ли семья находилась в столь бедственном положении, как это пытается представить Жене? Дом в Версале, дом в Монтрее, экипажи и лошади, 4–5 слуг, учителя и наставники для детей... А, с другой стороны, отец оставил долгов на 100 000 ливров...

Ответ Вержена было ответом покровителя. Вержен заверяет сына, что питал к его отцу «дружбу и уважение», и просит Эдмонда Шарля не сомневаться в его горячем желании добиться для него свидетельств королевской благосклонности. Уже на следующий день Вержен письмом сообщает, что доложил королю о рвении и способностях Эдмонда Шарля, и тот расположен оставить место Жене-старшего за сыном¹¹⁰. Виллуазон из Венеции выказывает свои соболезнования и советует принять должность отца. 11 сентября 1781 г. Э.Ш Жене назначен главой Бюро переводов в Министерстве иностранных дел с жалованием в 12 000 ливров¹¹¹.

У Эдмонда Шарля оказалось в подчинении 8 сотрудников, старше его по возрасту и завидовавших его продвижению по службе, но он «ни на минуту не забывался»¹¹². Он был спокоен, трудолюбив и тактичен. Он занимает весьма похвальную позицию – быть продолжателем дела своего отца. Это относится и к внутрисемей-

¹⁰⁷ Благосклонность короля к фамилии Жене не исчезла. Не только Вержен, но и Мария-Антуанетта вмешалась в это дело. И несмотря на это, понадобится три года крючкотворства между чиновниками министерств – военного, морского и иностранных дел, чтобы вдова наконец-то получила ежегодную пенсию в 4 000 ливров (см.: *Moisy Cl. Op. cit. P. 55*).

¹⁰⁸ *Ibid. P. 53–54*.

¹⁰⁹ *Ibid. P. 54*.

¹¹⁰ «Король решил вопрос о месте, которое занимал ваш отец, в вашу пользу...». Это письмо Вержена Жене от 18.09.1781 (см.: АМАЕ. V. 34. Dossiers. Genet. P. 348; *Moisy Cl. Op. cit. P. 54*).

¹¹¹ *Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France...* P. 479. «В Версаль он вернется незадолго до смерти отца в 1781 г. и будет назначен Верженом главой Бюро переводов. Смерть Эдма-Жака была тяжелой потерей, ибо молодой человек еще нуждался в советах и наставлениях, чтобы хоть как-то уравновесить его склонный к крайностям темперамент» (см.: *Rohan-Chabot A. Op. cit. P. 22*). Это бюро Жене возглавлял с 18.09.1781 по 04.09.1787 (см.: АМАЕ. V. 34. Dossiers. Genet. P. 346).

¹¹² *Notices de M-me Campan sur sa famille...* P. 263–264; *Minnigerode M. Op. cit. P. 65*.

ным, и к финансовым отношениям. Остались долги, которые Эдмонд вынужден выплачивать.

Когда время добровольного заточения (в связи с трауром, разбором отцовских дел и выплатой долгов) закончилось, он вновь вышел в свет. Его можно было встретить в Версальском салоне мадам Анжевильер¹¹³. Кроме того, Жене увлекается ботаникой, превращая сад в Монрее в некое подобие экспериментальной площадки по выращиванию различных полезных растений со всех концов света¹¹⁴. Иногда ему удается по долгу службы встречаться с выдающимися политиками. Например, он в качестве переводчика сопровождает прибывшего во Францию Джона Адамса во время его визита ко двору. В основном же его поглощает рутинная работа бюро, переводы докладов о торговле Англии, Индии и Америки и т. д.

В 1782 г. Жене становится членом-корреспондентом Академии наук по вопросам горной промышленности, организации лесного хозяйства и «воздушной навигации». В 1783 г., одновременно с Робеспьером, он становится почетным членом Королевской академии художественной литературы Арраса.

Но Эдмонд занял место своего отца не только как глава Бюро переводов, но и как помощник Вержена в англо-американских делах.

Когда берегов Франции достигла весть о капитуляции англичан под Йорктауном, то именно Жене, благодаря своей расторопности, сумел оповестить первым об этом Вержена (гонец имел инструкции доложить сначала министру Морепла), а тот доложил королю. Беззастенчиво присвоив честь доложить королю о победе, Жене совершил один из тех небольших бюрократических переворотов, которые столь способствуют карьерному росту. Это произвело впечатление и на министров, и на дипломатов¹¹⁵.

Карьерному росту Жене способствовало и общее изменение ситуации: теперь речь шла не о войне, а о заключении мира с новым независимым государством и все карты теперь находились в руках Министерства иностранных дел. Отец Эдмонда слыл специалистом по Америке, теперь Вержен решил доверить американские дела его сыну. Эдмонду было предписано ежедневно собирать и переводить всю информацию из прессы, особенно из американской. Пока шли интриги и переговоры, Жене, как он признавал много лет спустя, ежедневно докладывал Вержену новости из Англии и Америки. Он

¹¹³ Notices de M-me Campan sur sa famille... P. 263-264; *Minnigerode M.* Op. cit. P. 66.

¹¹⁴ Ibid.

¹¹⁵ *Moisy Cl.* Op. cit. P. 56-57.

вспоминает: «Вержен сочувствовал благоприятному исходу войны в Америке и часто посылал меня к королю докладывать о благоприятном ходе военных действий»¹¹⁶. Отныне Эдмонд Жене находится в непосредственной близости от запутанного клубка интриг и переговоров о мире, которые шли весь 1782 г. Помимо Лондона, Филадельфии и Парижа сюда были втянуты Мадрид и Гаага, хотя они и приняли минимальное участие в войне. Началась большая игра, где у каждого были свои ставки. Его искренне покорило намерение англофила Джона Адамса заключить мир с Англией напрямую, минуя французов. Когда Америка фактически заключила сепаратный мир с Англией, а понесшая огромные материальные затраты Франция получила лишь моральное удовлетворение, Вержен был страшно зол. «Жене был еще слишком молодой и цельный, чтобы не быть шокированным той ложью и фальшью, которые он увидел в ходе этих переговоров о мире <...> Этот эпизод оставит глубокий след в его душе»¹¹⁷.

До 1783 г. Англия была знакома Жене еще только по книгам. Через 20 лет после своего отца он направлен сюда со схожей миссией. В феврале 1783 г. Жене был отправлен в Лондон в качестве первого секретаря Мустье (Moustier) (того самого, с которым он встретился во Франкфурте на карнавале тремя годами ранее) с секретной инструкцией собирать информацию, необходимую для подготовки торгового договора с Англией (будет заключен в 1786 г.), в частности, выяснить, насколько выгоден будет для Франции торговый договор с Англией, основанный на принципе свободной торговли. С другой стороны, военно-морской министр поручает Жене проанализировать ситуацию с английским флотом.

В Лондоне в это время шли переговоры о заключении франко-англо-американского мира (окончательный вариант мирного договора будет подписан в Версале 3.09.1783). Поначалу Жене (его сопровождал в этой миссии неразлучный друг Бурнонвиль) отнесся к Англии с предубеждением победителя, но вернулся он оттуда полный восхищения самым передовым народом, полностью открытым для прогресса. В Англии Эдмонд провел 6 месяцев, «пытаясь оправдать то доверие», которое Вержен ему оказал. Помимо знакомства с английскими парками, ростбифом, Шекспиром и модой, Жене умножает опыт сбора необходимой информации. Конечно, Жене никогда ничего не производил, не торговал, а экономику знал только по книгам, но он проводит недели в различных промышленных

¹¹⁶ *Minnigerode M. Op. cit. P. 69-70.*

¹¹⁷ *Moisy Cl. Op. cit. P. 59.*

центрах Англии: Манчестер, Лидс, Шеффилд, Бирмингем... Он беседует с многочисленными предпринимателями и коммерсантами, заезжает в Оксфорд и Кембридж¹¹⁸. Он проявил более чем простое рвение. Он развил ту поистине изумительную активность, которую в дальнейшем проявит и в других миссиях. Его поручения в Германии и Австрии были лишь первыми шагами, а сейчас, когда ему было уже двадцать лет и отец уже не руководил им; Жене занимается всем, что его привлекает.

Это путешествие в Англию стало для него настоящим открытием. Впервые ему пришлось аккумулировать все свои знания в самых различных областях. Политика, экономика, разнообразные науки, промышленные технологии, сельское хозяйство, литература и искусство, – он подмечает все¹¹⁹. Он знакомится с работой палаты общин (Вержену Жене посылает доклады о дебатах в палате общин), встречается с одним из лидеров вигов Чарльзом Фоксом (Фох), ему кажется (ошибочно), что французы вскоре займут место англичан в Индии («Крах Мадраса кажется неизбежным...»). Он с энтузиазмом изучает «Письма американского фермера» Кревекера (Crevecoeur)¹²⁰, и ему (как и Бриссо) покажется, что в Америке вполне возможно построить Новый Мир, простой и добродетельный. Жене выражает надежду когда-нибудь стать гражданином этой страны и жениться на американке¹²¹. Мечта его сбудется!

Помимо промышленных центров, памятуя о поручении военно-морского ведомства Франции, Жене совершает тур по портам

¹¹⁸ *Minnigerode M.* Op. cit. P. 76–77.

¹¹⁹ *Moisy Cl.* Op. cit. P. 60.

¹²⁰ Среди тех консулов Франции в США, которые способствовали формированию мифа об Америке, наиболее знаменитым был Жан Гийом Августин Сен-Джон де Кревекёр (1735–1813). Он изучал картографию в Канаде, путешествовал по району Великих озер, затем остановился в Нью-Йорке. Между 1778 и 1779 гг. был арестован англичанами и вернулся во Францию, где сблизился с Тюрго и вошел в круг парижских американофилов. В 1782 г. в Лондоне вышли его «Письма американского фермера». В 1783 г. назначен консулом в Нью-Йорк. С перерывами выполнял свои обязанности до 1792 г. Симпатизировал Джефферсону, Медисону. В «Письмах» рисует идиллическую картину своей деревенской жизни в Америке: простота нравов, воспитанные дети, природные удовольствия, равенство возможностей, «плавильный тигель народов» и т. д. (см.: *Bégaud S., Belissa M., Visser J. Aux origins d'une alliance importable. Le réseau consulaire française aux Etats-Unis (1776–1815).* P., 2005. P. 9091. О Кревекёре см.: *Philbrick Th. St. John De Crevecoeur. N.-Y., 1970.*

¹²¹ *Moisy Cl.* Op. cit. P. 61–62. Об американофильских настроениях во французском обществе того времени см.: *Dorigny M. Le libre Amérique selon Brissot et Clavière. Modèle politique, utopie libérale et réalisme économique // De la France et des Etats-Unis. Etienne Clavière et J.-P. Brissot de Warville.* P., 1996.

Ламанша, посещает верфи, осматривает вооружение кораблей и приходит к выводу, что англичане едва ли собираются соблюдать тот договор, который они сейчас подписывают. Жене пишет Кастри¹²², что ему не кажется, что работы по вооружению были прерваны столь внезапно, как англичане хотят в этом убедить французов, что в английском парламенте недовольны условиями мира¹²³.

Он использовал время своего пребывания в Англии для того, чтобы познакомиться в Бирмингеме с Болтоном (Boulton) и изучить его способ производства стали. Он также сходится с Дж. Уаттом, который рассказывает ему о том, как паровая машина может быть использована в судоходстве. В ответ Жене знакомит англичанина со своим мемуаром, представленным в Парижскую академию¹²⁴. Дж. Пристли в Бирмингеме показывает Жене свои эксперименты с газами (соответствующий отчет отправлен Шарлем Эдмондом в Парижскую академию¹²⁵), Жене даже участвует в проекте по разработке устройства для опреснения морской воды¹²⁶. Кажется, Жене избегает света и двора, он весь поглощен научными сюжетами, английскими техническими изобретениями (гарпунная пушка и т. п.). Уатт и Болтон были столь впечатлены серьезностью молодого человека, что пообещали приехать во Францию.

Вернувшись во Францию, в 1784 г. Жене становится членом-корреспондентом Королевского общества медицины. Он интересуется естественной историей, физикой, изучением климата, сельского хозяйства, политэкономией, направляет в Академию наук свой «Очерк об управлении аэростатическими машинами»¹²⁷. В Европе же, как мы видели, он изучал в зависимости от места и возможностей все: астрономию, право, алгебру, фехтование, инженерное ремесло, вокал, гитару, лютню, сistr, теорбу, мандолу... Он не пренебрег даже органом и клавесином. Он пытался перевести на немецкий «Кандида» Вольтера¹²⁸.

Зачем это ему? Вероятно, карьере Жене на дипломатическом поприще следует рассматривать в контексте общих карьерных «правил игры» той эпохи. Новые заботы французской дипломатии

¹²² Послы писали Вержену, а все, что касалось торговли и мореплавания, писали, как и Жене, морскому министру Кастри (Castries).

¹²³ *Moisy Cl.* Op. cit. P. 62; *Minnigerode M.* Op. cit. P. 76.

¹²⁴ *Minnigerode M.* Op. cit. P. 77.

¹²⁵ Позднее его удивит доклад «великого» Лавуазье, являющийся пересказом тех самых опытов Пристли, о которых докладывал Жене.

¹²⁶ *Rohan-Chabot A.* Op. cit. P. 23.

¹²⁷ *Ibid.*

¹²⁸ *Jusserand J.J.* Op. cit. P. 260.

XVIII в. потребовали трансформации методов. В XVIII в. быть дипломатом, быть официальным представителем короля в другой стране означало необходимость соответствовать определенной социальной модели. Великолепие стола, обаяние манер, роскошь экипажей, пышность праздников должны были ослепить (пустить пыль в глаза), покорить ту страну, в которой посол представляет своего хозяина. Дипломата должен был отличать литературный, художественный или музыкальный вкус, равно как вкус в одежде, украшениях, мебелировке и т. д. Приветствовалось также коллекционирование картин, античных рукописей или просто редкостей и диковин¹²⁹. Однако одних бесед и путешествий для формирования хорошего дипломата недостаточно. Необходимы глубокие сведения по истории, географии, знание языков, необходимо университетское образование. К тому же хороший дипломат получается тогда, когда он имеет опыт, европейские тонкости будущие послы познают, работая секретарями в бюро: Вержен в свое время был посвящен в тонкости службы своим дядей Шавини (Chavigny) на переговорах в Утрехте¹³⁰. Для выполнения же секретных поручений правительства (фактически – для промышленного и военного шпионажа) необходимо было разбираться в широком круге естественных наук.

С января 1787 г. положение Жене пошатнулось, что связано с прогрессирующей болезнью его покровителя Вержена. С середины января он общался с королем только через посредников из своих приближенных. Как-то довелось передавать документы от Вержена Людовику XVI и Жене. Вержену уже начали подыскивать преемника, хотя он продолжал работать в постели. Болезнь Вержена поставила Жене, по его собственным позднейшим воспоминаниям, на край пропасти, его переживания о здоровье Вержена можно сравнить только с переживаниями о болезни отца¹³¹. Вдруг все то странство, в котором он достаточно комфортно жил последние 6 лет, ему показалось сумрачным и тревожным. Его мрачные думы могла развеять только надежда на благосклонность короля и королевы, хорошо относившихся к его семье.

Кто после Вержена? Король колебался между протезе королевы графом Сен-Приестом, послом в Голландии, и рекомендованным самим Верженом маркизом Жокуром (Jaucourt), который был более военным, нежели дипломатом. Но место Вержена не займет ни тот, ни другой. На следующий день после смерти своего министра ко-

¹²⁹ Histoire de la diplomatie française. P., 2003. P. 393.

¹³⁰ Ibid. P. 395.

¹³¹ Moisy Cl. Op. cit. P. 70.

роль заявит, что он выбрал Монморена, служившего до этого послом в Мадриде. С одной стороны, Монморен долгие годы был очень близок королю, пользовался доверием у Вержена. Но, с другой стороны, очень многие ревнивцы и завистники и при дворе, и в министерстве считали Монморена слишком мелким (и в физическом, и в интеллектуальном плане) для этой должности. Жене при первой встрече со своим новым начальником был удивлен его молодости: Монморен был на 25 лет моложе Вержена. Новый министр повел себя достаточно осторожно, на него давило общественное мнение о незаменимости Вержена. Его первые шаги вселили в Эдмонда надежду, что перемена министра не сильно затронет его собственные интересы и не ухудшит ситуацию¹³².

Но уже через несколько месяцев судьба Жене стала весьма тревожна: он все реже видится с министром, занимается чисто переводческой работой, его больше не приглашают на внутренние совещания... На первые же роли при Монморене выдвигается Жозеф Жерар де Райневаль (Rayneval), брат Конрада Александра Жерара (Gerard). Монморен рассматривает его даже не как молодого подчиненного, а скорее как коллегу.

Эдмонд быстро понял, что Америка Монморена не интересует. Он информирует министра о локальных волнениях в Массачусетсе и Пенсильвании, о которых сообщали английские издания, но понимает, что того это не заботит. «Мы никогда не претендовали на то, чтобы установить с Америкой полезные связи, – пишет Монморен в Филадельфию, – Мы не имели другой цели, кроме как оторвать этот обширный континент от Англии. Поэтому мы с безразличием можем смотреть и на волнения в провинциях и на агитацию в конгрессе»¹³³. Поверенный в делах Франции в США Луи Отто (Otto) настойчиво пытается заинтересовать Монморена будущим Америки, но тот не повернет и головы в эту сторону. Ассамблея нотаблей, финансовый кризис, министерский кризис не оставляют министру времени приглядеться, что происходит по другую сторону Атлантического океана.

В августе 1787 г., через 6 месяцев после смерти Вержена, Жене был ошеломлен, услышав, что в королевской администрации готовятся реформы и что Бюро переводов вскоре закроется. Немного времени спустя Эдмонд получает от Монморена письмо, в котором говорилось, что его пост упраздняется. Половина переводчиков подлежит увольнению, а остальные будут распределены между раз-

¹³² *Moisy Cl.* Op. cit. P. 72.

¹³³ *Ibid.* P. 72-73.

личными министерскими бюро. Министр объясняет это соображениями «экономии, которой король занят в данный момент, чтобы навести порядок в финансах»¹³⁴. Но для Жене нет сомнений: это целятся в него. Мадам Кампан утверждает, что его отставка с поста в Министерстве иностранных дел – дело рук Райневалея и других врагов, запомнивших его злосчастный мемуар о торговле с Англией: «Мой брат успешно начал дипломатическую карьеру. В 18 лет он был приписан к посольству в Вене; в 20 лет назначен первым секретарем дипломатической миссии в Лондоне по заключению мира 1783 г. Мемуар, который он представил Вержену об опасностях, таящихся в торговом договоре, заключенном в это время с Англией, оскорбил Калонна (Calonne), одного из авторов этого договора, и особенно Жерара де Райневалея (Rayneval), руководителя администрации Министерства иностранных дел. Пока Вержен, объявивший себя после смерти моего отца защитником моего брата, был жив, он поддерживал Жене против его врагов, которых он нажил себе этим мемуаром. Но после смерти Вержена Монморен <...> стал вести все дела через Рейневалея. Бюро, возглавляемое моим братом, было закрыто и объединено с другими бюро»¹³⁵.

Ему не предлагают никакую другую работу, а лишь временный оклад в 12 000 ливров в год: при этом министр добавляет, что в силу кратковременности своей работы в бюро Жене по большому счету не заслужил и этой милости¹³⁶.

Жене принял эту новость очень тяжело. Впервые в его жизни им пренебрегли, от него оказались. Разве он все еще заслуживает внимания и уважения только как сын своего знаменитого отца? Последующие шесть недель были для него сплошным темным туннелем. Он уверяет своих приятелей, что хочет использовать этот вынужденный отпуск, чтобы попутешествовать, повысить свое образование (что, собственно, и является главной целью в жизни) и т. д. Его отставка – удар по семье. Ему еще нужно выплатить минимум 20 000 ливров по долгам отца! Он даже вынужден продать часть мебели. Он грустит о судьбе своей семьи. Он просит, чтобы временный оклад от Министерства иностранных дел был дополнен пенсией в 6 000 ливров от военного министерства и министерства флота, которым он оказывал немалые услуги, в том числе и секретного харак-

¹³⁴ Отрывок из письма Монморена Жене от 4.09.1781 с уведомлением об увольнении см.: АМАЕ. V. 34. Dossiers. Genet. P. 348 об., 351–351 об. См. также: Rohan-Chabot A. Op. cit. P. 23; Moisy Cl. Op. cit. P. 73.

¹³⁵ Campan J.-L.-H. Mémoires de Madame Campan... P. 371.

¹³⁶ Moisy Cl. Op. cit. P. 73–74.

тера. Он просит также, чтобы его поддержали пособием в 2 000 ливров от «литературного фонда» Министерства иностранных дел... Ему отказали во всем¹³⁷.

Близкая к королеве мадам Кампан добилась для Жене назначения к поверенному в делах Франции в Санкт-Петербурге Сегюру в качестве секретаря (вместо Belland). Королева говорила об этом назначении с королем. Родственники и друзья Сегюра ходатайствовали, чтобы отпустить того из России. По его собственным заметкам, случай выбраться из бедственного положения представился в связи с тем, что находившийся в Петербурге два с половиной года Сегюр запросил отпуск, чтобы поправить здоровье: «Вмешательство королевы и моих друзей позволило мне добиться назначения на его место в качестве поверенного в делах»¹³⁸. Кампан более точна: «Он отправился в Петербург, рекомендованный графу Сегюру, который назначил его секретарем миссии»¹³⁹. Эдмонда отправили в Санкт-Петербург в качестве первого секретаря посла, но здесь он скоро станет поверенным в делах Франции. Монморен наставлял юного Жене, чтобы тот не проболтался о содержании депеши Сегюра за номером таким-то... Так увещевают мальчишку: если бы не внезапный отъезд Сегюра¹⁴⁰, не видать бы Жене первой роли у режиссера Монморена¹⁴¹.

¹³⁷ Письма, в которых Жене в связи с увольнением просит пенсий и сетует относительно долгов отца (см.: АМАЕ. V. 34. Dossiers. Genet. P. 353–355; *Moisy Cl. Op. cit.* P. 74).

¹³⁸ *Moisy Cl. Op. cit.* P. 75. Здесь в своих мемуарах Жене явно торопит события: он был назначен не *вместо* Сегюра, а *к нему* – секретарем дипломатической миссии и лишь с октября 1789 по июль 1792 г. был поверенным в делах в России (см.: АМАЕ. V. 34. Dossiers. Genet. P. 346).

¹³⁹ В 1789 г. граф оставил о Жене короткое замечание: «Его внешность, его манеры и умение вести разговор совершенно отвечают тем похвальным отзывам, которые давали мне о нем лица, чьи письма он мне привез» (*Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France...* P. 479). Позднее в своих записках Сегюр напишет: «По желанию королевы мне дали молодого человека, пользовавшегося ее покровительством, г-на Жене, брата г-жи Кампан. Он был умен, образован, знал несколько языков и был талантлив, но очень пылок. Впоследствии он был увлечен революцией и назначен партией жирондистов в Американские штаты. Там его кипучая деятельность оборвалась в попытке пошатнуть авторитет Вашингтона и дать американскому правительству более демократический характер» (*Сегюр Л.-Ф. Записки гр. Сегюра о пребывании его в России.* СПб., 1865. С. 281).

¹⁴⁰ Отрывок из письма Сегюра Монморену от 24.09.1789, в котором речь идет о Жене, см.: АМАЕ. V. 34. Dossiers. Genet. P. 347.

¹⁴¹ «Чрезмерная живость его характера не нравилась министру иностранных дел Монморену, который, очевидно, предпочитал более осторожных ди-

Кампан рисует брата, покидающего Версаль, с «сердцем, глубоко раненным потерей важного места из-за мемуара, продиктованного лишь рвением»¹⁴². Этот образ будет часто пересказываться в историографии.

Жене получил звание капитана драгунского полка и в конце 1787 г.¹⁴³ уехал из Версаля в Париж, а оттуда через Германию в Россию. Он больше не увидит ни короля, ни королеву...

Многие современники, друзья его семьи, говорили о его обидчивости, импульсивности и гневности¹⁴⁴. Он рос баловнем семьи, как всеобщий любимчик позволял себе быть капризным: топал ножкой и устраивал сцены. Его склонность к вспыльчивости скоро обнаружится. Безусловно, наделенный разнообразными талантами, он со всем юношеским пылом старался выставить себя напоказ, что вызывало у родителей постоянные вздохи относительно его «неумеренности». Довольно рано вырвавшись из-под мелочной опеки «великого» отца и став главой семьи, он остро реагирует на «карьерные несправедливости» в отношении себя. Увлеченный (как и отец) Америкой, где, кажется, только и могли быть полностью раскрыты его дарования, где по достоинству могли бы быть оценены его таланты, где придворные интриги не способны конкурировать с опытом и знаниями, он вынужден ехать служить в прямо противоположном направлении – в совершенно неведомую ему Россию...

пломатов. Монморен очень редко и очень сдержанно писал Жене, делал ему выговоры и, несмотря на поддержку близкой к королеве г-жи Кампан, обходил Жене в назначениях» (*Богоявленский С.* Россия и Франция в 1789–1792 гг. по материалам перлюстрации донесений французского поверенного в делах в России Эдмонда Жене // Литературное наследство. 1939. Т. 33–34. С. 32).

¹⁴² *Campan J.-L.-H.* Mémoires de Madame Campan... P. 372. Возможно, сестра в своих позднейших воспоминаниях пытается оправдать поворот Жене к республиканским идеям глубокой и несправедливой обидой, нанесенной ее гениальному братцу со стороны чиновников Министерства иностранных дел.

¹⁴³ Биографический словарь братьев Дидо дает уточнение: Жене был отправлен в Россию 13 октября 1789 г. (см.: *Nouvelle biographie générale depuis les temps les plus réculés jusqu'à nos jours.* Paris. M DCCC LVIII. Vol. 19. P. 872). Статья о Жене в этом словаре написана на основе сообщений «Монитёра»: 1791, № 278; 1792, № 218, № 358; an I № 194, 201; an II № 52, 112. По всей видимости, словарь здесь ошибается: от 13 октября 1789 г. уже известно послание Жене Монморену из Петербурга (см.: *Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France...* P. 476). Сегюр же отставил свой пост в столице России 11 октября.

¹⁴⁴ *Moisy Cl.* Op. cit. P. 76.

УДК 796.075 (47+57) + 929 Беляев

ПРОБЛЕМЫ БИОГРАФИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ (на примере биографии мецената М.П. Беляева)

Д.Е. Луконин

Саратовский государственный университет,
кафедра туризма и культурного наследия
E-mail: Lukonin@info.sgu.ru

Митрофан Беляев, богатый петербургский лесопромышленник и меценат, покровительствовал русскому искусству, так же как Третьяков, Морозов или Мамонтов. Однако биография его содержит значительные лакуны, что требует применения специальных реконструктивных методов. Автор статьи разделяет понятия «конструкция» и «реконструкция», рассматривает историко-психологический и интенциональный методы реконструкции. Методологический анализ проводится на конкретных примерах из биографии М.П. Беляева.

Ключевые слова: историческая реконструкция, биографическая реконструкция, историческая память, русское искусство, предпринимательство и меценатство, М.П. Беляев.

THE PROBLEMS OF BIOGRAPHIC RECONSTRUCTION (by the example of maecenas Mitrophan Belaiev biography)

D.E. Lukonin

Mitrophan Belaiev, who was a wealthy timber merchant and a maecenas, supported Russian art, as well as Tretyakov, Morozov and Mamontov. However his biography is incomplete and its reconstruction with the special methods is needed. The author of article is giving a division between concepts «construction» and «reconstruction» and analyzing historico-psychological and intentional methods of reconstruction. The methodological research is based on the Mitrophan Belaiev's biography matter.

Key words: historical reconstruction, biographic reconstruction, historical memory, Russian art, free enterprise and patronage of arts, Mitrophan Belaiev.

В применении к биографическому материалу проблема исторической реконструкции может быть рассмотрена в различных аспектах. Первый, наиболее очевидный, связан с заполнением лакун и восстановлением событийной стороны биографии исторического персонажа. Особенно важными при этом следует считать события, оказавшие значительное влияние на становление личности человека. Можно согласиться с мнением А. Уйбо, что в процессе исторической реконструкции историк одновременно выступает в лице «конструктора, технолога и сборщика»¹. В полной мере это применимо и к области биографики. Однако с методологической точки зрения существенным представляется разделение конструкции и реконструкции как двух, хотя и взаимосвязанных, но различных подходов. Во многих работах, в частности в упоминаемой статье А. Уйбо, такого разделения не проводится, а указанные термины рассматриваются как синонимы². Это, как нам представляется, затемняет суть реконструктивного метода.

К проблеме конструкции как эвристического подхода в интеллектуальном построении привлек внимание в одной из своих ранних работ выдающийся представитель немецкой классической философии Ф.В.Й. Шеллинг³. Согласно его взгляду, конструкция (Konstruktion) имеет «лишь один принцип», – «для геометра это... абсолютное единство пространства, для философа – единство абсолютного. Конструируется... лишь одно, а именно идеи, а все выведенное конструируется не как выведенное, а в своей идее»⁴. Шеллинг категорически возражал против высказанной Бенямином Хойером точки зрения, согласно которой конструкция создает лишь возможные объекты. Для Шеллинга «абсолютная возможность» заключает в себе саму действительность, ибо эмпирическая действительность, атрибутом которой является внешняя необходимость, становится собой «именно в своем обособлении от идеи, и даже общие законы, по которым она в этом обособлении превращается в определенное так, а не по иному, могут в свою очередь быть конструированы только в идее»⁵. Говоря другими словами, если нам известен объективный принцип построения системы, то отдельные

¹ Уйбо А. Реконструкция исторического прошлого как междисциплинарная задача // Смысловые концепты историко-философского знания. Учен. зап. Тарт. ун-та. Сер. Труды по философии. Вып. XXXV. Тарту, 1990. С. 90.

² Там же.

³ Шеллинг Ф.В.Й. О конструировании в философии // Шеллинг Ф.В.Й. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 3–26.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Там же. С. 13.

лакуны могут быть заполнены даже при полном отсутствии каких-либо фактических данных. Блестящим примером подобной конструкции является Периодическая система химических элементов Д.И. Менделеева.

Важнейшим этапом в применении метода конструкции к историческому процессу стало создание М. Вебером концепции «идеальных типов». Будучи так же, как и в классической философии, основана на понятии «идеи исторического явления», указанная концепция в то же время стремилась противостоять метафизическим и романтическим элементам предшествовавших теорий⁶. «Идеальный тип, – писал Вебер, – не «гипотеза», он лишь указывает, в каком направлении должно идти образование гипотез. Не дает он и изображения действительности, но представляет для этого однозначные средства выражения»⁷. Исследователи справедливо считают концепцию «идеальных типов» конструкцией⁸, термин «конструирование» применялся и самим автором для объяснения характера исследовательского действия⁹. «Согласно этому методу, – полагал Э. Трельч, – линии развития – это конструкции научной фантазии, которые выходят из возможностей, лежащих в определенной ситуации и по аналогии с опытом или общими наблюдениями или также с законами ищут адекватных, т. е. наиболее возможных причинно-обусловленных рядов...»¹⁰

Таким образом, можно констатировать, что важнейшим принципом конструктивистского подхода является наличие опосредующего элемента исследовательской процедуры, в качестве которого выступает сама конструкция, представленная либо как отрефлексированное продуктивное созерцание, либо как построенная на сравнении и обобщении абстракция идеального факта, либо как построение цепочек каузальных связей, либо иное. Такой подход можно было бы уподобить широко практикуемой методике реконструкции архитектурных сооружений, при которой воспроизведение первоначально известной исторической конструкции достигается за счет использования новейших технологий и современных

⁶ См.: Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность: Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991.

⁷ Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избр. произведения. М., 1990. С. 389.

⁸ См.: Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н. Указ. соч. С. 44–50.

⁹ Вебер М. Указ. соч. С. 391.

¹⁰ Трельч Э. Историзм и его проблемы. М., 1994. С. 443.

материалов¹¹. В настоящее время также и в области исторической науки развиваются новые конструкционные модели, созданные на основе математического моделирования, новых информационных технологий, теории самоорганизации и др.¹² В отличие от подобных «чистых» или «идеально-типических» конструкций принципиальная особенность реконструктивного подхода состоит, на наш взгляд, в том, что место опосредующего элемента занимает аутентичный исторический источник. В биографическом описании подобный метод выглядит особенно перспективным для восстановления личностной топологии.

Рассмотрим сказанное на конкретном примере. Известно, что биография мецената Митрофана Петровича Беляева в достаточной степени освещена историческими источниками только для второй половины его жизни, т. е. с начала меценатской деятельности¹³. Что же касается первой половины, то сведения приходится получать буквально по крупицам, восстанавливая (реконструируя) отдельные эпизоды. Тем не менее данная часть жизненного пути представляется особенно важной для ответа на вопрос о том, что сформировало духовные потребности купца и привело его на путь служения русскому искусству.

Опуская глубокую завесу на ранние годы детства мецената, история слегка приоткрывает ее только к 10-летнему возрасту М.П. Беляева, сообщая единодушно устами источников, что в 1846 г. он был отдан отцом в Санкт-Петербургское училище при реформатских церквях, полный курс которого успешно окончил через пять лет. Отец М.П. Беляева Петр Абрамович Беляев был основателем семейного лесопромышленного бизнеса. Он вел активную коммерческую деятельность в Олонецкой губернии: торговал лесом, преимущественно с Англией. В 1854 г. он был зарегистрирован как петербургский купец 1-й гильдии, затем получил звание потомственного почетного гражданина (1856), коммерц-советника¹⁴. Им была основана одна из крупнейших в России лесопромышленных

¹¹ См., напр.: Реконструкция исторических городов и геотехническое строительство: Тр. междунар. науч. конф.: В 2 т. СПб., 2003.

¹² Коротяев А.В., Малинецкий Г.Г. Проблемы математической истории: Историческая реконструкция, прогнозирование, методология. М., 2009.

¹³ См.: Луконин Д.Е. Быт и нравы русской купеческой семьи конца XIX в. (на примере семьи М.П. Беляева) // Неофициальная жизнь горожан: Запад – Россия – Восток. Саратов, 2007. С. 91–102; Он же. Ненаписанная биография М.П. Беляева // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2008. Вып. 23. С. 102–110.

¹⁴ Барышников М.Н. Деловой мир Петербурга: исторический справочник. СПб., 2000. С. 66.

компаний «Беляева П. наследники и К°». Эта фирма специализировалась на производстве и продаже лесоматериалов в Российской империи и за границей, причем перевозка грузов осуществлялась собственными паровыми буксирами и баржами. В 1859 г. П.А. Беляев, скопив значительный капитал, построил собственный лесопильный завод в с. Уницы Повенецкого уезда Олонецкой губернии, который был «большим» предприятием, кроме того, в начале 60-х гг. XIX в. он приобрел «лесные промыслы на Белом море»¹⁵. В Петербурге П.А. Беляев владел кирпичным заводом в Малой Рыбацкой слободе и оптовой конторой по продаже леса на набережной Обводного канала, 17. Он также имел в столице собственные каменные дома на Коломенской ул., 34 и Николаевской ул., 15¹⁶. Не чуждался старший Беляев и принятой в купеческих кругах благотворительной и общественной деятельности: он состоял старшиной Николаевского детского приюта, в 1871–1878 гг. был старостой Владимирской церкви, а в 1873–1876 гг. был избран гласным Петербургской городской думы¹⁷.

Кажется не вполне понятным, почему достаточно обеспеченный купец выбрал для своего старшего сына и наследника обучение в училище для приказчиков. Контраст этому решению составляет судьба двух младших сыновей П.А. Беляева: Сергея (1847 г. р.) и Якова (1852 г. р.). Сергей Петрович Беляев окончил в 1872 г. юридический факультет Петербургского университета, работал помощником присяжного поверенного и в дальнейшем сделался видным общественным и политическим деятелем. Трижды он избирался гласным Петербургской городской думы: в 1881–1884, 1885–1889 и 1889–1893 гг.¹⁸, а также гласным от Петербургского губернского и Шлиссельбургского уездного земств. В 1890 г., протестуя против политики властей в отношении земских органов, он оставил все выборные должности. С конца 1905 г. С.П. Беляев участвовал в деятельности «Союза 17 октября», а в 1907 г. стал членом ЦК и Петербургского городского совета этой партии. В 1907 г. по спискам «Союза 17 октября» С.П. Беляев был избран в III Государственную

¹⁵ [Оссовский А.В.] М.П. Беляев и основанное им музыкальное дело. Краткий очерк. СПб., 1910. С. 4. См. также: Оссовский А.В. Музыкально-критические статьи. 1894–1912. Л., 1971. С. 344.

¹⁶ См.: Барышников М.Н. Указ. соч. С. 66.

¹⁷ Справочная книжка Санкт-Петербургской городской думы 1873–1876 гг. СПб., 1876.

¹⁸ См.: Список лиц, избранных в гласные Петербургской городской думы на четырехлетие 1881–1884 гг. СПб., 1881; Справочная книжка Санкт-Петербургской городской думы 1885–1889 гг. СПб., 1889; Санкт-Петербургская городская дума: Список гласных, избранных на четырехлетие 1889–1893 гг. СПб., 1889.

думу от Петербурга. На должности гласного Государственной думы он участвовал в работе комиссий по торговле и промышленности (председатель), по рабочему вопросу (секретарь), в финансовой комиссии. Также С.П. Беляев был членом Клуба общественных деятелей в Петербурге и одним из организаторов Торгово-промышленной группы в Государственной думе, образованной для защиты интересов отечественной торговли и промышленности. В 1909 г. он участвовал в III съезде октябристов, на котором был избран в ЦК партии¹⁹. Умер С.П. Беляев в 1911 г.

Младший брат, Яков Петрович Беляев, окончил Военно-медицинскую академию, участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и впоследствии получил звание доктора медицины. Так же, как и средний брат, он активно занимался общественной и политической деятельностью. Я.П. Беляев являлся одним из учредителей Петербургского общества заводчиков и фабрикантов (с 1906 г. – член Совета общества) и Прогрессивной экономической партии (1905 г.)²⁰. После провала на выборах в I Государственную думу Прогрессивная партия распалась, ее руководство частично вошло в «Союз 17 октября». Однако наибольшую известность Я.П. Беляеву принесла не его врачебная или политическая деятельность, а обстоятельства гибели, которые на продолжительное время сделали его героем периодической печати. В ночь на 13 июля 1912 г. он был убит в своей квартире на Фонтанке, 23 сожительницей – Антониной Ивановной Богданович. Несмотря на то, что убийство было совершено с корыстными целями и при отягчающих обстоятельствах, суд присяжных признал А.И. Богданович невиновной. Решающую роль в таком решении сыграла блестящая защита подсудимой известным адвокатом Н.П. Карабчевским – его речь и обстоятельства дела стали хрестоматийными и вошли в учебники по юриспруденции.

Таким образом, можно предположить, что решающую роль в выборе жизненного пути сыновей играло слово отца: одного он готовил для семейного бизнеса, другому предназначил юриспруденцию, третьему – медицину. Собственно говоря, трудовая деятельность М.П. Беляева началась именно в деле его отца: с момента окончания училища и до конца 60-х гг. XIX в. он нераздельно был связан с отцовским бизнесом. Выбранный отцом вариант обучения принес свои плоды. М.П. Беляев свободно говорил и вел переписку на трех языках: английском, немецком и французском. Франц Шеффер, в будущем ставший управляющим делами издательства в

¹⁹ См.: *Барышников М.Н.* Указ. соч. С. 65–66.

²⁰ Там же. С. 366.

беляевской фирме в Лейпциге, вспоминал, как при первом знакомстве М. П. Беляев поразил его безукоризненным немецким выговором. «На выраженное мною удивление, он с улыбкой пояснил, что получил образование в Петербургском немецком училище»²¹.

Путеводитель А. Греча, выпущенный на момент окончания Беляевым училища, дает следующую справку об этом учебном заведении: «Реформатская школа учреждена при немецко-французской реформатской церкви в 1818 г. Помещается в церковном доме на Мойке. Инспектор г. Гордак. Училище состоит из трех классов, в коих преподают новые (по желанию и древние) языки, арифметику, геометрию, алгебру, историю и географию, рисование и танцевание. Курс распределен на пять лет»²². Более подробную информацию содержат воспоминания Н.А. Лейкина, сына служащего, учившийся несколькими годами позднее М.П. Беляева²³. Этот источник дает возможность реконструировать внутреннюю атмосферу, «дух» учебного заведения и выделить ключевые моменты, повлиявшие на формирование характера будущего мецената. Решающую роль в привлекательности училища, как говорилось выше, играли языки. Помимо немецкого и французского, на которых велось обучение, «в внеклассное время преподавались... и private языки – английский и латинский, за ничтожную плату – один рубль в месяц, а учеников-голландцев учил голландскому языку пастор голландской церкви». Даже история России преподавалась в реформатском училище на французском языке и по учебнику, изданному в Париже, – «говорили тогда, что это для практики во французском языке»²⁴.

Помимо того, М.П. Беляев, которого отец предназначал для работы с иностранцами и за границей, проводил годы своего учения в смешанной многонациональной среде, постигая не только языки, но и принятые у иностранцев нравы и обычаи²⁵. «Пасторы Клипп и

²¹ Шеффер Ф. Издательская идея М. П. Беляева // Памяти Митрофана Петровича Беляева: Сборник очерков, статей и воспоминаний. Париж, 1929. С. 45.

²² Греч А. Весь Петербург в кармане. СПб., 1851. С. 474.

²³ Лейкин Н.А. Мои воспоминания // Петербургское купечество в XIX веке. СПб., 2003. С. 121–256.

²⁴ Там же. С. 171–173.

²⁵ Ежедневная молитва «происходила в самом большом из классов училища – в Secund'e, во втором этаже... Здесь стоял большой орган в ясеневом чехле. На классной доске были написаны по-немецки стихи псалма. Гордак сел за орган и стал играть мелодию. Ученики запели псалом» (Лейкин Н.А. Мои воспоминания... С. 162). Учитель немецкого языка Шульце «увлекался Шиллером и Гете и часто даже на уроке грамматики заставлял нас декламировать «Валленштейнов лагерь» и другие драмы, для чего каждому назначал роль. На задней

Иккен, – вспоминал Н.А. Лейкин, – преподавали по-немецки Закон Божий для протестантов, но и мы, русские ученики, а также поляки, немцы и французы-католики сидели тут же в классе и слушали преподавание, хотя и не учили задаваемых ими уроков. ... Предметы все преподавались по-немецки, учителя говорили по-немецки, ученики тоже, хотя дети ремесленников, вертевшиеся дома около русских мастеровых, говорили и со вставками в немецкую речь русских слов, жаргона, поговорок, а часто русские глаголы спрягали на немецкий манер»²⁶.

Однако отсутствие элитарного образования оказало большое влияние на формирование облика М.П. Беляева. Особенно ярко это проявилось позднее, когда он стал близко общаться с представителями художественной интеллигенции. По воспоминаниям пианиста Н.С. Лаврова, Беляев «производил впечатление несколько неотесанного человека» – Лавров отмечал небрежность в его костюме, грубоватость манер, отсутствие светского лоска²⁷. До конца своей жизни М.П. Беляев не мог избавиться от некоторых характерных «чисто купеческих» привычек, как то: неожиданно грубого обращения, склонности к крепкому, бранному словцу и непристойной шутке, в своем доме Беляев запросто мог плюнуть или даже сморкнуться на пол.

Период работы М.П. Беляева в деле отца в наименьшей степени освещен источниками и требует от биографа значительного объема работы с косвенными источниками. Очевидно, что наибольшее количество времени Беляев проводил на заводе своего отца и на побережье Белого моря. По сообщению В.В. Стасова также известно, что в период 50-х – 60-х гг. Беляев «провел полтора года в Лондоне, причем также сделал путешествие по Англии и Шотландии»²⁸. Топонимика пребывания молодого купца позволяет только предположительно делать заключения, какие виды, впечатления и окружающая обстановка могли иметь на него влияние. Роль отца в этот период оставалось весьма значительной²⁹.

В конце 60-х гг. XIX в. М.П. Беляев значительно расширил семейное лесопромышленное дело. В товариществе со своим двою-

скамейке сидел хор-народ. Декламировал он иногда и сам «Фауста»...» (Лейкин Н.А. Мои воспоминания... С. 167).

²⁶ Там же. С. 170, 175.

²⁷ Лавров Н.С. Воспоминания // Глазунов: Исследования. Материалы. Публикации. Письма: В 2 т. Л., 1959. Т. 1. С. 29.

²⁸ Стасов В.В. Митрофан Петрович Беляев: Биографический очерк // Стасов В.В. Статьи о музыке: В 5 вып. М., 1980. Вып. 5А. С. 119.

²⁹ ОР СПбГК. Архив М.П. Беляева. Д. 437. Л. 1.

родным братом Николаем Павловичем Беляевым он построил собственный лесопильный завод в с. Сорока Кемского уезда Архангельской губернии. Для М.П. Беляева это было время, наполненное лишениями и тяжелым трудом. Как писал в своих воспоминаниях его друг пианист Н.С. Лавров, «...он годами жил на положении отшельника и полудикаря, чуть ли не в тайге Архангельской губернии... Он брал у казны громадные участки, которые рубил, потом свозил лес на берег моря и грузил на корабли для отсылки в Англию. Рубка эта требовала присмотра. Вследствие этого Беляеву приходилось жить, как он говорил, в необыкновенных дебрях, чуть ли не со зверями. Благодаря этому у него развилась невзыскательность к обстановке и он был совершенно чужд комфорту. Он мог, например, без всякого лишения спать на сене, без подушки, в сарае...»³⁰ В этот же период Беляев бывал в Англии (в частности, в Лондоне) и совершал поездки по Европе³¹.

Еще через десятилетие, к концу 70-х гг. XIX в. лесопромышленный бизнес М.П. Беляева, по-видимому, был твердо поставлен на ноги. Во всяком случае, теперь он не требовал постоянного присмотра со стороны хозяина, и в эти годы Беляев большую часть времени жил в Петербурге, в доме на Ивановской, 14. Летние же сезоны в конце 70 – начале 80-х гг. XIX в. он, по его собственному признанию, предпочитал проводить в Карлсбаде³². Годы обучения в немецкоязычном заведении и частое пребывание за границей сказались на его характере – люди, знавшие его, отмечали в нем «немецкие» черты. «В его деятельности наиболее характерной чертой является та чисто немецкая настойчивость и энергия, с которыми Митрофан Петрович доводил до конца каждое начатое им дело. Этой немецкой чертой [он] гордился и, будучи сам коренным русским человеком, он всегда с укором отзывался о русской лени, вялости и неумении доводить начатое дело до конца»³³. Сам Беляев имел в повседневной жизни склонность ко всему «немецкому» и мог в определенных случаях противопоставлять «немецкое» «русскому». Неудивительно поэтому, что, обосновавшись в Петербурге, он стал завсегдатаем Немецкого клуба, располагавшегося на Мойке, у Сине-

³⁰ Лавров Н.С. Воспоминания... С. 29.

³¹ Н.С. Лавров говорил о его «жизни» «в таком фешенебельном месте, как Лондон» и о «частых пребываниях во всех цивилизованных центрах Европы» (Там же).

³² ОР РНБ. Ф. 449. Д. 48. Л. 5–5 об.

³³ Вальтер В.Г. Памяти М.П. Беляева. Речь, читанная на заседании СПб. Общества камерной музыки в память М.П. Беляева, 11 января 1904 г. // РМГ. 1904. № 4. Стб. 101.

го моста, в доме Якунчикова. Здесь М.П. Беляев сделался постоянным участником любительского оркестра, которым руководил заслуженный капельмейстер Людвиг-Вильгельм Маурер (1789–1878), в те времена уже глубокий старец. Сам Маурер, немец по происхождению, с 1806 г. жил и работал в Петербурге и стал здесь родоначальником музыкальной династии – потомки его закрепились и успешно трудились на музыкальном поприще в России. Музыка, которую Маурер на склоне лет разучивал с любительским оркестром, также была по преимуществу немецкой. В. В. Стасов полагал, что до начала 80-х гг. XIX в. М.П. Беляев был мало знаком с русской музыкой³⁴.

После смерти Л.-В. Маурера любительский оркестр распался, и некоторые из его членов, в том числе М.П. Беляев, составили музыкальный кружок, собиравшийся в большом зале гостиницы «Демут», стоявшей на пересечении набережной р. Мойки и Б. Конюшенной улицы. Гостиница «Демут» и знаменитый Демутов трактир были основаны еще в 60-х гг. XVIII в. выходцем из Франции Ф.-Я. Демутом и быстро вошли в состав весьма примечательных мест Петербурга. В разное время здесь останавливались или бывали А.С. Пушкин, Ф.И. Тютчев, А.С. Грибоедов, А.И. Герцен, П.И. Пестель и многие другие. К 80-м гг. XIX в. в гостинице располагались известный шахматный клуб и популярный петербургский ресторан «Медведь» (посетителей его встречало у входа чучело медведя с подносом в лапах), во дворе гостиницы был устроен сад с бассейном. В таких условиях М.П. Беляев познакомился с русскими композиторами А.П. Бородиным и А.К. Лядовым, руководившими демутовскими музыкантами, – под их влиянием произошло его обращение к русской музыке.

В отечественной и зарубежной литературе неоднократно дискутировался вопрос о возможности применения к историческому исследованию метода историко-психологической реконструкции. В конце 90-х гг. XX в. к этому методу привлекла внимание А.Д. Барская, разрабатывавшая его в контексте исследования античного человека гомеровского времени³⁵. «Главное отличие метода психолого-исторической реконструкции», по ее словам, «состоит в понимании психики людей прошлого как целостного структурно организованного единства, подчиняющегося общепсихологическим закономерностям, и использовании для исследовательских целей

³⁴ Стасов В.В. Митрофан Петрович Беляев... С. 119.

³⁵ Барская А.Д. Психолого-историческая реконструкция особенностей психики гомеровского человека: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1998.

психологических моделей»³⁶. В отличие от традиционного исторического исследования, которое всегда упрекалось психологами в произвольности построения, зависящего от интуиции и честности исследователя, психологические методы выдвинули претензию на достоверность полученных данных о психике людей далекого прошлого. К сожалению, объективность полученных таким образом результатов так и не была сколько-нибудь надежно подтверждена, а процедура верификации, основанная на методологической саморефлексии психолога, вызывает справедливое сомнение. Тем не менее историко-психологическая реконструкция позволяет расширить эвристическое поле биографического исследования, способствует выработке продуктивных гипотез.

Источники, свидетельствующие о жизни М.П. Беляева, сходятся во мнении о том, что решение посвятить свою деятельность и свои капиталы поддержке исключительно русской музыки было принято им под впечатлением от сочинений юного композитора А.К. Глазунова. Таким образом, в середине 80-х гг. XIX в. в жизненной драме М.П. Беляева происходит, говоря словами «Поэтики» Аристотеля, перипетия, перелом. Именно знакомство с ранними произведениями Глазунова побудило Беляева оставить лесопромышленное дело и начать активную меценатскую деятельность, перекроив жизненный сценарий, казалось бы уготованный ему судьбой. В.В. Стасов, ссылаясь на полученные от самого Беляева сведения, так описывал это впечатление: «Для него открывался новый, до тех пор еще неведомый мир художественного наслаждения и радости, и этому-то новому миру он решил посвятить все свои силы, всю свою жизнь, наконец, значительную часть своего достояния. Главной причиной всего этого был Глазунов»³⁷.

Не следует думать, что после переезда в Петербург в начале 80-х гг. XIX в. М.П. Беляев исключительно бросился в омут музыкального любительства и музыкальных развлечений и все свое время распределял между оркестрами, квартетами и общением с музыкантами. Напротив, главным делом, поглощавшим его, по-прежнему оставался лесопромышленный бизнес. Помимо того, на эти же годы приходится расцвет общественной деятельности М.П. Беляева. В 1881–1884 гг. он был избран гласным Санкт-Петербургской городской

³⁶ Барская А.Д. Возможности метода психолого-исторической реконструкции при воссоздании психики человека времен античности // Материалы междунар. науч. конф. «Ломоносов». М., 1998. Секция «Психология». Тезисы. <http://www.psychology.ru/lomonosov/tesises/ei.htm>. – 1.03.2010 г.

³⁷ Стасов В.В. Митрофан Петрович Беляев... С. 121.

думы³⁸. На этом посту он проявил себя как активный член думского сообщества, заботившийся, в первую очередь, о благоустройстве родного города и организации общественных мероприятий. Среди вопросов, инициированных им к обсуждению в думе, встречаем заявление об избрании специальной комиссии для приема арестного дома и больничных барачков, об опущении проложенных водопроводных труб в каналах на глубину 8 футов, о соединении родильных приютов телефонами и др.³⁹ Иногда М.П. Беляев касался также проблем, связанных с художественной жизнью города, – им были поставлены на обсуждение вопросы о чествовании памяти великого русского писателя И.С. Тургенева и о присылке бесплатных билетов на спектакли Большого и Малого театров для распределения между учащимися в городских училищах⁴⁰.

Жизнь М.П. Беляева накануне его 50-летия кажется сложившейся по вполне определенной парадигме. На основании примера его среднего брата, С.П. Беляева, можно было бы предположить, что до конца своих дней он останется крупным предпринимателем в области заготовки и обработки леса, а вместе с тем известным в столице человеком, занимавшимся благотворительностью и общественной деятельностью, возможно, ему предстоит еще не раз быть избранным в городскую думу, а свободное время посвящать музыкальному любительству – игре в оркестре или домашнему музицированию в квартете.

Тем более удивительной предстает перед нами перемена, свершившаяся с М.П. Беляевым после знакомства с музыкой Глазунова. Говоря современным языком, Беляев делается персональным «продюсером» молодого композитора: устраивает концерты, полностью состоявшие из его произведений, издает его сочинения, пропагандирует его творчество и т. д. «Все дальнейшее направление деятельности М.П. Беляева на пользу русской музыки определилось тем нравственным переворотом, который совершился в нем в день первого исполнения Первой симфонии Глазунова», – писал биограф А.К. Глазунова В.М. Беляев⁴¹. Не возражал против такой точки зрения и сам А.К. Глазунов. «Как мне ни нескромно сознаться, – вспоминал он, – но я не могу не сказать, что вся дальнейшая широ-

³⁸ Список лиц, избранных в гласные Петербургской городской Думы на четырехлетие 1881–1884 гг. СПб., 1881.

³⁹ ЦГИА г. Санкт-Петербурга. Ф. 792. Оп. 1. Д. 3373, 3479, 3718.

⁴⁰ Там же. Д. 3675, 3848.

⁴¹ Беляев В.М. Александр Константинович Глазунов: Материалы к его биографии. СПб., 1922. Т. 1: Жизнь. Ч. 1. С. 48.

кая деятельность Митрофана Петровича создавалась на звеньях этого сближения со мною»⁴².

Не секрет, что у многих деятелей, связанных с русским искусством, так же как и у обывателей, такой выбор и такое рвение, проявленные М.П. Беляевым, вызывали искреннее недоумение. А.Г. Рубинштейн, например, так отозвался о деятельности Беляева: «Митрофан Беляев за все готов платить. Он платит все дефициты. Они дают с большим дефицитом концерты, и Беляев платит десятки тысяч рублей. Затем в Лейпциге он устроил издательство, чтобы там печатать сочинения этих музыкантов. Он проводит сотни тысяч. Он любит это. И все это для Глазунова, а он ведь богатый человек»⁴³. Действительно, семья Глазуновых была, возможно, не беднее самого М.П. Беляева, и А.К. Глазунов не стоял на пороге с рукой, протянутой за куском хлеба.

Александр Константинович Глазунов (1865–1936) был старшим сыном Константина Ильича Глазунова и Елены Павловны Глазуновой (урожденной Турыгиной). Семейным делом Глазуновых был книгоиздательский и книготорговый бизнес. Уже в конце XVIII в. книжные лавки Матвея и Ивана Глазуновых были известны в Москве и Петербурге. Продолжая и развивая семейный бизнес, их потомки достигли значительных успехов и широкого признания. Как пишет биограф, «заслуги в этой области доставили их роду в 1832 г. почетное гражданство, а в 1882 г. (столетие со дня основания книгоиздательства) – и потомственное дворянство»⁴⁴. Иван Ильич Глазунов, родной дядя композитора, был видным общественным деятелем в г. Санкт-Петербурге, а с 1881 по 1885 г. занимал пост городского головы. Разумеется, его личность хорошо была знакома М.П. Беляеву как гласному городской думы, избравшей городского голову.

Тем не менее в оправдание поддержки А.К. Глазунова М.П. Беляевым можно выдвинуть несколько психологических аргументов. Нельзя сбрасывать со счетов, во-первых, что Беляеву нравилась сама музыка Глазунова. Он желал слушать ее часто, как в домашнем, так и в публичном исполнении. И ему не жаль было денег, которых у него было достаточно, для организации такого удовольствия. Именно в этом, первом своем качестве, М.П. Беляев и представлял перед судом обывателя. Миллионер-самодур, бросающий деньги на собственное развлечение, на «праздную купеческую затею», – пози-

⁴² Глазунов А.К. Памяти М.П. Беляева // Памяти Митрофана Петровича Беляева: Сборник очерков, статей и воспоминаний... С. 18.

⁴³ Рубинштейн А.Г. Литературное наследие. В 3 т. М., 1983. Т. 1. С. 101–102.

⁴⁴ Беляев В.М. А.К. Глазунов... С. 17.

ция, безусловно, вызывавшая общественное неодобрение. Не так, однако, расценивали труды М.П. Беляева сплотившиеся вокруг него музыканты – участники беляевского кружка. По их мнению, ярко выраженному В.Г. Вальтером в памятной речи, «покойный не смотрел на музыку, как на средство наполнить приятным занятием свой личный досуг. Он считал, что музыка должна служить возможно большему числу людей и с этой точки зрения делал все, что было в его силах, для распространения музыки в обществе»⁴⁵.

Таким образом, во-вторых, М.П. Беляев, возможно, желал распространения и торжества русской музыки, причем это должны были быть произведения, написанные исключительно талантливыми русскими композиторами. «Желая платить свою дань родине, я выбираю ту форму, которая мне более всего симпатична», – так, по воспоминаниям И.И. Витола, М.П. Беляев истолковал ему смысл своей меценатской деятельности⁴⁶. Для признания национальной музыки в отечестве и во всем мире необходима была ключевая, исключительно сильная в творческом плане личность. Нужен был новый музыкальный Гоголь, который потряс бы Европу, необходим был музыкальный Лев Толстой, который изменил бы отношение к русскому искусству. Таким человеком, с точки зрения М.П. Беляева, был А.К. Глазунов.

«Истинный искатель жемчуга, он в продолжение всей своей жизни ждал русского гения [выделено автором. – Д. Л.], – вспоминал И.И. Витол, – подобного тому, именем которого он дарил сначала анонимные премии... Об этих своих исканиях и надеждах Митрофан Петрович, как-то в разговоре со мной, упомянул еще незадолго до своей смерти»⁴⁷. 16-летний вундеркинд, написавший пользующуюся громкой славой симфонию и таким образом вставший в столь юном возрасте уже вровень со своими учителями, исконно русский по происхождению композитор, феерически начавший свою художественную карьеру и продолжавший развиваться день ото дня, – такой человек в наибольшей степени подходил для этой высокой роли. По воспоминаниям друзей, М.П. Беляев видел в А.К. Глазунове «будущего русского Бетховена»⁴⁸. С его помощью, посредством поддержки его творчества купец-лесопромышленник

⁴⁵ Вальтер В.Г. Памяти М.П. Беляева... Стб. 97.

⁴⁶ Витол И.И. Митрофан Петрович Беляев // Памяти Митрофана Петровича Беляева: Сборник очерков, статей и воспоминаний... С. 31.

⁴⁷ Там же. С. 33.

⁴⁸ Винклер А.А. М.П. Беляев в истории русской музыки // Памяти Митрофана Петровича Беляева: Сборник очерков, статей и воспоминаний... С. 38.

мечтал построить святыню русской музыки, – дело «не текущего дня или года», – он мечтал «о вечности своего храма»⁴⁹.

Наконец, в-третьих, необходимо остановиться также и на психологическом аспекте выбора М.П. Беляева. А. Г. Рубинштейна, как мы видели, удивляло то, что один богатый купец поддерживает другого выходца из богатого купеческого рода. На наш взгляд, загадка этого парадокса довольно проста, и к подобному выводу приводит внимательное рассмотрение перипетий биографии самого М.П. Беляева. Родившись в семье купца-лесопромышленника и будучи старшим сыном и наследником семейного бизнеса, Беляев с детства мечтал о музыке. Он всегда с неизменным увлечением и азартом предавался музицированию и, в конечном итоге, остался ему верен до конца своей жизни. Однако выбор отца и дальнейшая судьба predeterminedили для него совершенно отличную и далекую от музыки карьеру. Что послужило для него решающим аргументом для отказа от профессии музыканта в годы юности? Было ли то слово, данное отцу, или неуверенность в собственных творческих возможностях – этого мы не знаем. Однако, когда бы Беляев подобно герою Толстого Пьеру Безухову мог воскликнуть: «Ежели бы я был не я, а красивейший, умнейший и лучший человек в мире», – тогда бы он мечтал видеть себя таким, как А.К. Глазунов. В его судьбе он осуществил свою собственную несбывшуюся судьбу и юношеские мечтания. А.К. Глазунов был его идеалом: он был одновременно по происхождению русским купцом и по призванию – великим русским музыкантом.

Совершенно не обращалось внимания в исследовательской литературе на один крайне любопытный факт. Летом 1884 г., в то время как М.П. Беляев совместно с А.К. Глазуновым путешествовал по Европе, устраивая музыкальную карьеру молодого композитора и создавая в Германии нотное предприятие для издания его сочинений, умер отец М.П. Беляева П.А. Беляев. В.В. Стасов сообщал М.А. Балакиреву в письме от 20 июня 1884 г., что это произошло «в воскресенье», т. е. 17 июня⁵⁰. «Может быть, – добавлял он, – это заставит Митрофана Беляева воротиться раньше времени, и этого очень боялась Елена Павловна [мать А.К. Глазунова. – Д. Л.] Впрочем, это был бы напрасный перерыв путешествия, потому что к похоронам они все равно не могут поспеть!»⁵¹ Перерыва путешествия не наступило – Беляев и Глазунов, к моменту смерти П.А. Беляева

⁴⁹ *Витол И.И.* Митрофан Петрович Беляев... С. 33.

⁵⁰ М.А. Балакирев и В.В. Стасов. Переписка: В 2 т. М., 1970. Т. 2. С. 63.

⁵¹ Там же.

находившиеся далеко в Испании, благополучно пропутешествовали еще почти месяц. 4/16 июля после посещения Лейпцига М.П. Беляев заключил договор с А.К. Глазуновым на издание его сочинений⁵². По возвращении в Петербург купец объявил о своем решении отказаться от ведения семейного лесопромышленного бизнеса и сосредоточиться исключительно на помощи и поддержке музыкального дела в России.

Вот, по-видимому, важный переломный момент в жизни М.П. Беляева. Решение помочь распространению русской музыки и русским музыкантам, скорее всего, уже достаточно созрело в его голове. Однако со смертью отца он оказался полностью свободным от всяких обязательств по отношению к семейному делу. Теперь он как старший сын и глава семейного клана мог безоговорочно распоряжаться предоставленными в его ведение делами. И вот на рубеже своего 50-летия М.П. Беляев принял решение круто изменить весь образ деятельности: он передал среднему брату Сергею Петровичу управление лесопромышленной фирмой (после его смерти в 1911 г. председателем правления товарищества на паях «Беляева П. наследники и К^о» станет младший брат – Яков Петрович), оставшись в ней только пайщиком, и основал новое дело – музыкальное издательство «M.P. Belaieff in Leipzig».

Наконец, еще один важный аспект, связанный с проблемой исторической реконструкции, можно было бы обозначить как интенциональный. Развернутое представление о специфике этой части реконструкции дал в своей классической работе Дж. Дьюи⁵³. «...Реконструкция, – писал он, – не сводится к дальнейшему накоплению научных свидетельств о прошлом, которые не способны пролить свет на вопросы, волнующие человечество сегодня»⁵⁴. Представитель совершенно другой философской традиции Э. Трельч также совершенно определенно настаивал на том, что сущностью исторического подхода как такового является «творческое соединение прошлого и настоящего», которое возможно благодаря исторической памяти, и в силу этого обстоятельства разворачивается в сфере «смысла, мысли», создавая ее непрерывность⁵⁵. Реконструктивная процедура может быть произведена исследователем-историком, который одновременно наблюдает ряд отдельных линий исторического развития, имеющих в некоторых случаях об-

⁵² Беляев В.М. А.К. Глазунов... С. 83.

⁵³ См.: Дьюи Дж. Реконструкция в философии. Проблемы человека / Пер. с англ. Л.Е. Павловой. М., 2003.

⁵⁴ Там же. С. 5.

⁵⁵ Трельч Э. Указ. соч. С. 51.

щий корень или развивающихся параллельно, и в то же время характеризующихся смысловой целостностью, способностью создавать смысловые узлы даже при разнородном своем характере. Таким образом, главной проблемой интенциональной реконструкции и искусства исторического изображения событий выступает задача одновременного описания всего интенционального процесса в целом и картины частных взаимоотношений отдельных тенденций.

Область исторических фактов не дает нам свидетельств того, увлекался ли М.П. Беляев в юношеские годы чтением критических работ В.Г. Белинского, который полагал, что мировое признание русского искусства возможно при двух условиях: первое состоит в том, чтобы художник выражал своими произведениями «национальный дух» родного народа, второе – в том, чтобы сам народ этот вступил во «всемирно-историческую» стадию своего развития⁵⁶. Нам доподлинно неизвестно, бродил ли М.П. Беляев под сводами огромных трансептов выставочного дворца капитана Фоука в 1862 г. в Лондоне и держал ли он в руках в долгие часы по пути на родину томик «Современника» со страстными проповедями В.В. Стасова о необходимости для русского искусства обрести свою «национальность», «самобытность», решительно порвать с «западными заимствованиями» и разработать новаторские формы и методы, отвечающие новому содержанию искусства⁵⁷. Мы не имеем сведений о том, стояло ли на полках домашней библиотеки М.П. Беляева первое издание «России и Европы» Н.Я. Данилевского и обсуждалось ли оно представителями русской художественной интеллигенции, регулярно собиравшимися в доме Беляева по пятницам. Однако совершенно очевидно, что указанные идеи не только явились питательной средой, но и направили конкретные действия меценатской деятельности М.П. Беляева и стремления беляевского кружка, – в силу этого возможно их соединение в единый исторический контекст при некоторых произвольных допущениях.

То, что начиналось как любительское увлечение, «праздная купеческая забава», переросло в большое общественное и художественное начинание⁵⁸. Имя М.П. Беляева стало активно появляться на

⁵⁶ Белинский В.Г. Мысли и заметки о русской литературе // Белинский В.Г. Собр. соч.: В 3 т. М., 1948. Т. 3: Статьи и рецензии 1843–1848. С. 43.

⁵⁷ Стасов В.В. После всемирной выставки (1862) // Стасов В.В. Соч.: В 3 т. М., 1952. Т. 1. С. 63–112.

⁵⁸ В истории русской художественной культуры было немало параллельных примеров. Достаточно указать в этой связи на хорошо известные имена купцов С.И. Мамонтова и К.С. Станиславского, деятельность которых началась с увлечения любительским театром.

страницах периодической печати, некоторые из организованных им концертов возбуждали целые газетные баталии. Уже в прижизненной биографии М.П. Беляева, опубликованной В.В. Стасовым, деятельность его ставилась на одну доску с деятельностью П.М. Третьякова⁵⁹. «М.П. Беляев делал, делает и, надеюсь, еще долго будет делать для нашей музыки нечто в том самом роде, что П.М. Третьяков делал, делает и, надеюсь, еще долго будет делать для нашей живописи. ...Любовь, старание, громадные траты были у этих людей одинакие»⁶⁰. Не «меценатом», но «серьезным общественным работником» называл П.М. Третьякова В.М. Васнецов. Такое наименование с полным правом можно было бы применить и к личности М.П. Беляева.

М. П. Беляев легко и быстро сходилась с представителями русской художественной интеллигенции, особенно с творческой молодежью – А.К. Глазуновым, А.К. Лядовым, Г.О. Дютшем и др. Несмотря на разницу в возрасте, многие из них становились его близкими друзьями, переходили на «ты» в общении и сохраняли дружескую привязанность до самого конца жизни. Такое положение являлось иллюстрацией тенденции, давно показанной исследователями русского купечества конца XIX – начала XX в. «В самой действительности были органично соединены, а не враждебны друг другу эти два мира – мир купцов и промышленников, покровительствующих искусству, и мир художников и артистов, творящих его. Не случайно поэтому тяготение, которое было так распространено в среде российских предпринимателей к людям творческих профессий – художникам, актерам, музыкантам, писателям, ученым»⁶¹.

Одной из важных общностей для этих сословий была работа на ниве «национальности». Не только для русской художественной интеллигенции второй половины XIX в. были характерны поиски национального начала, национальной самоидентификации, выразившиеся в борьбе за принцип «национальности» в искусстве. Увлеченность национальной идеей была также одной из отличительных

⁵⁹ Несколькими годами позже к этим именам В.В. Стасов добавит еще имя С.И. Мамонтова. Он назовет его «новым товарищем Третьякова и Беляева, явившимся теперь сделать по части русской оперы то же самое, что те делали по части русской живописи и русской инструментальной музыки» (*Стасов В.В. Московская частная опера в Петербурге // Стасов В.В. Статьи о музыке: В 5 вып. Вып. 5А... С. 213*).

⁶⁰ *Стасов В.В. Митрофан Петрович Беляев... С. 123.*

⁶¹ История предпринимательства в России: В 2 кн. Кн. 2: Вторая половина XIX – начало XX вв. М., 1999. С. 481. См. также: *Гавлин М.Л. Российские предприниматели и меценаты. М., 2005.*

черт русской буржуазии. Эта общая целеустремленность служила почвой для сближения русского художника, актера, музыканта с представителем русского купеческого мира, способствовала выработке общего языка и принципиальной основы для сотрудничества. Типичным примером духовного единения такого рода могут служить деловые и дружеские отношения М.П. Беляева и А.К. Лядова. Иногда, впрочем, как в случае с А.К. Глазуновым, мы наблюдаем соединение в одном лице художественной натуры и принадлежности к купеческой среде.

М.П. Беляев был патриотом, человеком, по словам одного из друзей, «любящим свою страну до политического шовинизма»⁶². Своей деятельностью он желал не только обеспечить торжество определенного художественного направления, но и сделать это на благо и для процветания Родины. Возможно, в первый период своей меценатской деятельности М.П. Беляев мог полагать, что недостаточное признание русской национальной школы имело причиной только слабое ее распространение. Большинство художественных институтов было в руках аристократов и космополитов, ложно, по мнению русской школы, трактующих задачи художественного развития. Дело, стало быть, стояло за тем, чтобы начать активную пропаганду, демонстрацию, выставочную деятельность на поприще русской музыки. С течением времени, однако, М.П. Беляев убедился, что окончательное торжество национального направления – дело очень далекого будущего, поэтому вклад в его развитие не может принести быстрых материальных дивидендов (и скорее не принесет ничего). Поводом для глубокого нравственного удовлетворения, таким образом, оставалось лишь само осознание правоты, важности и значимости открытого дела. М.П. Беляев отделял свою деятельность и свое «купеческое» видение блага России от аристократического «меценатства», связанного с европейскими веяниями, с академизмом и классицизмом.

Намерения М.П. Беляева и его возможности являлись фактором привлекательности для музыкально-художественной среды, знакомой ему. Постепенно вокруг него и его начинаний формируется кружок, состоящий из постоянных членов. Становится обычаем проведение регулярных собраний, назначаемых на пятницы. Как вспоминал Н.А. Римский-Корсаков, «к зиме 1883–1884 гг. беляевские “пятницы” стали довольно многолюдны. ...Их стали посещать Глазунов, Бородин, Лядов, Дютш и многие другие. Я тоже сделался по-

⁶² *Витол И.И.* Митрофан Петрович Беляев... С. 31.

сетителем беляевских пятниц»⁶³. Вполне можно согласиться с мнением М.К. Михайлова, который справедливо считал, что «рождением беляевского кружка как такового» следует считать вхождение Римского-Корсакова в число постоянных посетителей «пятниц»⁶⁴. Один из признанных вождей «новой русской школы», он придал беляевскому кружку вполне определенную направленность, связал его с предшествовавшим опытом создания национального искусства, а через некоторое время стал его фактическим главой. Этот фактор изменил и масштаб деятельности самого М.П. Беляева, – от продюсирования сочинений А.К. Глазунова он обратился к поддержке целого художественного направления. Инициатива Беляева и потребности русских художников нашли, таким образом, друг друга и, по выражению В.В. Стасова, «братски обнялись».

Итак, методы исторической реконструкции позволяют расширить и дополнить скудные данные источников, повествующих о жизни М.П. Беляева. Они понуждают биографа к продуцированию предположений и гипотез, связанных с психологической обоснованностью и непротиворечивостью действий исторического персонажа. Наконец, они требуют включения в исторический контекст с помощью интенциональной процедуры. Образ Беляева, в конечном итоге, перестает быть картонной фигурой, состоящей из сухих строк энциклопедии, и наполняется новыми смыслами и красками, делающими его в буквальном смысле образом «живой истории».

⁶³ *Римский-Корсаков Н.А.* Летопись моей музыкальной жизни // *Римский-Корсаков Н.А.* Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 1. С. 153–154.

⁶⁴ *Михайлов М.К.* А.К. Лядов: Очерк жизни и творчества. Л., 1985. С. 25.

УДК 94 (47) + 929 Рыков

**ПРОФЕССОР ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ РЫКОВ –
ПЕРВЫЙ ДЕКАН ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
(к 125-летию со дня рождения)**

**Н.М. Малов,
Л.С. Павлова**

Саратовский государственный университет,
кафедра региональной истории, историографии и археологии
E-mail: malovnm@mail.ru

П.С. Рыков (19.10.1884–26.03.1942) – член ВКП (б) с 1930 г., первый декан исторического факультета Саратовского государственного университета, открытого в 1935 г., директор Саратовского областного музея краеведения и Нижневолжского института краеведения. Арестован 14 августа 1937 г. и осуждён советской властью как «враг народа» на 10 лет. Срок отбывал в тюремном лагере близ г. Уссурийска (Приморский край), где и скончался 26 марта 1942 г. от крупозного воспаления лёгких. Реабилитирован и восстановлен в коммунистической партии посмертно. Публикуются новые документы (письма, автобиография и др.) о жизни и деятельности профессора из семейного архива Рыковых.

Ключевые слова: Рыков П.С., археология, исторический факультет СГУ, репрессии, частные архивы.

**PROFESSOR PAVEL SERGEEVICH RYKOV – THE FIRST DEAN OF
HISTORICAL FACULTY OF SARATOV STATE UNIVERSITY
(in commemoration of the 125th anniversary)**

**N.M. Malov,
L.S. Pavlova**

P.S. Rykov (19.10.1884–26.03.1942) – member of the Communist Party from 1930, the first dean of the historical faculty of Saratov state university (opened in 1935), director of the Saratov regional museum of local history and Low Volga institute of study of local lore. He was arrested on August, 14th, 1937 and condemned by the Soviet authority as « the enemy of people » for 10 years of prison. He left the prison term in the Ussurijsk camp (Primorye Territory) where has died on March, 26th, 1942 from inflammations of lungs. He was rehabilitated and also was restored in communist party posthumously. Here is

publishing new documents (letters, the curriculum vitae, etc.) about the life and the professor's activity from Rykov's family archive.

Key words: Rykov P.S., archeology, historical faculty of SSU, repressions, private archives.

В октябре 2009 г. исполнилось 125 лет со дня рождения профессора, первого декана исторического факультета Саратовского государственного университета П.С. Рыкова [7 (19).10.1884, Москва – 26.03.1942, тюрьма близ Уссурийска] – выдающегося русского и советского археолога 1920–1930-х гг., создавшего научную археологическую школу в Саратове. Профессор осуществил крупномасштабные полевые исследования в Нижнем Поволжье, использовал археологические источники для разработки социально-экономических и общественных отношений, опираясь на методологию исторического материализма¹. Павел Сергеевич являлся одним из крупных организаторов и руководителей региональной вузовской науки, исторического образования, музейного дела и краеведения, которого советская власть необоснованно осудила как «врага народа».

Члена ВКП(б) с 1930 г. П.С. Рыкова – декана восстановленного истфака, директора Нижневолжского института краеведения СГУ и Саратовского областного музея краеведения арестовали 14 августа 1937 г.² Судя по архивным материалам и публикациям, против Ры-

¹ См.: Мерперт Н.Я., Шилов В.П. Бронзовый век Поволжья: исследования П.С. Рыкова и современное состояние проблемы // АВЕС. Саратов, 1989. Вып. 1. С. 24–33.

² См.: Синицын И.В., Степанов П.Д. Памяти П.С. Рыкова (1884–1942 гг.) // СА. 1964. № 1. С. 126–130; Артисевич В. В расцвете сил... выбыл: (рассказ о П.С. Рыкове) // Ленинский путь (СГУ). 1989. 1 июня. С. 3; Максимов Е.К. Павел Сергеевич Рыков // АВЕС. Саратов, 1989. Вып. 1. С. 3–11; Он же. Неизвестное в биографиях П.С. Рыкова и Н.К. Арзютова // Срубная культурно-историческая область. Саратов, 1994. С. 3–5; Малов Н.М. П.С. Рыков и проблемы изучения покровской культуры // Древности Волго-Донских степей в системе Восточно-Европейского бронзового века. Волгоград, 1996. С. 43–48; Максимов Е.К. «Враги народа» на музейном фронте // Поволжский край. Саратов, 2000. Вып. 11. С. 194–203; Малов Н.М. Советская государственная музейная сеть в Саратове (1917–1930 гг.): организационное становление, страницы истории и музейные деятели // Народы Саратовского Поволжья: этнология, этнография, духовная и материальная культура. Саратов, 2006. С. 192–279; Малов Н.М. Советская археология в Саратовском государственном университете (1918–1940 гг.): Организационное становление, развитие и репрессии // АВЕС. Саратов, 2006. Вып. 4. С. 4–28.

кова первые показания дали в начале марта 1937 г. два профессора: Тимрот Георгий Александрович (1899–1937) и Зайцев Александр Данилович (1899–1938). В опубликованных к настоящему времени списках профессоров СГУ их фамилий нет. Из «Списков жертв» явствует, что органы НКВД начали оперативно «работать» в тюремных застенках с Зайцевым и Тимротом задолго до ареста Рыкова.

А.Д. Зайцев родился в 1899 г. в д. Эткерево Комсомольского р-на Чувашии. В 1933 г. его сослали в Алма-Ату, где потом арестовали 20 декабря 1936 г. По обвинению в антисоветской деятельности его расстреляли 23 января 1938 г. в Саратове, где и похоронили, реабилитирован посмертно 27 февраля 1958 г.³ Г.А. Тимрот родился 31.07.1899 г. в г. Ярославле, образование высшее, кандидат в члены ВКП(б), заместитель директора Саратовского планового института, от которого ведётся история Саратовского СЭГУ. Проживал в Саратове на ул. Бахметьевской, д. 4/10, кв. 2, арестован 19 октября 1936 г. Расстрелян по приговору за участие в «антисоветской повстанческо-террористической организации правых» 19 августа 1937 г., буквально через несколько дней после ареста Рыкова. Место захоронения – Донское кладбище в Москве, реабилитирован посмертно 26 марта 1957 г.⁴

Тогда УНКВД Саратовской области возглавлял майор Альберт Робертович (Heller Albrecht) Стромин-Строев (Лейпциг, 1902–1939)⁵. Задолго до этого в ленинградский период своей деятельности он накопил большой опыт по фабрикации и ведению «интеллигентских дел» («Братство Преподобного Серафима», «Космическая академия наук», «Академическое дело» и др.). Возглавляемые профессиональным чекистом, его подчинённые активно использовали абсолютно все средства (провокации⁶, клеветнические доносы, жестокие противозаконные методы допросов и т. п.), готовясь показать результаты беспощадной «борьбы с врагами народа» высокопоставленным «сталинским эмиссаром» – А.А. Андрееву (1895–1971) и Г.М. Маленкову (1902–1988).

Они прибыли с инспекционным визитом в Саратов 6 июля 1937 г. Именно после их приезда и прокатилась крупномасштабная волна

³ См.: Зайцев Александр Данилович // Списки жертв: <http://list.memo.ru/d13/f64.htm>. – 07.07.2009.

⁴ См.: Тимрот Георгий Александрович // Списки жертв: <http://list.memo.ru/d32/f280.htm>. – 07.07.2009.

⁵ См.: *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД 1934–1941. М., 1999.

⁶ В 1956 г. в «Деле П.С. Рыкова» добавилась уточняющая отметка о том, что А.Д. Зайцев – «provokator». См.: *Максимов Е.К.* «Враги народа» на музейном фронте... С. 195.

расстрелов в Саратовской области⁷. Знаковыми событиями последовавшей активизации борьбы с «врагами народа» можно считать снятие 18 июля 1-го секретаря Саратовского обкома ВКП(б) А.И. Криницкого (1894–1937) и награждение Стромина 22 июля 1937 г. орденом Ленина. Криницкого расстреляли «как активного участника контрреволюционной организации правых» 30 октября 1937 г. и реабилитировали посмертно⁸. После визита, соответствующих установок и задач Андреева-Маленкова сотрудники Саратовского УНКВД расстреляли по приговору к высшей мере 430 человек⁹. Аресты, допросы, приговоры и расстрелы были поставлены на поток. Оперативники, расстрельные, похоронные и другие команды усиленно работали в «инквизиторском режиме» по всему громадному региону.

Как и сотни других «дел», протекавших в рамках крупной и заблаговременно разработанной политической кампании по «борьбе с контрреволюционерами», было инициировано и «Дело П.С. Рыкова». Репрессивная кампания стала набирать обороты после инспекции Андреева-Маленкова и не миновала СГУ, где реализовывалась Саратовским УНКВД организованно и последовательно. На это указывает хронология взаимосвязанных арестов и других мероприятий «по борьбе с врагами народа», проведённых в вузе.

Ссыльного академика Д.Б. Рязанова (1870–1938), работавшего консультантом в научной библиотеке, арестовали 23 июля 1937 г.¹⁰ На следующий день 24 июля состоялось собрание актива университета, где от ректора Г.К. Хворостина (1900–1938)

*Н.А. Рыкова.
Саратов, 1930-е годы.
Публикуется впервые*

⁷ См.: Рокитянский Я.Г. Из биографии академика Д.Б. Рязанова: разгром Института К. Маркса и Ф. Энгельса (март 1931 г.) // ОА. 2008. № 4. С. 10–23.

⁸ Семёнов В.Н. Начальные люди Саратова. Саратов, 1998. С. 271–274. В 1939 г. расстреляли и Стромина, потом не реабилитировав.

⁹ См.: Торчилов В.А., Леонтьев А.М. Вокруг Сталина. Ист.-биограф. справочник. СПб., 2000.

¹⁰ См.: Обреченные. Переписка Д.Б. Рязанова с профессором П.С. Рыковым (май 1937 г.) / Вступ. статья, подгот. текста к публ. и коммент. Я.Г. Рокитянского // ОА. 1995. № 2. С. 95–101; Рокитянский Я.Г. Из биографии... С. 10–23.

потребовали: «...изжить политическую беспечность и уметь видеть врагов народа...», после чего 2 августа его тоже арестовывают¹¹. Следом 6 августа в областной газете «Коммунист» появляется заказная заметка «В университете неблагополучно»¹². Рыкова арестовали и поместили в саратовскую тюрьму позже Рязанова и Хворостина, поскольку с 29 июня по 10 августа 1937 г. он был командирован (Прил. 6) в последнюю Калмыцкую археологическую экспедицию¹³.

Судя по сентябрьскому письму мужу в тюрьму, Надежда Александровна не знала, взяли его по доносу или как свидетеля (Прил. 7)? Хотя возможности таких писем весьма ограничены. Не случайно, что перед началом допросов Рыкова, а именно 5, 7 и 8 октября 1937 г., состоялось общее комсомольское собрание университета, посвящённое обсуждению решений VI Пленума ЦК ВЛКСМ «О работе врагов народа внутри комсомола». До начала допросов и окончания следствия исполняющий обязанности декана истфака комсомолец В.А. Осипов (1905–1996), в последующие годы доцент и декан, заклеивал не только Рыкова, но и других своих коллег – как замаскировавшихся контрреволюционеров.

Он обвинил Рыкова в сознательном «засаривании» истфака такими контрреволюционерами, как Зайдель, Охочимский, Рязанов и Доватур¹⁴. Тем самым заблаговременно была получена нужная общественно-политическая оценка деятельности Рыкова от коллектива комсомольцев СГУ, которую опубликовали в газете «Сталинец». Декану исторического факультета уже заранее был вынесен приговор от лица всех студентов, комсомольцев и преподавателей СГУ. Несомненно, это оказало дополнительное давление на уже два месяца находившегося в тюремных стенах Рыкова.

Только спустя два месяца состоялся первый допрос Рыкова, на котором он отрицал обвинение, согласно которому якобы участвовал в деятельности партии меньшевиков и был связан с контррево-

¹¹ Семёнов В.Н. Ректоры Саратовского университета: факты жизни и деятельности. Саратов, 1999. С. 140–143.

¹² Солодовников С. В университете неблагополучно // Коммунист (Саратов). 1937. 6 авг. С. 1.

¹³ Малов Н.М. Советская археология... С. 23–24.

¹⁴ До конца разоблачить вражескую агентуру в университете // Сталинец (СГУ). 1937. 7 окт. С. 1. В 1984 г. В.А. Осипов отказался от приглашения рассказать об этих событиях и П.С. Рыкове участникам первых «Рыковских чтений», проходивших в СГУ, на которых выступил с воспоминаниями сын профессора доцент геологического факультета Сергей Павлович Рыков.

люционерными¹⁵. При очной ставке с Зайцевым, состоявшейся 19 октября, Рыков продолжал отрицать обвинения, изложенные в протоколах допросов Зайцева и Тимрота, о в своей причастности к контрреволюционной деятельности¹⁶. При допросах оперативные Работники Цапаев и Корнеев применяли к Рыкову жестокие противозаконные методы ведения следствия¹⁷. Благодаря их использованию «неожиданно» в конце ноября Рыков признаёт себя виновным и начинает рассказывать о целях так называемой контрреволюционной организации¹⁸.

Органы НКВД расширяли круг членов мифической организации «врагов народа», в которой якобы состоял Рыков. 28 октября арестовывают, а 14 ноября 1937 г. расстреливают научного сотрудника Нижневолжского института краеведения и СОМК, уроженца Санкт-Петербурга Н.Н. Дмитриева (1895–1937)¹⁹. Далее цепь взаимосвязанных трагических событий продолжилась следующим образом. В один день – 21 января 1938 г. расстреляли в Саратове «врагов народа»: ректора СГУ Хворостина и академика Рязанова. Места их погребения неизвестны, оба реабилитированы посмертно.

В этот же день официально закончилось следствие по «Делу Рыкова». Павла Сергеевича приговаривают 24 января к 10 годам тюремного заключения без права переписки. Через неделю, вероятно, в порядке укрепления кадрового состава, 1 февраля 1938 г. В.А. Осипова принимают по договору старшим научным сотрудником Нижневолжского института краеведения²⁰.

¹⁵ Максимов Е.К. Неизвестное... С. 3. В данную публикацию по недоразумению вкралась неточность о том, что Рыкова якобы арестовали гораздо раньше – 14 апреля, т. е. вместо августа ошибочно напечатан месяц апрель.

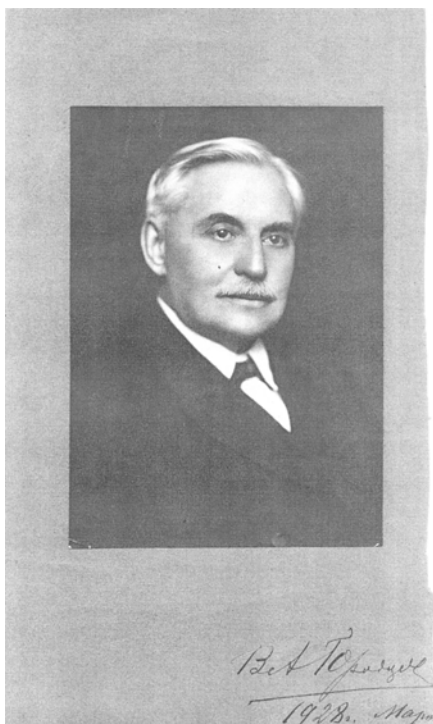
¹⁶ Там же.

¹⁷ Максимов Е.К. «Враги народа» на музейном фронте... С. 195.

¹⁸ Максимов Е.К. Неизвестное... С. 3.

¹⁹ Малов Н.М. Советская археология... С. 23–24; Жизнеописание Н.Н. Дмитриева от 12 мая 1937 г. // Научный архив СОМК. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 1–3. Родился 21 ноября 1895 г., поступил на историческое отделение историко-филологического факультета С.-Петербургского университета, но закончил весной 1924 г. уже общественно-педагогическое отделение факультета общественных наук. Специализировался по русской истории, работая у проф. Грекова, Заозёрского и др. Потом служил в Петроградском отделении Центрального Архива, историческом отделении Ленинского Коммунистического ун-та и в Институте истории феодального общества ГАИМК. Выслан органами НКВД в Саратов 4 марта 1935 г., где проживал в Клинической посёлке, Комсомольский пр., 3.

²⁰ Малов Н.М. Советская археология... С. 23.

*В.А. Городцов. Фото
с дарственной надписью.
Март 1928 г.
Публикуется впервые*

От репрессий пострадала семья Павла Сергеевича. Арестовали его жену – Надежду Алексеевну, на которую было заведено отдельное дело. После выхода из тюрьмы с формулировкой «по болезни» Н.А. Рыкова (1887–1968) стала психически нездоровой, дочь с двумя детьми вынужденно «уехала» в Сибирь, где вскоре овдовела²¹.

В 1937, 1941 и 1955 гг. по «Делу Рыкова» неоднократно и спустя много лет допрашивались свидетели: научные и вузовские работники, сотрудники музеев и учреждений культуры. Среди них выделяются своей солидарностью показания от Дома-музея Н.Г. Чернышевского: М.М. Чернышевской, Н.М. Чернышевской (Быстровой) и Г.К. Ершова, в которых постоянно и однозначно Рыков характеризуется негативно. Из них следует, что П.С. Рыков, а также арестованные в 1938 г. В.А. Сушицкий (1900–1944) и Н.К. Арзютов (1899–1942) «друзьями советской власти быть не могут»²².

Вероятно, со стороны данных свидетелей устойчиво отрицательное отношение к Рыкову и Сушицкому обозначилось ещё во второй половине 1920-х гг.²³

Свой тюремный срок Павел Сергеевич отбывал во Владивостокском исправительно-трудовом лагере НКВД Приморского края. Его почтовым адресом в октябре 1939 г. был: г. Владивосток, ул. Загородная, № 46, Владлаг НКВД, 1 отд. командировка 6 км. Скончался

²¹ См.: Растокина (Рыкова) Н.С., Павлова (Рыкова) Л.С. Предвзятые комментарии // Университетская книга. 2009. С. 61.

²² Максимов Е.К. Неизвестное... С. 4.

²³ См.: Малов Н.М. П.С. Рыков – директор музея краеведения и «дело изучения Н.Г. Чернышевского» // Историк и историография: Материалы науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения Л.А. Дербова. Саратов, 1999. С. 229–235; Малов Н.М., Миронова А.И. Саратовский областной музей краеведения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Саратовский край во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Саратов, 2005. С. 8–12; Малов Н.М. Советская государственная музейная сеть в Саратове... С. 238, 248–250.

Рыков 26 марта 1942 г. в тюремном лагере от крупозного воспаления лёгких²⁴.

Имя Рыкова два десятилетия находилось под запретом, было вычеркнуто из истории советской археологии, исторической науки, музейного дела и краеведения. Оно стало упоминаться только после запоздалой реабилитации 1956 г., когда Военная коллегия Верховного суда прекратила дело за отсутствием состава преступления. Павла Сергеевича реабилитировали посмертно, а через несколько месяцев восстановили в КПСС.

По этим причинам в инвентарных книгах фондов СОМК его фамилия закрашена чёрной тушью или чернилами. Та же самая процедура была осуществлена в научной библиотеке СГУ с названиями публикаций в оглавлениях изданий. Сотрудники научной библиотеки СГУ вырезали из журналов и научных сборников статьи Павла Сергеевича. Во всех государственных библиотеках был закрыт доступ к публикациям «врага народа». В результате этих мер, принятых советской властью, труды исследователя стали недоступны и сейчас представляют библиографическую редкость, а личный архив, изъятый при аресте, бесследно исчез.

Сравнительно недавно сотрудницы Зональной научной библиотеки СГУ Н.С. Растокина и Л.С. Павлова обнаружили книги, документы и фотографии, чудом сохранившиеся в архиве покойного отца, доцента СГУ Сергея Павловича Рыкова (1915–1988) – сына Павла Сергеевича. Они частично экспонировались в научной библиотеке СГУ на выставке, посвящённой 125-летию со дня рождения П.С. Рыкова²⁵. В семейном архиве представлен ряд новых документов: письма, фотографии, формулярный список о службе, удостоверение о работе до приезда в Саратов (Прил. 1), автобиографии (Прил. 2, 3). Из писем Рыкова сохранилось только одно к жене, отправленное из г. Элисты (Прил. 6).

Из фото большинство семейных и экспедиционных. Интересен фотопортрет В.А. Городцова (1860–1945) от 03.10.1928 г. с дарственным автографом: «Глубокоуважаемому П.С. Рыкову от В.А. Городцова. Есть почтовая карточка (14.08.1936 г.) от П.П. Ефименко

²⁴ В литературе местом его кончины иногда указывается г. Уссурийск (Ворошиловск), что требует подтверждения, поскольку об этом нет официального документа.

²⁵ См.: *Растокина (Рыкова) Н.С., Павлова (Рыкова) Л.С.* Указ. соч. С. 60–61; *Гусева Л.В., Павлова Л.С., Растокина Н.С.* Павел Сергеевич Рыков (1884–1942): Библиогр. указ. Саратов, 2009.

(1884–1969), приглашавшего Рыкова посетить палеолитическую экспедицию, работавшую в Костёнках²⁶.

Несколько писем написаны в августе-октябре 1936 г. Дмитрием Николаевичем Эдингом (1887–1946) – археологом, сотрудником ГИМ’а. В самом большом ответном письме (30.09.1936) Эдинг кратко рассказывает о своих последних раскопках на разрезах Горбуновского торфяника и уникальных находках деревянных вещей²⁷. Эдинг и Рыков знакомы со времени учёбы в Московском университете и Московском археологическом институте, где были слушателями и учениками В.А. Городцова. Судя по письмам, коллеги-археологи поддерживали близкие товарищеские отношения, встречались, обсуждали музейные и археологические новости, часто переписывались. Одно письмо отправлено из Кисловодска, где Дмитрий Николаевич отдыхал в санатории им. Луначарского, а два других из Москвы – до и после отъезда в отпуск.

Есть письмо (Прил. 4) от Ноны Ивановны Спрыгиной (03.03.1880, Одесса – 23.07.1953, Москва) – известного пензенского археолога, этнографа и краеведа. До переезда в Москву она заведовала отделом археологии и этнографии Пензенского естественно-исторического музея²⁸, как и ее муж, была знакома с П.С. Рыковым. Иван Иванович Спрыгин (07.06.1873 – 10.02.1942, Пенза) – доктор биологических наук, профессор и первый директор Средневожского (Жигулёвского) государственного заповедника, который с 1977 г. носит его имя.

В своём письме Спрыгина надеется на содействие, рекомендуя Рыкову в качестве добросовестного музейного работника Валентину Фёдоровну Завьялову (17.01.1908, Ярославль – 18.12.1963, Саратов), стремящуюся продолжить музейную работу именно в Саратове. Валентина Фёдоровна в этом же году переехала в Саратов, где вначале преподавала в художественных учреждениях, а потом вернулась к любимой музейной деятельности и впоследствии длительное время

²⁶ См.: Ефименко П.П. Сел. Костёнки, 1936 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. Краткие отчёты и сведения. М.; Л., 1941.

²⁷ См.: Эдинг Д.Н. Гор. Нижний Тагил, 1936 г. // Там же. С. 130–131.

²⁸ См.: Полесских М. В недрах времён. Археологические памятники в Пензенской области. Пенза, 1956; Жиганов М.Ф. Из истории хозяйства мордвы в XIII–XVI вв. // Исследования по материальной культуре мордовского народа: Тр. Мордов. этнограф. экспедиции. М., 1963. Вып. II. С. 5–76; Расторопов А.В., Ставицкий В.В. Хроника археологических исследований // Из истории области. Очерки краеведов. Пенза, 1992. Вып. III. С. 217–234.

(1948–1963) была директором Радищевского художественного музея-²⁹.

Одно письмо (Прил. 5) от известного хвалынского археолога, художника, музейщика и краеведа Василия Фёдоровича Орехова (1873–1942, Хвалынский), работавшего с 1923 г. научным сотрудником и последние два года директором Хвалынского краеведческого музея³⁰. Василий Фёдорович был женат на сестре Михаила Алексеевича Радищева (1859–1920) – Ольге Алексеевне Радищевой (1873–1957). Орехов, бывая в Саратове, навещал Рыкова на его квартире, являлся постоянным его корреспондентом. Они поддерживали добрые взаимоотношения, иногда участвовали вместе в археологических разведках близ Хвалынска.

В начале письма Орехов рассуждает о находках костей мамонта и других четвертичных животных эпохи палеолита на острове Хорошевском близ села Алексеевка Хвалынского района. В 1927 г. Орехов нашёл здесь в галечнике вместе с костями ископаемых животных и фрагмент черепного свода палеолитического человека. Эту находку в 1935 г. немецкий антрополог Г. Вейнерт опубликовал как переходную от неандертальской к современной и отнёс к кроманьонцу, с чертами неандерталоида, поэтому П.С. Рыков считал её палеолитической³¹.

Позже (1929, 1937, 1939 гг.) на этом и других близлежащих островах (Вороний, Середыш) находили другие палеоантропологические фрагменты коричневого цвета, орудия из кости и камня, керамику – с примесью толчёных раковин. На данных островах бывали В.А. Городцов, А.П. Павлов, О.Н. Бадер и другие исследователи. Большинство антропологов считают, что Хорошевская черепная крышка принадлежит современному человеку, с неандерталоидными формами.

Помимо археологических и музейных проблем, Орехов озабочен сохранением росписи «Распятие Христово», выполненной К.С. Петровым-Водкиным (1878–1939) в Крестовоздвиженской церкви г. Хвалынска. К сожалению, от этого произведения сейчас сохранились только эскиз художника и фото, выполненное его другом – Ореховым. Для современных искусствоведов важны размеры роспи-

²⁹ См.: Савельева Е.К. К истории развития Радищевского музея 1885–2000 гг. // Пути русского символизма: Провинция и столица. Саратов, 2004. С. 87–88; Лопатин В. Цвет-звук; свет, тьма // Волга. 2008. № 1 (414).

³⁰ См.: Непочатых В.А. Хвалынский. Краткая история и достопримечательности. Саратов, 2000. С. 37–39.

³¹ См.: Рыков П.С. Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов, 1936. С. 5.

си, которые приводит Василий Федорович в своём письме. Изначальный Крестовоздвиженский храм, в котором не только была роспись К.С. Петрова-Водкина, но где его крестили и венчали, сейчас не существует, поскольку давно разрушен. После его закрытия в 1931 г. там функционировал клуб Союза пиццевиков, потом его ненадолго снова открывали. Вскоре опять закрыли и в конечном итоге варварски разобрали в 1946 г. на стройматериалы³².

Интересна машинописная копия, к сожалению, своевременно не опубликованной работы: «Проф. П. Рыков. Краткое руководство по археологии финнов (в частности Мордвы)», объёмом 167 страниц в твёрдом переплёте. В нижней части её титульного листа есть карандашная вставка – [Саратов, 1931], инвентарный номер, два штампа библиотеки Саратовского педагогического института и три – «Проверено», последний из которых относится к 1980 г. В оглавлении монографии указаны VII разделов. Вероятно, рукопись представляет «конспект», о котором П.С. Рыков сообщал в своём письме (25.06.1930 г.) к А.А. Гераклитову (1867–1933): «...Сам я засел за конспект страниц на 100 по археологии Мордвы – не знаю, что выйдет...»³³

Начинается она с раздела I (с. 1–6): «Вступительные замечания. Значение археологии в деле изучения культуры древних финнов. Памятники финской материальной культуры. Географические пределы финских племён. Соседи древних финнов». На самой первой странице вступления, рассуждая об историческом процессе, член ВКП(б) П.С. Рыков приводит ссылку: «Маркс и Энгельс – о Фейербахе, Арх. М. и Э. Кн. 1, 214–217». Следующий раздел II: «Древние финские городища и селища. Значение керамики. Холмища. Костеносные городища. Поздние городища финнов» (с. 16–59). Самый крупный раздел III, обозначенный в оглавлении как «Памятники материальной культуры, представленные древними и более поздними финскими могильниками», в тексте назван «Могильники» (с. 59–134). В нём рассматриваются Волго-Камские, Окские и Прибалтийские памятники. Раздел IV – «Типы погребальных обрядов» (с. 134–149), V – «Сравнительное изучение памятников финской материальной культуры» (с. 149–162). Заканчивают работу

³² См.: *Наумов А.В.* Храм двух Петровых // VI научная конференция «К.С. Петров-Водкин: от мизансцены Хвалынска к планетарному масштабу». Новости Радищевского музея. <http://www.radmuseumart.ru/project/>. – 15.04.2009.

³³ Письмо П.С. Рыкова А.А. Гераклитову от 25 июня 1930 г. // ЗНБ СГУ. ОРиРК. Личный фонд А.А. Гераклитова.

«Общие выводы. Общественно-экономический быт древних финнов» (С. 163–167).

Вероятно, неизданный «конспект» выполнил подготовительную функцию для написания Рыковым учебного пособия «Очерки по истории мордвы»³⁴, изданного в 1933 г. На данные «Очерки» в 1934 г. появились две противоположные рецензии. Е.Н. Лейбович (1907–1937) пришёл к выводу: «работа проф. Рыкова, хотя и имеет ряд недостатков, все же является нужной и полезной работой»³⁵. Рецензент Г. Куликовский, наоборот, обвинил автора в «чисто идеалистическом утверждении» и заключил в духе дискуссий того времени: «Таким образом, сам труд проф. Рыкова представляет некоторую ценность, как источник материалов для дальнейшего углубленного изучения истории мордвы, но его методологические установки требуют серьезной критики»³⁶.

Возможно, Г. Куликовский – псевдоним, что практиковалось в те годы при написании резко отрицательно-политизированных рецензий. Тем более что в начале 1960-х гг. М.Ф. Жиганов справедливо отнесёт данный «Очерк» Рыкова к числу исследований, посвящённых ряду важных вопросов социально-экономической истории мордвы, но Г. Куликовский среди них отсутствует³⁷. Этот «Очерк» и другие работы Рыкова по финно-угорской проблематике до сих пор привлекают внимание историографов, занимающихся изучением этногенеза и древней историей мордовского народа.

В заключение отметим, что вполне актуальным является составление краткого «Библиографического словаря сотрудников и студентов СГУ – жертв политического террора в советский период». Наша статья это скромная дань уважения светлой памяти Павла Сергеевича и его коллег: историков, археологов, музейщиков и краеведов – жертв политического террора сталинской эпохи, жизненные судьбы которых сложились трагично.

³⁴ Рыков П.С. Очерк по истории мордвы. М., 1933.

³⁵ Лейбович Е. П.С. Рыков. Очерк по истории Мордвы по археологическим материалам. М., 1933. 122 с. // Исторический сборник. Л., 1934. Т. 1. С. 331–333; Лейбович Евгений (Ейн, Эйн) Соломонович – историк, археолог, этнограф, доцент ИФ ЛГУ и ЛИФЛИ, аспирант ИИ АН СССР, расстрелян органами НКВД 4 ноября 1937 г. См.: Люди и судьбы. Библиогр. словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Сост. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб., 2003. С. 96.

³⁶ Куликовский М. [Рец.] Проф. Рыков. Очерк по истории мордвы. 1933. 111 с. // СГ. 1934. № 2. С. 119–120.

³⁷ См.: Жиганов М.Ф. Из истории хозяйства мордвы... С. 6.

*П.С. Рыков –
декан истфака СГУ.
Фото 1937 г.
Публикуется впервые*

П.С. Рыков был искренне предан любимому делу – археологии, не являлся кабинетным археологом, «чиновником от образования» или «конформистом от науки». Как активно работающий археолог-полевик, он многие годы проводил лето не в отпусках, а в экспедициях. Обширные материалы его раскопок, существенная часть которых до сих пор полностью и должным образом не опубликована, составляют золотой фонд археологических источников юго-востока Европы. Работы Павла Сергеевича внесли существенный вклад в изучение культурного наследия первобытных и средневековых народов Нижнего Поволжья. Его фундаментальные исследования общепризнанны специалистами, поэтому и сейчас широко используются отечественными и зарубежными археологами.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1³⁸

На первой странице угловой штамп: «Р.С.Ф.Р. Народн. Комиссариат Просвещения. Рязанского губ. отдела Народного Образования. Скопинские педагогические курсы. 25 декабря 1920 № 1408 копия».

«Удостоверение»³⁹

Павел Сергеевич Рыков, родившийся 7-го Октября 1884 года в Москве, по окончании курса Московской 4-ой Гимназии в 1905 г. поступил в Московский университет, который окончил по историко-филологическому факультету в Январе 1910 года, сдав в Мае того же года Государственные экзамены при том же Университете. С 1907 года РЫКОВ состоял слушателем в Московском Археологическом институте, который окончил в Сентябре 1910 года, получив звание ученого археолога и действительного Члена Института.

В 1908 году был командирован Институтутом на 6 месяцев в Калужскую Губернию для разбора архивных материалов. С Сентября 1910 года по Август 1912 года РЫКОВ, состоял преподавателем 2-го Курского Реального Училища работал в качестве Члена Курской Ученой Архивной Комиссии по археологии, исполняя поручения бывш[ей] Императорской Археологической Комиссии. Им были произведены в 1912 году раскопки в Обоянском уезде Курской губернии. В 1912 году был избран в Совет Семеновской Библиотеки, а в Августе того же года был переведен в Виленскую I-ую Гимназию преподавателем истории и отечествоведения, а с Октября того же года был назначен хранителем публичного Музея, а несколько позже Членом Виленской Публичной Библиотеки, где заведовал Отделом иностранных книг. Одновременно состоял Членом Западного Отделения Русского Географического Общества, в «Записках» коего имеются печатные работы РЫКОВА, явившиеся результатом археологических изысканий его в Виленской Губернии.

В 1913 году РЫКОВ был избран Членом быв[шего] Императорского Московского Археологического общества, делая в заседаниях его доклады и печатая в его «Трудах» работы. В Декабре 1913 года

³⁸ Здесь и далее сохранены стиль и орфография подлинных документов. Встречающиеся же в них сокращения раскрываются в квадратных скобках.

³⁹ Документ, объемом в 2 машинописных страницы, заверенный круглой печатью и двумя подписями: за председателя Совета А. Кузнецова, за секретаря (неразборчива).

РЫКОВ был назначен Членом Комиссии по составлению эскизных проектов на постройку стильного здания Виленского центрального Архива Древних Актов и Членом Педагогического Виленского музея. Летом 1914 года был лектором Краткосрочных Курсов для учителей Высших Начальных Училищ Виленского Учебного Округа. Того же года им была выполнена работа Музейного характера по обследованию древнего оружия, в результате чего напечатано исследование: «Кольчуга Виленского музея». В течение 1913–14 года производил раскопки в Псковской Губернии по поручению Московского Археологического Общества для имевшего быть XIV Всероссийского Археологического съезда. В том же 1914 году РЫКОВ был назначен Инспектором Режицкой, Витебской Губ[ернии], Мужской Гимназии, где оставался до 1917 года, работая непрерывно по археологии, обследуя область древней Латгалии /Режицкой, Двинской и Люцинского уезд[ов] Витебской губ[ернии]/, результатом чего был печатный труд «Древности Латгалии». В 1916 году организовал Режицкое Историко-Этнографическое Общество для изучения местного края. Во время войны в 1915 году РЫКОВ исполнял обязанности Заведующего Двинскими Учреждениями 3-го Передового Уполномочия по устройству беженцев, а в 1916 г. состоял Председателем Военно-Санитарной Комиссии в гор[оде] Режице.

В Марте 1917 г. РЫКОВ был назначен вр[еменно] и[сполняющим] д[олжность] Директора Режицкой Гимназии, в каковой должности состоял до Января 1918 года, когда, по эвакуации Гимназии в гор[од] Скопин, Рязанской Губ[ернии] был избран Советом Директором означенной гимназии, а в мае – Председателем Совета, будучи переизбран в октябре 1919 г. В ноябре того же года был избран председателем Совета Скопинских Постоянных 3-летних Педагогических Курсов.

В Октябре 1920 года оставил работу в Режицкой Гимназии ныне 2-ой Скоп[инской] Един[ой] Труд[овой] Школе 2-ой ступени, в виду назначения на должность Заведующего Скопинским Уездным Отделом Народного Образования. С Мая по сентябрь 1918 года, будучи Членом Уездного Совета Народного Образования, заведовал Отделом Средней Школы Уездного Комиссариата по Просвещению, как Член Исполнительного Комитета Совета Народного Образования.

С Марта 1919 года был Членом Коллегии Уездного Отдела Народного Образования, а с Октября по 15-ое Января 1920 года Заместителем Заведующего означен[ным] Отделом.

В Июне 1920 года был избран на 7-ом Уездном Съезде Советов Членом Уисполкома от беспартийных и в Декабре того же года был

вторично переизбран, оставаясь с Августа Заведующим Уотнаробразом. Летом 1920 года РЫКОВ производил археологические раскопки в Скопинском уезде, заведую с 1919 года Секцией по охране памятников искусства и старины, при чем Секцией в Октябре 1919 года был открыт в Скорине Музей и Общество изучения Местного края. С 1919 г. был сотрудником Уполномоченного Главархива.

В Сентябре 1920 года РЫКОВ был избран Советом Саратовского Университета штатным преподавателем по кафедре археологии».

Приложение 2

«Curriculum vitae»⁴⁰

профессора по кафедре Археологии и Этнографии Саратовского, Государственного, имени Н.Г. Чернышевского, Университета Павла Сергеевича Рыкова.

Родился 7 октября 1884 г. в г. Москве. По окончании Московской IV гимназии вступил в 1905 г. в Московский университет, который и окончил по Историко-филологическому факультету в январе 1910 г., сдав в мае того же года Государственные экзамены, а магистерские испытания сдал в 1921 г. С 1907 г. состоял слушателем Московского Археологического Института, окончив который в сентябре 1910 г. получил по защите диссертации звание «Ученого археолога» и «Действительного члена Института».

В 1908 г. был командирован Институтом в Калужскую губ[ернию] на шесть месяцев для разбора архива Кашкиных /декабристы и петрашевцы/. Здесь занимался изучением палеографии и генеалогии, а также нравов и быта конца XVIII и половины XIX века /см. кн. П.В. Кашкина «Генеалогические изыскания»/. В 1907, 1908 и 1909 гг. занимался под руководством проф[ессора] В.А. Городцова в Российском Историческом Музее, исполняя обязанности, ныне возлагаемые на научных сотрудников /см. Отчеты Р.И.М./. С сентября 1910 г. по август 1912 г. работал в Курской Ученой Архивной Комиссии, исполняя поручения быв[шей] Императорской Археологической Комиссии, ныне Гос[ударственная] Рос[сийская] Акад[емия] Ист[ории] Мат[ериальной] Культуры. Здесь были мною произведены археологические обследования в Курском, Суджанском и Обоянском уездах и раскопки в Обоянском уезде бл[из] с[ела] Гочева. С августа 1912 г. я был назначен хранителем Виленского Областного Музея, членом Комиссии по

⁴⁰ Документ объёмом в 3 машинописных страницы.

Управлению Виленской Публичной библиотекой и одновременно преподавателем истории в старших классах Виленской I-й мужской гимназии. В музее произвел расстановку и научное описание коллекций каменных и бронзовых орудий. С этого же года состоял членом Сев[еро]-Зап[адного] Отд[еления] Русского Географического Общества, где делал доклады по археологии местного края. Производил раскопки с целью изучения Литвы. В январе 1913 г. был избран членом Московского Археологического общества где делал доклады и исполнял научные поручения /см. Биографический Словарь Общества и его издание – «Древности», т. 24/. В декабре 1913 г. назначен членом Комиссии по составлению эскизных проектов на постройку стильного здания Виленского Центрального Архива Древних Актов и членом педагогического Виленского музея. В 1913 и 1914 г. производил обследования Псковской губ[ернии] в целях составления археологической карты и занимался там раскопками для представления Псковскому Археологическому Съезду /несостоявшемуся вследствие войны 1914 г./ /см. прот[околы] М.А.О. за 1914 г./. В течение 1915, 1916 и 1917 гг. производил систематические обследования с археологическими целями и раскопки в трёх уездах Витебской губ[ернии], – ныне Латвии, результатом чего является работа: «Древности Латгалии», вып. I.

В 1918 г. совместно с другими лицами организовал в г. Режице в центре Латгалии Историко-Этнографическое Общество для изучения латышей-латгальцев. В 1918–20 гг. производил археологические обследования и раскопки курганов славян-вятичей в Скопинском уезде, Рязанской губ[ернии]. В то же время принял на себя поручение Уполномоченного Главархива по Рязанской губ[ернии] по охране архивов в Скопинском уезде и тогда же организовал там Общество для изучения местного края и Музей при нём. В сентябре 1920 г. был избран Историко-Филологическим факультетом Саратовского Университета преподавателем по кафедре Археологии с поручением заведовать означенной кафедрой. С февраля 1922 г. состою профессором Саратовского Государственного Университета по кафедре Археологии и Этнографии. В том же 1922 г. одновременно читал лекции по истории первобытной культуры в бывш[ем] Сар[атовском] ИНО. С марта 1921 г. по февраль 1922 вёл занятия в Саратовском Рабфаке и заведовал финансовой частью его. С марта 1921 г. состоял Секретарём Ист[орико]-Филол[огического] Факультета и в 1922 г. /до октября/ Секретарём Ф.О.Н. В январе 1922 г. назначен Действительным членом Научно-Исследовательского Института при Саратовском Университете и утверждён Главнаукой в должности зам[естителем] Директора Института. С октября 1922 г. избран Председателем Отделения Дошкольного и Школ I ст[упени] Педфака. С октября 1923 г. назначен Главпрофобротом

заместителем декана педфака. С декабря 1923 по февраль 1924 состоял Председателем Словесно-Исторического Отделения Педфака и с 1 сентября 1924 г. назначен Главпрофобром Деканом упомянутого факультета, в каковой должности состою до настоящего времени. С августа 1922 г. утверждён Главнаукой и П.К.П. в должности Заведующего Саратовским Губернским Комитетом по делам Музеев и Охраны памятников старины искусства и природы /Губмузей/, а с мая того же года Заведующим Саратовским б[ывшим] Археологическим Музеем и с декабря 1924 г. – Директором Сар[атовского] Обл[астного] Гос[ударственного] Музея. С октября 1924 г. избран и утверждён Директором Краеведческого Института изучения Южно-Волжской Области, состою почётным членом Нижнее-Волжского О[бщест]ва Краеведения. В 1923 г. избран членом Центральной Татарской Комиссии при Всесоюзной Ассоциации Востоковедения и членом-корреспондентом Центрального Бюро Краеведения при Российской Академии Наук. В мае 1925 г. избран Д[ействительным] Членом Москов[ского] Отд[еления] Рос[сийской] Ак[адемии] Ист[ории] Мат[ериальной] Культ[уры]. В декабре 1926 г. избран почётным членом Уральск[ого] Общества изучения Казахстана.

Моя общественная работа выразилась в следующем: в марте 1917 г. был избран тов[арищем] Председателя обновлённой Режицкой, Витеб[ской] губ[ернии] Городской Думы; в марте 1919 г. занимал ту же должность в Скопинском, Рязан[ской] Губ[ернии] Горсовете и был избран дважды членом Уездного исполкома в 1920 г. и в течение шести месяцев того же года заведовал УОНО. С 1922 г. по 1927 г. состоял членом Саратовского горсовета /XII, XIII, XIV и XV созывов/. В 1919 г. был тов[арищем] предс[едателя] Союза Рабпрос /Скопин[ский] Отд[ел] Ряз[анской] Г[убернии]/.

П. Рыков [Автограф]. 7/IV [19]27».

Приложение 3

«АВТОБИОГРАФИЯ»⁴¹

Я родился 7 октября 1884 г. в г. Москве и, по окончании Московской IV гимназии, поступил в Московский Университет – по историческому отделению историко-филологического факультета.

⁴¹ Документ объёмом в 4 машинописных страницы с редакторскими правками П.С. Рыкова. Автобиография составлена Рыковым после 1935 г., точная дата отсутствует. Зачеркнутый текст не воспроизводится.

Окончил курс в январе 1910 г., сдал государственные экзамены и представив кандидатское сочинение, а в сентябре защитил в Московском Археологическом Институте диссертацию на звание “ученого археолога” и был избран в состав действительных членов Института. Летом 1909 г. работал в Калужской губ[ернии], изучая архивные материалы и подготавливая их к печати.

С 1910 по 1912 г. я работал в качестве археолога в Курской Ученой Архивной Комиссии и производил археологические изыскания в Курской губ., изучая памятники славян-радимичей и др.

В 1912 г. принял приглашение занять должность зав[едующего] Виленским Областным музеем и Члена Публичной Библиотеки /иностран[ный] отдел/. Производил археологические исследования и раскопки памятников литовских и славянских. Кроме того, в 1912 г. по поручению предварит[ельного] Комитета XVII Археологического съезда /не состоявш[егося]/ произвел обследование Островского у[езда] Псковской губ[ернии] по течению р[еки] Великой.

С 1914–17 гг. вел археологическую работу с целью изучения латышей-латгалцев в быв[шем] Режицком уезде и в 1917 г. организовал Общество для изучения Латгалии /быв[шие] три уезда Витебской губ[ернии]/.

По эвакуации в 1917 г. осенью с фронта переехал в г. Скопин, Ряз[анской] Губ[ернии]. Весной 1918 г. после установления Сов[етской] власти в Скопин[ском] у[езде], вошел в Совет по Нар[одному] Образованию и был назначен Зав[едующим] Школьным Отделом У[ездного] Комиссариата Просвещения и затем Зам[естителем] Зав[едующего] УОНО. В 1920 г. был избран /дважды/ членом Исполкома и назначен заведующим УОНО. Вел археологическую работу по изучению славян-вятичей и тогда же основал Скопинский Музей, существующий до настоящего времени.

В 1919 г. был избран зам[естителем] Председат[еля] Гор[одского] Совета в Скопине и состоял зам[естителем] Предс[едателя] Уезд[ного] Отд[ела] Организованного Союза Раб[очего] Просвещения и Соц[иалистической] культуры /Рабпрос/.

24 сентября 1920 г. был избран доцентом – зав[едующим] Кафедрой Археологии Саратовского Гос[ударственного] Университета. Здесь сдал магистерские испытания и в 1922 г. утвержден ГУСом в звании профессора; в 1923 г. был избран зам[естителем] Декана Педфака Гос[ударственного] Университета; в 1924–27 г. – был назначен деканом Педфака, а с 1927 г. по 1932 г. – зам[естителем] Ректора Сар[атовского] Университета. С 1922 г. заведовал Археологическим музеем, а с 1923 г. – был назначен Глав[ным] Музеем НКП Директором Саратовского Гос[ударственного] Обл[астного] музея –

ныне Краевого музея, оставаясь в этой должности по настоящее время. С 1922 г. – зам[еститель] директора Археолог[ического] Научно-исследовательского Института при Университете; с 1924 г. – директор Саратов[овского] Института Краеведения, им. М. Горького /быв[шего] Археологического/ до настоящего времени. В 1926–27 г. был председателем Об[ществ]а Краеведения; Зам[естителем] пред[седателя] Бюро Краеведения в 1931 г. С 1923 г. по 1925 г. Зам[еститель председателя] музейным отделом Сар[атовского] ГубОНО. В 1931–33 г. – зав[едующий] Сектором Науки Сар[атовско-го] КрайОНО.

С 1931 г. состоял членом Археологического Комитета НКП РСФСР. С того же года я состою членом Гос[ударственной] Академии Истории Материальной культуры.

В 1932 г. состоял членом Гос[ударственной] Академии Искусствознания, заведуя ее Сектором Археологии, впредь до перевода Академии в Ленинград и ликвидации сектора.

В 1922–26 гг. состоял членом Всесоюзной Ассоциации Востоковедения.

С 1934 г. состою членом Науч[но-]Метод[ического] Совета Муз[ейного] Отдела НКП.

В 1932 г. состоял членом ГУСа НКП /до его реорганизации/.

С 1927 г. состою членом Центрального Бюро Краеведения. С 1926 г. состою Почетным Членом Об[ществ]а изучения Казахстана.

В настоящее время я состою Председателем Орг[анизационного] Бюро Секции научных работников Саратовского края и членом Оргбюро ЦК Союза В[ысшей] Школы и Научн[ых] Учреждений.

Был в 1934 г. Председателем Комитета по созыву Краевой Конференции Молодых ученых и Председателем Краевой Комиссии по перерегистрации членов СНР.

Являюсь членом ВАРНИТСО; был его вторым секретарем и состою членом Бюро. Был в инициативной группе по организации ВАРНИТСО.

С 1923–1927 г. состоял членом Саратовского гор. Совета XII–XV созывов и в настоящее время избран членом Районного Совета в Саратове.

Работаю профессором, заведуя первоначально кафедрой Ист[ории] Мат[ериальной] Культуры в Саратовском Гос[ударственном] Педагогическом Институте /бывш[ем] Педфаке Гос[ударственного] Университета/ и теперь каф[едрой] Всеобщей Истории. Работал в Краевом Институте повышения квалификации кадров Нар[одного] Образования /Край. ИПККРО/ до 1 октября 1935 г.

С 1910 г. вел преподавательскую работу по истории до 1920 г.

Член ВКП /б/ с 1930 г.

Имею ряд работ по специальности /список прилагается/ – около 60. С 1921 г. веду археологические исследования в Нижнем Поволжье. Организовал ряд экспедиций в пределах Н[ижнего] Поволжья, в Уральской области Казахстана. В 1933 г. по поручению Гос[ударственной] Академии Истории Матер[иальной] Культуры руководил экспедицией в Казахстане /Караганду/.

По изучению Нижнего Поволжья в археологическом отношении мною сделано следующее:

1. Определены и классифицированы памятники эпохи бронзы /родовое общество/, которые до этого времени почти не были известны, а Н[ижне-]Волжск[ие] материалы почти не упоминались в литературе.

2. Установлено широкое распространение скифо-сарматских памятников в Н[ижнем] Поволжье, что отрицалось прежде /проф[ессор] Веселовский считал их незначительными по количеству и принадлежавшим римским купцам/; следовательно, стали ясными те связи какие существовали у Черноморья со степями Юго-Востока.

3. Установлено, благодаря раскопкам, что границы Мордвы были значительно южнее в Поволжье, а также показаны связи, существовавшие у мордвы – земледельческого населения – с кочевыми группами – сарматами.

4. Доказано раннее существование городищ, характеризуемых особым типом керамики в эпоху до начала н[ашей] эры /прежде их считали гораздо более поздними/. Это отмечено в археологической литературе.

5. Установлено существование земледельческого населения на Н[ижней] Волге в эпоху феодализма Зол[отой] Орды.

6. Дана схема последовательного существования человеческого общества на Н[ижней] Волге /по формациям/.

Все эти выводы и заключения отмечены в специальной литературе, как в СССР, так и за границей /последнюю характеристику см. В журнале «Советская этнография»/ № 2, 1935 г./

В 1928 г. имел заграничную командировку от НКП для изучения музейного дела в Германии.

В 1931 г. организовал с бригадой сотрудников по поручению Исполкома Калмыцкой Автономной Области национальный музей в Элисте. В 1934 г. этому музею постановлением Обл[астного] Исполкома Авт[аномной] Калм[ыцкой] Области присвоено мое имя.

В декабре 1934 г. премирован Наркомпросом 2000 р.

1 Апреля 1935 г. награжден почетной грамотой ВЦИК. В тоже время НКПрос возбудил ходатайство перед ВЦИК о присвоении звания заслуженного деятеля науки, в связи с исполнившимся 25-летием моей научно-педагогической и общественной работы.

8 сентября 1935 г. приказом по Наркомпросу назначен деканом Исторического факультета при Саратовском Гос[ударственном] Университете, заведующим кафедрой Древней истории на этом факультете.

10 декабря 1935 г. премирован Муз[ейным] Отд[елом] Наркомпроса окладом за отличное руководство Музеем по работе со школой.

/П. Рыков/».

Приложение 4

Письмо Н.И. Спрыгиной П.С. Рыкову от 10 августа 1936 г.⁴²

«Многоуважаемый Павел Сергеевич.

Я пишу Вам по следующему поводу. Заместитель Пензенского Музея, т[оварищ] Завьялова, собираясь полететь к Вам, в Саратов, обратилась ко мне с просьбой написать Вам несколько слов о ней.

Т[оварищ] Завьялова, способный и энергичный человек, со скамьи вуза в 32 г[ода] на работу попала прямо в наш злополучный Пензенский Музей. Она окончила искусствоведческое отделение Истор[ико]-Лингвистического Ин[ститу]та в Лен[ингра]де. В последний год, кроме заведования Худож[ественным] Отд[елом] Музея, давала уроки истории в школе и в Худ[ожественном] Пед[агогическом] техникуме и вообще в настоящее время особенно интересуется и хотела бы работать по циклу наук исторических. В Пензенском музее, как Вам вероятно известно, происходит постоянная смена директоров и Завьялова была лишена длительного и авторитетного руководства, в чем она испытывает для себя большую потребность. З[авьяло]ва хотела бы найти работу в руководимом Вами музее. Думается, что под Вашим руководством из нее может выработаться хороший музейный работник.

В последнее время мне часто и надолго приходится уезжать из Пензы поэтому я совсем оторвалась от Музея, с которым не порывала связи и после того, как в 32 году должна была по болезни оставить работу в нем. Встречая всегда прекрасное отношение работников Музея и администрации его, я не находила однако необходимых для науч-

⁴² Документ на 2 страницах рукописного текста.

но-исследовательской работы условий. К музею и музейной работе влечет по-прежнему и часто без них бывает грустно.

Я давно ничего не знаю о наших, дорогих соседях, саратовских музейных работниках, и буду с нетерпением ждать, что З[авьяло]ва вернувшись расскажет мне, кто и где работает в этом году, кто и как здоровствует.

Я и муж шлем Вам сердечный привет и лучшие пожелания.

10/VIII [19]36 г.

Н. Спрыгина».

Приложение 5

Письмо В.Ф. Орехова П.С. Рыкову от 10 октября 1936 г.⁴³

«Глубокоуважаемый Павел Сергеевич!

Прежде всего хочется узнать о Вашем здоровье, как Вы себя чувствуете? Когда я был у Вас Вы были сильно больны. Я очень жалею, что так мало пришлось видеть Вас.

Посылаю на Ваше усмотрение, Павел Сергеевич, свою статьишку, написанную еще в 1927 году, для Саратовского Общества Краеведения, как предварительное сообщение о находке черепа на Хорошевском острове. Тогда, как то не обратили внимания на мое сообщение об этой находке. Не знаю, годится ли сейчас эта статья?

Мои десятилетние наблюдения над Хорошевским островом еще не обработаны. Трудно как-то выкручиваться когда в руках нет еще дополнительных данных. Одни голые гипотезы ничего не докажут. Докажите-ка например, что мамонты, носороги и проч. жив. России и умирали здесь в нашем Саратовском крае, а не где-нибудь в Вологде. А ведь многие специалисты говорят, что кости приплыли на Хорошевский остров откуда то с верховьев Волги. Но, я, грешный человек, что хотите делайте, – буду упорствовать и говорить, что мамонты и носороги родились и умирали здесь в нашем Хвалынском районе. Много фактов говорят за это.

На днях у нас в музее было начальство: Зав[едующий] Роно т[оварищ] [фамилия неразборчива] и новый Пред[седатель] горсовета т[оварищ] Зотов. Обещали в этом году отремонтировать музей, но пока еще ничего нет.

Когда я был в Саратове, то без меня ребяташки-краеведы, сделали самостоятельную экспедицию в окрестностях и нашли новую стоянку

⁴³ Документ на 4 страницах рукописного текста.

конца бронзы; набрали черепков типа хвалынской культуры. Я никак не думал, что эти сорванцы будут работать с такой увлеченностью. Их приходится ставить в пример их же педагогам, которых арканом не затащить в краеведы. Мне хотелось проверить эту стоянку, но сейчас у нас идут сильные дожди.

Мне очень нравится устройство экспозиции в Краевом музее с художественным оформлением. Много у Вас замечательных вещей. Какой чудесный материал привезли Вы из Калмыкии. Мне показал его Иван Васильевич Сеницын.

В одной из церквей здесь имеется произведение знаменитого моего товарища орденоносца Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина. К сожалению картина «Голгофа» написана на штукатурке приблизительно метров 5 вышины и метра 3 ширины. Я знаю, что обыкновенно фрески снимают частями скорее кусками вместе со штукатуркой. Но я не помню как подготовил стену Кузьма Сергеевич. Я ему написал и жду ответа, но хочется знать как думаете Вы Павел Сергеевич? Я боюсь как бы не погрешить. Ведь это мировая величина. Нас могут обвинить в неприятии мер к охране этого произведения, как антирелигиозного и принадлежащего кисти великого мастера последнего времени.

До свидания, Павел Сергеевич!

Позвольте пожелать Вам доброго здоровья и впредь чтоб никогда не хворали, а также желаю всяческих успехов в Ваших трудах.

Глубокоуважающий Вас

В. Орехов.

10/Х-[19]36».

Приложение 6

Письмо П.С. Рыкова Н.А. Рыковой от 4 июля 1937 г.

«Дорогая моя Дисенька! Вот я и добрался до Элисты. Один день потеряли – ожидаем из Астрахани наш багаж, а сегодня я с Ив[аном] Вас[ильевичем Сеницыным] выезжаем на место работы. Арзютов ожидает вещи и кое-что закупает. Завтра, очевидно, тоже “прилетит” к нам. Жарко. Встретили меня в Элисте хорошо. Все в порядке, чувствую себя отлично. Как вы там, на даче? Что ребятишки. Поцелуй всех ребяток за меня! Жду после 19-го Сергейчика [сына Сергея. – *Авт.*] – мои тоже довольны, что он приедет – ему скучно не будет. Пиши, дорогая обо всем. Крепко целую и люблю. Твой Павел. г. Элиста. 19 4/VII 37».

Письмо Н.А. Рыковой П.С. Рыкову от ? сентября 1937 г.

«сентябрь 1937 г.

Дорогой мой Павлик! Чувствую себя плохо, бывают обмороки, чего раньше не было... Я в тебя верю, верю что невиновность твоя будет доказана, милый. Ведь НКВД тонко разбирается во всём. Ведь наши же дети пострадали от вредительства... Пусть тысячу проверят таких как ты, чтобы не осталось ни одного гада. Мне многие науч[ные] раб[отники] говорят, что ни за кого бы не поручились в мире, а за тебя могут! Перетерпеть надо для общего блага, как это и не трудно. Я бы только хотела дожить до того дня когда увижу тебя оправданным! Будь здоров и если не суждено нам увидеться – знай, что я люблю тебя также как и всегда, как в первый год нашей жизни! Не горюй обо мне и постарайся утешиться, у нас ведь такие хорошие дети и внуки! Я так люблю всех вас! Серёжа очень похож на тебя и меня утешает. Не знаю взят-ли ты как свидетель или по доносу, говорят, бывает, но уверена что скоро все выяснится и ты будешь опять в нашей хорошей, верной правительству и партии семье!

Мне бы хотелось хоть издали посмотреть на тебя! Будь здоров. Люб[лю] тебя всегда Дисенька».

**ФОЛЬКЛОРНЫЙ ЗЛОДЕЙ И РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО
(несколько слов о нашей исторической памяти)**

Ю.Г. Степанов

Саратовский аграрный госуниверситет им. Н.И. Вавилова,
кафедра истории, культурологии и политологии
E-mail: StepanovUG@list.ru

В статье исследуются стереотипы исторической памяти. Объектом исследования является биография К.П. Победоносцева. Репутация исторического деятеля часто зависит от политических взглядов историков и творцов культуры больше, чем от исторических фактов. Методология исторического исследования многих историков исключает такие «ненаучные» человеческие состояния, как вдохновение, любовь, страсть, вера. Это заслоняет эмоциональную составляющую исторической личности. Внимательный анализ доказывает, что многие «факты» исторической памяти общества являются отражением определенной концепции и политической конъюнктуры.

Ключевые слова: К.П. Победоносцев, православие, церковь, историческая память, вера, детство, религиозное чувство, диалог, стереотипы.

Y.G. Stepanov

**THE FOLK MALEFACTOR AND THE CHRISTMAS
(some words about our historical memory)**

In article stereotypes of historical memory are investigated. Object of research is K.P. Pobedonostsev's biography. The reputation of the historical figure often depends on political views of historians and creators of culture more than from historic facts. The methodology of historical research of many historians excludes as «unscientific» such human conditions as inspiration, love, passion, belief. It deforms understanding of the historic figure. The attentive analysis proves, that many «facts» of historical memory of a society are reflexion of the certain concept and a political conjuncture.

Key words: K.P. Pobedonostsev, orthodoxy, church, historical memory, belief, childhood, religious feeling, dialogue, stereotypes.

Философ В.В. Розанов свое видение полотна И.Е. Репина «Заседание Государственного Совета» завершил таким образом: «В тусклом дальнем свете... видно только сморщенное, гневное, злое лицо статс-секретаря и обер-прокурора Святейшего Синода и эти ужасные кисти рук его, точно второе его лицо, столь же характерное, как и женственное белое, умное лицо! Хватай! Хватайте все! Иначе – все разбежится и, разбежавшись, убьется, разобьется!..»¹.

Тем временем Победоносцев, о котором и писал Розанов, доживал свой век как частное лицо, покинув сразу после Манифеста 17 октября 1905 г. пост обер-прокурора. По Литейному проспекту, где находился его дом, шли толпы демонстрантов, а в окна квартиры Победоносцева летели булыжники вперемешку с проклятиями. Так русское общество выражало свое отношение к тому, кого считало главным и едва ли не единственным виновником всех несчастий России.

Бывший обер-прокурор не был ни обижен, ни удивлен такой реакцией. За годы общероссийской известности «Торквемада православия» не раз становился предметом самых оскорбительных умозаключений. На излете XX столетия О. Майорова, исследуя особенности восприятия облика обер-прокурора его современниками и особенно потомками, писала: «И хотя этот портрет наделен чертами фольклорного злодея, таким Победоносцев вошел в нашу память – репутация его неисправима. Не в том смысле, конечно, что аналитической мысли не над чем трудиться. Речь идет о заведомой бесплодности усилий по превращению дьявола в ангела...»². «Дьявол» тем более озлоблял своих противников, что отношения к «восставшим массам» никогда не скрывал: «изнывающая толпа людей, стремящихся неведомо куда, недовольных, раздраженных, бездомных, живущих день за днем без горизонтов, без надежд, без сознания»³. Собственно, Майорова только образно подытожила устоявшийся в советский период взгляд на знаменитого обер-прокурора. В общих чертах суть его сводилась к следующим тезисам: как идеолог Победоносцев остался в истории деятелем, который, убежденно и последовательно защищая «традиции», в конечном итоге проиграл поле битвы своим оппонентам. Его многочисленные работы остались

¹ Розанов В.В. К.П. Победоносцев // Розанов В.В. Собр. соч.: В 7 т. М., 1996. Т. 7. С. 530.

² «Пишу я только для вас...» / Сост. О. Майорова // Новый мир. 1994. №. 3. С. 195.

³ Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996. С. 480–481.

свидетельством яростной, местами блистательно талантливой, но бесполезной защиты устоев, критика западной цивилизации – примером упорной, часто верной, но схоластической мысли. Идеи, которые он выдвигал, почти все остались не востребованными обществом. Самодержавие, спасенное им при Александре III, рухнуло при Николае II, последнем по счету его царственном воспитаннике, церковь, «спасению» которой он уделял столько времени и сил, теряла последние остатки своего бывшего величия и авторитета. Личность Победоносцева в связи с его политической репутацией, разумеется, оценивалась столь же безоговорочно отрицательно.

В русле трактовки образа «дьявола» В.И. Смоллярчук, ссылаясь на роман Андрея Белого «Петербург», «установил», что род Победоносцевых восходит к кыргыз-кайсацкому хану Аблаю, кочевавшему со своей ордой в России времен Анны Иоанновны⁴. Учитывая, что Аблай в своей жесткости не уступал Ивану Грозному, этот факт, видимо, должен был многое объяснить в личности его отдаленного «потомка». Что касается романа Андрея Белого «Петербург», то по авторитетному мнению Константина Мочульского, «чтобы понять законы этого мира, читатель должен, прежде всего, оставить за его порогом свои логические навыки: здесь упразднен здравый смысл»⁵. Вряд ли исследователю стоило искать достоверные данные там, где «упразднен здравый смысл»⁶. Андрей Белый ставил художественной задачей объединить в образе обер-прокурора петербургский бюрократизм с азиатским деспотизмом, для чего ему и понадобилась *такая* родословная «фанатика реакции».

Итак, выдающийся русский художник Репин, блестящий мыслитель и тонкий стилист Розанов, гениальный писатель Андрей Белый и примкнувшие к ним историки создали живописный и законченный портрет «злого гения» русской истории. В этом отношении, конечно, права О. Майорова: образ «фольклорного злодея» прочно закрепился в нашей исторической памяти.

О чем думал, что чувствовал и переживал «фольклорный злодей», подвергнутый анафеме на исходе седьмого десятка лет жизни и полувека беспорочной государственной службы и научной деятельности? Этот вопрос исследователей и большинство его современников не особенно интересовал, но по умолчанию считалось,

⁴ Смоллярчук В.И. А.Ф. Кони и его окружение. М., 1990. С. 244.

⁵ Цит. по: Долгополов Л.К. Андрей Белый и его роман «Петербург». Л., 1988. С. 50.

⁶ Подробнее см.: Степанов Ю.Г. Некоторые историографические суждения о К.П. Победоносцеве // Историографический сборник. 1999. № 17. С. 128–129.

что, конечно же, после вынужденной отставки Победоносцев «прозябал» в бездействии, «умирал мучительно, как тяжело раненый боец». На чем было основано такое мнение? Ни на чем ином, кроме убеждения, что иначе и быть не могло, что это закономерный финал «политически несправедливой жизни». В такой интерпретации, по меткому замечанию М. Вебера, индивидуальное <...> может быть принято во внимание только в качестве иллюстрации к всеобщему»⁷. Соответственно и личность обер-прокурора рассматривалась не более чем «производная» его политических идей и «реакционной» государственной деятельности. Между тем Ю. Тынянов еще в двадцатые годы прошлого столетия предостерегал: «... личность не резервуар с эманациями в виде литературы и т. п., а поперечный разрез деятельностей, с комбинаторной эволюцией рядов <...> система отношений к разным деятельностям»⁸. В созданном же усилиями нескольких поколений представителей творческой русской интеллигенции «злодейском лике» Победоносцева не только игнорируется «поперечный разрез деятельностей», но и полностью отсутствует положение, что «каждая индивидуальность требует своей методологии объяснения»⁹. Выйти из прокрустова ложа предзаданного вектора нашей «исторической памяти» можно, если попробовать «соизмерить различные версии объяснения», т. е. перепроверить «версию» политических противников обер-прокурора иными сведениями и фактами. Именно такого подхода требует важнейший принцип современной биографики – «презумпция казуального плюрализма», т. е. «отказ от стремления установить единую и единственную причину, которая якобы способна с максимальной степенью полноты и непротиворечивости объяснить поведение исторического лица»¹⁰.

О периоде жизни Победоносцева после октября 1905 г. оставила воспоминания Екатерина Александровна Победоносцева – вдова отставного обер-прокурора. По ее словам, муж много писал, анализировал события в России, принимал посетителей¹¹. Допустим, вдова могла что-то забыть или напутать: воспоминания записаны с ее слов через двадцать лет после смерти Победоносцева. Однако есть непреложные факты.

⁷ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 380.

⁸ Тынянов Ю.Н. Поэтика; История литературы; Кино. М., 1977. С. 513.

⁹ Валецкий А.Л. Биографики как дисциплина гуманитарного цикла. Лица: биогр. альманах. М.; СПб., 1995. Вып. 6. С. 50.

¹⁰ Там же. С. 56.

¹¹ РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 29. Л. 94.

В 1905 г. Победоносцев издал перевод «Деяний апостолов ...»¹², выступил на тему церковного управления¹³, в 1906 г. перевел Новый Завет с церковнославянского на литературный русский язык¹⁴. Сложность решения такой задачи – перевод евангельских текстов с архаичного церковнославянского на литературный русский язык – язык Пушкина и Толстого – предполагает напряженный интеллектуальный труд. Но и это не все. В том же 1906 г. им изданы перевод фрагмента работы А. Принса о выборной системе¹⁵, статьи о западной демократии¹⁶ и марксизме¹⁷, опубликованы статьи на тему школьного образования¹⁸, в 1907 г. опубликовано обширное «Пособие благочестивому читателю при чтении Святого Евангелия»¹⁹. Только в феврале 1907 г. Победоносцев серьезно заболел и вынужден был отказаться от творческой деятельности (в марте 1907 г. он умер). Получается, что отставной обер-прокурор вовсе не прозябал в бездеятельной злобе на окружающих и тоске по лучшим временам, а работал творчески и весьма напряженно. Этот образ неизмеримо далек от образа дряхлого, озлобленного старца, «кощя русского православия».

В 1925 г. вышел в свет очерк Е.Д. Скобцовой (в будущем знаменитой матери Марии)²⁰ «Друг моего детства», в котором нет и следа образа «фольклорного злодея». Вероятно, будь очерк известен историкам и, как говорится, читающей публике, Константин Петрович вошел бы в нашу историческую память не в дьявольском облики. Но получилось иначе.

¹² См.: Деяния святых апостолов и соборные послания в новом русском переводе. СПб., 1905.

¹³ См.: Победоносцев К.П. О преобразовании церковного управления на соборном начале // Церковные ведомости. 5. XI. 1905.

¹⁴ См.: Новый завет Господа нашего Иисуса Христа в новом рус. пер. СПб., 1906.

¹⁵ См.: Принс А. Всеобщая подача голосов. СПб., 1906 (отрывок из изд.: Bruxelles, 1905).

¹⁶ См.: Победоносцев К.П. Заблуждение демократии // Новый журнал литературы, искусства и науки. 1906. № 2. С. 253–261.

¹⁷ См.: Победоносцев К.П. О марксизме: (Из книги: De l'esprit du gouvernement democratique) // Московские ведомости. 1906. № 206, 207.

¹⁸ См.: Победоносцев К.П. Сочинения... С. 210, 216.

¹⁹ См.: Победоносцев К.П. Пособие благочестивому читателю при чтении Святого Евангелия. СПб., 1907.

²⁰ Мария (Скобцова); известна как Мать Мария (в девичестве Елизавета Юрьевна Пиленко, по первому мужу Кузьмина-Караваева (1891–1945). Поэтесса, мемуаристка, деятель французского Сопротивления, причислена к лику святых.

Дата издания очерка не случайна. К этому времени были изданы письма К.П. Победоносцева со вступительной статьей и комментариями М.Н. Покровского²¹. Столь же не случайно и авторское вступление к очерку «Друг детства». Е.Д. Скобцова писала: «Только что изданы письма Победоносцева, дополняющие общий его канонический портрет: столб реакции, вдохновитель всей внутренней и церковной политики Александра III, властный, холодный гаситель, знающий чего хочет. Историческое его значение определено вполне. Думается, что в этот момент мои воспоминания будут иметь интерес, так как обрисуют его облик с совершенно другой точки зрения, воплотят его немного в образ человеческий, лишённый всей определённости иконописного канона, грешащего всегда против жизненной правды»²². Автор полемизирует с классиком советской исторической науки – Покровским. Главный ее упрек – пристрастие большевика-историка к черно-белым тонам вопреки тому, что и в истории вообще и в характере любого выдающегося человека эпохи всегда присутствует более пестрая и живая игра красок. «События и люди, вошедшие в историю, – справедливо полагает Скобцова, – становятся в глазах даже тех, кто одновременно с ними жил, какими-то застывшими фигурами, осуществляется какой-то неписанный канон, по которому каждое историческое лицо может быть изображено только соответственно этим застывшим представлениям о нём. Добродетели являются всегда добродетелью бесприемной, злодейство тоже окрашено в один общий цвет, и в результате описываемые лица приобретают значение скорее символов, чем живых людей»²³. Это меткое и точное наблюдение – не только прямое возражение современнику – М.Н. Покровскому, но и своеобразная, через десятилетия полемика с О. Майоровой. Скобцова сознательно противопоставляет живого человека – «символу реакции» как ходульному образу, созданному усилиями нескольких поколений либеральных и революционных противников обер-прокурора. Очерк будущей матери Марии дает возможность понять психологию, сам строй мысли и характера Победоносцева. Политически ангажированному тексту Покровского мемуаристка противопоставила свой, личностно ориентированный текст. В итоге, создается возможность диалога авторов, возможность интерпретаций, то есть та познавательная ситуация, о которой М. Бахтин писал: «Че-

²¹ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. М.; Пг., 1923. Т. I. Пт. 1–2; *Победоносцев К.П. Письма Александру III*. М., 1925–1926. Т. 1–2.

²² Кузьмина-Каравая Е. Избранное. М., 1991. С. 518.

²³ Там же.

ловеческий поступок есть потенциальный текст и может быть понят (как человеческий поступок, а не физическое действие) только в диалогическом контексте своего времени (как реплика, как символическая позиция, как система мотивов)»²⁴.

Дружба с К.П. Победоносцевым, а именно он и был другом детства будущей матери Марии, продолжалась для нее, тогда еще Лизы Пиленко, с пяти до тринадцати лет и закончилась в 1906 году²⁵. Познакомилась маленькая Лиза с государственным мужем благодаря дружбе с ним тетки ее матери, бывшей фрейлины великой княгини Елены Павловны, Елизаветы Александровны Яфимович, урожденной Нарышкиной. Лиза с братом каждую зиму проводила несколько месяцев в Петербурге у Е.А. Яфимович, которая проживала на Литейном проспекте (д. 57) «окно в окно» с квартирой К.П. Победоносцева. На чем же основывалась странная дружба пожилого человека с ребенком? Мемуаристка объясняет: «Победоносцев страстно любил детей. Поскольку я могла судить, он любил вообще всяческих детей – знатных и незнатных, любых Национальностей, мальчиков и девочек, – вне всяких отношений к их родителям. А дети, всегда чувствительные к настоящей любви, платили ему настоящим обожанием. В детстве своём я не помню человека другого, который так внимательно и искренне умел бы заинтересоваться моими детскими интересами. Другие люди из любезности к родителям или оттого, что в данное мгновение я говорила что-нибудь забавное, слушали меня и улыбались. А Победоносцев всерьёз заинтересовался тем, что меня интересовало, – и казался поэтому единственно равным из всех взрослых людей. Любила я его очень и считала своим самым настоящим ДРУГОМ»²⁶.

Вот другой любопытный и малоизвестный штрих к характеристике личности Константина Петровича. В 1897 г. к порогу дома тогда еще всесильного обер-прокурора подкинули младенца, девочку. Своих детей у Победоносцевых не было (Константин Петрович был старше жены на 24 года). Супруги Победоносцевы подкидыша воспитали как родную дочь²⁷. Скобцова вспоминала: «Была у них приёмная дочь – Марфинька, она была моложе меня года на три. Ей завивали длинные букли, лицо у неё было тонкое и капризное. И несмотря на то, что в победоносцевском доме был ребёнок, никто не

²⁴ Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 478.

²⁵ См.: Кузьмина-Караваева Е. Указ. соч. С. 518.

²⁶ Там же.

²⁷ Для Марфы, как называли девочку приемные родители, обер-прокурор добился в 1903 г. дворянства. После революции Марфа Победоносцева эмигрировала и умерла во Франции.

думал, что меня привозят в гости к Марфиньке, – я ездила к моему ДРУГУ Константину Петровичу»²⁸.

О трогательном отношении Победоносцева к детям, о теплых воспоминаниях собственного детства говорит и его жена – Екатерина Александровна – в упомянутых мемуарах. Эта черта характера Победоносцева имеет свое объяснение.

Константин Петрович происходил из большой и очень дружной семьи. На закате жизни и карьеры он писал последнему из своих венценосных воспитанников – Николаю II: «У отца моего было 11 человек детей, кои все устроены трудами отца. Воспитан в семье благочестивой, преданной царю и отечеству»²⁹. Патриархальный московский быт, искренняя и суровая религиозность, привычка к труду и самоограничению, естественная в многодетном семействе, с детства воспитали характер Константина Победоносцева. Факты эти общеизвестны, но вот как они интерпретировались. Биограф Победоносцева американский историк Р.Ф. Бирнс умозаключал: «Константин Победоносцев рос одиноким (это при десяти родных братьях и сестрах?! – Ю.С.) мальчиком в суровом и мрачном доме <...> Обезличенная, в целом лишенная дружеских связей жизнь, которую он вел, безусловно, связана с типом дома, где он ребенком вырос и получил образование»³⁰.

Итак, детство Победоносцева было «обезличенным», а дом, в котором он вырос, – «суровый и мрачный». Откуда такой вывод и на чем основан? Ничем, кроме как воспроизведением того же клишированного образа «жестоковейного» обер-прокурора как «продукта» мрачной николаевской эпохи. Такого сценария детских лет жизни Победоносцева требовала от Бирнса реконструкция биографии «фольклорного злодея». Этой «жестокостью необходимости» американской историк и подчинился.

В действительности детские годы Константина Победоносцева никак нельзя назвать «обезличенными», так же как и семейный очаг юного Константина Победоносцева «суровым и мрачным». Мать будущего обер-прокурора, урожденная Левашова (к сожалению, о ней осталось мало сведений), была женщиной мягкой и очень заботилась о своем «младшеньком».

Отец – Петр Васильевич Победоносцев (1771–1843) – экстраординарный профессор словесности Московского университета, был человеком ярким и талантливым. Сын священника, учился в Заико-

²⁸ Кузьмина-Караваева Е.Д. Указ. соч. С. 518.

²⁹ Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1992. С. 624.

³⁰ Byrnes R.F. His Life and Thought. L., 1968. P. 15.

носпасской духовной академии, но предпочел светскую карьеру духовной и в мае 1797 г. «был, по желанию, уволен из духовного звания и определен в университетскую гимназию учителем... французского класса, а потом российского красноречия»³¹. Получив в 1807 г. степень магистра философии и словесных наук, преподавал в Московском университете. В 1811 г. он был избран в действительные члены общества любителей российской словесности при Московском университете. Петр Васильевич «деятельно участвовал в его ученых трудах, и некоторое время был его библиотекарем»³². По определению А. Ю. Полунова, «целью его упорной литературной деятельности было просвещение, моральное совершенствование общества; ориентиром и образцом – западная культура, что непротиворечиво сочеталось с патриотизмом и нерассуждающим приятием отечественных порядков»³³. Н. Мичатек отмечал, что «главное внимание свое он обращал на практические занятия, на чистоту речи и на строгое соблюдение грамматических правил <...>. В переводах с французского и латинского языков избегал всякого иностранного оборота речи»³⁴. Петр Васильевич редактировал журналы «Новости русской литературы» (1804–1805 гг.), журнал российской и зарубежной словесности «Минерва» (1806 и 1807 гг.). Опубликовал там и свои работы, которые вошли в созданный им «Новый Пантеон отечественной и иностранной словесности» (М., 1819). В 1813 г. издавал журнал «Детский вестник»³⁵.

Выступил П.В. Победоносцев и как мемуарист, оставив после себя «Дневник о Московском разорении», написанный после возвращения в 1813 г. из села Белькова, где он с семейством переживал французское нашествие у П.А. Шипова³⁶.

Среди его слушателей в университете были И.С. Тургенев и И.А. Гончаров. Последний очень по-доброму вспоминал своего наставника, «убеленного сединами, почтенного профессора словесности»³⁷. В письме к А.Н. Пышину великий русский писатель подчеркивал профессиональные и человеческие достоинства П.В. Победо-

³¹ Мичатек Н. Петр Васильевич Победоносцев // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 10. С. 141.

³² Там же.

³³ Полунов А.Ю. Политическая индивидуальность К.П. Победоносцева // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1991. № 2. С. 42–43.

³⁴ Мичатек Н. Указ. соч. С. 141–142.

³⁵ Там же. С. 141.

³⁶ См.: Российский архив. 1895. Кн. 6. С. 213–214.

³⁷ Тальберг Н.Д. Муж верности и разума (К 50-летию кончины К. П. Победоносцева). Jordanville; N.-Y., 1957. С. 6.

носцева³⁸. М.Н. Погодин называл Петра Васильевич «добрейшим стариком»³⁹.

Под присмотром отца юный Победоносцев получил прекрасное домашнее образование и навыки упорного систематического труда. Несомненно, любовь к русской истории и литературе, глубокое знание литературы западноевропейской, блестящее владение латынью, феноменальная работоспособность, патриотизм, искренняя и глубокая любовь к церкви, настойчивость и личная честность – качества и достижения, которыми он во многом обязан отцу. Константин не только унаследовал многие черты характера родителя, но и, в какой-то степени, повторил, а затем и превзошел его в ученой карьере. Как и отец, он преподавал в университете (только не словесность, а право), публиковался в журналах, переводил с европейских языков и латыни, поддерживал отношения со многими русскими писателями и поэтами. Литература была, можно сказать, семейным пристрастием Победоносцевых. Не случайно семеро (!) детей П.В. Победоносцева в той или иной степени подвизались на литературной ниве. Помимо самого Константина Петровича определенную известность у русской публики имели его брат Сергей – публицист и переводчик⁴⁰, сестра Варвара – автор дамских рассказов⁴¹.

Сам Константин Петрович вовсе не воспринимал детские годы как «мрачные», «обезличенные». Разбросанные в его заметках сцены детской жизни говорят о другом. Вот, например, отрывок из фрагмента под названием «Детство»: «Счастливая пора детства! Благодатная природа, всем ты добрая мать; <...> под кровом родительским приют наш и наша отрада; тут отец – и пророк, и священник, и царь наш, и в послушании находим мы свободу»⁴². Но самое глубокое впечатление оставили в его душе праздники Господни. И в этих по-детски чистых впечатлениях нет и тени омраченного «обезличенным» домашним бытом и «деспотом» отцом отрочества. «Никогда так сильно не ощущаются в душе моей впечатления детства, никогда так явственно не переносится воображение в отдаленное, цветущее время моей молодости, как в дни великих праздников Рождества Христова и святой Пасхи» <...> Вот окно, у которого сиживала старуха няня и уговаривала ложиться спать <....> Боже! это же

³⁸ Письмо И.А. Гончарова к А.Н. Пышину // Литературное наследство. М., 1950. Т. 56. С. 264–269; 316–320.

³⁹ Там же. С. 242.

⁴⁰ См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 23. С. 954.

⁴¹ См.: Библиографический словарь русских писательниц. СПб., 1889.

⁴² Победоносцев К.П. Сочинения... С. 427.

ожидание детских дней ощущаю в себе и теперь»⁴³. Переживание Победоносцевым детских лет как самого чистого и светлого времени в жизни еще более усиливалось к старости. Об этом экзистенциальном свойстве человеческой психики очень хорошо сказал Н.О. Лосский: «Каждое восприятие взрослого человека содержит в своем составе, кроме воспринимаемых теперь элементов предмета, множество воспринимаемых данных прошлого опыта»⁴⁴.

Вернемся к воспоминаниям матери Марии о «друге детства». Написанный после революции очерк Е. Скобцовой – попытка воссоздать человеческий облик близких ей людей, в первую очередь Победоносцева. Автору очерка это удастся в первую очередь за счет точных деталей, ярких, сочных, неукоснительного соблюдения первого правила любого мемуариста: «подробности – это Бог». Походя, буквально несколькими фразами, она разрушает замшелые образы, укоренившиеся в сознании. Вот, например, как выглядели взаимоотношения аристократки Нарышкиной с «выскочкой», «поповичем» Победоносцевым: «Я не помню, что их вообще связывало, бабушка ни к какой политике интереса не чувствовала. Думаю, что просто были они оба старой гвардией, которой становилось всё меньше и меньше»⁴⁵. Еще интереснее реакция «православного Торквемады» на желание Е.А. Яфимович уйти в монастырь. Как вспоминает Скобцова, «советов Победоносцева бабушка очень слушалась. Однажды она захотела поступить в монастырь. Победоносцев, посвященный в этот её план, восстал! “Помилуйте, Елизавета Александровна, чем Вы не по-монашески живёте? Вы себе и не представляете, какой ужас наши монастыри! Ханжество, мелочность, сплетни, ссоры! Вам там не место!”»⁴⁶. Искренность и силу любви Победоносцева к православной церкви, церковной службе и православию отмечал давний и упорный противник политического курса обер-прокурора А.Ф. Кони. Обер-прокурор производил на него «впечатление человека не только глубоко верующего, но и понимающего церковь вовсе не в ортодоксально-административном смысле»⁴⁷. Пожалуй, знаменитый русский юрист точнее всех характеризовал отношение Победоносцева к церкви. Он верно понял, что «Победоносцев считал православие

⁴³ Победоносцев К.П. Сочинения. С. 224–225.

⁴⁴ Цит. по: Валецкий А.Л. Указ. соч. С. 175.

⁴⁵ Кузьмина-Караваева Е.Д. Указ. соч. С. 520.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Кони А.Ф. Сочинения: В 8 т. М., 1969. Т. 2. С. 262.

высшим выражением духовных сил русского народа, литературу и историю которого знал в совершенстве. Русский человек, по его мнению, был немислим вне православия. В минуты самого скептического отношения к явлениям окружающей жизни, в долгом и истовом присутствии при нашем богослужении Победоносцев находил единую отраду и утешение»⁴⁸.

Кони удалось разглядеть в Победоносцеве то, что видели только самые близкие обер-прокурору люди: трепетно религиозное отношение к жизни. Евангельское изречение «Будьте как дети» Победоносцев воспринимал не отвлеченно, как многие даже искренне верующие люди, а как духовную максимум, только в детстве, по его убеждению, человек лишен мелочности, ханжества, столь ему ненавистных. Такой Победоносцев не был и не мог быть востребован большинством исследователей. По словам А.Л. Валевского: «Драматичность познавательной ситуации проявлялась здесь в том, что ряд феноменов человеческого существования выводился за скобки научного познания. Чаще всего это были те события и ситуации, которые невозможно объяснить с помощью процедур обобщения, «вырвав» их из контекста неповторимой ситуации: вдохновение, любовь, страсть, вера и т. д. Подобного рода *экзистенциальные* состояния обозначались как *нерациональные* и *иррациональные* и проходили по ведомствам искусства, религии, обыденного сознания, с обязательными эпитетами *не* или *вне* научных»⁴⁹.

Занятый политикой и погруженный в государственные дела обер-прокурор поддерживал с маленькой девочкой серьезную и длительную переписку. «И вот, несмотря на то, что семья моя была ему совершенно чужой, Константин Петрович быстро и аккуратно отвечал на мои письма, действительно ощущая меня не как “бутуза и клопа”, а как человека, с которым у него есть определённые отношения. Помню, как наши знакомые удивлялись всегда: зачем нужна Победоносцеву эта переписка с маленькой девочкой? У меня на это был точный ответ: “Потому что мы друзья!”»⁵⁰. Одна фраза из письма старшего друга так прочно засела в памяти Лизы, что и через двадцать лет она вспоминала ее как завет: «Слыхал я, что ты

⁴⁸ Кони А.Ф. Сочинения... Т. 2. С. 263.

⁴⁹ Валевский А.Л. Указ. соч. С. 34.

⁵⁰ Кузьмина-Караваяева Е.Д. Указ. соч. С. 580.

хорошо учишься, но, друг мой, не это главное, а главное – сохранить душу высокую и чистую, способную понять все прекрасное»⁵¹.

Настал 1905 год, и дружба Лизы Пиленко с Константином Петровичем потерпела крах. Ее отец, директор училища виноградарства и виноделия в Никитском саду под Ялтой, как и большинство русской интеллигенции, сочувствовал революции, разрешал митинги, укрывал революционеров от преследования. Но Лизой Пиленко «революция воспринималась <...> как нечто, направленное против Победоносцева <...> И потому из всей нашей семьи я наиболее нетерпимо относилась к ней»⁵². Началось мучительное раздвоение между чувством любви к другу и чувством ненависти к нему же всего «русского народа»: «За то, что русский народ ошибался, и я была права, говорила мне дружба с Константином Петровичем, возможность наблюдать непосредственно. А против этого было то, что не может же весь русский народ ошибаться, а я одна только знаю правду, и это сомнение было неразрешимо теоретически»⁵³.

Любовь к другу и личные отношения с Победоносцевым боролись в душе Лизы Пиленко с мнением «народа». Эта борьба сопровождалась и осложнялась тем, что «она уже вовлекалась в революцию», сливалась с большинством. «Таким образом, я уже практически изменила моему другу. Я была не с ним»⁵⁴, – признает Е. Скобцова. Чтобы разрешить это мучительное противоречие, пишет автор очерка, Лиза «решила выяснить все свои сомнения у самого Победоносцева»⁵⁵.

Вот как описан в очерке последний диалог друзей. «Константин Петрович, что есть истина? Вопрос был пилатовский. Но в нём действительно всё сказано и в одном слове хотелось так же получить ответ. Победоносцев понял, сколько вопросов покрыто им, понял всё, что делается у меня в душе. Он усмехнулся и ответил ровным голосом: Милый мой друг Лизанька! Истина в ЛЮБВИ конечно. Но многие думают, что истина в любви к дальнему. Любовь к дальнему – не любовь. Если бы каждый любил своего ближнего, настоящего ближнего(!), находящегося действительно около него, то любовь к дальнему не была бы нужна. Так и в делах: дальние и большие дела – не дела вовсе. А настоящие дела – ближние, малые, незаметные.

⁵¹ Кузьмина-Каравеева Е.Д. Указ. соч. С. 580.

⁵² Там же. С. 583.

⁵³ Там же. С. 585.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

Подвиг всегда не заметен. Подвиг не в позе, а в самопожертвовании, в скромности...»⁵⁶. Такой ответ «Лизу-Пилата» не устроил. «Я тогда решила, что Победоносцев экзамена не выдержал и были правы те, кто смотрел на него издали. Он сам, видимо, тоже почувствовал, что в наших отношениях что-то порвалось.

Это была наша последняя встреча. Вскоре мы уехали из Петербурга на юг, в свой маленький город. Умер мой отец. Потом умерла бабушка. Не помню сейчас, когда умер Победоносцев. Во время его смерти я была опять в Петербурге, но на похороны не пошла...»⁵⁷.

Как писал Ю.М. Лотман, «каждая культура создает в своей идеальной модели тип человека, чье поведение полностью предопределено системой культурных кодов, и человека, обладающего определенной свободой выбора *своей* модели поведения»⁵⁸. Между тем в огромном большинстве случаев репутация исторических деятелей создается по шаблонам, исключая личностное, внерациональное начало в поведении, мотивах деятельности и отношении к людям той или иной личности. Так и создается историческая репутация лица, которая служит фундаментом нашей исторической памяти.

История парадоксальна и никто не знает, где, когда и по какому поводу она состроит «мефистофелеву гримасу».

На Литейном проспекте, в следующем после бывшего дома Победоносцева (Литейный, 62) здании (Литейный, 64) находится мемориальная доска, свидетельствующая: здесь в начале XX столетия нелегально проживал В.И. Ленин. Факт сей, помимо забавного самого по себе курьеза близкого соседства «вождя мирового пролетариата» и «столпа реакции», невольно подталкивает и к размышлениям. В последние десятилетия мы наблюдаем, как «светлый образ» Владимира Ленина стремительно меняется на злодейский, каким он и рискует остаться в нашей исторической памяти. Согласитесь, что два «фольклорных злодея» на одном пяточке Литейного проспекта – это излишество. Нехорошо как-то, честное слово...

⁵⁶ Кузьмина-Караваева Е.Д. Указ. соч. С. 586.

⁵⁷ Там же. С. 586.

⁵⁸ Лотман Ю.В. Литературная биография в историко-культурном контексте // Учен. зап. Тарт. ун-та. Вып. 683. Тарту, 1986. С. 106.

ПУБЛИКАЦИИ

УДК.378.4.096(740.44-25) (093.3)+929 Вейцковский

ДОЦЕНТ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИВАН ИВАНОВИЧ ВЕЙЦКОВСКИЙ¹

А.А. Синицын

Саратовский государственный университет,
кафедра истории Древнего мира
E-mail: aa.sinizin@mail.ru

Доктор исторических наук, специалист в области античной истории, Иван Иванович Вейцковский (1900–1977) известен как профессор Львовского государственного университета имени И.Я. Франко, в котором он служил вторую половину своей жизни. После окончания аспирантуры по кафедре древней истории Московского института философии, литературы и истории (МИФЛИ) и защиты диссертации в 1937 г. И.И. Вейцковский был направлен в Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, где с сентября 1937 по январь 1941 г. он работал в должности доцента и руководил кафедрой истории Древнего мира. На основе анализа документов из личного дела И.И. Вейцковского, хранящегося в архиве СГУ, и собранных воспоминаний о нем в настоящем

¹ Очерк посвящается 110-летию со дня рождения И.И. Вейцковского и 75-летию исторического факультета Саратовского университета.

За помощь в сборе материалов для этой статьи благодарю В.И. Довженко (Львов, Украина; имя изменено по просьбе самого корреспондента), канд. ист. наук Т.П. Кац и канд. ист. наук Н.М. Малова (Саратов, СГУ), О.И. Перельгину и Н.П. Швеца (Львов, Украина), канд. ист. наук С.Г. Яковенко (Москва), а также коллег и друзей – д-ра ист. наук А.В. Гладышева и канд. ист. наук В.А. Соломонова (Саратов, СГУ). За критические замечания, высказанные при обсуждении статьи, признателен коллегам по кафедре истории Древнего мира: д-ру ист. наук В.Н. Парфенову, д-ру ист. наук В.И. Кашееву и профессору кафедры отечественной истории в новейшее время А.И. Аврусу (Саратов, СГУ).

Данная работа с исправлениями и дополнениями является расширенным вариантом предыдущей статьи: Синицын А.А. Звено в цепи кафедральной родословной: И.И. Вейцковский и кафедра истории Древнего мира Саратовского университета в 1937-1941 гг. // Интеллигенция. Интеллектуалы. Университет: Теоретический альманах «Res cogitans». М., 2009. Вып. 6. С. 92–125 (с приложением списка трудов Вейцковского и публикаций о нем, – с. 124-125).

очерке рассматривается саратовский период его жизни и делаются штрихи к портрету исследователя.

Ключевые слова: историческая память, автобиография, И.И. Вейцковский, Саратовский государственный университет, Львовский национальный университет, исторический факультет, история кафедры, история Древнего мира, античное источниковедение, история Древнего Рима.

**PH.D., ASSOCIATE PROFESSOR, SARATOV STATE UNIVERSITY
IVAN IVANOVICH VEJCKIVSKIJ**

A.A. Sinitsyn

Ivan Ivanovich Vejckivskij (1900–1977), doctor in history, specializing in ancient history, is well-known as a professor at the I. Franko Lviv University where he held tenure during the second part of his life. After graduating from Moscow State Institute of Philosophy, Literature and History in 1937 with a Ph.D., I.I. Vejckivskij took office in N.G. Chernyshevskij Saratov State University where, as an associate professor and headed the chair of the history of the ancient world from September 1937 till January 1941. It is a product of a careful scrutinizing of various documents from the personnel record book kept in the archives at Saratov University, having relation to Saratov period of his life and adding up to the portrait of I.I. Vejckivskij the pedagogue and researcher.

Key words: historical memory, autobiography, I.I. Vejckivskij, Saratov State University, Lviv National University, department history, history of the chair, ancient history, source studies of antiquity, history of ancient Rome.

Древние греки были, безусловно, правы, утверждая, что полис – это не стены, окружающие его, а люди, составляющие общность свободных граждан, которые служат своему небольшому «государству» и являются носителями его культуры. Это определение полиса, сформулированное античными мыслителями, подходит и для разных форм социальной организации, основополагающим принципом которой является свободное существование гражданской общности. В этом смысле и Университет составляют и определяют не учебные корпуса и административные здания, не парки и металлические ограды, но исключительно деятельность людей, связанных с этим «полисом науки», – профессоров и доцентов, аспирантов и студентов. В их служении выражается живая сущность универ-

ситета, складывающаяся из отдельных поколений-звеньев в единую цепь университетской «родословной». Выпадение одного из таких звеньев может привести к разрыву этой цепи преемственности и, как следствие, к потере исторической памяти.

Одним из поколений-звеньев в «родословной» кафедры истории Древнего мира Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского был доцент Иван Иванович Вейцковский² (28.02 (12.03).1900 – 02.10.1977).

На черно-белой фотографии середины прошлого века запечатлен портрет мужчины средних лет. Круглое лицо со щечками и полноватым подбородком, тонкие губы, выражающие едва заметную грустную улыбку, маленькие усики. Острый длинноватый нос похож на гусиный. Глаза с легким прищуром, отмеченные печалью. Лоб открыт, волосы зачесаны назад и низко уложены (похоже, по моде пятидесятых). Снимок сделан в фотоателье, предположительно, в Львове³. На нем изображен советский антиковед И.И. Вейцковский. Кем был этот человек? Имя его мы знаем, но о его деятельности в СГУ, к сожалению, фактически ничего не известно.

В русской историографии по большому счету нет литературы об И.И. Вейцковском⁴. И здесь приходится посетовать на нашу историческую память. В новом роскошном двухтомнике к 100-летию Саратовского университета, подготовленном профессорами А.И. Аврусом, В.Н. Даниловым и др.⁵, к удивлению и глубокому сожалению, нет даже упоминания об одном из первых заведующих кафедрой истории Древнего мира СГУ И.И. Вейцковском. Разумеется, даже в таком объемном юбилейном

² Украинская транслитерация фамилии – І.І. Вейцківський/Вейцківс(ь)кий.

³ За присланную фотографию благодарю Наталью Павловну Швец.

⁴ Исключение составляют разве что скупые заметки, а то и просто упоминание об И.И. Вейцковском в некоторых юбилейных изданиях Саратовского государственного университета. См.: Саратовский университет. 1909–1959. Саратов, 1959. С. 107; [Парфенов В.Н., Сеницын А.А.] От редколлегии // АМА. 2006. Вып. 12. С. XVII; [Кац Т.П., Парфенов В.Н.] Кафедра истории Древнего мира // Исторический факультет Саратовского государственного университета: 90 лет. Саратов, 2007. С. 12; Информация о кафедре истории Древнего мира СГУ (2009): <http://www.sgu.ru/faculties/historical/departments/idm/history.php>. -31.12.2009.

⁵ См.: История Саратовского университета. 1909–2009: В 2 т. Саратов, 2009.

издании невозможно «ни назвать, ни исчислить» всех тех, кто был связан с Саратовским университетом и оставил свой след в его вековой истории. Но из исторической памяти СГУ выпало имя человека, который принял руководство одной из кафедр исторического факультета в тяжелые предвоенные годы, суровые годы «сталинской реформации».

Имеются публикации об И.И. Вейцковском на украинском языке, подготовленные коллегами из Львовского государственного университета (ЛГУ) им. И.Я. Франко (ныне – Львовский национальный университет им. И. Франко, ЛНУ). Главным образом это краткие сведения об ученом в очерках по истории кафедры истории Древнего мира и Средних веков ЛНУ⁶, небольшие статьи в энциклопедических словарях⁷ и очерки И.А. Лисового и М.А. Пелешишина, посвященные научной деятельности профессора И.И. Вейцковского. И это, пожалуй, все, что удалось найти об ученом.

Саратовский университет стал первым местом, где И.И. Вейцковский преподавал после защиты кандидатской диссертации и где три с половиной года – с сентября 1937 по январь 1941 г. – руководил кафедрой истории Древнего мира. Однако этот факт обычно не упоминается в биографических материалах, освещающих основные даты жизни Вейцковского⁸. Чем это можно объяснить? Во-первых,

⁶ Бандровський О.Г., Гроссман Ю.М. Кафедра історії стародавнього світу і середніх віків Львівського університету (1939–1983) // ВЛДУ. 1984. Вип. 20: 3 історії стародавності і середньовіччя. С. 71–77, здесь – с. 74; Петрецько О. Антикознавство у Львівському державному університеті ім. І. Франка у другій половині ХХ ст. // Дрогобицький краєзнавчий збірник. Дрогобич, 1998. Вип. 3. С. 253–258; Бандровський О.Г. Кафедра археології, античності та середньовіччя // ІФЛНУ. Львів, 2000. С. 17–29 (здесь об И.И. Вейцковском – с. 17, 18–20, 21, 22 и на с. 29 список заведовавших кафедрой, который возглавляет Вейцковский); Він же. Вивчення історії стародавнього світу у Львівському університеті // АДЛУ. 2005. Вип. 8. С. 115–121. См. также информацию о кафедре истории Древнего мира и археологии на сайте ЛНУ: <http://lnuist.ru/byz/index.html> и <http://lnuist.ru/> (на русском языке).

⁷ Вейцковский Иван Иванович // Лисовой И.А., Ревяко К.А. Античный мир в терминах, именах и названиях: Словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / Под науч. ред. А.И. Немировского. 3-е изд. Минск, 2001 (<http://www.antmir.ru/html/v/veycovskiy-ivan-ivanovi4.html>. –29.12.2009); Скрипник П.І. Вейцківський Іван Іванович // Інститут історії України національної академії наук України (http://www.history.org.ua/?l=ENU&verbvar=Vejskivskyj_I_I&abcvar=3&bbcvar=33).

⁸ Саратовский эпизод биографии И.И. Вейцковского не отмечен ни в статье А.Г. Бандровского и Ю.М. Гроссмана (1984), ни в работе И.А. Лисового и Н.А. Пелешишина (1984), ни в расширенном очерке по истории кафедры А.Г. Бандровского (2000). О том, что И.И. Вейцковский был сотрудником СГУ,

сохранилось мало сведений для того, чтобы судить о саратовском периоде его биографии: почти нет свидетельств и уже нет свидетелей, которые могли бы рассказать об этом. Во-вторых, Вейцковский известен как профессор Львовского университета, где он служил вторую половину своей жизни.

В этом очерке, сделав небольшое вступление о львовском периоде деятельности И.И. Вейцковского, я остановлюсь подробнее на эпизоде его биографии, связанном с Саратовским университетом и кафедрой истории Древнего мира СГУ.

* * *

В июле 1944 г., после освобождения Львова войсками Красной армии от немецких оккупантов Львовский университет находился в бедственном положении. Его нужно было организовывать заново, и библиотеку, и кафедры пришлось создавать фактически «с нуля»⁹. Для этого были необходимы новые силы, новые специалисты. Одним из преподавателей первого послевоенного «призыва» стал И.И. Вейцковский, кандидат исторических наук, специалист по римской истории, на тот момент уже имевший опыт преподавания в вузах Москвы, Саратова и Свердловска (1931–1944 гг.).

В Львов И.И. Вейцковский переехал из Москвы, где работал в Московском государственном университете. О своем назначении ученый сообщает в автобиографии 1954 г., хранящейся в архиве ЛНУ: «Оказавшись в октябре 1944 г. вследствие неблагоприятного стечения обстоятельств без жилплощади в Москве, я вынужден был принять назначение на работу

упоминается в биографической заметке П. Довганя (Вейцківський Іван Іванович // ІФЛНУ. Львів, 2000. С. 87) и в недавней статье Бандровского (2005) «Изучение истории Древнего мира в Львовском университете» (с. 115).

⁹ Во время оккупации Украины в 1941–1944 гг. работа Львовского университета была прекращена, аудитории, библиотечные фонды кафедр и университетская библиотека были разграблены. Многие преподаватели вуза погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Об этом см. в кратком отчете Вейцковского в «Вестнике древней истории»: Вейцковский И. Кафедра классической филологии Львовского университета в 1946–47 гг. // ВДИ. 1948. № 3. С. 182–183. См.: Бандровський О.Г., Гроссман Ю.М. Указ. соч. С. 72 (со ссылкой на ДАЛО. Ф. Р-119. Оп. 17. Спр. 9. Л. 10). См. дополнительно информацию на сайте ЛНУ (адреса указаны выше в примеч. 6).

во Львовский университет, где мне обещали предоставить жилплощадь»¹⁰.

Волею судьбы в том же 1944 г., когда на историческом факультете ЛГУ реорганизовывались старые (довоенные) и создавались новые кафедры, именно И.И. Вейцковский возглавил кафедру истории Древнего мира и археологии¹¹ и занялся подбором профессиональных кадров. С 1949 г., когда кафедра истории Древнего мира и кафедра истории Средних веков ЛГУ были слиты в одну – кафедру истории Древнего мира и Средних веков¹², И.И. Вейцковский был избран заведующим новой, объединенной, кафедрой. На этой должности он проработал более четверти века (1944-1971). Именно на «эпоху Вейцковского» приходится становление львовской кафедры антиковедения и медиевистики. В 1971 г. Вейцковский освободил должность заведующего, но продолжал трудиться в должности профессора этой кафедры (с 1961) до самой своей кончины в 1977 г.¹³

В Львовском университете в течение трех десятилетий для студентов-историков и филологов-классиков И.И. Вейцковский читал курс лекций по античной истории. Здесь в разное время он преподавал спецкурсы: «Рабство в Древнем Риме в эпоху развитого рабовладельческого способа производства» и «Восстания рабов в Италии и Сицилии во II и I вв. до н. э.», «Внешняя политика Рима в III в. до н. э.» и «Международные отношения в Западном Средиземноморье во II-I вв. до н. э.», «Древние западно-славянские племена в освещении античной и ранневизантийской историографии»¹⁴.

Именно во Львове раскрылся научный потенциал И.И. Вейцковского. В 1959 г. вышла его монография «Внешняя политика стран Запад-

¹⁰ АЛНУ. Спр. 3014. Л. 6 об. (За предоставленные архивные сведения благодарю сотрудницу Львовского исторического музея О.И. Перельгину).

¹¹ Сам ученый указывал, что «19.X.1944 г. был назначен Наркомпросом УССР на должность заведующего кафедрой древней истории и археологии Львовского госуниверситета» (Там же).

¹² С таким названием в Львовском университете кафедра существовала почти полвека – с 1949 по 1994 г. Ныне она носит название «кафедра археологии, античности и средневековья».

¹³ Иван Иванович Вейцківський [Некролог] // Український історичний журнал. 1978. № 2. С. 159. И.И. Вейцковский похоронен в Львове на Лычаковском кладбище.

¹⁴ См.: Бандровський О.Г., Гроссман Ю.М. Указ. соч. С. 73, 75; Бандровський О.Г. Кафедра археології... С. 21.

ного Средиземноморья в 264–219 гг. до н. э.»¹⁵, которая легла в основу диссертационного исследования. А 11 апреля 1960 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Западное Средиземноморье в III в. до н. э.»¹⁶. С 1946 г. И.И. Вейцковский являлся постоянным автором «Научных записок Львовского государственного университета» и «Вестника Львовского государственного университета». «Вестник ЛГУ» издавался с 1962 г., и профессор Вейцковский входил в состав редколлегии журнала. Большинство статей, которые он подготовил в последнее десятилетие жизни, были опубликованы именно в исторической серии львовского «Вестника».

Научное наследие И.И. Вейцковского невелико: одна монография, полтора десятка статей по римской истории, методические пособия по истории Древней Греции и Рима и историографические обзоры¹⁷. Исследования И.И. Вейцковского были известны в Советском Союзе и за рубежом¹⁸. Их значимость заключается прежде всего в том, что украинский ученый внес вклад в разработку источниковедческих аспектов исследуемой проблематики. Судя по так называемому «индексу цитации», его труды по истории международных отношений в Западном Среди-

¹⁵ Вейцківський І.І. Зовнішня політика країн Західного Середземномор'я в 264–219 рр. до н. е. Львів, 1959.

¹⁶ Вейцківський І.І. Западное Средиземноморье в III в. до н. э. (к истории международных отношений в античном мире в 282–219 гг. до н. э.): Дис. ... д-ра ист. наук. Львовский университет им. И. Франко. Львов, 1960.

¹⁷ См. статьи И.И. Вейцковского: 1) До історії повстання рабів 198 року до н. е. в Лаціумі // НЗЛДУ. 1946. Т. 1, вип. 2. С. 142–176; 2) Зауваження щодо характеру античної традиції про римсько-тарентинський конфлікт і Піррову війну // НЗЛДУ. 1948. Т. 10, вип. 3. С. 131–155; 3) Римсько-тарентинський конфлікт 282–281 рр. до н. е. // НЗЛДУ. 1949. Т. 17, вип. 4. С. 169–186; 4) Перший рік Піррової війни // НЗЛДУ. 1953. Т. 25, вип. 5. С. 177–191; 5) До історії Піррової війни // НЗЛДУ. 1955. Т. 36, вип. 6. С. 173–190; 6) Зауваження щодо характеру повідомлень Діодора Сіцилійського про перше велике повстання рабів в Сіцилії // Доповіді та повідомлення Львівського університету. Львів, 1957. Вип. 7. Ч. 2. С. 158–161; 7) Останні роки Піррової війни (276–272 рр. до н. е.) // НЗЛДУ. 1957. Т. 43. Питання загальної історії. Вип. 8; 8) До історії Спартаківського повстання 73–71 рр. до нашої ери // ВЛДУ. 1969. Вип. 5. С. 89–99; 9) Антична історія // Радянська енциклопедична історія України. Київ, 1969. Т. 1. С. 62–63; 10) Греція Стародавня // Там же. Т. 1; 11) Джерела вивчення історії повстань рабів у другій половині II ст. до н. е. в Сіцилії та Італії // ВЛДУ. 1970. Вип. 6. С. 96–103; 12) До біографії Спартака // ВЛДУ. 1971. Вип. 7. С. 82–89; 13) До історії дослідження в СРСР античного минулого // ВЛДУ. 1972. Вип. 8. С. 116–125; 14) Про стан вивчення джерел Спартаківського повстання 73–71 рр. до н. е. // ВЛДУ. 1973. Вип. 9. С. 132–143.

¹⁸ Впрочем, не столь широко. И одна из причин этого, по-видимому, в том, что научные труды И.И. Вейцковского опубликованы на украинском языке.

земноморье в эллинистическую эпоху до сих пор востребованы и, следовательно, идеи И.И. Вейцковского не утратили научной актуальности.

* * *

Долгим и сложным был для И.И. Вейцковского путь к высшему образованию и потом – в науку. После окончания гимназии в Черкассах в 1919 г. он начинал учебу в разных вузах Украины: в Екатеринославе (ныне – Днепропетровск), Черкассах, Киеве, но в силу разных обстоятельств не мог получить тогда высшее образование (см. публикуемую ниже автобиографию Вейцковского)¹⁹. Только в 1932 г. он заочно окончил Немецкий государственный педагогический институт в г. Энгельсе Саратовской области²⁰. К этому времени И.И. Вейцковский уже имел большой педагогический стаж работы, несколько лет был сначала рядовым учителем, затем заведующим школ II ступени в Черкассах и Токмаке (1921–1931), а позже преподавателем Уральского индустриального техникума в г. Свердловске и Свердловском университете (1931–1933).

В 1933 г. И.И. Вейцковский был зачислен в аспирантуру Московского института иностранных языков. Но в следующем году, когда в столичных университетах была восстановлена структура исторических факультетов²¹, он поступил в аспирантуру Московского института философии,

¹⁹ Личное дело доцента Саратовского университета Вейцковского хранится в университетском архиве: Архив СГУ. Д. 30 [И.И. Вейцковский]. Л. 1–24; здесь – Л. 17–19: *Вейцковский И.И. Автобиография* [8.VI.1938 г.]. (Публикацию документа со вступительной статьей и комментариями см. в этом сборнике, с. 231–239).

²⁰ В справочнике по историческому факультету Львовского университета не верно указано, что Вейцковский окончил Уральский педагогический институт (см.: *Довгань П. Указ. соч. С. 87*). Сам Вейцковский пишет в автобиографии 1938 г.: «В 1931 г. в порядке территориального распределения заочников-лингвистов меня прикрепили к заочному сектору Нем[ецкого] пед[агогического] института в г. Энгельсе. Желая ускорить темпы своей работы, я, с разрешения ЦИЗПО и дирекции педагогического института в г. Свердловске, где жил и работал, посещал лекции и сдавал зачеты в порядке экстерната за курс пед[агогического] вуза...» (Архив СГУ. Д. 30 [И.И. Вейцковский]. Л. 17). В личной карточке преподавателя СГУ в графе «образование; какой ВУЗ окончил и когда», он указывает: «высшее; педагогический институт в Энгельсе; 1932 г.» (Там же. Л. 10). Что Вейцковский окончил педагогический институт в г. Энгельсе, отмечается в статьях Лисового и Пелещишина (Указ. соч. С. 78), Скрипника (Указ. соч. С. 78) и Бандровского (Кафедра археології... С. 18; Вивчення історії... С. 116).

²¹ После обнародования постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» с 1 сентября 1934 г. возобновили свою деятельность исторические факультеты в Московском и Ленинградском университетах, в составе которых были воссозданы кафедры древней истории. См.:

литературы и истории (МИФЛИ) по специализации «Древняя история»²². Здесь его научным руководителем стал известный историк, профессор Владимир Сергеевич Сергеев (1883–1941). В 1930-е гг. В.С. Сергеев являлся одним из ведущих в советском антиковедении специалистов по истории эллинизма и Рима. В 1934 г. он подготовил первый советский учебник по истории Древней Греции²³, который в переработанном виде был опубликован в 1939 г.²⁴ В то же время им был подготовлен и учебник по римской истории, который вышел в двух частях в 1938 г.²⁵ Обе эти книги были утверждены ВКВШ при СНК СССР в качестве учебных пособий для студентов исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов.

В.С. Сергеев был представителем новой марксистской науки, стоявшей на позициях исторического материализма и формационного развития общества²⁶. На рубеже 1920–1930-х гг. он принимал активное участие в развернувшихся в русской исторической науке дискуссиях о социально-экономических формациях и, в частности, о рабовладельческой формации применительно к древним обществам.

Приняв на вооружение высказывания И.В. Сталина «о революции рабов, будто бы в конце концов сокрушившей античный мир»²⁷, историки-марксисты, к которым принадлежал и В.С. Сергеев, принялись тогда «актуализировать» античную историю. Популярными темами, актуальность и новизна которых не требовала пояснений, стали восстания рабов на Сицилии и восстание рабов под предводительством Спартака; заговор Катилины, рассматривавшийся в связи с внутривосточной ситуацией

Аврус А.И. История российских университетов. Очерки. М., 2001; *Соломонов В.А.* Исторический факультет Саратовского государственного университета: время, события, люди // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. 2007. Т. 7. Сер. История. Международные отношения, вып. 2. С. 5–27, здесь – с. 11.

²² Архив СГУ. Д. 30 [И.И. Вейцковский]. Л. 17, 19.

²³ *Сергеев В.С.* История Древней Греции. М.; Л., 1934.

²⁴ *Сергеев В.С.* История Древней Греции. М., 1939. С некоторыми дополнениями учебное пособие вышло вторым изданием в 1948 г.: *Сергеев В.С.* История Древней Греции. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. проф. Н.А. Машкина и проф. А.В. Мишулина. М., 1948.

²⁵ *Сергеев В.С.* Очерки по истории Древнего Рима. М., 1938. Ч. 1: Царский период. Республика и Ч. 2: Империя.

²⁶ См.: *Кузищин В.И.* Советская историография античности // Историография античной истории / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1980. (здесь о В.С. Сергееве – с. 331, 333, 337 и др.).

²⁷ *Фролов Э.Д.* Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб., 1999. С. 405.

в Риме после спартаковского восстания; аграрное движение братьев Гракхов, представлявшееся в связи с обострением классового конфликта в Римской республике etc.²⁸ Как и многие другие историки марксистского толка – А.И. Тюменев, Н.А. Машкин, А.В. Мишулин, С.И. Ковалев, А.Г. Бокщанин, Ю.В. Сергиевский и др., – В.С. Сергеев занимался исследованием различных аспектов классовой и социальной борьбы в античности²⁹.

Несомненно, «актуальные проблемы античности», рассматривавшиеся в советской исторической науке 1930-х гг. через призму марксистского формационного подхода и классовой борьбы, а также научные интересы самого В.С. Сергеева определили тематику занятий И.И. Вейцковского. Под руководством Сергеева он подготовил диссертацию на популярную тогда тему – восстания рабов в Древнем Риме³⁰.

В 1934–1941 гг. профессор В.С. Сергеев заведовал созданными в МГУ и МИФЛИ кафедрами истории Древнего мира. В течение трех лет – с 1934 по 1937 г. – И.И. Вейцковский не только учился в аспирантуре у Сергеева, но и работал под его руководством, исполняя «в порядке общественной нагрузки» (как он указывает в автобиографии) обязанности секретаря кафедры Древней истории МИФЛИ, а также по поручению Комиссии советского контроля он занимался проверкой педагогической практики студентов-историков³¹.

По окончании аспирантуры И.И. Вейцковский получил направление в один из университетов на Волге. Не исключено, что в этом назначении определенную роль сыграл его научный руководитель В.С. Сергеев, позаботившийся о трудоустройстве своего аспиранта. К тому времени Вейцковский еще не защитил кандидатскую диссертацию, но работа была подготовлена, обсуждена на кафедре Древней истории МИФЛИ и уже был назначен срок ее защиты.

²⁸ Кузищин В.И. Указ. соч. С. 341.

²⁹ Этим проблемам В.С. Сергеев посвятил серию работ: 1) Мировые кризисы. Вып. 2: Гражданская война в древнем Риме во II–I вв. до Р. Хр. М., 1924; 2) Революция рабов в Римской республике // БК. 1935. № 6. С. 86–95; 3) Материалы по Римской истории. Кризис республики // История в средней школе. 1935. № 4. С. 6–27; 4) Реформы братьев Гракхов. Горький, 1935; 5) Эпоха военных диктатур конца Римской республики // БК. 1936. № 8. С. 85–97; 6) Гражданская война в Риме в конце республики (Гракхи) // БК. 1936. № 9. С. 90–101; 7) Заговор Катилины // ИЖ. 1937. № 2. С. 86–96; 8) Второй триумвират и падение Римской республики // ИЖ. 1937. № 9. С. 63–76.

³⁰ Вейцковский И.И. Восстания рабов в Италии и Сицилии во II и I вв. до н. э.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1937.

³¹ Архив СГУ. Д. 30 [И.И. Вейцковский]. Л. 19.

Как указано в командировочном удостоверении, выданном аспиранту МИФЛИ И.И. Вейцковскому, по путевке Наркомпроса РСФСР (Управление высшей школы) он был командирован в распоряжение Саратовского госуниверситета для преподавательской работы по истории Древнего мира³². В этом документе в графе «основание» отмечено: «запрос университета». Здесь же назван срок, когда Вейцковский должен был прибыть в СГУ – 25 августа 1937 г. Интересно заметить, что этот документ датирован 10 августа сурового 1937 года.

* * *

Вторая половина 1937 г. для Саратовского университета, как и для всей нашей страны, стала поистине роковым временем. С начала августа 37-го СГУ захватил шквал репрессий. Волна «чисток» обезглавила университет, факультеты, кафедры, выбила многих специалистов, верно служивших Саратовскому университету.

Второго августа как «разоблаченный враг народа» был арестован директор СГУ Гавриил Кириллович Хворостин³³. 14 августа ор-

³² Архив СГУ. Д. 30 [И.И. Вейцковский]. Л. 1. Ср. в автобиографии И.И. Вейцковского 1954 г.: «После окончания аспирантуры в Московском институте истории, философии и литературы Наркомпрос РСФСР командировал меня в Саратовский госуниверситет» (АЛНУ. Спр. 3014. Л. 6).

³³ Хворостин Гавриил Кириллович (1900–1938), математик, доцент. По окончании аспирантуры механико-математического факультета МГУ он был назначен директором Саратовского университета (июнь 1935 – август 1937). Умелый организатор, благодаря которому в университет были приглашены видные специалисты, созданы новые кафедры, совершенствовались научные школы. За два года руководства ему удалось многое сделать для того, чтобы превратить СГУ из рядового провинциального вуза в один из ведущих университетов страны («Геттинген на Волге», – как говорил сам Хворостин). В августе 1937 г. Г.К. Хворостин был арестован органами НКВД как враг партии и народа, вредительствовавший в университете. Он был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян в январе 1938 г. Г.К. Хворостин был реабилитирован в 1956 г. Об «эпохе Хворостина» в СГУ см.: *Аврус А.И., Гапоненков А.А., Данилов В.Н.* История Саратовского университета. 1909–2009: В 2 т. Саратов, 2009. Т. 1. 1909–1945. С. 158–168, там же о репрессиях в СГУ в 1937–1938 гг., предпринятых против окружения Хворостина, – с. 168–170 и примеч. на с. 184; *Семёнов В.Н.* Ректоры Саратовского университета: факты жизни и деятельности. Саратов, 1999. С. 140–143; *Аврус А.И., Саунин И.В., Соломонов В.А.* Саратовцы-академики и члены-корреспонденты Российской академии наук: Биобиблиогр. очерки. Саратов, 2005. С. 96, 114–115, 140, 160; *Аврус А.И.* Светоч образования, науки и культуры на юго-востоке Европейской части России (к 100-летию Сара-

ганами НКВД был арестован профессор Павел Сергеевич Рыков, который с момента восстановления исторического факультета СГУ являлся деканом истфака и заведующим кафедрой истории Древнего мира и археологии³⁴. Были арестованы также академик Д.Б. Рязанов³⁵, профессора

товского государственного университета) // Интеллигенция и мир. Иваново, 2009. № 4. С. 71–96, здесь – с. 78–79.

³⁴ О П.С. Рыкове (1884–1942) см.: *Худяков М.Г.* 25-летие научной деятельности профессора П.С. Рыкова // СЭ. 1935. № 2. С. 155–158; *Синицын И.В., Степанов П.Д.* Памяти Павла Сергеевича Рыкова (1884–1942 гг.) // СА. 1964. № 1. С. 126–130; *Дербов Л.А.* Историческая наука в Саратовском университете. Саратов, 1983. С. 24–30, 120–124, 133, 136; *Максимов Е.К.* Павел Сергеевич Рыков (к 100-летию со дня рождения) // АВЕС. Саратов, 1989. Вып. 1. С. 3–11; *Он же.* П.С. Рыков и археология Нижнего Поволжья // Историографический сборник. Саратов, 1991. Вып. 15. С. 50–62; *Обреченные.* Переписка Д.Б. Рязанова с профессором П.С. Рыковым (май 1937 г.) / Вступ. статья, подгот. текста к публ. и коммент. Я.Г. Рокитянского // ОА. 1995. № 2. С. 95–102; *Малов Н.М.* П.С. Рыков – директор музея краеведения и «дело изучения Н.Г. Чернышевского» // Историк и историография: Материалы науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения Л.А. Дербова. Саратов, 1999. С. 229–235; *Он же.* Поволжская региональная археология в Саратовском университете: страницы истории и персоналии // Саратовское Поволжье: история и современность. Саратов, 1999. С. 22–36, здесь – с. 27–30; *Петрова Н.Ф.* Музейная педагогика профессора П.С. Рыкова (к 120-летию со дня рождения) // Туризм и культурное наследие. Саратов, 2004. Вып. 2. С. 207–216; *Соломонов В.А.* Исторический факультет... С. 11; *Гусева Л.В., Павлова Л.С., Растокина Н.С.* Павел Сергеевич Рыков (1884–1942): Библиогр. указ. Саратов, 2009. См. также статью о П.С. Рыкове в этом сборнике: *Малов Н.М., Павлова Л.С.* Профессор П.С. Рыков – первый декан исторического факультета СГУ (к 125-летию со дня рождения) // История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А. В. Гладышева. Саратов, 2010. Вып. 1. С. 153–177.

³⁵ Рязанов (Гольдендах) Давид Борисович (1870–1938), видный советский историк, архивист, государственный и общественный деятель, академик АН СССР, первый директор Института Маркса и Энгельса. В феврале 1931 г. Д.Б. Рязанов был арестован, осужден и выслан из Москвы в Саратов. Здесь академик Д.Б. Рязанов работал в университете сначала временно исполняющим обязанности консультанта по научной части (с ноября 1934 г.), а затем консультантом по комплектованию исторической библиотеки СГУ (1935–1937). 23 июля 1937 г. он был арестован вторично по обвинению в «активной антисоветской троцкистской деятельности» и по приговору расстрелян 21 января 1938 г. Реабилитирован в марте 1958 г. См.: *Рокитянский Я.Г.* Трагическая судьба академика Д.Б. Рязанова // НиНИ. 1992. № 2. С. 107–148; *Он же.* Теоретическое завещание академика Д.Б. Рязанова // Вестн. РАН. 1993. № 11. С. 1035–1044; *Он же.* Обреченные...; *Он же.* Глас вопиющего. Академик Д.Б. Рязанов против сталинизации РКП(б) // Вестн. РАН. 1995. № 4. С. 365–376; *Смирнов В.А.* Рязанов Д.Б. // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С. 144–155; *Рокитянский Я.Г., Мюллер Р.* Красный диссидент. Академик Рязанов – оппонент Ленина, жертва Сталина: Биограф. очерк. Документы. М., 1996; *Д.Б. Рязанов – ученый, государственный и общественный деятель.* М., 2000; *Аврус А.И., Саулин И.В., Соломонов В.А.* Указ. соч. С. 157–161, 341; *Рокитянский Я.Г.* Из биографии академика Д.Б. Рязанова: разгром Института К. Маркса и Ф. Энгельса (март 1931 г.) // ОА. 2008. № 4. С. 10–23.

Г.С. Зайдель³⁶, Б.П. Никольский³⁷, Н.А. Орлов³⁸, Ф.С. Большов³⁹, профессор кафедры истории Древнего мира и археологии Виктор Николаевич Охоцимский⁴⁰ и многие другие⁴¹.

³⁶ Зайдель Григорий Соломонович (1893–1937), историк и историограф, профессор, заведующий кафедрой истории Нового времени и декан исторического факультета Ленинградского университета (1934–1935). В 1935 г. был выслан в Саратов, где руководил кафедрой истории Нового времени СГУ (1935–1936). В 1936 г. осужден по обвинению в причастности к террористической организации, готовившей заговоры против советской власти, и расстрелян в мае 1937 г. См. о нем: *Брачёв В.С.* Первый декан истфака ЛГУ Григорий Соломонович Зайдель (1893–1937 гг.) // Актуальные проблемы историографии и исторической науки: Материалы юбил. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. С.-Петербург. гос. ун-та. / Под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2004. С. 96–98.

³⁷ Никольский Борис Петрович (1900–1990), физикохимик и радиохимик, академик АН СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской, Сталинской и Государственной премий, заслуженный деятель науки и техники РСФСР. В 1935 г. был выслан из Ленинграда в Саратов, где преподавал на химическом факультете СГУ, создал и возглавил кафедру электрохимии и коллоидной химии. В ноябре 1937 г. был арестован и приговорен к 10-ти годам лишения свободы за антисоветскую агитацию. В 1939 г. дело было прекращено за отсутствием улик (в 1994 г. посмертно реабилитирован). См.: Академик Б.П. Никольский. Жизнь. Труды. Школа / Под ред. А.А. Белостина и Ф.А. Белинской. СПб., 2000; *Аврус А.И., Саулин И.В., Соломонов В.А.* Указ. соч. С. 113–116, 334, 337, 342.

³⁸ Орлов Николай Александрович (1895–1938), геохимик-органик, профессор СГУ. В 1935 г. был выслан из Ленинграда в Саратов. Здесь по приглашению Г.К. Хворостина работал на химическом факультете СГУ (1935–1937) и создал свою школу. Летом 1937 г. был арестован, осужден и расстрелян. Реабилитирован посмертно. См.: *Чернова Р.К., Мустафин Д.И.* Профессор Исаак Савельевич Мустафин. Научно-педагогические аспекты биографии ученого // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. 2008. Т. 8. Сер. Химия. Биология. Экология, вып. 2. С. 3–14, здесь – с. 9

³⁹ Большов Федор Сергеевич (1892–1938), философ, профессор СГУ (1935–1937). Арестован 1 октября 1937 г. по обвинению в участии в антисоветской организации. Осужден и расстрелян 23 января 1938 г. Реабилитирован 23 января 1957 г. (Арх. уг. дело № ОФ–10320. № 4934 (= <http://www.memo.ru/memory/saratov/d021.htm#8>)).

⁴⁰ Охоцимский Виктор Николаевич (1880–1942), юрист, правовед, историк. Прибыл Саратов в 1927 г. из Иркутского университета. В 1935–1937 гг. состоял профессором кафедры истории Древнего мира и археологии исторического факультета Саратовского университета (Архив СГУ. Д. 9 [В.Н. Охоцимский]. Л. 1–38; Профессора Томского университета: Биограф. словарь / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, Л.Л. Берцун, А.В. Литвинов. Томск, 1998. Т. 2. С. 340–341; *Казарин В.Н.* Становление юридического образования в Иркутском университете: время, события, люди // СЮВ. 2008. № 1. С. 3–13, здесь – с. 10–12; *Аврус А.И., Гапоненков А.А., Данилов В.Н.* Указ. соч. С. 138, 164). В 1937 г. В.Н. Охоцимский был арестован органами НКВД по сфабрикованному обвинению в контрреволюционной деятельности и 22 декабря 1937 г. приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР к 10-ти годам исправительно-трудовых лагерей. См.: Архив Президента Российской Федерации. Оп. 24. Д. 413. Л. 350 (№ 28 Охоцимский В.Н.) // <http://stalin.memo.ru/spiski/pg05350.htm>. Дополнительные сведения об ученом см. ниже и примеч. 71.

⁴¹ О «чистках» в СГУ см. в статьях Н.М. Малова и В.А. Соломонова, указанных выше, в примеч. 21 и 34. Дополнительно: *Максимов Е.К.* «Враги народа» на музейном

Жертвой незаконных репрессий, обрушившихся на СГУ в 1937 г., стал и еще один сотрудник кафедры Древней истории – Аристид Иванович Доватур⁴². В первый раз А.И. Доватур был арестован в 1935 г. в Ленинграде и «в порядке очистки города от социально чуждых элементов» был выслан в Саратов на 5 лет. Здесь

фронте // Поволжский край. Саратов, 2000. Вып. 10. С. 194–203; Малов Н.М. Советская археология в Саратовском государственном университете (1918–1940 гг.): организационное становление, развитие и репрессии // АВЕС. Саратов, 2006. Вып. 4. С. 4–28 (здесь о П.С. Рыкове – с. 5, 6, 19–25, 26); Накануне серьезных испытаний (кон. 1920–1941 гг.): <http://www.istfak-90.narod.ru/history/step3.pdf>; Аврус А.И., Гапоненков А.А., Данилов В.Н. Указ. соч. С. 168–170; Аврус А.И. Хроника событий Саратовского государственного университета // Там же. С. 234 (= <http://www.sgu.ru/node/23443>. – 12.12.2009); см. также комментарии В.А. Соломонова к воспоминаниям Р.А. Таубина: Соломонов В.А. «Истфак уверенно набирал силы...» (Воспоминания Р.А. Таубина о довоенной жизни исторического факультета Саратовского университета // История и историческая память... С. 239–260.

⁴² Доватур Аристид Иванович (1897–1982), выдающийся историк и филолог-классик. 28.X.1937 г. был арестован и 08.XII.1937 г. приговорен тройкой УНКВД по Саратовской области за антисоветскую деятельность к 10 годам лишения свободы; освобожден в 1947 г. с запретом жить в крупных городах СССР; реабилитирован 09.III.55 г. Верховным судом СССР (Арх. уг. дело № ОФ-7016. № 13776; см.: Списки жертв политических репрессий по Саратовской области // <http://www.memo.ru/memory/Saratov/d042.htm#2>, – в документе фамилия осужденного указана не точно: Даватур Аристид Иванович, ср.: Книга памяти Саратовской области // <http://www.lists.memo.ru/d10/f222.htm#n111>). В 1954 г. Доватур вернулся в Ленинград. С 1955 г. до конца жизни преподавал в Ленинградском университете на кафедре классической филологии (1957–1971 заведовал кафедрой); с 1971 г. состоял старшим науч. сотрудником Ленинградского отделения Института истории АН СССР. А.И. Доватур – автор и редактор многих переводов классических авторов, специалист по изучению Аристотеля, Геродота, Феогида и эпиграфических памятников Северного Причерноморья. См.: [Гаврилов А.К., Поплинский Ю.К., Рабинович Е.Г.] Памяти Аристида Ивановича Доватура // ВДИ. 1982. № 3. С. 204–206; Гаврилов А.К. Аристид Иванович Доватур: Жизнь и творчество // МННМНЭ ХАРИН (Philologia classica. Вып. 5): Межвуз. сб.: К 100-летию со дня рождения проф. Аристида Ивановича Доватура. СПб., 1997. С. 11–24; Демина Н.А. А.И. Доватур в Саратове // Там же. С. 25–27; Зайцев А.И. Аристид Иванович Доватур: Научная деятельность // Там же. С. 28–39; Шишова И.А. Аристид Иванович Доватур, 1897–1982 // Античное общество: Проблемы политической истории / Отв. ред. Э.Д. Фролов. СПб., 1997. С. 212–230; Аннеткова-Шарова Г.Г. Памяти учителя и человека // Вестн. С.-Петерб. ун-та. 1998. Сер. 2. Вып. 4; Фролов Э.Д. Указ. соч. С. 477–503; Васильев А.Н. Аристид Иванович Доватур. Документальное наследие ученого в архиве Санкт-Петербургского филиала института Российской истории РАН. СПб., 2000 (здесь о саратовской ссылке Доватура – с. 5–6); Ермолаев В.А. «Без гнева и пристрастия»: Записки историка / Подгот. текста Т.В. Широковой, вступ. ст., коммент., указ. имен В.Н. Парфенова и В.А. Соломонова. Саратов, 2009. С. 172–175, 182, 190 и 450–452. Примеч. 122–131.

А.И. Доватур работал ассистентом на кафедре иностранных языков Саратовского медицинского института и ассистентом на кафедре истории Древнего мира и археологии исторического факультета Саратовского университета (фактически, с момента его открытия)⁴³. Он вел занятия латинским языком, занимался переводами памятников античной литературы и писал статьи, ожидая возвращения в Ленинград по окончании срока своей ссылки⁴⁴.

Во время работы в университете А.И. Доватуру мог оказывать содействие Г.К. Хворостин, который, не обращая внимание на «политическую неблагонадежность» ссыльных московских и ленинградских ученых, волею судеб оказавшихся в эту пору в Саратове, активно привлекал их для работы в СГУ. О благоволении Г.К. Хворостина к А.И. Доватуру говорит, например, следующий косвенный «намек». В протоколе партийного собрания СГУ от 31 июля 1937 г., на котором осуждалась политическая линия в руководстве директора университета, члена ВКП(б) Хворостина, сохранилось высказывание С.Д. Альфиш⁴⁵, ставшее пророческой оговоркой. На волне всеобщей критики директора Саратовского университета, смертельно разбушевавшейся на этом партсобрании, Альфиш предложила проверить также и людей, «близких Г.К. Хворостину, например, А.И. Доватура, А.М. Панкратову»⁴⁶. В этом активистском призыве сотрудницы СГУ, целью которого было привлечь внимание партийных товарищей к «кругу Хворостина», не было ничего

⁴³ Исторический факультет СГУ был восстановлен 15 сентября 1935 г. (см. примеч. 59), а с 1 октября того же года А.И. Доватур был принят на должность ассистента кафедры истории Древнего мира. Во вступительной статье к изданию документального наследия Доватура А.Н. Васильев (книга указана в предыдущем примечании, здесь глава «Штрихи биографии», с. 3–18) ошибочно сообщает, что Доватур «начинает работать ассистентом при кафедре истории древнего Востока (*sic!* – А. С.) местного (т. е. Саратовского. – А. С.) университета» (Васильев А.Н. Указ. соч. С. 5), – со ссылкой на справку СГУ, хранящуюся в СПб ИИ РАН. Ф. 17. Оп. 2. Ед. хр. 65. Л. 3; см.: Васильев А.Н. Указ. соч. С. 14. Примеч. 34. Однако здесь ошибка в документе, поскольку в Саратовском университете кафедры истории Древнего Востока не было ни в первые годы существования истфака, ни когда-либо позже.

⁴⁴ Об этом вспоминает сам А.И. Доватур в письме к Я.М. Боровскому, отправленном из лагеря 8 ноября 1946 г. (см.: Выбранные места из переписки друзей-филологов: А.И. Доватур – А.Н. Егунов – Я.М. Боровский / Публ. и примеч. А.К. Гаврилова и В.В. Зельченко // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России. СПб., 2000. Вып. 2. С. 162–186, здесь – с. 165).

⁴⁵ В 1935–1939 гг. С.Д. Альфиш состояла на должности исполняющей обязанности профессора кафедры политической экономии СГУ.

⁴⁶ Аврус А.И., Гапоненков А.А., Данилов В.Н. Указ. соч. С. 170, со ссылкой на архивные материалы (ГАНИСО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 45–52).

необычного. Всем было известно, что неумный Г.К. Хворостин «целенаправленно» окружил себя «политически неблагонадежными интеллектуалами», со многими из которых он находился в близких отношениях⁴⁷.

Вполне вероятно и то, что в сентябре 1935 г., при подборе на восстановленный исторический факультет квалифицированных специалистов, А.И. Доватур мог быть рекомендован профессором П.С. Рыковым, который был тогда назначен исполняющим обязанности декана истфака и являлся заведующим кафедрой истории Древнего мира и археологии. Рыков мог помнить Доватура с той поры, когда последний еще был студентом Саратовского университета, ведь уже тогда проявились незаурядные способности молодого Аристида.

С 1917-го по 1921 г. в состав Саратовского университета входил единый историко-филологический факультет, который в ту пору, как и в последующие времена, когда оба факультета стали самостоятельными, располагался в одном здании⁴⁸. А.И. Доватур обучался на историко-филологическом факультете СГУ с 1917 г., переводясь сюда из Киевского университета св. Владимира. С 1920 г., будучи еще студентом старших курсов историко-филологического факультета, он работал помощником заведующего кабинетом классической филологии и оставался на этой должности до 1922 г.⁴⁹ В 1921 г. за работу «Личность и деятельность Солона в греческом историческом предании», представленную на конкурс по окончании университета, выпускник А.И. Доватур был удостоен золотой медали СГУ (этот факт отмечен в юбилейной книге, изданной к 50-летию Саратовского государственного университета)⁵⁰. В сентябре 1921 г. он окончил СГУ, но был оставлен в университете и продолжал работу в качестве помощника заведующего кабинетом классической филологии. В 1922 г. А.И. Доватур был командирован в Петроград для продолжения учебы в Петроградском университете.

⁴⁷ См.: Семёнов В.Н. Указ. соч. С. 140; Аврус А.И., Гапоненков А.А., Данилов В.Н. Указ. соч. С. 158; см. также: Дементьева С. Невский интеллект на Волжских берегах, или Питерский след в истории Саратовского университета // Курс. Русский проект. 2009. декабрь (= <http://www.sgu.ru/node/44448>); Аврус А.И. Светоч образования... С. 78.

⁴⁸ См.: Аврус А.И. Университет строится... // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. 2009. Т. 9. Сер. История. Международные отношения, вып. 1. С. 3–8.

⁴⁹ Васильев А.Н. Указ. соч. С. 4 и 11. Примеч. 14 (со ссылкой на сведения из автобиографии, хранящейся в архиве СПб ИИ РАН. Ф. 17. Оп. 2 Д. 1 Л. 12).

⁵⁰ Саратовский университет. 1909–1959... С. 125; ср.: Гаврилов А.К. Указ. соч. С. 13; Васильев А.Н. Указ. соч. С. 4.

П.С. Рыков прибыл в Саратов из Москвы в 1920 г. и 24 сентября был избран на должность доцента и заведующего кафедрой археологии СГУ. В 1922 г. он, сдав магистерские испытания, стал профессором. С 1923 г. Рыков работал на должности заместителя декана, а в 1924–1927 гг. на должности декана педагогического факультета СГУ. С 1922 г. Рыков заведовал археологическим музеем и являлся директором (в 1923–1937) археологического института. Археолог с классическим образованием, он сочетал в себе качества педагога и администратора, ученого и романтика. П.С. Рыков был человеком, увлеченным историей и способным увлечь своими идеями других людей⁵¹.

Из этих временных совпадений в биографиях двух современников, относящихся к началу 1920-х гг., можно сделать лишь вывод, что доцент, а затем профессор историко-филологического факультета СГУ П.С. Рыков и его младший коллега А.И. Доватур (студент и сотрудник того же факультета) могли быть знакомы. Но есть опять же один косвенный «намеки», который свидетельствует об их дружеских отношениях. В первых числах октября 1937 г. на общем комсомольском собрании Саратовского университета⁵², посвященном обсуждению решений IV пленума ЦК ВЛКСМ «О работе врагов народа внутри комсомола», выступил преподаватель-комсомолец В.А. Осипов⁵³, исполнявший обязанности декана исторического факультета после ареста профессора П.С. Рыкова. По горячим следам он сурово осудил засевших в СГУ врагов-интеллигентов:

«...Враги народа Рыков и Охоцимский протаскивали на лекциях антисоветские, контрреволюционные взгляды. Комсомольцы истфака не сумели раскрыть подлинного содержания этих лекций. Враг народа Рыков сознательно засоривал истфак контрреволюционерами, врагами народа. Здесь орудовали Зайдель, Охоцимский, Рязанов и др. Здесь подвизался некий латинист Доватур, хороший знакомый Рыкова (курсив мой. – А. С.). Этот Доватур разыгрывал из себя несчастного, “обиженного советской властью интеллигента”.

⁵¹ Литература о П.С. Рыкове указана выше в примеч. 34.

⁵² См.: До конца разоблачить вражескую агентуру в университете // Сталинец (СГУ). 1937. 7 окт. С. 1.

⁵³ Осипов Владимир Алексеевич (1905–1996), историк и краевед; сотрудник СГУ (1935–1983); доцент (с 1940 г.) кафедры истории СССР; декан исторического факультета (1953–1965). См. о нем в этом сборнике: Малов Н.М., Павлова Л.С. Профессор Павел Сергеевич Рыков... С. 157; Соломонов В.А. «Истфак уверенно набирал силы...» С. 252. Примеч. 22.

Получая громадные деньги, он вечно ходил чуть ли не в лохмотьях...»⁵⁴.

Комсомольское собрание, на котором прозвучала эта речь В.А. Осипова, состоялось через неделю после ареста «контрреволюционера» Доватура. Из этих обличительных слов можно заключить, что профессор П.С. Рыков симпатизировал ссыльному филологу-классику и, будучи деканом истфака, оказывал содействие «интеллигенту, обиженному советской властью». Вероятно, тогда на историческом факультете многие ревнители пролетарской морали представляли, будто Доватур был «*protégé*» Рыкова, который, «сознательно засоряя истфак» чуждыми антипартийными кадрами, помог ему, как «хорошему знакомому», устроиться на работу в университет.

С момента воссоздания кафедры Древней истории в СГУ в 1935 г. А.И. Доватур был единственным преподавателем по профилю кафедры. В то время он уже являлся сложившимся специалистом по античной истории и классической филологии (правда, тогда еще без ученой степени⁵⁵), прошедшим хорошую научную школу и имевшим опыт преподавания в вузах Ленинграда (в 1924–1935 гг.), в том числе в должности ассистента кафедры классической филологии Института истории, литературы, философии, лингвистики и ассистента кафедры Древней истории исторического факультета университета (1932–1935)⁵⁶. 1936 год для А.И. Доватура был самым «богатым» на публикации из всех предыдущих лет. В этом году вышли шесть его переводов с древнегреческого и латинского языков на русский и на французском языке была опубликована статья его учителя академика С.А. Жебелева, перевод которой был выполнен Доватуром⁵⁷. А в следующем, роковом 1937-м, когда А.И. Доватур уже был арестован и находился под следствием, в авторитетном ан-

⁵⁴ До конца разоблачить... С. 1. Пафос выступления В.А. Осипова соответствовал, так сказать, «духу времени». В 1937–1938 гг. в университетской газете «Сталинец» и в областной газете «Коммунист» регулярно публиковали материалы о разоблачении «врагов народа». В «Сталинце» появлялись студенческие заметки, обличающие преподавателей и руководство Саратовского университета, заметки, как водится, были анонимными (см.: *Аврус А.И., Гапоненко А.А., Данилов В.Н.* Указ. соч. С. 185; примеч. 36).

⁵⁵ Кандидатскую диссертацию Доватур защитил в 1952 г.: *Доватур А.И.* Научный и фольклорный стиль у Геродота: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1952.

⁵⁶ См.: *Васильев А.Н.* Указ. соч. С. 5 и 13. Примеч. 26.

⁵⁷ См. список научных трудов А.И. Доватура, составленный А.Н. Васильевым: *Доватур А.И.* Феогнид и его время. Л., 1989. С. 183; *Васильев А.Н.* Указ. соч. С. 151.

тиковедческом журнале «Revue des études grecques» вышла его статья «Угроза Демарата»⁵⁸.

В 1935 г. в сложных условиях и в кратчайшие сроки⁵⁹ на историческом факультете удалось собрать коллектив специалистов. Кадровый состав кафедры истории Древнего мира и археологии был укомплектован тогда по высокому разряду: опытные профессора П.С. Рыков и В.Н. Охоцимский, ассистенты А.И. Доватур и И.В. Сеницын (последний чуть позже возглавил кафедру археологии, обособившуюся от кафедры Древней истории⁶⁰). Примечательно, что из четырех профессоров, работавших с 1935 г. на историческом факультете⁶¹, двое были сотрудниками кафедры истории Древнего мира и археологии.

⁵⁸ *Dovatour A. La menace de Démarate: Hérodote. VI, 67 // Revue des études grecques. 1937. Т. 50. Р. 464–469.*

⁵⁹ 8 сентября 1935 г. руководителем Наркомпроса РСФСР был подписан приказ об учреждении исторического факультета в СГУ, а уже 11 сентября был объявлен набор студентов на истфак. 16 сентября на новом факультете начались занятия одной группы историков, но с 1 октября, когда приступили к занятиям три остальные группы студентов (всего на первый курс было принято около 100 человек), факультет заработал в полную силу. См.: *Соломонов В.А. Исторический факультет... С. 11; Аврус А.И., Гапоненков А.А., Данилов В.Н. Указ. соч. С. 163.*

⁶⁰ Первые пять лет существования исторического факультета СГУ кафедра носила название «кафедра истории Древнего мира и археологии». Осенью 1940 г. на истфаке была воссоздана самостоятельная кафедра археологии (которая существовала еще в 1920–1922 гг.). Заведующим этой кафедрой стал ученик П.С. Рыкова Иван Васильевич Сеницын (1900–1972), крупный ученый, археолог и краевед. С 1935 г. он был ассистентом кафедры истории Древнего мира и археологии, в 1940–1941 гг. и 1943–1944 гг. заведовал кафедрой археологии; с 1943 по 1953 г. являлся деканом исторического факультета. С 1944 г. – доцент, а с 1965 г. – профессор СГУ. См. о нем: К 70-летию Ивана Васильевича Сеницына // АМА. 1972. Вып. 1. С. 5–11; *Малов Н.М. Поволжская региональная археология... С. 26, 30; Он же. Советская археология ... С. 6, 24; Максимов Е.К., Малов Н.М. Профессор Иван Васильевич Сеницын – советский археолог XX века // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов, 2000.*

⁶¹ В ноябре 1935 г., полтора месяца спустя, после того как воссозданный в СГУ исторический факультет начал свою работу, декан истфака П.С. Рыков отмечал: «В настоящее время на факультете преподают 4 профессора, 1 доцент, 3 ассистента и 3 преподавателя по языкам» (*Рыков П. Исторический факультет // За научные кадры (СГУ). 1935. 5 нояб.; цит. по: Соломонов В.А. Исторический факультет... С. 11*). Ср.: *Аврус А.И., Гапоненков А.А., Данилов В.Н. Указ. соч. С. 164: «В 1936 г. на историческом факультете уже оформилось 5 кафедр, на них работало 16 преподавателей, но только 4 имели ученую степень или ученое звание...»* (со ссылкой на ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 413. Л. 56–57).

Но уже к осени 1937 г. кафедра была обезглавлена и обескровлена. В одночасье она лишилась сразу обоих профессоров⁶². Эти потери оказались не просто велики, в тогдашних условиях существования образования и науки в Саратове они были совершенно невосполнимы⁶³.

В непростую пору оказался в Саратовском университете И.И. Вейцковский. И теперь ему предстояло начинать здесь «с нуля».

* * *

Как следует из командировочного удостоверения И.И. Вейцковского, вопрос о его направлении на истфак СГУ был решен до трагических событий в Саратовском университете, последовавших в августе 37-го за арестом Г.К. Хворостина⁶⁴. Совершенно ясно, что подготовка к «обновлению» университета была спланирована и уже шла полным ходом. Через четыре дня после ареста директора СГУ, 6 августа 1937 г., в газете «Коммунист» появилась санкционированная статья С. Солодовникова «В университете неблагополучно». В ней были обнародованы факты «неумелого руководства» Хворостина и помимо прочего сообщалось о сложившейся ситуации на историческом факультете: «...На истфак – где 120 вакантных мест – было подано лишь 45 заявлений. По истфаку из пяти кафедр руководителями были обеспечены только две...»⁶⁵.

Выше я обратил внимание на то, что командировка И.И. Вейцковского в Саратов была оформлена и подписана 10 августа 1937 г., сле-

⁶² Из четырех профессоров, составивших костяк истфака в 1935 г., в 1936–1937 гг. были репрессированы все четверо (см. выше и в примеч. 34, 36, 39, 40 с указанием литературы).

⁶³ Количество профессоров на кафедре древней истории, которое имелось при П.С. Рыкове, было восстановлено только через 60 с лишним лет, в период руководства кафедрой В.Н. Парфёновым (заведовал с 1991 по 2009 г.). На рубеже 1990-х – 2000-х гг. сотрудниками кафедры были защищены три докторских диссертации: в 1995 г. – В.Н. Парфёнов (ученое звание профессора присвоено в 1997 г.), в 1998 г. – В.И. Кащеев (ученое звание профессора присвоено в 2000 г.) и в 2000 г. – С.Ю. Монахов (ученое звание профессора присвоено в 2001 г.).

⁶⁴ С начала 1937 г. в вузах Саратова шла подготовка к «чистке» кадров. С конца мая 1937 г. на собраниях, проходивших в СГУ, все чаще звучала критика директора Г.К. Хворостина. Заседание парткома университета, на котором было принято решение об исключении Хворостина из рядов ВКП(б) как врага народа, вредительствовавшего в университете, состоялось 31 июля 1937 г. (Аврус А.И., Гапоненков А.А., Данилов В.Н. Указ. соч. С. 169). После этого последовал арест Хворостина, и в университете продолжились репрессии.

⁶⁵ Солодовников С. В университете неблагополучно // Коммунист (Саратов). 1937. 6 авг. С. 1.

довательно, запрос из СГУ в Наркомпрос пришел раньше – в конце июля или в первые дни августа. А поэтому он мог быть составлен в июле (или даже в июне?) 1937 года. Или все же эти два факта – «чистка» на историческом факультете СГУ и приглашение на кафедру истории Древнего мира и археологии нового сотрудника – связаны между собой причинно-следственной связью? Здесь остается только гадать, поскольку мы располагаем лишь скухими данными и немymi датами, но, по существу, зацепиться не за что.

На оборотной стороне командировочного удостоверения отмечено, что «тов. Вейцковскому И.И. выдано Наркомпросом РСФСР в счет командировочных 170 руб.»⁶⁶. Здесь же стоят печать планово-финансового сектора Наркомпроса РСФСР и подпись бухгалтера. Но следующая страница документа – «подтверждение командировки» – пуста: командировка не подтверждена. Таким образом, можно заключить, что поездка И.И. Вейцковского в Саратов в августе 1937 г. не состоялась (или же документ просто не был оформлен, поскольку он каким-то образом все же оказался в личном деле Вейцковского в Архиве СГУ – ?).

И.И. Вейцковский приехал в Саратов 16 сентября 1937 г. На следующий день, 17 сентября, он написал заявление о зачислении его преподавателем на кафедру истории Древнего мира СГУ⁶⁷.

«В дирекцию Саратовского гос[ударственного] университета
Вейцковского Ивана Ивановича
Заявление.

По окончании аспирантуры при Московском институте истории, фил[ософии] и литературы я получил от Наркомпроса РСФСР командировку в Саратов[ский] гос[ударственный] университет. Вчера (16.IX) я прибыл в Ваше распоряжение и прошу о зачислении меня в штат историческ[ого] факультета в качестве преподавателя древней истории»⁶⁸.

В течение недели заявление И.И. Вейцковского было подписано, и он был зачислен в штат исторического факультета Саратовского государственного университета на должность доцента.

⁶⁶ Архив СГУ. Д. 30 [И.И. Вейцковский]. Л. 2.

⁶⁷ И.И. Вейцковский обращается в дирекцию СГУ, не указывая имени директора университета (после ареста Г.К. Хворостина, с середины августа до начала октября 1937 г. обязанности директора исполнял профессор В.П. Голуб).

⁶⁸ Архив СГУ. Д. 30 [И.И. Вейцковский]. Л. 3.

А.И. Доватур был уволен из СГУ 1 октября 1937 г.⁶⁹, спустя две недели с того момента, как сюда был прикомандирован И.И. Вейцковский. Последний еще застал Доватура на должности ассистента кафедры истории Древнего мира и археологии и, по всей вероятности, познакомился с ним в свой первый приезд в Саратов в сентябре этого года. Но судьба Доватура, как и других коллег из окружения П.С. Рыкова, уже была предрешена. Можно вообразить, какое впечатление произвело на И.И. Вейцковского то катастрофическое состояние, в котором находилась кафедра истории Древнего мира во второй половине сентября 37-го. Понимал ли Вейцковский, какую ношу ему предстояло взвалить на себя и какие трудности его ожидали? Надо полагать, понимал. Начинался новый учебный год, и нужно было срочно искать выход из сложившейся ситуации.

Финансовое положение И.И. Вейцковского в это время было крайне тяжелым (о чем он сообщает в своем заявлении о приеме на работу), и он просит дирекцию СГУ выдать ему сумму денег в счет будущей зарплаты. Теперь ему надлежало немедленно вернуться в Москву, чтобы поставить точку в таком важном деле, как защита кандидатской диссертации, которая состоялась 25 сентября.

После защиты диссертации И.И. Вейцковский возвратился в Саратов и с конца сентября приступил к работе в университете⁷⁰. Со времени восстановления исторического факультета он был на кафедре первым специалистом, защитившим диссертацию именно по профилю – по античной истории. Из сотрудников кафедры профессор П.С. Рыков был археолог, профессор В.Н. Охоцимский – юрист⁷¹, другие же тогда не имели ученых степеней. После того как

⁶⁹ См.: *Васильев А.Н.* Указ. соч. С. 14. Примеч. 34. О «деле Доватура» см. выше примеч. 42.

⁷⁰ По документам он числился сотрудником СГУ с 1 сентября 1937 г.

⁷¹ См. выше примеч. 40. В.Н. Охоцимский был из тех людей, о которых говорят: «человек непростой судьбы». Первую часть своей жизни он провел на родине, в Восточной Сибири, а последнее десятилетие – на Волге, в Саратове. Он был делегатом V съезда РСДРП, но затем отошел от политической деятельности. Как сообщает сам Охоцимский, « всю жизнь занимался теоретической и практической юриспруденцией»; автор научных и научно-популярных статей и монографий по правоведению и истории права. В 1909–1913 гг. учился на юридическом факультете Томского университета и по окончании получил специальность «цивилист». В 1920–1922 гг. – профессор кафедры частного права в Иркутском, а затем в Томском университетах (см.: *Шилохвост О.Ю.* Русские цивилисты: середина XVIII – начало XX в.: Краткий биограф. словарь. М., 2005. С. 119; *Казарин В.Н.* Указ. соч. С. 10–12; *Лякутина Ю.П.* История становления и развития юридического образования в Восточной Сибири (1918–1991 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2009). В 1925 г. Охоцимский работал юрисконсуль-

кафедра лишилась своих ведущих специалистов – П.С. Рыкова и В.Н. Охоцимского - и с приходом И.И. Вейцковского, последний оказался единственным из сотрудников, кто имел ученую степень. Обстоятельства складывались таким образом, что он сразу получил в СГУ ставку доцента и должность исполняющего обязанности заведующего кафедрой. После смены многих мест работы, едва лишь защитив кандидатскую диссертацию, Вейцковский смог устроиться по специальности, занять хорошее положение и стал получать приличный заработок⁷².

Общие профильные курсы кафедры истории Древнего мира в первые два года ее существования (1935–1937) читал специалист по римскому праву В.Н. Охоцимский. Последняя запись в его трудовой книжке свидетельствует о том, что он был принят на должность «профессора по курсу истории [Древней] Греции и [Древнего] Рима на ист[орическом] фак[ультете]е Сар[атовского] гос[ударственного] уни[версите]та с окладом 800 р[ублей]»⁷³. А.И. Доватур помимо занятий латинским языком, составлявших его основную нагрузку, вероятно, читал лекции по истории Древнего Востока (?)⁷⁴. После того как В.Н. Охоцимский, а потом и А.И. Доватур были арестованы, все основные курсы перешли И.И. Вейцковскому. В заявлении, направленном дирекцией СГУ в Наркомпрос от 27 октября 1937 г., указывалось, что академическая нагрузка доцента И.И. Вейцковского на кафедре истории Древнего мира в 1937–1938 учебном году составляла:

том в нескольких организациях в г. Омске. В 1926–1927 гг. он являлся профессором кафедры хозяйственного права Иркутского университета. 1 августа 1927 г. он был избран профессором кафедры хозяйственного права факультета хозяйства и права Саратовского университета, а 28 января 1931 г. отстранен от должности «вследствие идеологического несоответствия преподаванию», как разъясняется в трудовом списке из его личного дела (Архив СГУ. Д. 9 [В.Н. Охоцимский]. Л. 33 об.–34. Запись 36; ср.: *Аврус А.И., Гапоненков А.А., Данилов В.Н.* Указ. соч. С. 138). С 1 октября 1935 г. Охоцимский занял должность профессора кафедры истории Древнего мира и археологии на восстановленном историческом факультете Саратовского университета (Архив СГУ. Д. 9 [В.Н. Охоцимский]. Л. 29 об.–35).

⁷² В то время для Вейцковского этот фактор имел немаловажное значение. В заявлении, написанном при поступлении на работу в СГУ, он сообщает: «...Поскольку работа над диссертацией в течение последних месяцев не давала мне возможность вести преподавание, то я остался без всяких средств к существованию» (Архив СГУ. Д. 30 [И.И. Вейцковский]. Л. 3).

⁷³ Там же. Л. 34 об.

⁷⁴ По-видимому, этим можно объяснить ошибку в справке СГУ, выданной А.И. Доватуре, где говорится о том, что он состоял ассистентом при кафедре истории Древнего Востока Саратовского университета (см. примеч. 43).

«По истории Древнего Востока:
лекции – 48 час[ов], консультации – 120 час[ов];
по истории Древней Греции и [Древнего] Рима:
лекции – 88 час[ов], консультации – 240 час[ов];
практические занятия-упражнения – 88 час[ов], консультации –
440 час[ов]»⁷⁵.

За три с половиной года руководства кафедрой истории Древнего мира И.И. Вейцковский создал структуру преподавания на кафедре профильных дисциплин. Несомненно, в основу организации кафедры Древней истории в Саратовском университете Вейцковским был положен принцип работы кафедр московских вузов, где ему довелось трудиться в предыдущие годы. И, в первую очередь, он, разумеется, перенес принципы работы кафедры Древней истории МИФЛИ, которые были сформированы его учителем, профессором В.С. Сергеевым. Опыт столичной кафедры Вейцковский попытался «привить» на саратовской почве и, надо полагать, ему все же удалось здесь кое-что сделать. Насколько можно судить, он систематизировал преподавание общих курсов и практикумов по античной истории для студентов-историков первого года обучения, ввел спецкурсы и спецсеминары для студентов старших курсов, которые должны были проходить специализацию по античной истории. В 1938–1939 гг. Вейцковский подготовил лекционный курс по «Римскому источниковедению» и спецкурс «История Сицилии эпохи Римской республики»⁷⁶ (проблематика этих курсов перекликалась с темой его кандидатской диссертации).

Осознавая то катастрофическое положение, в котором оказалась кафедра с осени 1937 г., И.И. Вейцковский вел кадровую работу (конечно, исходя из условий, в которые он был поставлен). При нем на кафедру Древней истории были приняты В.Н. Гордеев, С.П. Знаменский и А.А. Киреев, которые составили основной костяк кафедры в тяжелые 1940-е годы. Ассистент В.Н. Гордеев вел практические занятия у историков 1-го и 2-го курсов. Ассистенты С.П. Знаменский и А.А. Киреев преподавали латинский язык и тоже вели семинарские занятия.

Самым ярким из преподавателей этого «второго поколения» кафедры Древней истории был Андрей Алексеевич Киреев (1886–1957).

⁷⁵ Архив СГУ. Д. 30 [И.И. Вейцковский]. Л. 8.

⁷⁶ Как указано в командировочном удостоверении, выданном доценту И.И. Вейцковскому 4 января 1939 г., для подготовки этих курсов он был направлен на месячную стажировку (с 7 января по 7 февраля) в Москву (Там же. Л. 20).

Он являлся представителем старой дореволюционной школы, закончил духовную семинарию, а затем Петербургский университет. А.А. Киреев был прекрасный педагог, знал классические и европейские языки. В очерке по истории кафедры Т.П. Кац пишет: «Яркое впечатление производил латинист Андрей Алексеевич Киреев, педагог милостию Божией, как отмечали его коллеги»⁷⁷. В 1939 г. он был зачислен на должность ассистента кафедры истории Древнего мира и археологии, где проработал до 1943 г. Затем он был переведен на филологический факультет, где работал в должности старшего преподавателя кафедры языка и языкознания и исполнял обязанности заведующего кафедрой классических языков (1951–1955).

В последний год заведования И.И. Вейцковского на кафедру Древней истории из столицы был прикомандирован Э.К. Путнынь⁷⁸. Вейцковский и Путнынь были знакомы по Москве, по-видимому, еще с середины 1930-х годов. Как было сказано выше, в 1934–1937 гг. Вейцковский учился в аспирантуре МИФЛИ у В.С. Сергеева; там же он работал секретарем кафедры Древней истории и занимался проверкой педагогической практики студентов. С 1932 по 1937 г. Путнынь был студентом исторического факультета МИФЛИ и специализировался по кафедре Древней истории, которой руководил профессор В.С. Сергеев. В 1937 г., в тот самый год, когда Вейцковский после окончания аспирантуры был направлен в Саратовский университет, Путнынь окончил исторический факультет МИФЛИ и поступил в аспирантуру при кафедре истории Древнего мира МГУ к Сергееву. Под руководством последнего в 1940 г. он защитил диссертацию по римскому землевладению⁷⁹ и сразу же (так сказать, «по стопам Вейцковского») был командирован в Саратовский университет.

Э.К. Путнынь был зачислен на должность доцента кафедры Древней истории в середине августа 1940 г., а менее чем через год

⁷⁷ Кафедра истории Древнего мира СГУ: <http://www.sgu.ru/faculties/historical/departments/idm/history.php>. – 31.12.2009.

⁷⁸ Путнынь Эдуард Кришевич (1905–1976), историк; занимался экономической и социальной историей ранней Римской империи, а позднее – истоками русской историографии античности. С августа 1940 г. работал в должности доцента Саратовского университета; с 1941 по 1969 г. – заведующий кафедрой истории Древнего мира. Из всех руководителей кафедрой Путнынь был «рекордсменом» по срокам заведования: в этой должности он прослужил 28 лет. Во вступительной статье к 12-му выпуску «Античного мира и археологии» мы допустили *lapsus mentis*: срок заведования кафедрой Э.К. Путнынем здесь указан 1945–1968 гг. ([Парфенов В.Н., Сеницын А.А.] От редколлегии. С. XVI). Пользуясь случаем, исправляем эту досадную неточность.

⁷⁹ Путнынь Э.К. Римское землевладение в эпоху династии Юлиев-Клавдиев: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1940.

он стал заведующим кафедрой. В его личном деле из архива СГУ наличествует приказ ВКВШ при СНК СССР от 24 апреля 1941 г. следующего содержания: «Утвердить доцента, кандидата исторических наук Путнынь Эдуарда Кришевича в должности и[сполняющего] о[бязанности] зав[едующего] кафедрой Древней истории Саратовского государственного университета, освободив от этой должности тов[арища] Вейцковского И.И.»⁸⁰. После ухода Вейцковского все общие курсы, которые он читал на истфаке по профилю кафедры, «унаследовал» Путнынь, о чем последний сообщает в отчете о работе кафедры за 1940–1941 учебный год.

К сожалению, в архиве кафедры истории Древнего мира СГУ не сохранилось ни одного протокола за период заведования И.И. Вейцковского. Самые ранние отчеты, которыми мы располагаем, относятся к концу второго полугодия 1940–1941 учебного года, т. е. к первым месяцам руководства его преемника Э.К. Путныня⁸¹. Характерно, что сохранилась большая часть кафедральных отчетов с 1941 г., включая материалы военных лет⁸².

Как было сказано выше, за время работы в Саратовском университете И.И. Вейцковским были спланированы и подготовлены спецкурсы по источниковедению и истории Древнего Рима. Авторы статьи по истории кафедры Т.П. Кац и В.Н. Парфенов (2007) также отмечают это как заслугу Вейцковского, но, как представляется, они делают из этого обстоятельства чересчур далеко идущие выводы.

«Новый заведующий (Вейцковский. – А. С.), специалист именно в области античной истории, разработал и наладил преподавание

⁸⁰ Архив СГУ. Д. 74 [Э.К. Путнынь]. Л. 11.

⁸¹ В 2006 г. на кафедру истории Древнего мира Саратовского университета из архива исторического факультета была передана на хранение вся документация за прошлые годы работы кафедры (планы, отчеты, списки, нагрузка и проч.). Несколько толстых папок содержат материалы по истории кафедры с начала 1940-х до середины 1990-х гг. Самый ранний протокол датирован маем 1941 г.: это и есть отчет о работе кафедры за 1940–1941 учебный год, составленный Э.К. Путнынем. С декабря 2009 г. кафедральный архив хранится в Институте археологии и культурного наследия СГУ. (Архив не описан.)

⁸² Документация 1940–1960 гг. представлена значительно полнее, нежели документация более позднего периода, вплоть до конца 1990-х гг. И дело здесь, очевидно, не в бумаготворчестве советской системы, не в суровом характере времени, требовавшем регулярной отчетности, подотчетности и строгой сохранности всех материалов. Дело здесь в ответственности тех лиц, от которых зависело сделать все, чтобы сохранить историческую память для будущих «звеньев родословной», ответственности перед грядущими поколениями историографов. И в первую очередь, в этом заслуга заведующего кафедрой Э.К. Путныня.

не только общих курсов истории Древнего Востока, Древней Греции и Древнего Рима, но и специальных дисциплин: античного источниковедения и историографии, ряда спецкурсов. В те годы подобная четкая система специализации была не столь уж частым явлением. Созданная И.И. Вейцковским структура преподавания общих и специальных дисциплин по кафедре истории Древнего мира выдержала испытание временем и в основных своих чертах существует до сих пор»⁸³.

В том, что спецкурсы и спецсеминары были разработаны непосредственно И.И. Вейцковским, сомневаться, пожалуй, не приходится, но то, что при нем преподавание специальных дисциплин было налажено и должным образом организовано, вызывает большие сомнения.

Первые студенты исторического факультета, которые распределялись по специализации, должны были появиться на кафедре истории Древнего мира и археологии в 1939 году. Но, по-видимому, тогда набор спецсеминара не состоялся. Известно, что и в следующем 1940–1941 учебном году спецсеминар по кафедре истории Древнего мира не был укомплектован. В «отчете о производственной работе за 1940–1941 учебный год» Э.К. Путнын, уже сменивший И.И. Вейцковского на посту заведующего кафедрой, сообщал:

«1) По штатному расписанию мне были даны следующие поручения на [19]40–[19]41 уч[ебный] год:

1. Два спецсеминара на IV курсе – 228 часов.
 2. Спецкурс на IV курсе – 49 часов.
 3. Практикум на I курс (5 групп) – 460 часов.
 4. Заочный сектор – 305 часов.
- Всего – 1042 ч[аса]»⁸⁴.

И далее следуют разъяснения заведующего кафедрой о причинах невыполненной им годовой учебной нагрузки:

«2) Поручения, по независящим от меня причинам, полностью не выполнены.

1. Спецкурс не состоялся, т. к. никто из студентов по древней истории не специализир[овался], однако на подготовку спецкурса мной потрачено 210 часов. (Курс подготовлен на 60%.)

2. По причине отсутствия желающих специализироваться по др[евней] истории не состоялись и спецсеминары, хотя все необхо-

⁸³ [Кац Т.П., Парфенов В.Н.] Кафедра истории Древнего мира. С. 12 (<http://www.sgu.ru/faculties/historical/departments/idm/history.php>). – 07.11.2009.

⁸⁴ Отчет кафедры за 1940–1941 учебный год, составленный зав. кафедрой Э.К. Путныным (май 1941) // Архив кафедры истории Древнего мира СГУ.

димое для спецсеминаров мной было подготовлено (на что ушло 55 ч[асов])»⁸⁵.

Как видно, специальные дисциплины в конце 1930 – начале 1940-х античниками вообще не велись, поскольку спецсеминаристов на кафедре Древней истории не было. Э.К. Путнынъ свидетельствует, что спецкурс и спецсеминары не состоялись «по причине отсутствия желающих специализироваться по древней истории». Стало быть, И.И. Вейцковский так и не смог наладить специализацию, а подготовленные им спецкурсы и спецсеминары не нашли здесь практического применения. Следует ли это объяснять неудовлетворительным руководством самого Вейцковского или слабым состоянием кафедры, в котором она оказалась после пережитой «чумы» репрессий? Или же в этом проявилась черта эпохи: подавляющее большинство студентов-историков стремилось заниматься историей СССР, Новой историей, историей партии, а выбор специализации по античной истории многим казался тогда не актуальным и бесперспективным? Так или иначе, но во время руководства Вейцковского на истфаке СГУ образовался пробел в изучении древней истории.

О саратовском периоде деятельности И.И. Вейцковского почти не сохранилось воспоминаний коллег. На один мемуарный эскиз к портрету доцента СГУ Вейцковского мне указал В.А. Соломонов. Это несколько строк из воспоминаний В.А. Ермолаева⁸⁶. В 1939 г. он сдавал государственные экзамены по всеобщей истории, а руководителем ГЭК тогда был Вейцковский. Ермолаев пишет: «Государственные экзамены я начал с истории Древнего мира. Комиссию возглавлял доцент И.И. Войцеховский, человек весьма интеллигентный и знающий. Вопросы были о греческой литературе (Эсхил, Софокл, Еврипид). Я обнаружил познания и получил “отлично”»⁸⁷.

В своих мемуарах историк В.А. Ермолаев, почти 60 лет спустя, после того как он общался с И.И. Вейцковским⁸⁸, ошибочно называ-

⁸⁵ Отчет кафедры за 1940–1941 учебный год... Невыполненными на тот момент оказались и два других поручения. Относительно третьего пункта Э.К. Путнынъ поясняет: «Практикум на I-ом курсе по древней истории деканатом был снят и перенесен на третий семестр, в силу чего мной было заявлено деканату истфака о снятии с меня этого поручения; и с января [19]41 г. приказом ректора поручение было снято (т. е. 460 часов)» (Архив кафедры истории Древнего мира СГУ).

⁸⁶ Ермолаев Всеволод Александрович (1910–2000), историк, доцент кафедры истории Средних веков Саратовского университета (1955–1970).

⁸⁷ Ермолаев В.А. Воспоминания. Саратов, 1996. [Машинопись] // ГАСО. Ф. Р-3740. Оп. 1. Д. 128. Л. 139; *Он же*. «Без гнева и пристрастия»... С. 183.

⁸⁸ У И.И. Вейцковского В.А. Ермолаев не учился, поскольку был студентом Саратовского педагогического института, где сдал экзамены экстерном и всего

ет его «Войцеховским»⁸⁹. Но сколь сжато и емко Ермолаев, рассказывающий *sine ira et studio* о своем времени и своих учителях, передает впечатление, которое у него сохранилось от общения с Вейцковским: «человек весьма интеллигентный и знающий».

О духе преподавания И.И. Вейцковского можно судить по рассказам выпускников Львовского университета. Приведу воспоминания трех украинских историков, однокурсников, обучавшихся на истфаке ЛГУ на рубеже 1940-1950 гг. и входивших в семинар по античности, которым руководил Вейцковский.

В статье «Историк и историография» Н.П. Ковальский⁹⁰ рассказывает, что в его формировании «решающую роль сыграли лекции по источниковедению древней Греции и Рима тогдашнего доцента, а вскоре доктора, профессора Ивана Ивановича Вейцковского, завкафедрой истории древнего мира, руководителя специализации, которую “разогнали” осенью в 1950 г. как ту, что была неактуальной, а ее адепты якобы “оторвались от жизни”, “спрятались от действительности”. Я и еще трое моих коллег были на этой специализации... Среди них З. Матысякевич, изгнанный из университета, а

за два года (1937-1939) получил высшее историческое образование и работал ассистентом кафедры истории Древнего мира и Средних веков этого вуза (см.: Ермолаев В.А. «Без гнева и пристрастия»... С. 181-193).

⁸⁹ На эту ошибку памяти Ермолаева указывают издатели его воспоминаний: Парфенов В.Н., Соломонов В.А. Комментарии // Ермолаев В.А. «Без гнева и пристрастия»... С. 456. Примеч. 10. Кто знает, быть может, причиной этой ошибки стал возраст мемуариста, а возможно, это «профессиональная оговорка» медиевиста: известными специалистами по истории Средних веков были польские историки-«однофамильцы» Тадеуш Войцеховский (1838-1919) и Зыгмунт Войцеховский (1900-1955). Впрочем, с неправильным написанием фамилии Вейцковского мне приходилось сталкиваться неоднократно. Например, в переименованном виде его фамилия указана в новом альбоме, посвященном юбилею СГУ: «Среди преподавателей был античник И.И. Вейцеховский (*sic!* – А. С.)...» (Саратовский государственный университет в год 100-летия. Фотоальбом / Сост. В.В. Прозоров и др. Саратов, 2009. С. 164).

⁹⁰ Ковальский Николай Павлович (1929-2006), видный историк, историограф, археограф, музеевед; доктор, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины, академик Международной славянской академии наук, руководитель Острожского отделения института археографии и источниковедения им. М.С. Грушевского НАН Украины. О нем см.: Плохий С. Жизненная миссия Николая Ковальского // Зеркало недели. 2006. № 43, 11-17 ноября (<http://www.zn.ua/3000/3150/55012/>).

после Сталина восстановленный, ныне профессор; В. Грабовецкий – тоже профессор...»⁹¹.

Специалист по истории Украины З.М. Матысякевич (1929-2007) с глубоким уважением и любовью вспоминает об И.И. Вейцковском: «Наш наставник – большой эрудит, интеллигент, Педагог с большой буквы. На занятиях кружка мы критиковали друг друга без пощады, а Иван Иванович спокойно, с отеческой теплотой, уважением к каждому студенту направлял наш молодецкий запал в общее, единственно правильное русло. Мы любили его безгранично. Профессор И. Вейцковский бесспорно мог бы создать первоклассную школу украинских историков античности»⁹².

Одногруппник З.М. Матысякевича В.В. Грабовецкий⁹³ признается: «С теплотой и благодарностью вспоминаю заведующего кафедрой Ивана Ивановича Вейцковского – кандидата исторических наук, доцента. Как сегодня вижу перед собой профессора Вейцковского. Среднего роста, с добрым и улыбающимся лицом, он был особенно талантливым педагогом и глубоким знатоком истории античности. Его курс истории Древней Греции и Рима мы слушали с наслаждением. Захваченный своими рассказами на лекциях, которые читал без конспектов, он имел привычку улыбаться сам себе. Его добрый и умный взгляд пленял наши головы, обогащая память обстоятельными знаниями истории античного мира.

В моем домашнем архиве хранится автореферат его диссертации с автографом моего учителя: “Уважаемому и дорогому Владимиру Васильевичу от автора. 17.IV.1960”. Это был день защиты диссертации. Как сегодня помню его. Переполнен актовый зал Львовского госуниверситета 11 апреля 1960 года, где с большой эрудированностью ученый выкладывал свои тезисы и отвечал на вопросы. Как много нам в будущей научной работе дали спецкурсы профессора И.И. Вейцковского. Имею в виду моих коллег-однокурсников Н.П. Ковальского (ныне проректор Острожской акаде-

⁹¹ Ковальський М.П. Історик і історіографія // Дніпропетровський історико-археологічний збірник. Вип. 1: На пошану професора Миколи Павловича Ковальського. Дніпропетровськ, 1997. С. 23.

⁹² Матисякевич З. Спомини із юних та зрілих літ // Грабовецький В. На вівтар історії України. Спомини про незабутніх. Колеги і учні про свого побратима. Ужгород, 2003. С. 43–47, здесь – с. 44.

⁹³ Грабовецкий Владимир Васильевич (род. 1929), известный историк, профессор Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника (Ивано-Франковск). См. о нем: *Vegeti M.* Академік Володимир Грабовецький – визначний історик України. Видання друге, доповнене / Под ред. А.З. Королько. Івано-Франківськ, 2006.

мии) и З.М. Матысякевича (профессора Тернопольской сельскохозяйственной академии). «Главное, ученики мои, – учил нас тогда И.И. Вейцковский, – это уметь отыскивать первоисточники, а еще более важно уметь их интерпретировать в выбранной теме исследования, строго придерживаться историзма». Эти его напутственные слова были указателем всей моей 50-летней научной работы. Уже после защиты кандидатской (1958) и даже докторской диссертации (1968) я неоднократно встречался с профессором Вейцковским и слушал его весьма ценные советы»⁹⁴.

Сходные впечатления о И.И. Вейцковском передают мемуарные заметки позднего поколения студентов Львовского университета. Один из моих львовских корреспондентов, В.И. Довженко, обучавшийся в 1970–1975 гг. на историческом факультете и занимавшийся у профессора Вейцковского⁹⁵, вспоминает:

«На первом курсе, когда я слушал его лекции и общался с профессором, наряду со старшим Гроссманом, Кисем, Инкиным⁹⁶, он, действительно, при всех странностях его курса античной истории, воспринимался как светоч. Странность состояла в том, что по причине ограниченности часов этого двухсеместрового курса и частого отсутствия профессора по здоровью, да и вообще, как потом выяснилось, из-за наплевательского отношения деканата к неидеологическим предметам, история Греции и Рима свелась к рассказу об историографии и источниковедении предмета».

В.И. Довженко говорит о восприятии «странных» лекций профессора студенческой аудиторией и делает набросок к портрету И.И. Вейцковского, сравнивая его с героем известного романа Г. Гессе.

«Иван Иванович в своем двубортном, застегнутом на все пуговицы пиджаке, с замотанным шарфиком горлом, со свистящим придыханием, когда окончания слов и предложений, уже с первого ряда, были в упор не слышны, как круглое солнышко выкатывался из-за кафедры, все время перемещаясь вдоль доски туда-сюда, доно-

⁹⁴ Грабовецький В.В. Шкільні та університетські роки (1946–1952) // Вегеш М. Академік Володимир Грабовецький... С. 79–80.

⁹⁵ Будучи студентом первого курса, в 1970–1971 гг. В.И. Довженко слушал лекции по истории Древней Греции и Рима, которые читал Вейцковский, и под его руководством написал первую курсовую работу на тему «Философия Аристотеля». В дальнейшем В.И. Довженко около 20 лет преподавал философию в вузах Львова.

⁹⁶ Здесь упоминаются имена профессоров Ю.М. Гроссмана, Я.П. Кися (Кись) и В.Ф. Инкина (Інкін), читавших в 1950–1970-е гг. в Львовском университете лекции по истории средневековой Европы и истории Украины. В начале семидесятых каждый из них был живой легендой Львовского университета.

сил в аудиторию главным образом имена знаменитых историков, произносимых в оригинальном звучании их языков, с непередаваемым восторгом их заслуг перед предметом, и личным восхищением перед плеядой его учителей из петербургской и московской школ античников⁹⁷, абсолютно не воспринимался большинством моих однокурсников.

Наше же меньшинство кожей чувствовало, что Иван Иванович в этом священнодействует, и хотя, как сейчас говорят, информации мы почти не получали, его энтузиазм действовал заразительно. Даже неслышанные фразы, произносимые им как бы для себя, с соответствующей его эмоциональной реакцией, завораживали. Он как бы вел диалог с самим собой, получая при этом огромное удовольствие.

Урок, вынесенный мною из его курса, выводил за границы предмета, но наставлял в отношении к предмету. Уже с первого месяца учебы история раскрылась мне не как знание по преимуществу, но как интеллектуальная игра личностными ценностями. Сам Иван Иванович был ее воплощением. Такой себе магистр, как потом прочел у Гессе, игры в бисер...» (*per litteras*, 15.06.2009).

В другом письме В.И. Довженко передает свои впечатления о легендарном львовском профессоре и вспоминает несколько случаев, связанных с И.И. Вейцковским.

«Иван Иванович в моей памяти был единственным из профессоров обломком даже не довоенной, но дореволюционной эпохи. Это звучит странно, ведь он был из сталинского призыва красных профессоров, но его учителя и коллеги в Ленинграде и Москве... оставили в нем тот старый, XIX-го века, закал опоры на источники и уважение к историографии, который его поколению историков был в лучшем случае опорой для новых идеологов...

Не вписываясь в факультетские требования, на кафедре он был почти изгоем. Только его публикации спасали его от увольнения и всеобщей обструкции. Пережив в семейной жизни трагедию..., Иван Иванович всегда боролся, оставаясь слабым звеном, он был всегда под угрозой, но оставался собой...

Вообще об Иване Ивановиче ходили легенды. Секретарь деканата или лаборант кафедры, когда посылали студента с какими-то бумагами к Ивану Ивановичу домой, внушали: «У профессора ничего не брать, когда давать будет». Не зная, о чем идет речь, студент обещал этого не делать. Иван Иванович, ... забирая дома бумаги у

⁹⁷ В.И. Довженко ошибается, И.И. Вейцковский не учился в Петербурге (в советское время – Ленинграде), и поэтому он не мог считать себя учеником «петербургской / ленинградской школы».

такого студента, очень его благодарил, и с фразой: “Вы, конечно, приехали ко мне на такси, вот Вам 10 рублей на дорогу”. Устоять же студенту, имевшему справку о мизерных доходах родителей в селе, было просто немислимо...

Нет, правда, был и другой И.И. Вейцковский. Старшее поколение рассказывало, что в первые послевоенные годы он приходил в неотопливаемую аудиторию, не снимая шубы, швырял папаху из каракуля о кафедру и начинал лекцию фразой: “Клеопатра была проституткой!”. (А чем еще античная история могла заинтересовать поколение фронтовиков за партами?)» (*per litteras*, 3.10.2009 г.).

Хлесткая фраза, характеризующая в этом случае не столько египетскую царицу, сколько самого И.И. Вейцковского, как лектора и педагога, возможно, не более чем студенческий анекдот. Хотя не исключено, что преподаватель мог использовать на лекции и такие выразительные «приемы» для привлечения внимания студентов, чтобы, так сказать, «оживить» аудиторию. Но для нас показательно, что в 1960–1970-е гг. в Львовском университете И.И. Вейцковский стал «героем» студенческого «фольклора», легендой истфака.

И еще несколько дополнительных штрихов к психологическому портрету педагога И.И. Вейцковского из воспоминаний бывшей студентки Львовского государственного университета Н.П. Швец⁹⁸, обучавшейся в 1973–1978 гг. на отделении классической филологии факультета иностранных языков.

«Иван Иванович мне запомнился интеллигентнейшим ЧЕЛОВЕКОМ и строгим УЧЕНЫМ (слова выделены заглавными буквами автором письма. – А. С.). Он был влюблен в историю Греции и Рима. В октябре 1973 г. наша группа (пять девчонок) из благих побуждений попыталась поздравить его с днем учителя. Вручили ему букет цветов, а он страшно обиделся. Сказал, что он не учитель, но педагог. А вместо цветов, мы лучше бы себе книжку полезную купили. Это был единственный прецедент у нашей группы с Иваном Ивановичем... Судя по некоторым мелочам, которые происходили тогда, Иван Иванович, будучи сам человеком порядочнейшим, не допускал, что в его окружении могут быть люди лживые и корыстные» (*per litteras*, 06.10.2009 г.).

⁹⁸ Н.П. Швец окончила факультет иностранных языков (отделение классической филологии) Львовского университета; на первом курсе в начале 1970-х гг. она слушала лекции И.И. Вейцковского по античной истории. После окончания университета Н.П. Швец почти 30 лет работала заведующей отделом редких книг и рукописей в библиотеке ЛНУ; ныне является преподавателем Львовского учебно-научного института Закарпатского госуниверситета.

В юбилейной книге, изданной к 50-летию Саратовского государственного университета, есть несколько строк о Вейцковском. «Заведующий кафедрой истории Древнего мира И.И. Вейцковский, защитив в сентябре 1937 г. кандидатскую диссертацию на тему: “Восстания рабов в Италии и Сицилии во II и I вв. до н. э.”, продолжал и далее работать в этом же направлении. Им был сделан ряд научных докладов по истории восстаний рабов, велись спецкурсы и спецсеминары, а также написана статья “К истории восстания рабов в Лациуме в 198 г. до н. э.”, опубликованная значительно позже»⁹⁹.

Здесь упомянута неизданная статья Вейцковского. В его личном деле из архива СГУ имеется список работ, составленный в 1939 г. Список включает два пункта:

«1. Кандидатская диссертация на тему: “Восстания рабов в Италии и Сицилии во II и I вв. до н. э.”

2. Статья для исторического сборника СГУ “К истории рабского восстания 198 г. до н. э. в Лациуме”»¹⁰⁰.

Вероятно, статья, о которой здесь идет речь, планировалась для «Ученых записок Саратовского университета». Но среди публикаций в этом издании в конце 1930 – начале 1940-х гг. ее нет. Не названа она и в объемном справочнике А.И. Воронкова¹⁰¹. По-видимому, статья, указанная в списке научных работ на 1939 г., так и не была подана И.И. Вейцковским в «Ученые записки» СГУ. Возможно, он ее тогда еще не завершил. Статья на эту тему была опубликована только семь лет спустя на украинском языке, и тоже в «Ученых записках», но уже Львовского университета¹⁰².

Таким образом, у И.И. Вейцковского ни до саратовского периода, ни в течение трех с лишним лет работы в должности заведующего кафедрой в Саратовском университете не было научных публикаций. Его первая статья вышла в 1946 г. Вейцковский прибыл в СГУ

⁹⁹ Саратовский университет. 1909–1959... С. 107.

¹⁰⁰ Архив СГУ. Д. 30 [И.И. Вейцковский]. Л. 22.

¹⁰¹ В указателе А.И. Воронкова (Древняя Греция и Древний Рим: Библиогр. указ. изданий, вышедших в СССР (1895–1959 гг.) / Сост. А.И. Воронков. М., 1961. С. 18. № 260, 493) названа краткая заметка И.И. Вейцковского в «Вестнике древней истории» за 1948 год. Кроме того, в алфавитном списке под № 6138 ошибочно дается ссылка на публикацию Вейцковского, в то время как в самом указателе под этим номером названа кандидатская диссертация И.П. Вейнберга (там же. С. 262).

¹⁰² Вейцківський І.І. До історії повстання рабів 198 року до н. е. в Лациумі // НЗЛДУ. 1946. Т. 1, вип. 2. С. 142–176.

из столичного вуза, имел степень кандидата наук, являлся заведующим кафедрой. Могли ли быть для него в формальном плане какие-то препоны с публикацией научных материалов? Очевидно, нет. После защиты диссертации он, наверняка, продолжал заниматься проблемами социально-политической борьбы в Римской республике и мог, по крайней мере, переработать разделы своей диссертации в отдельные статьи и опубликовать их¹⁰³. Но Вейцковский этого не сделал.

Возможно, здесь были причины личного характера, поскольку на иждивении И.И. Вейцковского тогда находились больная дочь, жена и старушка-мать¹⁰⁴. К этому дополнялись заботы, связанные с новым местом работы, обязанности заведующего кафедрой, подготовка новых учебных курсов, набор сотрудников, организация кабинета и прочее.

Могли быть и другие причины «научного бездействия» И.И. Вейцковского. В его личном деле сохранилась копия отзыва на кандидатскую диссертацию, составленного специалистом по римской истории, профессором Ю.В. Сергиевским¹⁰⁵. О работе Вейцковского оппонент отзывался очень критично.

«К сожалению, чрезмерное увлечение тем, что немцы называют *Quellenforschung*, лишило тов[арища] Вейцковского возможности больше внимания уделить разработке основной проблемы – рабских восстаний. Между тем, значительная часть диссертации без всякого ущерба для существа дела могла бы быть опущена, так как обзор источников произведен не по личному знакомству с ними автора, но по исследованиям буржуазных ученых и является поэтому простым переводом из сочинений Киссена, Розенберга, Ваксмута, Паиса и т. п., или статей из энциклопедии Паули-Виссова. Хотя автор и пытается придать видимость критического отношения к проработанной им монографической литературе по источниковедению, это ему плохо удается. Отводить же десятки страниц расследованию о том, чей труд лежит в основе изложения того или иного античного историка, с тем, чтобы прийти к выводу, что источник, хотя и плох, и ненадежен, но другим мы, к сожалению, не располагаем, – является напрасной затратой времени»¹⁰⁶.

¹⁰³ К этой теме И.И. Вейцковский возвратился значительно позже, уже в Львовский период. В 1950–70-е гг. он опубликовал серию статей о восстаниях рабов во II в. до н. э. и о спартаковском восстании. В основе этих публикаций лежали идеи, высказанные им еще в 1937 г. в кандидатской диссертации.

¹⁰⁴ Архив СГУ. Д. 30 [И.И. Вейцковский]. Л. 19.

¹⁰⁵ Там же. Л. 11–12. Отзыв датирован 7 сентября 1937 г.

¹⁰⁶ Там же. Л. 11.

Главный «недостаток» исследования И.И. Вейцковского Ю.В. Сергиевский видит в том, что диссертант использовал источники, так сказать, «через вторые руки». В заключение оппонент соглашается с тем, что «диссертация товарища Вейцковского может быть допущена к защите», но, по сути, высказанные им замечания к работе звучат суровым приговором для начинающего ученого. Возможно, отзыв оппонента оказался настолько глубоким потрясением для Вейцковского (который, несмотря на свой уже немолодой возраст, делал только первые шаги в науке), что он очень долго не мог от него оправиться. В самом деле, не стала ли критика Сергиевского причиной того, что у «молодого» ученого опустились руки и он был бессилён заниматься наукой? Или это только мои домыслы, возникшие из желания объяснить «молчание» Вейцковского: почему в течение 9 лет после защиты кандидатской диссертации он ничего не опубликовал?

* * *

В отчете о работе кафедры истории Древнего мира за 1940–1941 учебный год содержится информация об И.И. Вейцковском, которая вызывает недоумение. Э.К. Путнынь, назначенный тогда исполняющим обязанности заведующего кафедрой, пишет:

«Работа кафедры в течение учебного года протекала не во все периоды года равномерно в силу малочисленности членов кафедры и по причине некоторых изменений в самом составе кафедры, в частности в руководстве.

В первые три месяца (сентябрь, октябрь и большая часть ноября) коллектив кафедры был без заведующего кафедрой, т. к. тов[арищ] Вейцковский в это время находился в армии (курсив мой. – А. С.); после возвращения Вейцковский работал недолго, а в январе [19]41 г. уволился. Мое назначение на должность зав[едующего] кафедрой состоялось в апреле [19]41 г. Следовательно, происшедшие изменения в самом составе кафедры не могли не отразиться на вопросе плановости работы кафедры».

Итак, Э.К. Путнынь свидетельствует, что осенью 1940 г. И.И. Вейцковский «находился в армии». Сложно сказать, что может означать это объяснение заведующего кафедрой. Возможно, речь идет о трехмесячных мобилизационных сборах, на которые был призван Вейц-

ковский, поскольку он являлся военнообязанным¹⁰⁷? Известно, что в 1938–1940 гг. мобилизационные органы РККА массово призывали военнообязанных запасников; в этот период в армию было призвано свыше 200 тыс. человек¹⁰⁸. Возможно, в их числе оказался и Вейцковский. А может быть это пояснение не более чем *lapsus mentis* самого Путныня? Здесь, как и в ряде других случаев, остается только гадать. Никаких документов, разъясняющих, почему заведующий кафедрой истории Древнего мира Саратовского университета И.И. Вейцковский с начала учебного года в течение почти трех месяцев проходил «службу в армии», найти не удалось. В его личном деле не сохранилось ни запроса от военного ведомства, ни заявления самого сотрудника, ни копии командировочного удостоверения - ничего, что могло бы подтвердить этот «факт» его биографии.

В середине декабря 1940 г. И.И. Вейцковский был переведен на 0,5 ставки.

«Выписка из приказа № 469
по Саратовскому государственному университету
от 17.12.1940 года.

§ 3. Доценту кафедры [истории] древнего мира тов[арищу] Вейцковскому, имеющему годовую нагрузку в количестве 309 часов, с 16 декабря [19]40 г. выплачивать 0,5 ставки от оклада 1000 руб. в месяц»¹⁰⁹.

Согласно тому же приказу, половина ставки, взятая у И.И. Вейцковского, была передана доценту Э.К. Путныню.

«Выписка из приказа № 469
по Саратовскому государственному университету
от 17.12.1940 года.

§ 4. Доценту кафедры [истории] древнего мира тов[арищу] Путнынь выплачивать с 16.12.[19]40 г. 0,5 ставки по совместительству за счет свободного полоклада доцента по той же кафедре»¹¹⁰.

¹⁰⁷ В автобиографии Вейцковский сообщает, что в 1920–1922 гг. он проходил срочную службу в Красной Армии (Архив СГУ. Д. 30 [И.И. Вейцковский]. Л. 18).

¹⁰⁸ См.: Клевцов В.Г. Социальные и организационные проблемы военных реформ 20–30 годов // Армия и общество: 1900–1941 гг.: Статьи и документы / Отв. ред. В.П. Дмитренко. М., 1999. С. 138–184; Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920 – середина 1930-х гг.). СПб., 2002; Мелия А.А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР. М., 2004 (http://militera.lib.ru/research/melia_aa/index.html. – 12.10.2009).

¹⁰⁹ Архив СГУ. Д. 30 [И.И. Вейцковский]. Л. 23.

¹¹⁰ Там же. Д. 74 [Э.К. Путнынь]. Л. 8.

После этого И.И. Вейцковский сразу подал заявление с просьбой уволить его из университета по собственному желанию. И, несмотря на то, что прошение было подано в середине учебного года, оно было удовлетворено в кратчайшие сроки.

В справке, хранящейся в его личном деле, сообщается: «Выдана доценту тов[арищу] Вейцковскому И.И. в том, что он состоял заведующим кафедрой древней истории исторического факультета Саратовского государственного университета с 1 сентября 1937 года по 25-е января 1941 года. Освобожден согласно личной просьбе»¹¹¹.

Этот документ датирован 9 января 1941 г. В левом верхнем углу листа сделана надпись чернильной ручкой «Получил» и стоит автограф И.И. Вейцковского. Прощение об увольнении было подано в первую неделю января 1941 г. или даже в конце декабря 1940-го.

Что же побудило И.И. Вейцковского оставить Саратовский университет поспешно, с середине учебного года? Возможно, его тяготила та атмосфера, которая царила в СГУ и на историческом факультете? Может быть, по этой причине он был не способен заниматься наукой? Складывается впечатление, что Вейцковский стремился вырваться из Саратова. С первого же года пребывания в Саратове он был одинок и неспокоен. Намек на это содержится в его автобиографии. Здесь Вейцковский отмечает: «Состояние моего здоровья удовлетворительное, но дает себя чувствовать нервное переутомление»¹¹². Было ли это признание уместным в автобиографии? Для чего в материалах, которые будут храниться в личном деле сотрудника университета, сообщать подробности о своем нездоровье, нервном переутомлении? И если Вейцковский действительно переживал тогда нервный срыв, зачем эта информация в деловом документе, где должны быть изложены биографические сведения? Автобиография была написана в начале лета 1938 г., за два с половиной года до увольнения Вейцковского из университета, но, вероятно, уже тогда он рассчитывал освободиться от нежеланного для него назначения и был настроен оставить СГУ.

* * *

Саратов не стал для И.И. Вейцковского «новой родиной», какой он стал для Э.К. Путныня и В.Г. Боруховича¹¹³, которые прибыли

¹¹¹ Архив СГУ. Д. 30 [И.И. Вейцковский]. Л. 24.

¹¹² Там же. Л. 19.

¹¹³ Борухович Владимир Григорьевич (1920–2007), известный антиковед, доктор исторических наук, профессор. Окончил Ленинградский государствен-

сюда – первый – из Московского, а второй – из Нижегородского (тогда Горьковского) университетов – и остались здесь на всю жизнь. Вейцковский же оказался в этом «полисе науки» *метеком*¹¹⁴. В «родословной» кафедры истории Древнего мира СГУ пора заведования Вейцковского – это «звено» между краткой, но яркой «эпохой Рыкова» и продолжительной «эпохой Путныня».

В конце января 1941 г. И.И. Вейцковский навсегда покинул Саратов. Он переехал в Москву, где работал в качестве доцента по кафедре Древней истории в МИФЛИ, а затем (с декабря 1941 г.) в МГУ¹¹⁵. С 1 сентября 1943 г. по 1 декабря 1945 г. он являлся докторантом Института истории Академии Наук СССР¹¹⁶, а в октябре 1944 г. был направлен в Львов. В Львовском университете И.И. Вейцковский нашел себя и укоренился. Там он сформировал кафедру, которой руководил многие годы, там раскрылся как ученый, опубликовав работы, сделавшие ему имя, там о нем слагали легенды как о «магистре игры».

ный университет. В 1969 г. был приглашен в СГУ, где работал до 2000 г. и возглавлял кафедру истории Древнего мира (1969–1991). О нем см.: К 70-летию Владимира Григорьевича Боруховича // ВДИ. 1991. № 1. С. 230; Профессор Владимир Григорьевич Борухович (к 80-летию со дня рождения) / Авт.-сост. Е.А. Молев и В.Н. Парфенов. Н. Новгород, 2000; К 85-летию со дня рождения Владимира Григорьевича Боруховича // ВДИ. 2006. № 2. С. 193–194; [Парфенов В.Н., Сеницын А.А.] От редколлегии. С. XV; [Кац Т.П., Парфенов В.Н.] Кафедра истории Древнего мира. С. 13 (<http://www.sgu.ru/faculties/historical/departments/idm/history.php>. – 12.10.2009); Владимир Григорьевич Борухович в воспоминаниях и письмах / Сост. текста, вступ. ст. В.Н. Парфенова. Саратов, 2009.

¹¹⁴ «Метеками» в древней Греции называли пришлых людей, «иностранцев» – граждан других полисов.

¹¹⁵ 15 декабря 1941 г. МИФЛИ был объединен с Московским государственным университетом.

¹¹⁶ АЛНУ. Спр. 3014. Л. 6-6 об.

АВТОБИОГРАФИЯ И.И. ВЕЙЦКОВСКОГО

А.А. Синицын

Саратовский государственный университет,
кафедра истории Древнего мира
E-mail: aa.sinizin@mail.ru

Ключевые слова: И.И. Вейцковский, автобиография, Киевский археологический институт, Немецкий педагогический институт, Московский (государственный) институт истории, философии и литературы, Саратовский государственный университет.

AUTOBIOGRAPHY OF I.I. VEJCKIVSKIJ

A.A. Sinitsyn

Key words: I.I. Vejckivskij, autobiography, Kiev institute of archeology, Moscow (state) institute of history, philosophy and literature, Saratov State University.

В личном деле Ивана Ивановича Вейцковского, хранящемся в Архиве Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, имеются две автобиографии¹. Одна из них составлена И.И. Вейцковским 17 сентября 1937 г. при поступлении на работу в СГУ, а вторая – 8 июня 1938 г. Здесь публикуется вторая автобиография, которая представляет собой расширенный вариант первой.

Автобиография 1938 г. – это три листа формата А 4 (односторонние) машинописного текста. Имеются немногочисленные пометы, сделанные самим И.И. Вейцковским от руки чернилами (исправления, вставки пропущенного слова или фразы).

При составлении автобиографии И.И. Вейцковский учитывает основные требования, предъявлявшиеся тогда к документам такого характера. В начале он указывает свое происхождение, отвечает на обязательные вопросы: служил ли в войсках или в учреждениях белых правительств, есть ли родственники за границей и др.

Автобиография состоит из двух равных по объему частей. В первой части автор пишет о своей учебе в вузах СССР с 1919 до 1937 г., которая многократно прерывалась. Во второй он рассказывает о своей трудовой деятельности, начиная со студенческих лет в

Украине до руководства кафедрой истории Древнего мира Саратовского университета. Поскольку в обеих частях автобиографии автор упоминает одни и те же вехи своей жизни, в тексте присутствуют повторы.

Дата в конце документа указана ошибочно и осталась не исправленной – 08 апреля 1938 года. Вероятно, автобиография была написана 8 июня (но не апреля!) 1938 г., поскольку перед этим И.И. Вейцковский говорит, что в ученом звании доцента он был утвержден накануне – 23 мая 1938 г. Личная подпись И.И. Вейцковского в конце документа отсутствует.

В настоящем издании передача текста основана на современных правилах публикации исторических источников, поэтому пришлось исправить орфографию автора. Употребление заглавных букв, применявшихся автором, сохранено лишь в некоторых случаях. В квадратных скобках дана расшифровка имеющихся сокращений.

АВТОБИОГРАФИЯ²

И.И. Вейцковский

AUTOBIOGRAPHY

I.I. Vejckivskij

Родился³ в семье бухгалтера – материально малообеспеченной. Ни отец, ни мать, занимавшаяся домашним хозяйством, кроме своих рук, не имели никаких других источников для существования. Никто из моих родных никогда не лишился избирательных прав, не подвергался репрессиям и не служил в войсках или в учреждениях белых правительств. За пределами Советского Союза не только не имею никаких родственников, но более того: никто из моих родственников никогда не был за границей. В 1919 г.⁴ я окончил гимназию в г. Черкассах⁵ (на Украине) и поступил в том же году в Днепропетровский университет⁶ и на курсы иностранных языков (в Днепропетровске)⁷. Ввиду создавшихся для меня в Днепропетровске материальных затруднений, я ушел в 1920 г. из университета⁸ и поступил на службу в Рабоче-крестьянскую инспекцию⁹ в г. Черкассах. К счастью для меня, в том же 1920 г., в Черкассах открылся педагогический институт¹⁰; это дало мне возможность продолжать образование в родном городе, где находились мои родители и где условия существования для меня были более легкими, чем в другом городе.

В 1921 г., не прекращая учебной работы в Черкасск[ом] пед[агогическом] ин[ститу]те, я поступил в Киевский археологический институт (на археологическое отделение)¹¹. В 1922 г., ввиду закрытия Черк[асского] пед[агогического] ин[ститу]та, я перевелся в Киевский высший институт нар[одного] образования (на гуманитарное отделение по циклу всеобщей истории)¹². В 1923 г., ввиду необходимости содержать нетрудоспособных (по старости и болезни) родителей, вынужден был на целый ряд лет прервать свои занятия в высшей школе. В 1929 г. снова занялся продолжением своего образования и поступил во 2 Московский гос[ударственный] университет¹³ (на лингвистическое отделение). Не имея возможности посещать занятия в университете, вынужден был вести учебную работу в качестве заочника в[о] 2[-ом] МГУ.

После реорганизации системы заочного образования я очутился в конце 1930 г. в числе заочников-лингвистов Центрального института заочного пед[агогического] образования¹⁴. В 1931 г. в порядке территориального распределения заочников-лингвистов меня прикрепили к заочному сектору Нем[ецкого] пед[агогического] института¹⁵ в г. Энгельсе¹⁶. Желая ускорить темпы своей работы, я с разрешения ЦИЗПО¹⁷ и дирекции педагогического института в г. Свердловске¹⁸, где жил и работал, посещал лекции и сдавал зачеты в порядке экстерната за курс пед[агогического] вуза. Сдав в 1932 г. все до того времени не сданные зачеты по программе стационарного педвуза при педагогическом ин[ститу]те в Свердловске и закончив, таким образом, полный курс высшего педагогического образования¹⁹, я в 1933 г. поступил в аспирантуру Московского института иностранных языков²⁰, успешно выдержав испытания. Когда в 1934 г. объявлен был прием в аспирантуру при исторических факультетах в МГУ²¹ и МИИФЛ²² со специализацией по древней истории, я, не окончив курса аспирантуры в МИИЯ²³, поступил в аспирантуру МИИФЛ (по древней истории), успешно выдержав испытания²⁴. В 1937 г. я окончил аспирантуру МИИФЛ; 25.IX того же года я защитил диссертацию на тему: «Рабские восстания в Италии и Сицилии во II и I вв. до н. э.»²⁵. Диссертация защищалась на степень кандидата исторических наук. Защита диссертации прошла успешно, и 15.XI.[19]37 г. ученый совет Московского ин[ститу]та истории, философии и литературы вынес постановление о присуждении мне ученой степени кандидата исторических наук²⁶.

Трудовая деятельность началась для меня с того времени, как я стал студентом, т. е. с 19 лет. В 1920 г. я поступил на службу в Раб[оче]-крестьянскую инспекцию (г. Черкассы). В ноябре 1920 г. меня призвали на военную службу в Раб[оче]-кр[естьянскую]

Красн[ую] Армию и назначили сперва на должность библиотекаря, <а потом на должность инструктора>²⁷ организатора полит[ическо-] просвет[ительского] отд[ела] черкасск[ого] военкомата. Одновременно с военной службой я вел педагогическую работу в школах II ст[упени], участвовал в работе Черкасск[ого] истор[ического] музея и Черкасск[ого] комитета охраны памятников искусства, старины и природы. Весной 1921 г., ввиду ликвидации полит[ическо-] просвет[ительского] отд[ела] при военкоматах, меня перевели на службу в комиссию по отсрочкам при черкасск[ом] военкомате на канцелярскую работу. В 1922 г. я был освобожден от военной службы в Красной Армии по демобилизации. В войсках и учреждениях белых правительств никогда не служил. После освобождения от военной службы, я почти всецело занялся педагогической работой, но не прекращал все же работы в Черкасск[ом] историч[еском] музее и Черкасск[ом] комитете по охр[ане] памятников искусства, старины и природы. С 1924 г. по 1928 г. я служил в конторе черкасск[ого] комбината «Сахаротрест»²⁸. С 1-го сентября 1928 г. я снова возвратился на педагогическую работу, но работал уже не в качестве рядового преподавателя, а в качестве зав[едующего] школой 7-летней и зав[едующего] уч[ебной] частью. С 1929 г. по 1931 г. я был председателем районного методич[еского] бюро школ повышенного типа (г. Токмак²⁹) и членом краевого бюро (г. Токмак). С 1931 г. началась моя работа в высшей школе в качестве преподавателя в гос[ударственном] университете³⁰ и металлург[ическом] ин[ститу]те (г. Свердловск). За хорошую педагогическую работу был награжден в 1933 г. грамотой и званием лучшего ударника-педагога по университету (в г. Свердловске). Кроме того, в конце учебного года (в июне 1933 г.) был выдвинут секц[ией] научных работников³¹ и мест[ным] ком[итет]ом Свердловского гос[ударственного] университета в аспирантуру. В 1933 г. (осенью) я выдержал конкурсные испытания в аспирантуру Московского института иностр[анных] языков. Не закончив курса аспирантуры при Моск[овском] ин[ститу]те нов[ых] языков³², я в 1934 г. поступил в аспирантуру Московского ин[ститу]та истории, философии и литературы (по спец[иальности] древняя история), успешно выдержав испытания. Будучи аспирантом, я продолжал педагогическую работу в высших уч[ебных] заведениях Москвы. С 28.VIII.[19]36 г. по 1.IX.[19]37 г. я был зав[едующим] кафедрой иностранных языков Московского ин[ститу]та НХУ³³ при ЦУНХУ Госплана СССР³⁴ и, кроме того, читал лекции по древней истории для учителей средней школы по поручению ГИПКНО³⁵. В течение трех лет (с 1934 по 1937 г.) я исполнял в порядке общественной нагрузки обязанности секретаря кафедры древн[ей] истории при Моск[овском]

ин[ститу]те ист[ории], фил[ософии] и литературы, исполнял поручения Комиссии советского контроля³⁶ (проверял пед[агогическую] практику студентов-историков МИИФЛ) и участвовал в работе Ком[иссии] сод[ействия] гос[ударственному] кредиту³⁷.

Мой отец умер в 1931 г. На моем иждивении состоят: жена, дочь и совершенно нетрудоспособная и больная мать³⁸. Жена моя происходит из материально необеспеченной трудовой семьи, все трудоспособные члены которой добывали себе средства к существованию личным трудом. Состояние моего здоровья удовлетворительное, но дает себя чувствовать нервное переутомление³⁹. 23.V.[19]38 г. ВКВШ⁴⁰ утвердил меня в ученном звании доцента по кафедре древней истории Саратовского государственного университета⁴¹. С 1-го сентября 1937 г. я исполняю обязанности зав[едующего] кафедрой древней истории⁴² и веду работу в качестве доцента.

Ив. Вейцковский

8.IV.[19]38 г.

Комментарии

¹ Архив СГУ. Д. 30 [И.И. Вейцковский]. Л. 4-5; 17-19.

² Публикация подготовлена А.А. Сеницыным. Комментарии составлены канд. ист. наук А.А. Сеницыным и канд. ист. наук В.А. Соломоновым.

³ Иван Иванович Вейцковский родился 12 марта (28 февраля по новому стилю) 1900 г.

⁴ В автобиографии 1937 г. Вейцковский сообщает, что «кончил полный восьмиклассный курс Черкасской гимназии» (Архив СГУ. Д. 30 [И.И. Вейцковский]. Л. 4). П. Довгань указывает, что Вейцковский учился в гимназии с 1910 по 1919 г. (Довгань П. Вейцківський Іван Іванович // ІФЛНУ. Львів, 2000. С. 87).

⁵ Черкассы – уездный город (до 1954 г.) Киевской губернии, расположенный в 180 км к юго-востоку от Киева, на правом берегу Днепра. В настоящее время является центром Черкасской области Украины.

⁶ Днепропетровский (Екатеринославский) университет – основан в 1918 г. на базе Высших женских курсов. Ныне это одно из крупнейших высших учебных заведений Украины – Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара.

В год создания университета (1918 г.) в его структуре было 4 факультета: медицинский, физико-математический, юридический и исторический. Обучение в вузе было платным: от 300 до 500 рублей в год в зависимости от факультета (см.: Пахоменков Ю. Возникновение университета в Екатеринославе-Днепропетровске. 2000 // http://gorod.dp.ua/history/article_ru.php?article=18. – 01.01.2010). И.И. Вейцковский поступил на исторический факультет, но окончил лишь первый курс университета (1919–1920 учебный год).

⁷ Днепропетровск – город, который ныне является областным центром Днепропетровской области Украины; до 1926 г. он носил имя Екатеринослав.

⁸ В автобиографии 1937 г. И.И. Вейцковский называет иную причину, по которой он тогда не смог получить высшего образования: «Ввиду закрытия в 1920 г. Екатеринославского университета, я возвратился в Черкассы» (Архив СГУ. Д. 30 [И.И. Вейцковский]. Л. 4). Действительно, в 1920 г. университет в Екатеринославе был закрыт, и вместо него были организованы Высший институт народного образования и Медицинская академия, переименованная в 1921 г. в Медицинский институт (см.: *Яворницкий Д.И.* История города Екатеринобурга. Днепропетровск, 1989. С. 72). Но, возможно, И.И. Вейцковский оставил университет до того, как вуз был расформирован, поскольку из-за отсутствия средств он был не в состоянии оплачивать учебу (см.: Коммент. 6).

⁹ *Рабоче-крестьянская инспекция* (Рабкрин, РКИ) – орган государственного контроля, действовавший в Советской России с 1920 по 1934 г. Контролеры и инспекторы РКИ осуществляли финансовые проверки, следили за эффективностью работы различных ведомств.

¹⁰ Речь идет о созданном в 1921 г. Черкасском институте народного образования, в 1933 г. реорганизованном в Черкасский государственный педагогический институт имени 300-летия воссоединения Украины с Россией, на базе которого в 1995 г. был учрежден Черкасский государственный университет имени Богдана Хмельницкого (в 2003 г. университету присвоен статус национального).

¹¹ *Киевский археологический институт* – научно-исследовательское учреждение, созданное весной 1919 г. для осуществления исследований в области археологии и древней истории. Ныне это Институт археологии Национальной академии наук Украины.

¹² *Высший институт народного образования* (с 1926 г. – Киевский институт народного образования, КИНО) – учебное заведение, созданное в 1920 г. на базе Киевского университета св. Владимира и Высших женских курсов. В 1933 г. КИНО был преобразован в Киевский педагогический институт. Ныне это Национальный педагогический университет имени М.П. Драгоманова.

¹³ *Второй Московский государственный университет* (2-й МГУ) – высшее учебное заведение смешанного типа, возникшее в 1918 г. на базе Московских высших женских курсов, с 1930 г. – Московский государственный педагогический институт (МГПИ), а с 1990 г. – Московский педагогический государственный университет (МПГУ).

¹⁴ *Центральный институт заочного педагогического образования* (ЦИЗПО) – высшее учебное заведение, созданное в конце 1920-х гг. на базе Второго МГУ и заочного сектора Института повышения квалификации педагогов (ИПКП).

¹⁵ *Немецкий (государственный) педагогический институт* (Немпединститут, DPH – *Deutsche Pädagogische Hochschule*) – высшее учебное заведение с 4-летним сроком обучения, готовившее преподавателей семилетних и средних школ, техникумов АССР Немцев Поволжья. Институт функционировал с 1 октября 1929 г. по 19 сентября 1941 г.

¹⁶ *Энгельс* (до 1931 г. – Покровск) – город в Саратовской области; в 1922–1941 гг. – столица АССР Немцев Поволжья (декретом Совнаркома РСФСР от 19 октября 1918 г. образована Автономная область Немцев Поволжья, которая 19 декабря 1923 г. была преобразована в АССР Немцев Поволжья).

¹⁷ См.: Коммент. 14.

¹⁸ *Свердловский педагогический институт* (с 1933 г. по 1991 г.) – высшее учебное заведение педагогического профиля. Основан в 1930 г. как Уральский индустриально-педагогический институт (УрИПИ). Ныне это Уральский государственный педагогический университет (УрГПУ).

¹⁹ В справочнике по историческому факультету Львовского университета (ИФЛНУ) не верно указано, что И.И. Вейцковский окончил Уральский педагогический институт (см.: *Довгань П.* Указ. соч. С. 87). Сам И.И. Вейцковский в личной карточке сотрудника СГУ, в графе «образование; какой ВУЗ окончил и когда», отметил: «высшее; педагогический институт в Энгельсе; 1932 г.» (Архив СГУ. Д. 30 [И.И. Вейцковский]. Л. 10).

²⁰ *Московский институт новых языков* (с 1930 г.) – крупнейший российский научно-учебный центр в области языкознания. В 1935 г. был переименован в Московский государственный педагогический институт иностранных языков (МГПИИЯ), а в 1990 г. преобразован в Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ).

²¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

²² *Московский (государственный) институт истории, философии и литературы* имени Н.Г. Чернышевского (МГИИФЛ, МИИФЛ, МИФЛИ) – высшее учебное заведение университетского типа, занимавшееся подготовкой педагогов общественно-научных предметов для средней школы и научных работников. Институт функционировал с 1931 по 1941 г.

²³ См.: Коммент. 20.

²⁴ В аспирантуре (1934–1937) научным руководителем И.И. Вейцковского был известный советский историк античности, профессор Владимир Сергеевич Сергеев (1883–1941). В 1934–1941 гг. В.С. Сергеев являлся заведующим кафедрой истории древнего мира МГУ и МИФЛИ (см. об этом в статье А.А. Сеницына, помещенной в настоящем сборнике, с. 199–201).

²⁵ Сохранилась копия отзыва на его кандидатскую диссертацию, составленного специалистом по римской истории, профессором Ю.В. Сергиевским (Архив СГУ. Д. 30 [И.И. Вейцковский]. Л. 11–12). Работу И.И. Вейцковского оппонент рассматривает критически (см. в статье А.А. Сеницына, с. 226–227).

²⁶ В личном деле Вейцковского есть копия выписки из протокола № 5 от 15.XI.1937 г. заседания ученого совета МГИИФЛ о присуждении ему ученой степени кандидата исторических наук (Архив СГУ. Д. 30 [И.И. Вейцковский]. Л. 21).

²⁷ Эта вставка в машинописный текст сделана автором от руки.

²⁸ *Сахаротрест* – объединение государственной сахарной промышленности РСФСР и УССР ВСНХ РСФСР.

²⁹ *Токмак* – город (с 1938 г.; до 30 декабря 1962 г. – Большой Токмак) Запорожской области Украины.

³⁰ Уральский государственный университет (УрГУ) имени А.М. Горького был учрежден в Екатеринбурге (с 1924 г. по 1991 г. – Свердловск) декретом Совнаркома РСФСР от 19 октября 1920 г. В 1925 г. вуз был переименован в Уральский политехнический институт, а в 1931 г. – в Свердловский государственный университет. Ныне это вновь Уральский государственный университет им. А.М. Горького.

³¹ Секция научных работников (СНР) – орган профессионального объединения научной интеллигенции, создан в декабре 1922 г. при Всеработпросе (Всероссийском профсоюзе работников просвещения).

³² См.: Комментар. 20.

³³ Московский институт народно-хозяйственного учета (МИНХУ) – высшее учебное заведение экономического профиля, основан в 1932 г., с 1945 г. – Московский экономико-статистический институт (МЭСИ), а с 1996 г. – Московский государственный университет экономики, статистики и информатики.

³⁴ Центральное управление народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) Госплана СССР – советский государственный орган, занимавшийся сбором статистики (1931–1941). Образовано декретом Совнаркома РСФСР от 25 июля 1918 г. как Центральное статистическое управление РСФСР (ЦСУ РСФСР). В настоящее время Федеральная служба государственной статистики.

³⁵ Вероятно, речь идет о Центральном институте повышения квалификации и заочного обучения кадров народного образования (ЦИПКЗОКНО), возникшем в 1931 г. на базе реорганизованного Центрального института заочного педагогического образования (см.: Комментар. 14).

³⁶ Комиссия советского контроля при СНК СССР (КСК) – орган государственного контроля, создана в феврале 1934 г. вместо Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) для систематической проверки исполнения постановлений правительства и укрепления государственной дисциплины во всех звеньях советского хозяйственного аппарата.

³⁷ Комиссия содействия государственному кредиту СССР – название общественных организаций, возникших в 1927 г. при размещении первого государственного займа индустриализации на предприятиях, в учреждениях и колхозах.

³⁸ Дополнительных сведений о родителях и жене ученого обнаружить не удалось. В личном листке по учету кадров, датированном 22.V.1954, в графе «семейное положение» И.И. Вейцковский указал: «Женат. На моем иждивении находится жена и трое детей» (АЛНУ. Спр. 3014. Л. 4).

³⁹ После слова «чувствовать» И.И. Вейцковский сначала вставил еще одно слово (похоже, «первичное»), которое потом зачеркнул.

⁴⁰ Всесоюзный комитет по делам высшей школы (ВКВШ; ВАК ВКДВШ – Высшая аттестационная комиссия Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР) – в СССР центральный орган государственного управления высшей и средней специальной школой в 1936–1946 гг.

⁴¹ В личном деле И.И. Вейцковского наличествует выписка из протокола ВАК ВКВШ от 23 мая 1938 г. (§ 111) об утверждении его в ученом звании доцента по кафедре древней истории. Документ датирован 9 июля 1938 г. (Архив СГУ. Д. 30 [И.И. Вейцковский]. Л. 14).

⁴² На посту заведующего кафедрой истории древнего мира И.И. Вейцковский сменил профессора Павла Сергеевича Рыкова (1884–1942), арестованного органами НКВД в августе 1937 г., за месяц до прибытия Вейцковского (см. в статье А.А. Синицына, с. 202–203, 207–211).

В личном деле И.И. Вейцковского сохранилась копия проекта приказа от 1 декабря 1937 г. о назначении его исполняющим обязанности заведующего кафедрой истории древнего мира (Архив СГУ. Д. 30 [И.И. Вейцковский]. Л. 7). И наличествует приказ № 1765 ВКВШ при СНК СССР от 9 июня 1938 г. «об утверждении в должности и[сполняющего] о[бязанности] зав[едующего] кафедрой истории древнего мира и средних веков (здесь ошибка, поскольку эти кафедры в СГУ изначально существовали раздельно. – А. С.) т[оварища] Вейцковского И.И.» (Там же. Л. 13).

УДК. 378.4.096(470.44-25) (093.3)+929 Таубин

**«ИСТФАК УВЕРЕННО НАБИРАЛ СИЛЫ»
(воспоминания Р.А. Таубина о довоенной жизни
исторического факультета Саратовского университета)**

В.А. Соломонов,
Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: solomonovva@mail.ru

Впервые публикуемый отрывок из воспоминаний заведующего кафедрой истории народов СССР Саратовского университета Р.А. Таубина (1935–1938 и 1940–1941) посвящен этапу становления исторического факультета Саратовского университета в 1920–1940-е гг. Приводятся уникальные данные об известных ученых и преподавателях: академике А.М. Панкратовой, В.В. Буше, С.Н. Чернове и др.

Ключевые слова: Р.А. Таубин, Саратовский университет, исторический факультет, воспоминания, А.М. Панкратова.

**«THE HISTORY DEPARTMENT CONFIDENTLY
GATHERED FORCES»
(R.A. Taubin's memoirs on a pre-war life of the Saratov University's
History Department)**

V.A. Solomonov

The fragment from memoirs of the chief of the chair history of peoples of the USSR of the Saratov university R.A. Taubin (1935–1938 and 1940–1941) is publishing for the first time. It is devoted to becoming of the historical faculty of the Saratov university in the period of 1920–1940-th unique the data about well known scientists and teachers are cited: academicians A.M. Pankratova, V.V. Bush, S.N. Tchernov, etc. The publication and comments are prepared by V.A. Solomonov.

Key words: R.A. Taubin, Saratov University, History Department, memoirs, A.M. Pankratova.

Имя Рафаила Абрамовича Таубина (13 (26).10.1906–25.02.1976), при всех неоднозначных оценках его научно-административной деятельности в период становления и развития университетской

исторической науки, неразрывно связано с довоенной биографией саратовского истфака.

После восстановления факультета кандидат исторических наук, доцент (с 1938 г. – и. о. профессора) Р.А. Таубин в течение первых четырех лет с годичным перерывом (1935–1938 и 1940–1941) руководил кафедрой истории народов СССР, сумев придать ее облику, насколько этому способствовали общая политическая атмосфера в стране и личный опыт руководящей деятельности, прежние, казалось, навсегда утраченное значение. Были возобновлены и с учетом новых запросов советской исторической науки продолжены многие начатые еще в 1920-е гг. научно-исследовательские работы. Как и раньше сотрудниками кафедры активно стали разрабатываться вопросы по археологии Нижнего Поволжья, истории Саратова и Саратовского края, изучаться жизнь и деятельность Н.Г. Чернышевского, история русского крестьянства в эпоху феодализма, а также проблемы методологии истории и историографии.

Исследовательские интересы самого Р.А. Таубина простирались, главным образом, в области изучения проблем общественного движения в России в 1850-е гг. и научного краеведения. Его внимание привлекали как сюжеты исторической биографии, так и страницы из истории Гражданской войны, культурного строительства в Поволжье¹.

Из дошедших до нас письменных свидетельств студентов-историков предвоенных лет складывается вполне определенное мнение о присущих молодому Таубину больших педагогических способностях, умении не только доходчиво донести до слушателей содержание читаемого курса, но и пробудить в них самих исследовательский интерес.

«Студентам набора 1937 г. <...>, – вспоминал Г.Д. Бурдей, – не довелось встретиться с П.С. Рыковым, арестованным и загубленным. Все чаще и чаще они виделись с Р.А. Таубиным, который вскоре и возглавил факультет. Наш курс часто встречался с ним в процессе его лекций по истории России XIX в., спецсеминара по

¹ См.: Таубин Р.А. Культурное строительство в Саратовской области: (Народное образование, здравоохранение, искусство). Саратов, 1939; Он же. Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов – патриоты демократической России // Н.Г. Чернышевский: Сб. статей к 50-летию со дня смерти великого революционера-демократа. Саратов, 1939; Он же. Из истории борьбы с меньшевистской и эсеро-кулацкой контрреволюцией в период гражданской войны в б[ывшей] Саратовской губернии // Учен. зап. Саратов. ун-та. 1939. Сер. ист. ф-та. Т. 1 (14), вып. 1. С. 3–46; Он же. Чернышевский – революционер-демократ // Сталинец (Саратов). 1939. № 9. С. 43–63.

Н.Г. Чернышевскому и спецкурса по истории России накануне 1-й мировой войны. Лектор выступал с подъемом, энергично вовлекая студентов в процесс познания истории. Он был активен, деятелен на собраниях, в процессе чтения публичных лекций. Пользовался вниманием университетского коллектива, общественности Саратова. Поддерживал тесные связи с Институтом повышения квалификации учителей»².

Научно-организаторская деятельность Р.А. Таубина не ограничивалась одним лишь преподаванием и руководством кафедрой истории народов СССР. После трагических событий 1937 г., связанных с арестом выдающегося ученого-археолога и декана исторического факультета СГУ профессора П.С. Рыкова, он был вынужден временно – с 1938 по 1939 г. – возглавить работу деканата и заняться укреплением учебной базы факультета и обеспечением его научно-педагогическими кадрами, взамен трагически «изъятых» органами НКВД, увы, не без личного участия в том и Рафаила Абрамовича³. Но уже в 1940/41 учебном году, с назначением на этот пост доцента Б.С. Зевина, ученый вновь возвратился к прежним своим обязанностям. Однако на этот раз исполнять их ему пришлось недолго.

С началом Великой Отечественной войны Р.А. Таубин «...был призван в ряды Советской Армии, где и прослужил около 10 лет, в

² Бурдей Г.Д. Панкратова – профессор Саратовского университета: Документы и материалы. 1937–1940. К 90-летию СГУ. Саратов, 1999 [Рукопись] // Коллекция документов по истории Саратовского университета В.А. Соломонова (Саратов). Ср. с аналогичным признанием Я.Д. Куртонина (1975): «Р.А. Таубин руководил спецсеминаром по изучению жизни и деятельности Н.Г. Чернышевского. Он привил нам такой интерес к великому революционному демократу, нашему земляку, что многие из нас очень активно занимались, писали рефераты, доклады» (Там же).

³ «Р.А. Таубину, – замечал впоследствии Г.Д. Бурдей, – довелось возглавить факультет и работать преподавателем в очень тяжелое время “большого террора”. Во всех дошедших до нас документах он выступал громовержцем и активнейшим борцом против “врагов народа”. Но и ему не удалось избежать наказания – за недостаточное усердие. Поскольку инакомыслящие чаще всего изымались на историческом факультете, Таубину чаще других приходилось выступать сокрушителем “крамолы”, в роли лидера правдолюбцев, быть у всех на виду. В этой обстановке даже партийный выговор был для него во благо» (Там же). См. также: *Троицкий Н.А.* Книга о любви: (Записки историка). Саратов, 2006. С. 104.

По признанию же самого Р.А. Таубина, он «за период пребывания в комсомоле и в партии всегда активно боролся со всеми врагами партии и народа – с двурушниками Герчиковым, Хворостинным, Слепковым. Ни в каких оппозициях, фракциях или группировках не участвовал, никаких уклонов от генеральной линии партии, шатаний или колебаний не имел» (*Таубин Р.А.* Автобиография [28.X.1937 г.] // Архив СГУ. Д. 1а [Р.А. Таубин]. Л. 30 об.).

Высшем Военно-педагогическом институте им. М.И. Калинина: в 1941–1942 (до марта 1942 г.) в качестве слушателя этого института; с марта 1942 г. по декабрь 1945 г. – преподавателя кафедры истории ВКП(б), а с января 1946 г. по ноябрь 1950 г. – преподавателя кафедры истории СССР (период капитализма и социализма)»⁴. После демобилизации из Вооруженных Сил он с апреля 1952 г. работал доцентом (с 1965 г. – профессором) и заведующим (1953–1957) кафедрой истории СССР Ульяновского педагогического института.

Навсегда покинув Саратовский университет, Р.А. Таубин, тем не менее, не прервал с ним научных контактов. Об этом, в частности, свидетельствует его переписка с некоторыми саратовскими историками (Л.А. Дербовым, И.В. Порохом, Г.Д. Бурдеем, В.М. Гохлернер), а также активное личное участие в проходившей на базе университета 15–18 октября 1958 г. научной конференции, посвященной 130-й годовщине со дня рождения Н.Г. Чернышевского⁵. Не менее памятным и «...знаменательным явлением в нашей не только научной, но и общественной жизни»⁶ стала и трехдневная всесоюзная дискуссия по истории народничества, состоявшаяся 16–18 марта 1966 г. в Институте истории АН СССР, во время которой между Р.А. Таубиным и саратовским историком Н.А. Троицким (одним из основных докладчиков) разгорелись поистине нешуточные баталии⁷.

⁴ Письмо Р.А. Таубина Л.А. Дербову от 29 апреля 1958 г. // ГАСО. Ф. Р-3731. Оп. 2. Д. 98. Л. 2–2 об.

⁵ На этой конференции Р.А. Таубин, вероятно, выступил с докладом «Кружок Н.Г. Чернышевского и вопрос о создании революционной партии в годы первой революционной ситуации в России», текст которого позже был опубликован в сборнике «Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования, материалы» (Саратов, 1961. Т. 2).

⁶ Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 101.

⁷ «Устроителями дискуссии, – подчеркивает Н.А. Троицкий, – выступили две проблемные группы Института истории: Группа по изучению революционной ситуации в России 1859–1861 гг. (руководитель – академик М.В. Нечкина) и Группа по изучению общественного движения в пореформенной России (руководитель – Б.С. Итенберг <...>). С докладом от первой группы выступил на дискуссии доктор исторических наук А.Ф. Смирнов. Альтернативный доклад от второй группы был доверен мне. <...>

Некоторые ораторы из Группы М.В. Нечкиной выступали против меня с агрессивной предвзятостью, – особенно, Г.С. Азаров из Московского автомеханического института и Р.А. Таубин из Ульяновского пединститута. Таубин голословно определил все сказанное в моем докладе о революционерах 60-х годов как (цитирую его) “неправильное, не соответствующее фактам игнорирование действительности” и, перейдя с доклада на личность докладчика, сделал мне внушение: “Береги честь смолоду!” Я воспринял таубинскую эскападу тем острее, что знал от своих старших коллег: в 1938–1939 гг. Рафаил Абрамович был деканом нашего саратовского истфака (!) и подозревался в политических доносах. Мне очень хотелось отреагировать в заключительном слове на его внуше-

О жизни и деятельности Р.А. Таубина в Саратове сохранилось немало документальных свидетельств, сосредоточенных в государственных, ведомственных и частных архивных коллекциях. Они позволяют достаточно полно и правдиво обозначить основные вехи биографии ученого, начиная с характеристики семейного быта и окружения Рафаила Абрамовича и заканчивая его работой в различных партийно-политических, общественных и научно-образовательных учреждениях города. Всестороннее и по возможности объективное изучение этих граней личности ученого – задача будущих серьезных исследований.

Настоящая публикация преследует более конкретную цель – познакомить научную общественность, интересующуюся историей становления и развития отечественной исторической науки и высшего гуманитарного образования, с мемуарным эссе Р.А. Таубина. В нем содержатся впечатления очевидца и непосредственного участника практически всех ключевых событий предвоенной жизни исторического факультета Саратовского университета⁸.

Рукописный оригинал указанных воспоминаний, написанных синими чернилами на трех листах (с обеих сторон) бумаги формата А4, в настоящее время хранится в ГАСО в составе личного фонда профессора Саратовского университета Л.А. Дербова, по просьбе которого они и были созданы⁹. При публикации данного источника, снабженного подробным комментарием, в полном объеме учтены как авторские редакторские вкрапления, так и карандашные пометки, уточнения и выделения отдельных фрагментов текста, сделанные рукой Л.А. Дербова после знакомства с ним.

ние такой репликой: “Да, если честь смолоду не сбережешь, потом, в старости, без нее, судя по всему, трудно жить”. Но В.Е. Иллерицкий, которому я сказал о своем намерении, уговорил меня “не накалять страсти”. Когда, через несколько лет, Таубин умер, я почувствовал, что поступил правильно, отказавшись от заготовленной было реплики» (Там же. С. 101–102, 104–105).

⁸ Таубин Р.А. К истории ист[орического] фак[ультет]а Саратовского университета имени Н.Г. Чернышевского. 29/IV–1958 г. [Рукопись] // ГАСО. Ф. Р.-3731. Оп. 2. Д. 98. Л. 5–8 об.

⁹ В письме к Л.А. Дербову от 29 апреля 1958 г. Р.А. Таубин сообщал: «В данном письме я сообщаю, в соответствии с Вашим запросом, некоторые сведения о себе. Прилагаю отдельно свои краткие воспоминания о некоторых штрихах из истории истфака университета. Прилагаю также копию статьи из газеты “Коммунист” от 12/X–1939 г. секретаря парткома университета т. Колесника, посвященной характеристике кадров истфака накануне 30-летнего юбилея университета» (Там же. Л. 1).

К ИСТОРИИ ИСТФАКА САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Р.А. Таубин

ON THE HISTORY OF HISTORICAL DEPARTMENT OF SARA- TOV UNIVERSITY NAMED N.G. TCHERNYSHEVSKY

R.A. Taubin

С 1924 по 1941 гг. мне довелось близко соприкоснуться с Саратовским университетом вначале в качестве студента (1924–1928 гг.), а позднее – преподавателя. В 1920-е годы исторический факультет в Саратовском университете существовал не в чистом виде, а в форме социально-экономического отделения педагогического факультета¹. В годы моего студенчества деканом педфака был известный исследователь творчества Глеба Успенского проф[ессор] В.В. Буш². Из наиболее видных профессоров факультета в 1920-е годы, из числа старшего, дореволюционного поколения, следует упомянуть профессоров истории СССР С.Н. Чернова³, автора ряда ценных работ по истории декабристского движения⁴, П. Любомирова⁵, автора монографий по истории рус[ской] промышленности XVIII–XIX вв., 2-го нижегородского ополчения и др.⁶; профессора всеобщей истории С.В. Юшкова⁷, известного позднее своими трудами по истории феодализма в Киевской Руси и учебником по истории государства, права и хозяйства нашей страны⁸. Из литературоведов, помимо проф[ессора] Буша, большой популярностью пользовался проф[ессор] А.П. Скафтымов⁹.

Осенью 1931 г., на основе решения правительства и ЦК ВКП(б) о передаче высших учебных заведений в ведение заинтересованных наркоматов, произошла реорганизация университета. Мед[ицинский] фак[ультет] был преобразован в самостоятельный мединститут¹⁰ и перешел в ведение Наркомздрава РСФСР. Пед[агогический] фак[ультет] в октябре 1931 г. был преобразован в самостоятельный¹¹ Саратовский педагогический институт¹² Наркомпроса РСФСР. Таким образом, с 1931 г. и до 1935 г. в университете не было гуманитарного факультета. После ряда постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР в 1934–35 гг. («О преподавании гражданской истории», «Об учебниках по истории СССР и истории нового времени», об ошибках т. н. «школы Покровского» и др.) началось в университетах СССР восстановление специального исторического образования и, в

частности, специальных исторических факультетов. В 1934 г. были восстановлены истфаки в Москве и Ленинграде, а в 1935 г. в ряде периферийных вузов, в том числе и в Саратовском университете им. Н.Г. Чернышевского¹³.

На основе решения ЦК ВКП(б) Совнарком РСФСР и Саратовские обком ВКП(б) и облисполком приняли ряд важных мер по восстановлению истфака Саратовского университета, по созданию благоприятных условий для его плодотворной работы. Ему было предоставлено особое здание, в котором ныне размещаются ист[орический] фак[ультет] и фил[ологический] фак[ультет] университета¹⁴, выделено учебное оборудование и т. д. Для работы на факультете были направлены преподаватели: проф[ессора] Рыков П.С.¹⁵ и И.В. Синицын¹⁶ (археология), профессора Охоцимский¹⁷ и Зайдель¹⁸ (всеобщая история), профессор Большов¹⁹ и кандидат философских наук Комков²⁰ (философия), доцент Альфиш²¹ (политическая экономия). По кафедре истории СССР к работе были привлечены В.А. Осипов²², Р.А. Таубин. Вскоре был приглашен А.Л. Шапиро²³ и др.

Правительство отпустило большие средства для материального оборудования исторического факультета. Только на приобретение специальной исторической литературы (помимо богатых фондов Научной библиотеки) было отпущено 200 тысяч рублей²⁴.

Большую положительную роль для факультета сыграл приезд на работу в Саратовский университет в конце 1937 г. профессора А.М. Панкратовой²⁵, проработавшей на факультете до 1940 г. (включительно). Высокий теоретический уровень ее лекций по истории СССР XX в. (включая советский период), богатейший опыт научно-исследовательской работы, которым она щедро делилась с товарищами по работе, дружеская поддержка растущей научной молодежи – все это в очень большой мере способствовало сплочению дружного²⁶ коллектива преподавателей факультета под руководством партийной организации университета, трудившегося над решением стоявших перед факультетом задач²⁷. В первые же годы своего существования (после возобновления) – в 1935–[19]37 гг. – истфак уверенно набирал силы. Попытки отдельных работников факультета (Б.Д. Рязанов²⁸, Зайдель) увести факультет с правильного пути²⁹ были разоблачены и опрокинуты партийной организацией университета³⁰. Но в конце 1937 – начале 1938 г. положение на историческом факультете резко осложнилось. По разным причинам от работы на факультете была отстранена большая часть его работников: профессора Рыков П.С., Охоцимский, Большов³¹ и другие. В условиях, когда год от года развертывались новые курсы, кафедры и расширялась потребность в научно-педагогических кадрах – фа-

культет оказался в крайне трудном положении. Как раз в это время, – в январе 1938 г., – на меня возложено было исполнение обязанностей декана истфака³². Заместителем декана истфака был утвержден В.А. Осипов³³. Первоочередной задачей перед факультетом стала проблема кадров. Представление университета о командировании на работу на саратовский истфак квалифицированных научно-преподавательских кадров, главным образом, из числа оканчивающих аспирантуру в московских и ленинградских вузах (преимущественно МГУ³⁴, МИФЛИ³⁵, ЛГУ³⁶ и ЛИФЛИ³⁷) получило поддержку ЦК ВКП(б), в лице секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова³⁸. По указанию ЦК нар[одный] ком[иссар] прос[вещения] РСФСР П.А. Тюркин³⁹ санкционировал в начале 1938 г. посылку в Саратов, предварительно отобранную работниками университета, значительную группу талантливой, хорошо подготовленной молодежи из числа питомцев аспирантуры. Эти товарищи и составили основной костяк коллектива преподавателей исторического факультета университета. В 1937–1940 гг. были приглашены, таким образом⁴⁰, для работы на истфаке⁴¹ университета кандидаты исторических наук Шапиро А.Л.⁴², Деренковский⁴³, Вейцковский⁴⁴, Лыс⁴⁵, Бартенев⁴⁶, Пумпянский⁴⁷, Михалев⁴⁸ и др., преподаватели Дербов Л.А.⁴⁹, Ципкина З.М.⁵⁰, Морозова Т.Л.⁵¹, Гейликман Э.Л.⁵², Дубинский А.М.⁵³, Зевин Б.С.⁵⁴, Киреев⁵⁵ и другие. При большой повседневной помощи Саратовского обкома и облизполкома, ректората и партийной организации университета в основном были решены вопросы жилищно-бытового устройства приглашенных работников.

Особое внимание партийная организация, ректорат университета и факультетские организации уделяли вопросам идейно-теоретического роста преподавателей, повышения их научной квалификации. Предпринимались усилия для создания благоприятных условий роста всем работникам факультета, особенно тем из них, которые по тем или иным причинам еще не закончили выполнения кандидатских диссертаций. Им предоставлялись научные командировки, изыскивались пути к тому, чтобы без ущерба для производства высвободить время для работы над собою и т. д. Это позволило за сравнительно короткие сроки завершить и успешно защитить свои кандидатские диссертации тт. Морозовой, Гейликман, Дубинскому, Осипову, Дербову⁵⁶ и другим работникам факультета.

Наличие сплоченного коллектива растущих научных работников, большая товарищеская помощь советом, научной консультацией и т. д. со стороны такого⁵⁷ высококвалифицированного ученого и педагога как проф[ессор] А.М. Панкратова – ее работа в Саратове в

1937–1940 гг. оставила глубокий след на всех сторонах жизни истфака⁵⁸ – позволило факультету к 1940–41 учебному году добиться первых успехов в подготовке специалистов-историков⁵⁹. Особо хотелось бы отметить серьезную постановку специальных семинаров и дипломных студенческих работ, из которых впоследствии у довольно большой группы студентов (у тт. Афанасьева⁶⁰, Потетенкина⁶¹ и многих других) выросли кандидатские диссертации. Это подтверждается также⁶² тем фактом, что многие студенты уже из первых выпусков истфака оказались достаточно подготовленными для того, чтобы в сравнительно короткие сроки написать и успешно защитить кандидатские диссертации. Напомню для примера несколько известных мне фамилий: тт. Кузьмин Н.⁶³, Соколов⁶⁴, Афанасьев, Потетенкин, Бурякова⁶⁵, Ивакин⁶⁶ и другие, часть которых ныне является работниками истфака.

В 1938/39 уч[ебном] году при истфаке возникла аспирантура. Из первых аспирантов помню тт. Иллерицкого⁶⁷, Абдуллаева⁶⁸, Мехтиева⁶⁹ и др. Тогда же, в порядке шефства над Красной Армией, были приняты в аспирантуру без отрыва от производства офицеры тт. Кернес⁷⁰, Илясов⁷¹, – оба они, уже после Отечественной войны, довели дело до защиты своих кандидатских диссертаций.

Успешно окончили аспирантуру и тт. Иллерицкий, Абдуллаев, Мехтиев. В основе этих первых успехов в подготовке специалистов-историков, а также молодых научных работников из талантливой студенческой молодежи находилась, на мой взгляд, дружная, сплоченная работа основной массы членов преподавательского коллектива, систематический рост их идейного уровня и деловой квалификации, большая воспитательная работа, которую вела на факультете, как и во всем университете, партийная организация.

В этой связи уместно подчеркнуть еще один очень важный момент в жизни исторического факультета в 1935–1941 гг. Я говорю об этом периоде только потому, что знаю жизнь факультета именно в эти годы. Этот момент, который обязательно должен быть отмечен – высокий уровень политической сознательности студентов истфака обоего пола, их горячий, проявленный в делах, советский патриотизм. В горячем соревновании за высокие показатели в учебе, захватившем в 1938–[19]41 гг. все факультеты университета, истфак неоднократно завоевывал переходящее Красное знамя университета. Особенно упорной была борьба за первенство в университете между коллективами истфака и физмата. Высокий уровень патриотизма и боевой доблести проявили многие студенты – добровольцы истфака в период Советско-финской войны 1939–[19]40 гг. Смертью храбрых погибли коммунист Рахманкулов⁷², а также награжденный

орденом Ленина, б[ывший] председатель факультетской организации Осоавиахима, фамилию которого, к сожалению, я не мог вспомнить⁷³. Его, несомненно, вспомнят другие наши товарищи. Высокую доблесть в период финской кампании проявили и многие другие студенты-историки: т. Кузьмин Н.⁷⁴, Шеметов⁷⁵, Карабельщиков⁷⁶ и др. Они же, как и десятки других студентов и студенток истфака, в первые дни Великой Отечественной войны добровольно пошли в ряды Красной Армии, с честью выполнив свой долг перед Родиной. Мне кажется, что в дни пятидесятилетия Саратовского университета коллектив истфака⁷⁷ может и обязан с гордостью вспомнить и отметить десятки и сотни своих питомцев, не щадивших крови, а некоторые и жизни, в борьбе за свободу и независимость нашей Социалистической Родины. Мне известно, что наш питомец Казаков удостоен звания Героя Советского Союза⁷⁸, а десятки бывших студентов удостоены многих высоких правительственных наград. Следовало бы также учесть и⁷⁹ отметить в дни юбилея университета значительную группу питомцев истфака Саратовского университета, выросших в заметных партийных, государственных и научных работников (т. Грубьяков⁸⁰, Шукин⁸¹, Н. Кузьмин, Кучмин⁸² и др.). Ведь в росте питомцев университета вообще и его истфака, в частности, нашли свое воплощение и проявление значительная работа партийной и комсомольской организаций университета и коллектива его преподавателей.

* * *

Хотелось бы сказать несколько слов о создании учебных кабинетов истфака и обеспечении их научной литературой. Это была трудная задача, потребовавшая для своего решения немалых усилий.

На истфаке Саратовского университета, после его восстановления в 1935 г., было развернуто пять исторических кафедр: истории Древнего мира, истории Средних веков, Нового времени, зависимых и колониальных стран и истории [народов] СССР⁸³. Кафедры основ марксизма-ленинизма, философии, политэкономии были общеуниверситетскими. Для вновь созданных кафедр необходимо было создать кабинеты, обеспечить их учебной и научной литературой, особенно для спецсеминаров и дипломных работ. Большую помощь в решении этой задачи оказала Научная библиотека университета, возглавляемая тогда, как и ныне, В.А. Артисевич⁸⁴. За счет фондов Научной библиотеки были созданы основы кабинетов истфака. Большие приобретения дореволюционной исторической литературы были сделаны в магазинах букинистической книги Мо-

сквы, Ленинграда, Саратова⁸⁵. Следует отметить большое значение приобретенной истфаком специально подобранной библиотеки б[ывшего] канцлера К. Нессельроде⁸⁶. Эта ценнейшая библиотека по истории и внешней политике главных европейских стран (по 1850-е годы включительно) на английском, французском и немецком языках была национализирована в одном из родовых поместий потомков Нессельроде⁸⁷ и передана Саратовскому Комвузу⁸⁸, а после его реорганизации – Саратовской Высшей сельскохозяйственной коммунистической школе⁸⁹. В силу специфики учебного плана этой школы, библиотека Нессельроде находилась там без употребления. Об этом стало известно работникам истфака. По их ходатайству и при поддержке Саратовского обкома ВКП(б), указанная библиотека была приобретена и составила основу кабинета истории Нового времени⁹⁰.

Таковы отдельные штрихи из истории ист[орического] фак[ультета]а [Саратовского государственного] университета им[ени] Н.Г. Чернышевского, сохранившиеся в моей памяти.

29/IV – 1958 г.

Р. Таубин.

Комментарии

¹ С апреля 1919 по 1922 г., в связи с изменением по решению Наркомпроса РСФСР структуры гуманитарного образования, кафедры русской и всеобщей истории, существовавшие на историко-филологическом факультете Саратовского университета с 1917 г., входили в состав вновь созданного факультета общественных наук (ФОН). В 1922 г., после очередной реорганизации университета, историческое (затем – общественно-экономическое) отделение было включено в состав педагогического факультета, а в сентябре 1931 г. в числе прочих его подразделений оказалось выделенным в самостоятельный педагогический институт.

² Буш Владимир Владимирович (1888–1934), филолог. В 1924–1931 гг. профессор кафедры истории русской литературы и декан (с 1927 г.) педагогического факультета Саратовского университета. С марта 1931 г. работал в качестве ученого секретаря в Институте новой русской литературы АН СССР.

³ Чернов Сергей Николаевич (1887–1941), историк, источниковед и краевед. Специалист по истории освободительного движения в России первой четверти XIX в. В 1917–1928 гг. профессор Саратовского университета, с 1939 по 1940 г. работал в Институте истории науки и техники АН СССР, читал курс лекций в Институте народов Севера АН СССР, а с весны 1941 г. заведовал кафедрой русской истории на историческом факультете Ленинградского городского педагогического института (см.: *Андреева Т.В., Соломонов В.А.* Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941 / Отв. ред. А.Н. Цамутали. Саратов, 2006).

⁴ См.: *Чернов С.Н.* У истоков русского освободительного движения: Избр. статьи по истории декабризма / Под ред. Б.Е. Сыроечковского, И.В. Пороха. Саратов, 1960; *Он же.* Павел Пестель: Избр. статьи по истории декабризма / Сост., вступ. статья, коммент. Т.В. Андреевой и В.С. Парсамова; Под. ред. А.Н. Цамутали. СПб., 2004.

⁵ Любомиров Павел Григорьевич (1885–1935), историк, краевед и архивовед. Специалист по социально-экономической истории России XVII–XX вв. Профессор Томского (1917–1920) и Саратовского (1920–1930) университетов, член Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК) (с 1911) (см.: *Кушева Е.Н.* П.Г. Любомиров в Саратовском университете: Страницы воспоминаний // *Историогр. сборник.* Саратов, 1991. Вып. 15; *Куреньшев А.А.* «Разоблачение» профессора П.Г. Любомирова // *Годы и люди.* Саратов, 1992. Вып. 7; *Он же.* Судьба историка: П.Г. Любомиров. 1885–1935 // *Историогр. Сборник.* Саратов, 2001. Вып. 19; *Соломонов В.А.* «Отношение П.Г. [Любомирова] к университету было чрезвычайно бережным и любовным»: С.Н. Чернов о саратовском периоде жизни П.Г. Любомирова // *Сарат. краевед. сб.: Науч. тр. и публ.* Саратов, 2002; *Он же.* Историк – страдающий: П.Г. Любомиров // *Историк и власть: советские историки сталинской эпохи.* Саратов, 2006 и др.).

⁶ См.: *Любомиров П.Г.* Очерки по истории русской промышленности в XVIII – начале XIX вв. Л., 1930; *Он же.* Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России (XVII, XVIII и начало XIX вв.): Географическое размещение металлопромышленности. Л., 1937; *Он же.* Очерки по истории русской промышленности (XVII, XVIII и начало XIX вв.). М.; Л., 1947 (переизд. кн. 1930 г.); *Он же.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. Пг., 1917.

⁷ Юшков Серафим Владимирович (1888–1952), историк и источниковед, член-корреспондент АН УССР (1939), академик АН КазССР (1946), профессор Саратовского (1919–1926), Ленинградского (1926–1930) и Московского (1948–1952) университетов (см.: Серафим Владимирович Юшков: К 60-летию со дня рождения и 35-летию науч.-пед. деятельности. М., 1948; *Черепнин Л.В.* К 60-летию со дня рождения С.В. Юшкова. 1948 г. // *Черепнин Л.В.* Отечественные историки XVIII–XX вв.: Сб. статей, выступлений, воспоминаний. М., 1984. С. 293–303; Серафим Владимирович Юшков. М., 1989 и др.)

⁸ См.: *Юшков С.В.* К истории древнерусских юридических сборников (XIII в.) Саратов, 1921; *Он же.* Феодальные отношения в Киевской Руси // *Учен. зап. Сарат. ун-та.* 1925. Т. 3, вып. 4. С. 1–108; *Он же.* Судебник 1497 г. (к внешней истории памятника) // *Там же.* 1926. Т. 5, вып. 3. С. 1–46; *Он же.* Исследования по истории русского права. Вып. 1: Устав кн. Владимира (историко-юридическое исследование). Саратов; Новоузенск, 1925–1926; *Он же.* Русская Правда (текст по 5 ред. и 7 спискам). Киев, 1935; *Он же.* История государства и права СССР. Ч. I. 4-е изд. М., 1961.

⁹ Скафтымов Александр Павлович (1890–1968), литературовед, заслуженный деятель науки РСФСР (1947). В 1923–1955 гг. профессор, заведующий (с 1944 г.) кафедрой русской литературы филологического факультета Саратовского университета (см.: *Жук А., Покусаев Е.* Александр Павлович Скафтымов // *Вопр. лит-ры.* 1970. № 9. С. 114–128; *Павловская К.Е.* Из воспоминаний // *Изв. Сарат. ун-та.* Нов. сер. 2006. Т. 6. Сер. Филология. Журналистика, вып. 1/2. С. 77–85 и др.)

¹⁰ С 1994 г. Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского (СГМУ).

¹¹ Здесь и далее в рукописном оригинале имеются карандашные подчеркивания, сделанные Л.А. Дербовым.

¹² С 1998 г. Педагогический институт Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

¹³ На основании постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР» в 1934 г. открылись исторические факультеты в Московском и Ленинградском университетах. Летом 1935 г. Саратовский обком ВКП(б) и облисполком возбудили ходатайство перед правительством об учреждении аналогичного факультета и в Саратове. И уже 8 сентября того же года наркомом просвещения РСФСР А.С. Бубновым соответствующий приказ был подписан. Так, третьим в РСФСР (после МГУ и ЛГУ) и первым на периферии в 1935 г. был создан, а по существу – восстановлен, берущий начало с 1917 г. исторический факультет в Саратовском университете (см.: *Соломонов В.А.* Исторический факультет Саратовского государственного университета: время, события, люди // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. 2007. Т. 7. Сер. История. Международные отношения, вып. 2. С. 5–27).

¹⁴ С 1935 по 1999 г. исторический факультет (а с 1945 г. и вновь образованный филологический факультет) Саратовского университета размещался в здании бывшей купеческой биржи (ул. Радищева, 41). Ныне – учебный корпус Поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина.

¹⁵ Рыков Павел Сергеевич (1884–1942), историк, археолог и краевед, с 1922 по 1937 г. профессор, декан педагогического (1924–1927) и исторического (с 1935 г.) факультетов, заместитель ректора (1927–1932) Саратовского университета. Одновременно занимал должности: директора областного музея краеведения (с 1923 г.) и Н.-В. ин-та краеведения им. М. Горького (с 1924 г.), заведующего музейным отделом Саратовского губоно (1923–1925) и сектором науки крайоно (1931–1933), председателя Н.-В. бюро краеведения (с 1931 г.) и др. Репрессирован (см.: *Худяков М.Г.* 25-летие научной деятельности проф. П.С. Рыкова // Сов. этногр. 1935. № 2. С. 155–158; *Максимов Е.К.* Павел Сергеевич Рыков (к 100-летию со дня рождения) // АВЕС. Саратов, 1989. С. 3–11 и др.)

¹⁶ Сеницын Иван Васильевич (1900–1972), археолог, исследователь древнейшей истории Нижнего Поволжья. С 1935 г. работал в Саратовском университете ассистентом, старшим преподавателем, доцентом, профессором (с 1962), заведующим кафедрой археологии (1940–1941 и 1943–1944) и деканом (1943–1953) исторического (до 1945 г. – историко-филологического) факультета (см.: К 70-летию Ивана Васильевича Сеницына // *Античный мир и археология.* Саратов, 1972. Вып. 1. С. 3–11; *Максимов Е.К., Малов Н.М.* Профессор Иван Васильевич Сеницын – советский археолог XX века // *Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения И.В. Сеницына.* Саратов; Энгельс, 2000 и др.)

¹⁷ Охочимский Виктор Николаевич (1880–1942), правовед и историк. В 1927–1931 гг. профессор, заведующий кафедрой хозяйственного права факультета хозяйства и права, в 1935–1937 гг. профессор кафедры Древнего мира исторического факультета Саратовского университета. Репрессирован.

¹⁸ Зайдель Григорий Соломонович (1893–1937), историк и историограф, специалист по истории социальных движений во Франции, бабуизма и синди-

кализма. В 1930–1935 гг. директор Ленинградского отделения Института истории Коммунистической академии, профессор, заведующий кафедрой истории Нового времени и декан исторического факультета ЛГУ, ответственный редактор журнала «Проблемы марксизма». В 1935–1936 гг. профессор и заведующий кафедрой истории Нового времени Саратовского университета. Репрессирован (см.: *Брачёв В.С.* Первый декан истфака ЛГУ Григорий Соломонович Зайдель (1893–1937 гг.) // Актуальные проблемы историографии и исторической науки: Материалы юбил. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. Санкт-Петерб. гос. унта / Под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2004. С. 96–98; *Артизов А.Н., Зеленов М.В.* Зайдель Григорий Соломонович // Чернобаев А.А. Историки России XX века: Библиограф. словарь / Под ред. В.А. Динеса: В 2 т. Саратов, 2005. Т. 1. С. 335–336).

¹⁹ Большов Федор Сергеевич (1892–1938), философ, в 1935–1937 гг. профессор Саратовского университета. Репрессирован.

²⁰ Комков А.А., философ; дополнительных сведений обнаружить не удалось.

²¹ Альфиш С.Д., экономист, в 1935–1939 гг. и. о. профессора кафедры политической экономии Саратовского университета. Впоследствии работала доцентом и заведующей аналогичной кафедрой в Уральском политехническом институте (ныне – Уральский государственный технический университет).

²² Осипов Владимир Алексеевич (1905–1996), историк и краевед, специалист по истории Саратовского Поволжья. В 1935–1983 гг. работал в Саратовском университете: с 1940 г. – доцентом кафедры истории народов СССР, с 1953 по 1965 г. – деканом исторического факультета (см.: К 70-летию В.А. Осипова // Поволжский край. Саратов, 1975. Вып. 4. С. 178–184).

²³ Шапиро Александр Львович (1905–1994), историк, специалист по историографии и социально-экономической истории России XV–XVII вв. В 1937–1941 гг. доцент кафедры истории народов СССР исторического факультета Саратовского, с 1956 г. профессор Ленинградского университетов (см.: *Тургаев А.С., Кащенко С.Г.* Шапиро А.Л. // Историки России: Биографии. М., 2001. С. 783–787).

²⁴ О комплектовании библиотеки исторического факультета см.: *Чуева А.В.* Библиотека истфака Саратовского госуниверситета // Сталинец (СГУ). 1937. 15 июня; Обреченные. Переписка Д.Б. Рязанова с профессором П.С. Рыковым (май 1937 г.) / Вступ. статья, подгот. текста к публ. и коммент. Я.Г. Рокитянского // ОА. 1995. № 2. С. 95–102. См. также: Примеч. 85, 90.

²⁵ Панкратова Анна Михайловна (1897–1957), историк, академик АН СССР (1953). В 1937–1940 гг. профессор и заведующая (с 1939 г.) кафедрой истории народов СССР Саратовского университета, с 1940 г. заместитель директора Института истории АН СССР (см.: *Историк и время. 20–50-е годы XX века.* А.М. Панкратова. М., 2000 и др.)

²⁶ Слово «дружного» вставлено автором поверх основного текста.

²⁷ Подробнее см.: *Дербов Л.* «Без права заниматься научной деятельностью...» // Годы и люди. Саратов, 1992. Вып. 7. С. 102–116; *Бурдей Г.Д.* Панкратова – профессор Саратовского университета в 1937–1940 гг. // *Историк и время. 20–50-е годы XX века.* А.М. Панкратова... С. 74–76.

²⁸ Рязанов Давид Борисович (наст. имя и фам. Гольдендах Давид-Симха Зельман Беров, 1870–1938), историк, источниковед и архивист, академик АН СССР (1929), заведующий ГУАД (1918–1920), создатель и первый директор ИМЭ. В 1935–1937 гг. работал научным консультантом в НБ СГУ (см.: *Рокитян-*

ский Я.Г. Трагическая судьба академика Д.Б. Рязанова // НиНИ. 1992. № 2. С. 107–148; Он же. Теоретическое завещание академика Д.Б. Рязанова // Вестн. РАН. 1993. Т. 63, № 11. С. 1035–1044; Рокитянский Я.Г., Мюллер Р. Красный диссидент. Академик Рязанов – оппонент Ленина, жертва Сталина: Биограф. очерк. Документы. М., 1996; Аврус А.И., Саунин И.В., Соломонов В.А. Саратовцы – академики и члены-корреспонденты Российской академии наук: Биобиблиограф. очерки. Саратов, 2005. С. 157–161 и др.)

²⁹ Далее следует неподдающееся расшифровке зачеркнутое слово.

³⁰ Д.Б. Рязанов был арестован 23 июля 1937 г. по подозрению «...в антисоветской деятельности и организационной связи с правотроцкистской террористической организацией. Ученый решительно отверг все обвинения и в ходе допросов, и в своем последнем слове на закрытом судебном заседании выездной сессии Военной коллегии Верховного Совета СССР 21 января 1938 г. Заседание продолжалось 15 минут. В 20 часов был объявлен смертный приговор, в тот же день приведенный в исполнение» («Я не совершал никакого преступления»: Две саратовские рукописи академика Д.Б. Рязанова. 1932–1934 гг. / Публ. Г.Д. Головиной и Я.Г. Рокитянского // ИА. 1995. № 2. С. 201).

Годом раньше, 6 мая 1936 г., был арестован и доставлен в Ленинград Г.С. Зайдель. «Предъявленное обвинение было типичным для того времени: руководство “троцкистско-зиновьевской террористической организацией, совершившей 1 декабря 1934 г. злодейское убийство С.М. Кирова и подготовлявшей при помощи агентов фашистской германской тайной полиции (гестапо) террористические акты в отношении других руководителей ВКП(б) и советской власти, а также личное участие в подготовке покушения на тов[арища] Кирова”. В ходе изнурительных допросов Г.С. Зайдель быстро “сломался” и, пойдя на поводу у следствия, оговорил не только себя, но и ряд своих коллег и друзей. В ходе закрытого судебного заседания выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР 11 мая 1937 г. Г.С. Зайдель “вину” свою полностью признал и данные в ходе следствия показания подтвердил. В своем последнем слове, стремясь избежать высшей меры наказания, просил о снисхождении, но безуспешно, и в тот же день 11 мая 1937 г. был расстрелян» (Брачѳ В.С. Указ. соч. С. 98).

³¹ П.С. Рыков был арестован органами НКВД в середине августа 1937 г., а 24 января 1938 г., обвиненный «в причастности к свержению советской власти и реставрации капитализма путем проведения террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства», приговорен к 10 годам заключения, с отбыванием наказания во Владлаге, близ города Владивостока. Здесь он 26 марта 1942 г. и умер (см.: Малов Н.М. П.С. Рыков – директор музея краеведения и «дело изучения Н.Г. Чернышевского» // Историк и историография: Материалы науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения Л.А. Дербова. Саратов, 1999. С. 229–235; Максимов Е.К. «Враги народа» на музейном фронте // Поволжский край. Саратов, 2000. Вып. 2. С. 194–203 и др.)

В том же году был арестован В.Н. Охочимский. Вскоре по сфабрикованному обвинению «в контрреволюционной и подрывной деятельности» он был приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР к 10 годам с отбыванием наказания в исправительно-трудовом лагере, где в 1942 г. при невыясненных обстоятельствах и скончался (см.: Сталинские списки // <http://stalin.memo.ru/names/p281.htm>. – 01.09.2009; Профессора Томского университета: Биограф. словарь / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, Л.Л. Берцун, А.В. Литвинов. Томск, 1998. Т. 2. С. 340–341).

В октябре 1937 г. органами НКВД был взят под стражу Ф.С. Большов, а 23 января 1938 г., обвиненный в мифическом участии в антисоветской организации, осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания. В тот же день он был расстрелян в Саратове (см.: Материалы к книге памяти Саратовской обл. // http://www.sovunion.info/lists/saratov/index.shtml?193_51. – 01.05.2009).

³² Деканом исторического факультета Саратовского университета Р.А. Таубин был с 13 января 1938 г. по апрель 1939 г.

³³ С 15 июля 1937 г. по 13 января 1938 г. В.А. Осипов временно исполнял обязанности декана исторического факультета Саратовского университета.

³⁴ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ) – старейший классический университет России. В настоящее время МГУ – это комплекс из 40 факультетов, готовящих кадры самых разных направлений.

³⁵ Московский институт философии, литературы и истории им. Н.Г. Чернышевского (МИФЛИ, 1931–1941) – гуманитарное высшее учебное заведение университетского типа, готовивший педагогов обществоведческих предметов для средней школы и научных работников. В декабре 1941 г. подразделения МИФЛИ слились с соответствующими факультетами МГУ.

³⁶ Ленинградский государственный университет (ЛГУ) – один из крупнейших и старейших университетов России, ведущий свою историю с созданного в 1819 г. в результате переименования и последующей реорганизации Главного педагогического института. С 1991 г. – Санкт-Петербургский государственный университет.

³⁷ Ленинградский институт философии, лингвистики и истории (ЛИФЛИ, 1930–1937) – один из главных центров отечественной исторической науки и высшего исторического образования. Создан на базе упраздненного факультета языка и материальной культуры ЛГУ. Первоначально назывался ЛИЛИ (Ленинградский институт лингвистики и истории). Просуществовал до 1937 г., когда все его факультеты были переведены в состав ЛГУ.

³⁸ Жданов Андрей Александрович (1896–1948), политический деятель, генерал-полковник (1944). В 1934–1944 гг. первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), с 1939 г. член Политбюро ЦК.

³⁹ Тюркин Петр Андреевич (1897–1950), государственный и партийный деятель. С 12 октября 1937 г. по 1 марта 1940 г. занимал пост наркома просвещения РСФСР. Репрессирован (см.: *Моторина Л.А.* Тюркин Петр Андреевич, директор Индустриального института (22.06.1935–19.06.1936) (27.06.1940–10.09.1941) // Науч.-техн. ведомости СПбГТУ. СПб., 1999. № 3. С. 154–158).

⁴⁰ Словосочетание «таким образом» вставлено автором поверх основного текста.

⁴¹ Далее зачеркнуто «таким образом».

⁴² Кандидатская диссертация А.Л. Шапиро «Очерки по истории крестьянского хозяйства в Петровское время» была защищена в Ленинградском университете в 1938 г.

⁴³ Деренковский Григорий Михайлович (1912–1978), историк, специалист в области изучения социально-экономических предпосылок и особенностей первой буржуазно-демократической революции и внешнеполитической истории России периода империализма. В 1938–1941 гг. учился в аспирантуре при МГУ, по окончании которой защитил под научным руководством А.М. Панкратовой кандидатскую диссертацию на тему «Крестьянское восстание на Украине в

Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г.». С 1941 г. доцент кафедры истории народов СССР и декан (1942–1943) историко-филологического факультета Саратовского университета. Впоследствии работал в научно-исследовательских и высших учебных заведениях Москвы – Высшей школе парторганизаторов, Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), Московском государственном институте международных отношений и Институте истории АН СССР. С марта 1966 г. в течение более двух лет исполнял обязанности главного редактора, а затем до конца 1975 г. был заместителем главного редактора журнала «Исторические записки» (см.: *Тютюкин С.В.* Памяти Григория Михайловича Деренковского // *Ист. зап. М.*, 1979. Т. 104. С. 338–357).

⁴⁴ Вейцковский Иван Иванович (1900–1977), историк античности, специалист в области социально-политических процессов в Римской рабовладельческой республике II–I вв. до н. э. и международных отношений в Западном Средиземноморье в III–II вв. до н. э. В 1937–1941 гг. доцент, исполняющий обязанности заведующего кафедрой истории Древнего мира исторического факультета Саратовского университета. С 1944 г. и до конца жизни преподавал и руководил (до 1970 г.) кафедрой истории Древнего мира и археологии в Львовском университете. Кандидатская диссертация И.И. Вейцковского «Рабские восстания в Италии и Сицилии во II и I вв. до н.э.» была защищена в Московском институте истории, философии и литературы (МИФЛИ) в 1938 г.

⁴⁵ Лыс Доната Петровна (1913 – после 1978), историк-медиевист, в 1938–1940 гг. доцент кафедры Средних веков исторического факультета Саратовского университета. Впоследствии работала в Московском областном педагогическом институте. Кандидатская диссертация Д.П. Лыс, посвященная вопросам социально-политической истории Каролингской эпохи, была защищена в МИФЛИ в 1938 г.

⁴⁶ Бартенев Алексей Сергеевич (1906–1942), историк-медиевист, специалист по истории средневековой Франции. В 1937–1941 гг. доцент, заведующий кафедрой истории Средних веков исторического факультета Саратовского университета. Кандидатская диссертация А.С. Бартенева «Генезис средневековой Нормандии» была защищена в Ленинградском университете в 1937 г. (см.: *Москаленко А.Е.* Из истории медиевистики в Саратовском университете второй половины 30-х годов XX столетия // *Историогр. сборник. Саратов, 1987. Вып. 13. С. 138–142).*

⁴⁷ Пумпянский Сергей Матвеевич (1903 – после 1965), историк-медиевист, в 1941–1949 гг. доцент, заведующий кафедрой истории Средних веков исторического факультета Саратовского университета. Кандидатская диссертация С.М. Пумпянского «Восстание Этьена Марсея» была защищена в Ленинградском университете в 1938 г. (см.: *Москаленко А.Е.* Указ. соч. С. 143–145).

⁴⁸ Михалев Леонид Несторович (1908–?), историк, в 1937–1940 гг. доцент, заведующий объединенной кафедрой новой истории и истории колониальных и зависимых стран исторического факультета Саратовского университета. В ноябре 1932 г. «окончил двухгодичную аспирантуру при Ленинградском историко-философском институте (ЛИФЛИ) по кафедре истории Востока с защитой диссертации (тема диссертации: “Внутренние противоречия японского империализма в послевоенный период”»». (см.: *Гладышев А.В., Соломонов В.А.* Кафедра истории нового времени Саратовского государственного университета: трудный путь становления // *Новая и новейшая история: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2007. Вып. 22. С. 15).*

⁴⁹ Дербов Леонард Адамович (1909–1994), историк, специалист в области изучения внешней политики России XVI–XVII вв. и развития общественной мысли в XVIII–XIX вв. С 1938 по 1989 г. работал на историческом факультете Саратовского университета сначала в качестве старшего преподавателя, а затем доцента (с 1944), профессора (с 1976) и заведующего (1944–1970) кафедрой истории СССР досоветского периода (см.: *Дербов Л.А. Страницы воспоминаний / Подгот. текста, вступ. ст., коммент. А.И. Авруса и С.А. Мезина. Саратов, 2009*).

⁵⁰ Исчерпывающей информации о саратовском периоде научно-педагогической деятельности Зинаиды Михайловны Ципкиной обнаружить не удалось. Известно лишь, что после окончания аспирантуры при историческом факультете МГУ она была направлена на работу в Саратовский университет, где с 1938 по 1940 г. исполняла обязанности доцента по кафедре новой истории и истории колониальных и зависимых стран исторического факультета. Сохранилось также упоминание об участии З.М. Ципкиной в состоявшемся 18 марта 1939 г. на истфаке СГУ интернациональном вечере, посвященном 68-й годовщине Парижской коммуны, на котором она выступила с докладом на французском языке – «Парижская Коммуна» (см.: *Куртонин [Я.Д.] Интернациональный вечер на истфаке // Сталинец (СГУ). 1939. 7 апр.*)

⁵¹ Морозова Тамара Лукинична (1909–2001), историк и общественный деятель. В 1938–1947 гг. работала старшим преподавателем, доцентом кафедры истории народов СССР и деканом (1940–1942) исторического факультета в Саратовском университете.

⁵² Гейликман Эмилия Львовна (1904–?), историк, в 1937–1940 гг. доцент кафедры новой истории и истории колониальных и зависимых стран исторического факультета Саратовского университета.

⁵³ Дубинский Александр Маркович (1906–1982), востоковед, специалист в области изучения международных отношений на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана. С 1938 г. занимал должность ассистента кафедры истории колониальных и зависимых стран, а с 1944 г. – доцента кафедры новой истории исторического факультета Саратовского университета. Впоследствии доктор исторических наук (1966), доцент (с 1967 г. – профессор) Высшей партийной школы при ЦК КПСС (1944–1967), старший научный сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР (1967–1982).

⁵⁴ Зевин Борис Саулович (1901–1941), историк, в 1937–1941 гг. доцент, заведующий кафедрой истории нового времени и декан (1939–1940) исторического факультета Саратовского университета.

⁵⁵ Киреев Андрей Алексеевич (1886–1957), лингвист, владевший латынью, греческим, немецким, сербским и казахским языками. В 1920–1932 гг. преподавал на рабфаке им. В.И. Ленина, в 1936–1938 гг. – в Саратовской Высшей коммунистической сельскохозяйственной школе. С 1939 г. по 1956 г. работал в Саратовском университете сначала в качестве ассистента кафедры истории Древнего мира, а с октября 1943 г. – старшего преподавателя на кафедре языка и языкознания и заведующего кафедрой классических языков (1951–1955) филологического факультета.

⁵⁶ Кандидатские диссертации Э.Л. Гейликман (посвященная вопросам избирательной реформы Э. Тааффе в Австро-Венгрии в 1893 г., 1939) и Т.Л. Морозовой («Русско-иранские отношения после Берлинского конгресса», 1940) были защищены в Ученом совете исторического факультета Московского, В.А. Осипова («Очерки по истории колонизации Нижнего Поволжья во 2-й по-

ловине XVIII в.», 1940) – Саратовского, А.М. Дубинского («Возникновение войны на Тихом океане», 1943) и Л.А. Дербова («Борьба русского государства за выход к Балтийскому морю во второй половине XVI в.», 1944) – Ленинградского университетов.

⁵⁷ Далее следует неподдающееся расшифровке зачеркнутое слово.

⁵⁸ См.: Примеч. 27.

⁵⁹ В 1940 г. состоялся первый выпуск исторического факультета – из 52 студентов 5-го курса 16 получили дипломы с отличием (см.: *Панкратова А.М. Новый отряд советских историков // Сталинец (СГУ). 1940. 24 мая; Говорят выпускники исторического факультета // Там же; Выпускной вечер историков // Там же. 3 июля*).

⁶⁰ Афанасьев Николай Владимирович (1916 – после 1988), историк, участник Великой Отечественной войны. В 1935–1940 гг. учился на историческом факультете Саратовского университета. После демобилизации из армии закончил там же аспирантуру, успешно защитив в 1947 г. кандидатскую диссертацию на тему «Борьба партии большевиков за установление и упрочение советской власти в Саратовской губернии». Впоследствии доцент Ленинградского военно-политического училища.

⁶¹ Потетенькин Пётр Максимович (1918–?), историк. В 1935–1940 гг. учился на историческом факультете Саратовского университета (см.: *Потетенькин П.М. Крестьянские волнения в Саратовской губернии в 1861–1863 гг. / Под ред. А.М. Панкратовой. Саратов, 1940; Он же. Реформа 1861 г. и крестьянское движение в связи с ней в Саратовской губернии. М., 1946*).

⁶² Вставлено автором поверх основного текста.

⁶³ Кузьмин Николай Федорович (1919–?), историк, участник советско-финской и Великой Отечественной войн. В 1937–1941 гг. учился на историческом факультете Саратовского университета. После окончания в 1948 г. одновременно Военной академии им. М.В. Фрунзе и истфака МГУ направлен на работу в Министерство обороны, затем был прикомандирован к Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС для участия в завершении многотомного издания по истории Гражданской войны. Впоследствии занимал должности заместителя главного редактора журнала «Вопросы истории КПСС», заведующего отделом науки ЦК КПСС (с 1967 г.), профессора и первого проректора Академии общественных наук при ЦК КПСС (с 1978 г.), заместителя председателя правления общества «Знание» на общественных началах (с 1986 г.). Автор двух защищенных в Москве диссертаций по истории – кандидатской («Крушение последнего похода Антанты», 1953) и докторской («Крушение походов Антанты», 1961).

⁶⁴ Соколов Святослав Александрович (1913–1985), историк, участник Великой Отечественной войны. В 1940–1941 гг. заведующий кабинетом кафедры основ марксизма-ленинизма, с 1960 г. – доцент, с 1978 г. – профессор, заведующий кафедрой истории СССР советского периода (с 1969 г.) исторического факультета Саратовского университета. Кандидатская диссертация С.А. Соколова «Борьба за хлеб в Саратовской губернии в 1918 г.» была защищена в Саратовском университете в 1952 г. (см.: *Чернобаев А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 353*).

⁶⁵ Бурякова, выпускница исторического факультета Саратовского университета. Дополнительных сведений обнаружить не удалось.

⁶⁶ Ивакин Виктор Иванович, историк, выпускник (1940) исторического факультета Саратовского университета. Впоследствии кандидат исторических на-

ук, доцент, заведующий кафедрой истории КПСС Уральского педагогического института.

⁶⁷ Иллерицкий Владимир Евгеньевич (1912–1980), историк, историограф и методолог. С 1962 г. профессор, заведующий кафедрой истории СССР досоветского периода (1964–1978) Московского историко-архивного института. В 1938–1941 гг. являлся аспирантом кафедры истории народов СССР исторического факультета Саратовского университета (см.: В.Е. Иллерицкий // ВИ. 1981. № 3. С. 188; *Иллерицкая Н.В.* Владимир Евгеньевич Иллерицкий: Путь в науке // История и историки. 2005. № 1. С. 269–290).

⁶⁸ Абдуллаев, аспирант (1938–1941) кафедры истории народов СССР исторического факультета Саратовского университета. Дополнительных сведений обнаружить не удалось.

⁶⁹ Мехтиев, аспирант (1938–1941) кафедры истории народов СССР исторического факультета Саратовского университета. Дополнительных сведений обнаружить не удалось.

⁷⁰ Возможно, речь идет о батальонном комиссаре Иосифе Яковлевиче Кернес, который в 1939 г. закончил Военно-политическую академию, преподавал в Саратовском танковом училище, поступил в адъюнктуру ВПА, а с начала войны и до октября 1941 г. являлся внештатным инструктором ГлавПУРа (см.: *Почтарёв А.Н.* «Оппозиционер» из ГлавПУРа // Великая Отечественная... // <http://gpw.tellur.ru/page.html?r=front&s=pochtarev>. – 14.01.2010).

⁷¹ Фамилия «Илясов» вставлена вместо зачеркнутой «Ильин». Установить личность не удалось.

⁷² Ошибка памяти Р.А. Таубина, на что указывает сделанное Л.А. Дербовым уточнение: «Ф. Рамазанов».

Рамазанов Фетях Алимович (?–1940), студент исторического факультета Саратовского университета. Погиб во время советско-финской войны (см.: *Гартунг Л.* О моем друге // Ленинский путь (СГУ). 1978. 17 февр.)

⁷³ Установить личность не удалось.

⁷⁴ За проявленные в ходе советско-финской войны героизм и отвагу Н.Ф. Кузьмин был награжден медалью «За боевые заслуги» (1940).

⁷⁵ Шеметов Вячеслав Николаев (1919–1941), выпускник исторического факультета Саратовского университета. 11 апреля 1940 г. «...за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с финской белогвардейщиной и проявленные при этом доблесть и мужество» был награжден орденом Красной Звезды. Погиб в первые месяцы Великой Отечественной войны.

⁷⁶ Карабельщиков Александр Иванович (1917–?), выпускник исторического факультета Саратовского университета, в период советско-финской войны награжденный орденом Боевого Красного Знамени (1940). С началом Великой Отечественной войны служил в действующей армии, с 1945 по 1960 г. – в аппарате политуправления Вооруженных Сил СССР. После демобилизации работал в качестве доцента кафедры истории КПСС в Ужгородском государственном университете.

⁷⁷ Словосочетание «коллектив истфака» вставлено автором поверх основного текста.

⁷⁸ Казаков Николай Яковлевич (1912–1990), историк, участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза (1943). В 1937 г. поступил на исторический факультет Саратовского университета, откуда в 1941 г. добровольцем ушел на фронт. После окончания войны служил в Советской армии на во-

енно-политических должностях. Уволен в запас в звании подполковника, после чего преподавал историю и обществоведение в Рижском строительном техникуме.

⁷⁹ Слова «учесть и» вставлены автором поверх основного текста.

⁸⁰ Грубьяков Василий Федорович (1911–1992), дипломат, выпускник исторического факультета Саратовского университета. С 1943 г. на дипломатической службе, работал в центральном аппарате НКВД (МИД) СССР и советских представительствах за рубежом. В 1967–1969 гг. чрезвычайный и полномочный посол в Бельгии, в 1969–1974 гг. – в Турции.

⁸¹ Шукин А.В., выпускник (1940) исторического факультета Саратовского университета. Дополнительных сведений обнаружить не удалось.

⁸² Кучмин Максим Федорович (1915–1972), дипломат, выпускник исторического факультета Саратовского университета. С 1946 г. на дипломатической службе в ранге чрезвычайного и полномочного посланника II класса, работал в центральном аппарате МИД СССР и советских представительствах за рубежом. В 1953–1959 гг. советник посольства в Бельгии; с 1964 г. – советник посольства СССР.

⁸³ Организаторами и первыми руководителями учебно-научных подразделений исторического факультета были: профессора П.С. Рыков (кафедра истории Древнего мира), Е.И. Байбаков (кафедра истории Средних веков), Г.С. Зайдель (кафедра истории Нового времени), Р.А. Таубин (кафедра истории народов СССР). Что касается кафедры истории зависимых и колониальных стран, то ею в момент образования, по-видимому, заведовал Г.С. Зайдель, а после его ареста – некто Верман. В 1937 г. на эту должность был назначен доцент Л.Н. Михалев.

⁸⁴ Артисевич Вера Александровна (1907–1999), деятель российского и международного библиотечного движения, почетный гражданин г. Саратова (1996). С 1932 по 1999 гг. директор Зональной научной библиотеки Саратовского университета (см.: Библиотечная легенда: К юбилею директора Зональной научной библиотеки Саратовского университета Веры Александровны Артисевич. Саратов, 1996).

⁸⁵ В 1935 г. библиотека исторического факультета «...начала работу при наличии 393 названий и 1571 печатн[ых] единиц литературы, выделенной Научной библиотекой СГУ». В последующие полтора года своего существования ее фонды возросли до «18000 томов книг, в большинстве своем обладающих значительной научной ценностью, а в ряде случаев совершенно исключительных по своей редкости» (Чуева А.В. Библиотека истфака Саратовского государственного университета // Сталинец (СГУ). 1937. 15 июня).

⁸⁶ Нессельроде Карл Васильевич, граф (1780–1862), государственный деятель, почетный член Петербургской АН (1833). В 1816–1856 гг. министр иностранных дел, с 1845 г. канцлер Российской империи. Был сторонником Священного союза и одним из виновников дипломатической изоляции России во время Крымской войны.

⁸⁷ Нессельроде Анатолий Дмитриевич, граф (1850–1921), крупный землевладелец, библиофил и коллекционер, владелец знаменитой родовой усадьбы в с. Царёвщина Вольского уезда Саратовской губ. Внук графа К.В. Нессельроде.

⁸⁸ Нижне-Волжский (Саратовский) коммунистический университет имени В.И. Ленина – высшее партийное учебное заведение, готовившие партийных,

советских и профсоюзных работников. С 1922 по 1932 г. размещался в здании бывшей 2-й женской гимназии (ул. Первомайская, 75).

⁸⁹ Решением ЦК ВКП(б) от 21 сентября 1932 г. Коммунистические университеты были реорганизованы в высшие коммунистические сельскохозяйственные школы, прекратившие существование с организацией в 1935 г. Высшей школы пропагандистов при ЦК ВКП(б) и школ пропагандистов в республиканских, краевых и областных центрах.

⁹⁰ По свидетельству А.В. Чуевой, в переданном факультетской библиотеке книжном собрании Нессельроде находились: «энциклопедия Дидро, комплект *Moniteur*'а – официальной газеты эпохи Французской революции (с 1789 по 1835 г.) и богатая иностранная историческая литература по новой истории и в особенности по эпохе Французской революции 1789 г.» (Сталинец (СГУ). 1937. 15 июня. См. также: *Артисевич В.А.* Книжные коллекции в фондах Научной библиотеки при СГУ // Тр. НБ при СГУ. Саратов, 1947. Вып. 1. С. 7-25; *Султанова Н.В.* Коллекции книг А.Д. Нессельроде в Научной библиотеке // Там же. С. 49-61; *Обреченные.* Переписка Д.Б. Рязанова с профессором П.С. Рыковым... С. 95-102; *Попкова Н.А.* Книги из библиотек саратовских усадеб в фонде Научной библиотеки университета // Историк и историография... С. 213-220).

Публикация и комментарии **В.А. Соломонова**

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

В.А. Быкова

В публикуемом фрагменте воспоминаний В.А. Быковой содержатся краткие сведения ее биографии, повествуется о годах ее учебы на историческом факультете Саратовского университета, о преподавателях и сотрудниках. Приводятся оригинальные сведения по истории передачи библиотеки Д.А. Рамзаева (с 1933 г. по 1935 г. – директора Саратовского университета, заведующего кафедрой экономической географии) в Саратовский университет.

Ключевые слова: В.А. Быкова, воспоминания, исторический факультет, Саратовский университет, библиотека Д.А. Рамзаева, научная библиотека СГУ им. В.А. Артисевич.

ABOUT THE TIMES AND MYSELF

V.A. Bykova

In a publishing fragment of memoirs of V.A. Bykova the short data of her biography is represented. She narrates about the years of her study at the history department of the Saratov University, about her teachers and employees. Original stories about the transfer of D.A. Ramzaev's library in the Saratov university (he was the director of the Saratov university and the chief of the chair of economic geography since 1933 to 1935 years) are described.

Key words: V.A. Bykova, memoirs, history department, the Saratov State University, D.A. Ramzaev's library, Regional Scientific Library named about V.A. Artisevich.

Я – коренная саратовчанка. Родилась в Саратове 16 января 1940 г. всю жизнь прожила здесь. Мои первые жизненные впечатления связаны с тихим районом Саратова, где родные улицы – Большая Горная, Чапаева, Вольская. Здесь прошли мои детство, юность, отсюда пошла любовь к городу, интерес к его истории, отсюда мои друзья разлетелись по новым местам – от Москвы до Магадана.

Город свой люблю. Опыт ближних и дальних поездок показал, что уже через две недели начинаю тосковать по нему, не по семье, работе, знакомым, а именно по городу. И хотя грустно видеть его

современно неухоженным, но в нем еще много притягательности, самобытности.

Родители мои – люди пришлые. Отец, Быков Алексей Федорович, родом с волгоградчины, с Белого озера, из крестьянской семьи. Когда умер его отец, то ему, десятилетнему мальчику, старшему в семье, где было еще семеро детей, пришлось встать за плуг. Позднее, был матросом, слесарем, служил действительную... Когда закончилась армейская служба, попал на курсы и, набираясь знаний и опыта, стал продвигаться по службе в хлебопекарной промышленности Саратовской области. Наверное, крестьянские корни и привели его к хлебу, цену которому он хорошо знал.

Во время Великой Отечественной войны он воевал на пяти фронтах, после ранения в голову в 1944 г. работал в Саратове по обеспечению воинских эшелонов. В 1946 г. демобилизовался и вернулся к хлебу – заведовал Центральной лабораторией, был директором крупнейшего и лучшего в то время в Саратове хлебозавода № 1, который носил имя И. В. Сталина. Наконец, был назначен начальником областного управления хлебопекарной промышленности, вырастил целую плеяду молодых директоров, был соавтором знаменитого саратовского калача.

В 1968 г., в 63 года, он ушел на пенсию, стал работать лифтером в своем доме и никогда не стыдился, что после высокого поста был простым тружеником: «Я ведь работаю, а не ворую, чего же стыдиться!». Когда он умер в 1978 г., то по объявлению в газете пришло много старых сотрудников, из венков над могилой получился огромный холм. У отца, конечно, был талант – талант организатора. Он умел найти подход к людям, заставить их работать на пределе сил. До сих пор живы старые работницы хлебозаводов, которые вспоминают его в превосходных степенях, говоря, что у него был золотой характер.

Мама моя, Машкова Мария Георгиевна, из крестьян Владимирской области, но уже ее родители с конца XIX в. жили в городе. Она рано потеряла мать и вместе с братьями и сестрой воспитывалась мачехой. В голодные послереволюционные годы семья переехала в Саратов. После окончания школы мама окончила бухгалтерские курсы, работала в Пугачеве, где и познакомилась с моим отцом. Она очень хорошо знала литературу – и русскую, и зарубежную – и еще до войны начала собирать библиотеку. По вечерам дома читали вслух, так, например, я с детства хорошо знала Диккенса.

На своей улице наша семья была особой: за отцом приезжала бричка с кучером, а потом машины – «Москвич», «Жигули». Но семья была демократичной, никогда не кичилась положением отца.

Помню, что мы с ним ездили на пароходе в Хвалы́нск, где жили родственники, и я, девочкой, очень гордилась, что ездили мы всегда первым классом. Видимо, в моем поведении отцу что-то не понравилось, и очередную поездку я провела в третьем классе, только что не на палубе, – получив хороший урок.

Возможно, родители что-то говорили между собой о 1937 г., о тяготах жизни, о культе личности, но со мной они разговоров об этом не вели. Да и когда умер Сталин, мне было всего тринадцать лет. Помню, что в дни до похорон всё сидела около радио, слушала передачи из Колонного зала, а сама, глотая слезы, читала книгу А. Дюма «Двадцать лет спустя», которую кто-то дал на пару дней. Очень огорчилась и плакала, когда всех одноклассников приняли в эти дни в комсомол, а меня не взяли, так как года не хватало.

Училась я с шести с половиной лет в начальной школе № 55 (1946–1950) в нескольких домах от нашего двора (теперь в этом здании музыкальная школа). Упросили директора взять меня, ибо все дворовые ребята учились, а я оставалась одна. Директриса взяла с большим сомнением – не сможет, мала, будет плохо учиться. Первая моя учительница Кошелькова Надежда Александровна была старой женщиной, но доброй и благожелательной к детям. Училась я на «отлично», получая грамоты и книги в подарок. Была счастлива, когда первой в классе предоставили право прочитать «Два капитана» В. Каверина, ибо школа получила только два экземпляра этой книги.

После начальной перешла в среднюю школу № 14. Поразило и здание, выстроенное еще до войны по типовому проекту, и учительницы, которые были одеты в разные по фасону платья из темно-синей шерсти. Каждую субботу в физкультурном зале устраивали показ фильмов; мы пересмотрели всю советскую киноклассику: «Тринадцать», «Чапаев», «Два бойца» и др. Для школьников это был праздник: «в город», как говорили, в кинотеатр «Пионер» нас одних не отпускали, а родители все работали, семейные походы в кинотеатр были редкими.

Я много занималась пионерской работой, с 6-го по 8-й класс была председателем совета дружины. Мои сочинения обычно читали как образец в других классах, а я была очень застенчивой. Как-то прибыл пароход с пионерами. С ними ехали Борис Полевой и Анатолий Рыбаков, наша школа должна была их встречать. Мне поручили написать и произнести приветствие. Текст я написала, а говорить отказалась, выступала с приветствием другая девочка. Со старшей пионервожатой Валентиной Степановной Абрамовой мы поддерживали дружеские отношения до конца ее жизни. Так полу-

чилось, что какое-то время она была редактором университетской многотиражки «Ленинский путь» по моей рекомендации.

В 9-м классе (1954 г.) в школу пришли мальчики, началось совместное обучение. Естественно, что направляли в другие школы не самых лучших учеников. И вот мы два года занимались с теми, кто попал в наш класс. Через 24 года (когда мы собрались) они поблагодарили нас, что все пошли учиться дальше только благодаря нашим трудам. Из 26 учеников вышло три доцента, остальные – инженеры, педагоги. Только 2–3 человека не получили высшего образования. В 9–10-х классах я была старостой, старостой своего класса остаюсь и сейчас, хотя уже хороним своих одноклассников.

Училась по все предметам ровно. Очень любила историю. Преподавала ее Инна Михайловна Кавунова. Как я выяснила, уже будучи преподавателем, муж ее написал краеведческую работу «Города Саратовской области». Была я и одним из лучших математиков класса. Поэтому, когда окончила школу с золотой медалью в 1956 г., по настоянию мамы поехала учиться в Ленинград, в Институт точной механики и оптики. Но ленинградский климат сыграл со мной злую шутку – начала болеть и пришлось уехать. Впервые образовалось свободное время. Много читала, думала и решила поступать на исторический факультет. Пригодилась медаль. Я прошла собеседование и до начала занятий вместе с медалистами других факультетов поехала в колхоз на трудовой семестр.

А второго сентября 1957 г. (первого было воскресенье) началась учеба на историческом факультете. Много позже я смогла оценить, у каких необыкновенных преподавателей мы учились: Л.А. Дербов, В.А. Осипов, И.В. Сеницын, А.И. Озолин, С.М. Стам, М.С. Персов, А.Ф. Остальцева, Э.К. Путный, И.С. Кашкин, В.М. Гохлернер, Э.Э. Гернштейн, Е.И. Динес, М.Я. Косенко, И.В. Порох, Г.Д. Бурдей, Б.Д. Козенко. Это были преподаватели обширной эрудиции и в то же время простые и скромные.

Много лет спустя, из публикаций в газете «Советская Россия» я узнала, что отец А.И. Озолина, ученого европейской известности, был начальником ж/д станции и в его доме провел свои последние дни Л.Н. Толстой. Хотя бы когда-нибудь А.И. Озолин намекнул об этом, а ведь я с ним была связана по работе в ОСЧД 11 лет.

А лекции Л.А. Дербова, внешне академичные, суховатые, без излишних эмоций, но какая глубина, авторская оценка, а его уважение к личности студента, мягкий юмор и всеобъемлющие знания! Очень интересен был Б.Д. Козенко, к его занятиям готовились особо, зная его манеру задавать совершенно нетрадиционные вопросы. Казалось, что подготовились, комар носа не подточит, и в очеред-

ной раз на семинаре чувствовали себя щенками, брошенными в воду научной мысли, в которой только барахтались, но не умели плавать. Жаль, что у него что-то не сложилось на факультете, он уехал в Самару, а там стал доктором наук, заведующим кафедрой.

Сотрудники кабинетов кафедр: Нина Георгиевна Андерс, которая абсолютно все знала о каждом студенте. Всегда была в центре событий, к ней бежали и с горем, с радостью. Мы с ней дружили до последних дней ее жизни. Таисия Дмитриевна с кафедры Средних веков, готовая всегда прийти на помощь в розыске литературы. Вахтер – неизменная тетя Тося...

Дорогой истфак! Прекрасное было время. Даже совершенно детское соперничество с филологами: быстрее попасть в буфет, в раздевалку... Буфет был на втором этаже, около лестницы в подвал: тесно, медленно продвигается очередь. Но вот комендантом стал Григорий Иосифович Герштейн, бывший военный, и начал улучшать быт студентов. Под его руководством мы расчистили подвал, где и была оборудована столовая. Однажды во время демонстрации, проходя площадь, кто-то из истфаковцев начал кричать: «Да здравствует Герштейн!» (он всегда в лёгкой форме, со всеми наградами стоял в окне истфака), остальные подхватили здравицу. А после праздника меня вызвал заместитель декана В.А. Хасин и стал спрашивать: «Кто кричал?». Конечно, ответила, что не видела. Почему В.А. Хасин обратился с вопросом ко мне? Мы с ним отвечали за шефскую работу на станкостроительном заводе, он – от партийной организации, я – от комсомольской. Видимо, он считал, что наши отношения сделают меня более откровенной.

Занимались мы, не выходя с факультета, до десяти вечера, уходили, когда закрывались кафедральные кабинеты, ибо после лекций нужно было готовиться к занятиям следующего дня. Перехватив пирожков с кефиром, переходили с одной кафедры на другую или в читальный зал библиотеки. К примеру, на все 50 человек было всего два учебника по истории южных и западных славян, а ведь нужно было подготовиться к занятиям и к экзаменам. С нами учились незрячие студенты, мы им помогали готовиться к экзаменам: читали вслух учебники.

После первого курса у нас была археологическая практика на Гуселке около Пристанного. Я так приистрастилась к археологии, что еще два года ездила на раскопки и даже была участником студенческой конференции в Московском университете. Вместе с В.Г. Мироновым мы увидели новый комплекс зданий университета, жили в этих прекрасных комнатах общежития. Всем курсом ездили летом на сельхозработы. На четвертом курсе под руководством

Г.Д. Бурдея ездили на музейную практику в Москву и Ленинград, попали и в Новгород. Для нас, провинциалов, это был новый мир, прекрасный увлекательный.

Курс был очень сильным по составу. Моими однокурсниками были нынешние доктора наук Г. Дыльнов, В. Всемиров, В. Каратеев. А всего из моих однокурсников вышло 7 докторов наук, 5 кандидатов, 2 заслуженных работника культуры (но сведения явно неполные).

На четвертом курсе я вышла замуж за своего однокурсника Зверева Юрия Васильевича. Он учился по индивидуальному плану, так как уже стал литсотрудником университетской многотиражки «Ленинский путь». Поэтому после окончания истфака его оставили работать в многотиражке, а меня Л.А. Дербов рекомендовал В.А. Артисевич в Научную библиотеку СГУ.

Л.А. Дербов всегда был моим незримым ангелом-хранителем. На экзамене (очевидно, это был первый курс) он очень удивился, как я запомнила династические связи семейства Ярослава Мудрого. А так как я часто заглядывала в кабинет кафедры к Нине Георгиевне, то, видимо, и «мозолила» ему глаза. По его инициативе мы с В.Г. Мироновым поехали на конференцию в МГУ. Как-то Леонард Адамович Дербов предложил мне пойти летом поработать в домемузее Н.Г. Чернышевского с перспективой дальнейшей работы там. Но я ответила, что поступая на истфак, в заявлении написала, что поеду туда, куда потребуется. Очевидно, я очень озадачила его своим ответом. В библиотеке я часто общалась с его женой В.И. Любенко, которая работала в отделе редких книг, и хотя мы редко виделись с Л.А., но знали о жизни друг друга. Когда решался вопрос о моей аспирантуре – очной или заочной, Л.А. вновь защищал мои интересы вместе с Д.П. Ванчиновым. Но очную аспирантуру отдали Д.М. Туган-Барановскому, у которого была какая-то бумага из министерства.

С сентября 1962 г. я несколько месяцев работала в читальном зале № 4 библиотеки, а с декабря стала работать непосредственно под началом В.А. Артисевич ответственным секретарем Саратовского отделения Общества советско-чехословацкой дружбы (ОСЧД), председателем которого она была. Работа была интересной, но и сложной. Приходилось организовывать отделения общества на предприятиях, в учреждениях, искать и привлекать активистов, взаимодействовать с различными органами от районной до областной власти.

Нужно было быть в курсе событий в Чехословакии. Приходилось учить чешский и словацкие языки, так как нужно было делать переводы писем, газетных сообщений. Два раза в год проводились

неделя (в мае) и месячник (в декабре) советско-чехословацкой дружбы, «приступы», как шутил библиотечный фотограф В.П. Черешнев. В эти дни проводились торжественные вечера, концерты, выставки, встречи с сотрудниками посольства ЧССР в Москве, различными делегациями из Чехословакии, группами туристов, постоянно публиковались различные материалы в местной прессе, проводились радио- и телепередачи. Существовала целая картотека организаций и активистов ОСЧД, которые на общественных началах проводили огромную просветительскую и воспитательную работу. Зарплату получала только я, да помогал массовый отдел библиотеки. Но, видимо, было что-то, что привлекало разных людей – и интеллигентов, и рабочих, участников освобождения Чехословакии во Второй мировой войне. Подробнее я написала об этом очерк в книге о В.А. Артисевич «Библиотечная легенда».

Одиннадцать лучших лет моей жизни были положены на алтарь советско-чехословацкой дружбы. Но я была старшим библиотекарем по должности, были у меня и библиотечные обязанности: участие в санитарных днях, разборка архива В.А. Артисевич. По пятницам я ряд лет работала в комиссии по списанию устаревшей литературы, помогала массовому отделу (я числилась их сотрудником), а в 1969 г. мне пришлось ехать в Москву принимать наследство – библиотеку профессора Д.А. Рамзаева.

Д.А. Рамзаев до Великой Отечественной войны был какое-то время ректором СГУ, географ по образованию, уехал в Москву, видимо, был хорошим лектором, страстным собирателем книг. И вот по завещанию после его смерти НБ СГУ должна была получить книги и деньги, которые предназначались на поощрения студентов, занимающихся научной работой и выступающих с докладами на конференциях.

В сентябре 1969 г. в Москву поехали В.А. Артисевич, П.А. Супоницкая, К.М. Сквирская, но доверенность выдали на меня, рассчитывая, что я помоложе и пооперативнее.

Квартира Д.А. Рамзаева на Ново-Басманной улице (напротив издательства «Детская литература») была опечатана, пришлось вызвать нотариуса, милицию, а затем начать опись имущества. В завещании говорилось о 70 тыс. томов, но мы могли только метром измерить длину полок и, зная количественные нормы расстановки книг, производить подсчет. Количество оказалось значительно меньше, чем рассчитывал Д.А. Рамзаев. Какого-либо каталога не имелось. Книги были везде, казалось, что квартира состоит из маленьких комнат-клетушек, позже мы поняли, что была небольшая комната для жилья, а огромную комнату он стеллажами поделил на

клетушки. Когда некуда было поставить новые книги, прибивались новые полки из досок, иногда гвозди пробивали переплеты стоящих книг. Хозяин был пожилым человеком, поэтому все было покрыто пылью. Пришлось чистить. Первую небольшую комнату мы приспособили для работы. <...> Начали знакомиться с книгами. Одна из клетушек содержала редкие издания, была библиотека энциклопедий, книги по искусству. Остальное – художественная литература и географические научно-популярные издания. Как выяснилось, Д.А. Рамзаев в последние годы собирал книги по принципу: купить определенное количество книг в день, неделю, месяц. Продавцы, видимо, пользовались этим и подсовывали ему то, что у него уже было куплено. Получалась большая экзemplярность. В прихожей были кучей свалены подшивки газет.

Через пару дней появились родственники: сын, инвалид Великой Отечественной войны, алкоголик, его дядя – майор милиции из Энгельса, их доверенное лицо, какой-то адвокат, с кем мне и пришлось потом воевать за наши права. Навестил нас сотрудник Центрального Банка СССР Б. Суханов, друг Рамзаева, бывший саратовец. Осмотрев первую комнату, он сказал нам, что в буфете красного дерева было много ценной посуды, но остался лишь один бокал венецианской работы (он был разбит). Мы и сами видели, что родственники во время похорон забрали то, что им показалось ценным. Так, везде была копирка и лента от пишущей машинки, а самой машинки не было.

Затем появилась жена Рамзаева, горбатенькая женщина. Он женился на ней за несколько дней до смерти и из-за свадебного стола попал в больницу. Она сообщила, что уговаривала его передать библиотеку при жизни, сделать ремонт и пожить хорошо, спокойно. Думается, что разговор был другим, судя по тому, как от мусорки она забрала выброшенные нами бутылки с олифой и др.

Видимо, она потребовала продать библиотеку, он разволновался и попал в больницу. Когда-то она была его аспиранткой, жила в Малаховке, но, став кандидатом наук, так и не смогла перебраться в Москву, вот и решила под конец жизни хоть так решить свои квартирные проблемы. И что интересно, по закону ей были обязаны предоставить жилье. Квартиру Рамзаева она не получила, но однокомнатную квартиру Мосгорисполком ей выделил.

С ней явился ее племянник, который, как она говорила, жил у Д.А. Рамзаева зимой, когда тот болел. Молодой человек, видимо, хорошо был знаком с библиотекой, хотя Рамзаев был очень осторожным, боялся, что его ограбят, поэтому в большую комнату никого не пускал. И, видимо, только после похорон племянник успел из

«отдела редких» что-то унести, так как там одна полка пустовала. Думаю, что он украл том «Женщина» из прекрасно иллюстрированного дореволюционного издания «Женщина. Мужчина. Семья» (не помню точного названия). Мы не сразу поняли, что нас хотят обворовать, но последние два тома ему унести не удалось, мы оказались бдительными. Кто-то из них пытался украсть у нас даже мыло. Это было уже совсем комично, его приготовили унести, завернули в газету, но я подняла шум, мы нашли сверток.

Сыну Рамзаева, как инвалиду Великой Отечественной войны, мы должны были отдать 1/3 имущества, несмотря на завещание. Как человек пьющий (это не современный бомж, а прекрасно одетый человек), был очень добрый, думающий только о сегодняшнем дне. Он жил не со своей семьей, а с какой-то другой женщиной, но когда встал вопрос о наследстве, то появилась и первая семья и все стали с него что-то требовать. Мы ничего не имели против него и хотели взять только книги. Но нас не интересовали подписные издания, даже 90-томник Л. Толстого мы не хотели брать, так как его библиотека только приобрела.

Конечно, на первом плане у нас были интересы библиотеки. Так, И.Д. Рамзаев все просил отдать ему «Потерянный и возвращенный рай» Д. Мильтона с рисунками Г. Дорэ (огромный фолиант), говоря, что это книга его детства. Я отказала, объяснив, что в библиотеке ее увидят многие.

Самое трудное было решить, что мы берем, что оставляем. Ведь нужно было вывезти эти книги. Помогло нам то, что квартира находилась рядом с каким-то засекреченным институтом (охрана – молодые люди в гражданской одежде), они были заинтересованы в квартире под общежитие для охраны и потому нам помогали. Начальник охраны, майор, вел переговоры со своим начальством. Университет оплатил, и нам без очереди выделили два контейнера и дали молодых людей для их погрузки. В момент погрузки приходилось следить, чтобы что-то не украли из книг водители и любопытствующие соседи.

С И.Д. Рамзаевым мы составляли акт о том, что оставили ему мебель, картины, книги, дорогие напольные часы в футляре красного дерева. Для библиотеки мы взяли только скульптуру французского моряка (хранится в комнате МБА).

После возвращения в Саратов я написала отчет о поездке, но нужно было провести работу по второй части завещания – получить деньги. Работа растянулась на весь 1970 г. (розыск вкладов, уточнение их, открытие специального счета, чтобы деньги эти не утонули

в общих деньгах университета, получение разрешения министерства финансов на это).

Была какая-то путаница: то нам говорили, что 1/3 должна быть отдана сыну, то выяснилось, что ему денег библиотека не должна отдавать. Только в апреле 1971 г. на счет стали поступать средства Д.А. Рамзаева, их оказалось 35 тысяч рублей, по тем временам приличная сумма, по его завещанию денег хватило бы на вручение 70-ти премий. Неожиданно в июле 1971 г. И.Д. Рамзаев вызвал нас в суд Кировского района. Как оказалось, он захотел получить облигации, которые хранились в библиотеке. Я выговорила его адвокату, что и без суда мы вернули бы ему облигации, тем более что по ним еще денег не возвращали, да и сумма там была небольшая – что-то около 300 рублей. Облигации отдали И.Д. Рамзаеву. Так закончилась история с получением библиотеки Рамзаева. А вот чистка книг, мытье переплетов, дезинфекция продолжались очень долго. Когда я была аспиранткой, то напомнила ученому секретарю библиотеки о деньгах Рамзаева. На всех факультетах проходили юбилейные конференции (к 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции или какой-то другой дате), я тоже выступила, надеясь, что вдруг мне дадут премию (бедной аспирантке деньги не помешали бы), но нет, никто не вспомнил.

Работа в библиотеке стала привычной, появлялось чувство неудовлетворенности: многое повторялось, теряло остроту. Да и встречи с историками – преподавателями, однокурсниками, которые уже стали доцентами, разговоры о научной работе наводили на мысль, что надо что-то менять в жизни. Семья была не против. Муж, закончив к этому времени Всесоюзный институт кинематографии (ВГИК), работал главным редактором кинопроизводства, дочь уже пошла в школу.

В 1973 г. я пришла работать зав. кабинетом кафедры истории КПСС в Саратовский мединститут. Были сданы кандидатские экзамены по философии и иностранному языку, нужно было определиться с темой. Когда я работала в ОСЧД, А.И. Озолин предлагал мне заняться историей Словацкого национального восстания 1944 г., но я подумала, что нужны ли дополнительные трудности с архивами, языком и так далее. В.Б. Островский предлагал тему по историографии, но я побоялась, что не справлюсь.

Когда профессор Д.П. Ванчинов (мы с ним встречались на заседаниях парткома СГУ, так как я была секретарем партбюро библиотеки) выяснил, что я «рвусь» в науку, а в университете писала диплом под руководством Э.Э. Герштейн о саратовском заводе «Серп и молот» в годы Великой Отечественной войны, то предложил себя в

качестве научного руководителя, но оговорил, что публикации затруднены, работа в архивах сложна, аспирантура заочная. Но я была счастлива, что буду заниматься тем, что мне интересно и свято для меня. С октября 1977 г. я стала заочной аспиранткой, каждый отпуск и еще аспирантский месяц работала в московских архивах, а зимой – в саратовских архивах. Собирать материал было трудно, так как имела лишь 4-ю степень допуска. На 1977/78 учебный год была переведена в очную аспирантуру.

Работа над диссертацией была сложной и увлекательной. Считаю, что самое необходимое, трудное и интересное в работе историка – это работа в архивах. Там видишь через документы человеческие судьбы, события и факты – суть времени. Документы для моей диссертации – это подвиг тружеников тыла во имя Победы, это самоотверженность, мобилизация и духовных, и физических сил, на пределе возможностей или выше их. Познакомилась со многими историками: Л.В. Храмковым (Самара), И.М. Ионенко (Казань), генерал-директором Саратовского авиационного завода в годы войны И.С. Левиным, летчиком Б.Н. Ереминым. Все знаковые фигуры, одни – творцы Победы, другие – ее летописцы. Рассказы мамы и ее сестры о бытовой стороне жизни военного Саратова – все заставляло преодолевать преграды: неопытность, нехватку времени, сложности с использованием архивных данных и писать, писать... Думаю, что любовь к математике помогла не утонуть в фактах, выстроить структуру, увидеть закономерности, выделить особенности, сделать выводы и наметить перспективы исследования. В октябре 1979 г. я защитила кандидатскую диссертацию по теме «Социалистическое соревнование в промышленности и на транспорте Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Защита проходила в докторском совете истфака СГУ.

Авторское тщеславие привело к тому, что, работая позже в Ленинской библиотеке в Москве, я захотела увидеть свою диссертацию, посмотреть, как она себя чувствует на новом месте. Я еле разыскала ее, думаю, что ни один историк не встретился с ней, ибо мои дорогие сотрудники НБ СГУ зашифровали ее, как работу по экономике. Нужно было дать название «Из истории социалистического соревнования...». Ни Д.П. Ванчинов, ни я не подумали об этом.

После защиты продолжала работать ассистентом (для мединститута это было обычным, так, доктор наук А.И. Темников работал в должности ассистента). В 1981 г. ушла работать в пединститут на кафедру истории КПСС на должность старшего преподавателя, потом стала доцентом.

В пединституте работала на разных факультетах: спортивном, музыкальном, иностранном, естествознания, а затем многие годы – только на факультете педагогики начального образования и физико-математическом. Много раз участвовала в различных научных конференциях по истории Великой Отечественной войны, по вопросам непрерывного образования (конференцию проводило ЮНЕСКО), по методике преподавания. Эти конференции проходили во Владимире, Волгограде, Казани, Калуге, Москве (2 раза), Пензе, Самаре, Стерлитамаке, Суздале, Улан-Удэ, Челябинске, Элисте. Поездки всегда были интересны, давали импульс к какой-то новой работе. Хотя не могу сказать, что моя научная судьба удалась. Специалист по отечественной истории, я работала на кафедрах истории КПСС. И хотя Д.П. Ванчинов приглашал меня на истфак, я не решилась, посчитала, что не смогу преодолеть временной разрыв и не смогу встать в один уровень с другими преподавателями. Интересно, что Э.Э. Герштейн всегда нам в пример ставила В.А. Василева, а Д.П. Ванчинов – В.В. Васькина.

Не случайно большинство моих публикаций вышло в Куйбышеве, где обо мне помнил мой оппонент Л.В. Храмков, а саратовские отечественные историки обычно забывали пригласить в очередной сборник. С Л.В. Храмковым и его семьей мы до сих пор поддерживаем дружеские отношения. И, конечно, до конца моих дней я буду всегда помнить и мысленно благодарить Д.П. Ванчинова, который не знал меня как студентку, но рискнул и взял меня в аспирантуру. Его требовательность и военная пунктуальность, четкость в работе помогли мне, которая так надолго была оторвана от исторической литературы работой в ОСЧД, имела семью, ребенка, преодолеть все трудности, защитить диссертацию и кое-что сделать в науке. Думаю, что свою благодарность как-то отразила в статье о нем, написанной в соавторстве В.Н. Даниловым и Ю.В. Зверевым, опубликованной в 1997 г. в Самаре, а затем в 2000 г. в материалах IX краеведческих чтений в Саратове.

За всю свою преподавательскую жизнь только раз ездила в 1986 г. на повышение квалификации в Ленинград, убедилась, что отстаю от нового преподавания, так как дома постоянно следила за новыми публикациями. С пользой проводила время – экскурсии, театры, концерты, выставки – каждый день, без выходных. Когда после пяти месяцев вернулась домой, долго не могла привыкнуть к обычной саратовской жизни.

Изменения в стране привели к тому, что вместо истории КПСС мы стали преподавать политическую историю, затем историю Российской цивилизации, историю Отечества, сейчас отечественную историю и историю края. Когда эти изменения начались, Л.А. Дербов спросил меня: не сложно ли мне перейти к отечественной истории. Я даже засмеялась: я никогда с ней не расставалась. Дома у нас обширная библиотека, много новых на-

учно-популярных изданий, что для студентов-неисториков вполне достаточно. Понимая, что нельзя повторять школьные учебники, для своих студентов я написала авторский курс по эволюции политической системы Российского государства и его преподавала, так как времени на курс было мало: один семестр на двенадцать веков. Вот и выбрала я только социально-экономический аспект отечественной истории, чтобы как-то подготовить студентов к изучению на старших курсах политологии.

В сентябре 1999 г. историки пединститута оказались в составе истфака СГУ, год я числилась на кафедре истории России, которую возглавил Н.А. Троицкий, работая в пединституте. Затем была создана кафедра истории Российской цивилизации под руководством И.Р. Плеве, где я еще год проработала. Количество часов на преподавание курса было увеличено до двух семестров, я написала заново лекции по советскому периоду, но стала тяжела нагрузка в 950 часов, где все часы аудиторные. Решила уйти и в 2001 г. уволилась.

Родной педфак пригласил работать на внебюджетной основе со студентами-заочниками на четверть ставки. Согласилась, работаю и считаю своей главной задачей пробудить в студентах интерес к отечественной истории. Пусть порой не знают каких-то дат, не очень разбираются в новых концепциях и подходах, но должен возникнуть интерес к истории края и России. Историками им не быть, будут патриотами.

Награждена различными грамотами облисполкома и горисполкома Совета народных депутатов, Министерства образования России, юбилейной медалью «50 лет КПЧ» (Коммунистические партии Чехословакии), знаком «Победитель социалистического соревнования 1978 г.», медалью «Ветеран труда». Опубликовала 65 различных статей. Но главной своей работой считаю последнее учебное пособие, опубликованное в соавторстве с Н.В. Попковой, «История Отечества в полотнах российских художников», работа, зеленую улицу которой определил Л.А. Дербов. Очень жаль, что по небрежности издателей с ее титульного листа исчезло посвящение его памяти. Надеюсь, что каждый, кто познакомится с этой публикацией, узнает что-то новое, неизвестное для себя ранее.

Ни дочь, ни внуки не выбрали нашу с мужем дорогу историков, но, может быть, это и хорошо: трудна эта дорога. Без истории они все равно не живут, так как весь дом наполнен книгами, они их читают. И очень переживают (это было с дочерью, теперь с внуками), когда по истории получают «четверки». Считают, что нам с дедом это неприятно. А мы только улыбаемся: не самая плохая оценка!

Ноябрь 2004 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баранов Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Нового, Новейшего времени и международных отношений ИИиМО Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Булыгина Тамара Александровна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории России Ставропольского государственного университета.

Быкова Валерия Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент (1999–2001) Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Галямичев Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средних веков ИИиМО Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Гладышев Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Нового, Новейшего времени и международных отношений ИИиМО Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Донин Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры экономической и политической истории России Саратовского государственного социально-экономического университета.

Касович Александр Андреевич, студент 4-го курса ИИиМО Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Луконин Дмитрий Евгеньевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры туризма и социально-культурного сервиса ИИиМО Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Майорова Алла Степановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ИИиМО Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Малов Николай Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, региональной истории и археологии ИИиМО Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Миронов Сергей Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории литературы Педагогического института Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Павлова Лариса Сергеевна, главный библиотекарь отдела редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки им. В.А. Артисевич СГУ.

Синицын Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира ИИиМО Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Соломонов Владимир Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ИИиМО Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Степанов Юрий Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, культурологии и политологии Саратовского аграрного государственного университета им. Н.И. Вавилова.

Хасин Владимир Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества в новейшее время ИИиМО Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук юридического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

СПИСОК АББРЕВІАТУР И СОКРАЩЕНИЙ

ІФЛНУ – Історичний факультет Львівського національного університету імені Івана Франка (1940–2000). Ювілейна книга / Упорядники О. Вінниченко і О. Целуйко. Відповідальний за випуск Р. Шуст. Львів, 2000.

АВЕС – Археология Восточно-Европейской степи. Саратов.

АДЛУ – Археологічні дослідження Львівського університету.

АЛНУ – Архів Львівського національного університету імені І. Франка.

АМА – Античный мир и археология. Саратов.

БК – Борьба классов. Москва.

ВДИ – Вестник древней истории. Москва.

Вестн. РАН – Вестник Российской академии наук. Москва.

Вестн. МГУ – Вестник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

ВИ – Вопросы истории. Москва.

ВЛДУ – Вісник Львівського ордена Леніна державного університету імені Івана Франка. Серія історична.

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры.

ГАНИСО – Государственный архив новейшей истории Саратовской области.

ГАСО – Государственный архив Саратовской области.

ДАЛО – Державний архів Львівської області.

ЗНБ СГУ. ОРиРК – Зональная научная библиотека имени В.А. Артисевич СГУ. Отдел рукописей и редких книг.

ИА – Исторический архив. Москва.

ИЖ – Исторический журнал. Москва.

Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. – Известия Саратовского университета. Новая серия. Саратов.

ИИиМО – Институт истории и международных отношений СГУ.

ИИМК – Институт истории материальной культуры.

НЗЛДУ – Наукові записки Львівського державного університету імені Івана Франка. Серія історична. Львів.

НиНИ – Новая и новейшая история. Москва.

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел.

ОА – Отечественные архивы. Москва.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

РМГ – Русская музыкальная газета.

СА – Советская археология. Москва.

СГ – Советское государство. Москва.
СГУ – Саратовский государственный университет имени
Н.Г. Чернышевского.
СОМК – Саратовский областной музей краеведения.
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
ОР СПбГК – Отдел рукописей Санкт-Петербургской государственной консерватории.
СПб ИИ РАН – Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук.
СЭ – Советская этнография. Москва.
СЮВ – Сибирский юридический вестник.
ЦГИА – Центральный государственный исторический архив
г. Санкт-Петербурга.

Научное издание

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 1

Под редакцией *А.В. Гладышева*

Ответственный за выпуск *Д.Е. Луконин*

Редактор *Е.А. Митенёва*

Технический редактор *Л.В. Агальцова*

Корректор *А.Л. Шибанова*

Оригинал-макет подготовил *Л.В. Ланник*

Обложку подготовил *А.И. Жемков*

Подписано в печать 11.07.2010. Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Бук Антиква. Печать RISO.

Усл. печ. л. 16,51(17,75) Уч.-изд. л. 16,14. Тираж 300 экз. Заказ 17.

Издательство Саратовского университета.

410012, Саратов, Астраханская, 83.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК